

УО «Брестский государственный технический университет»
Научно-исследовательская лаборатория по социокультурным
проблемам пограничья
Российский центр науки и культуры в г. Бресте
Республиканское общественное объединение
«Русское общество»

**ЭТНОСЫ И СУДЬБЫ В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ
Ф. И. ТЮТЧЕВА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
(к 220-летию со дня рождения)**

Брест
«Альтернатива»
2023

УДК 821.161.1.09(092)+929Тютчев

ББК 83.3(2Рос=Рус)

Э 91

*Рекомендовано редакционно-издательским советом учреждения образования
«Брестский государственный технический университет»*

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор кафедры истории
белорусской литературы *А. И. Бельский*;

доктор философских наук, профессор, профессор кафедры
философских учений БНТУ *В. П. Старжинский*

Под редакцией

доктора педагогических наук, профессора кафедры лингвистических дисциплин
и межкультурных коммуникаций учреждения образования «Брестский
государственный технический университет», заведующей научно-
исследовательской лабораторией по социокультурным проблемам пограничья

М. П. Жигаловой

Этносы и судьбы в жизни и творчестве Ф. И. Тютчева: теория и
Э 91 практика : (к 220-летию со дня рождения) / под ред. М. П. Жигаловой. –
Брест : Альтернатива, 2023. – 380 с.

ISBN 978-985-521-802-0.

Авторы коллективной монографии, созданной учёными разных научных направлений (литературоведами и лингвистами, историками и философами, педагогами и психологами) и государств (Беларуси, Германии, Грузии, Польши, России, Румынии, США, Ирана, Украины и др.), всесторонне исследующими жизнь и творчество Ф. И. Тютчева, подтверждают значимость общечеловеческой, творческой и дипломатической деятельности поэта и дипломата Ф. И. Тютчева, которая была направлена на уважительное отношение к представителям разных национальностей и культур, на мирное развитие социокультурных процессов как в отдельно взятом государстве, так и в мире в целом, на сохранение и дальнейшее совершенствование морально-нравственных человеческих ценностей.

Статьи публикуются в авторской редакции и адресуются специалистам-литературоведам, педагогам, психологам, а также аспирантам, магистрантам студентам и учащимся.

УДК 821.161.1.09(092)+929Тютчев

ББК 83.3(2Рос=Рус)

ISBN 978-985-521-802-0

© УО «Брестский государственный технический университет», 2023

© Оформление. ЧПТУП «Издательство
Альтернатива», 2023

ПРЕДИСЛОВИЕ

Жигалова Мария Петровна (M. P. Zhigalova), доктор педагогических наук, действительный член Академии педагогических и социальных наук Российской Федерации, Заслуженный учитель Беларуси, заведующая научно-исследовательской лабораторией по социокультурным проблемам пограничья, профессор кафедры лингвистических дисциплин и межкультурных коммуникаций Брестского государственного технического университета (*Брест, Беларусь*); zhygalova@mail.ru. ORCID ID: 0000-0002-9406-8369

«ДА, ВЫ СДЕРЖАЛИ ВАШЕ СЛОВО...»

Коллективная монография, созданная учёными разных научных направлений (литературоведами и лингвистами, историками и философами, педагогами и психологами) из России, Беларуси, Румынии, Германии, Ирана, США, Грузии, ЛНР и др., всесторонне исследующими жизнь и творчество Ф. И. Тютчева, родившегося в России и прожившего более двадцати лет в Европе (Германия), владеющего многими иностранными языками (английским, французским, немецким и др.) и активно изучающего разные культуры, ещё раз подтверждает значимость общечеловеческой, творческой и дипломатической деятельности поэта и дипломата, которая была направлена на уважительное отношение к представителям разных национальностей и культур, на мирное развитие социокультурных

процессов как в отдельно взятом государстве, так и в мире в целом, на сохранение и дальнейшее совершенствование морально-нравственных ценностей.

Авторы статей данной коллективной монографии, многоаспектно исследовав жизнь и творчество Ф. И. Тютчева, российского и западноевропейского социума, попытались показать его как поэта, дипломата, «живого отпечатка русского ума, русской души» (Андреев А. Н., Жигалова С. В., Койнова-Цельнер Ю. В., Левчук З. С., Синельникова Л. Н., Созинова И. В.); отмечая и его служебную и дипломатическую деятельность (Наумчик В. Н., Свирид А. Н., Жигалова В. В.); интерпретацию творчества Ф. И. Тютчева в «малом» и «большом времени» (Асташова Н. А., Гарипова Г. Т., Юхнова И. С.); обозначить место и роль человека в мире «в минуты роковые» его истории и проанализировать философию и психологию жизни, её отражение в творчестве Ф. И. Тютчева (Жигалова М. П., Королёва В. В., Попова А., Морозикова И. В.), показать значимость социокультурных процессов, пленительной русской природы (Ковынева И. А., Веревкина Ю. В., Маслова В. А., Рачевский С. Г., Чагайда Ю. Н.) и отдельных людей и судеб в истории народов, жизни и творчестве поэта. Интересно исследованы и лингвистические аспекты в творчестве Ф. И. Тютчева (Габдулхаков В. Ф., Борсук Н. М., Косых Е. А., Левонюк А. Е., Сичинава Н. Г., Юдкин-Рипун И. Н.); проблемы осмысления и изучения жизни и творчества Ф. И. Тютчева в современном поликультурном пространстве школ и вузов (Бузина С. В., Захарчук А., Корнейчик Л. В., Маранцман Е. К., Статкевич Е. В.). Отмечена роль творчества Ф. И. Тютчева во всемирном литературном процессе, показаны взаимосвязи и контакты (Матусевич Е. Н., Демидович Т. А., Лиокумович Т. Б., Мельникова З. П., Рачевский С. Г., Годуйко Л. А.), а также то, как этносы, нации, люди и судьбы, отражённые в творчестве русского поэта, представлены в творчестве славянских художников слова (русских, белорусских, украинских) и не только, даны в переводах произведений Тютчева на грузинский, белорусский, фарси (Сичинава Н. Г., Борсук Н. Н., Яхьялур Марзие, Карими-Мотаххар Джанолах, Токарев Г. В.), и как лирические образы воспринимаются современными читателями в разных государствах. Авторы статей обозначили также и пути решения Ф. И. Тютчевым сложных проблем межнационального общения в современном мире.

Читатель, знакомясь с материалами данной монографии, сможет убедиться в том, что проблемы, поднятые Ф. И. Тютчевым, актуальны и сегодня, так как всем своим творчеством, как поэтическим, так и дипломатическим, он подтверждает значимость человека в этом мире как части природы и социума, который должен заботиться о позитивной коммуникации и жить в гармонии. А это значит, он должен сохранять нравы и традиции этнической и общечеловеческой культуры, независимо от сложившихся жизненных обстоятельств, заниматься своим интеллектуальным развитием, формировать в себе чувства чести и совести, доброты и справедливости, любви к человеку, умении сдерживать данное слово, ибо на этих нравственных ценностях и держится наш мир.

РАЗДЕЛ 1. Ф. И. ТЮТЧЕВ – ПОЭТ, ДИПЛОМАТ, «ЖИВОЙ ОТПЕЧАТОК РУССКОГО УМА, РУССКОЙ ДУШИ»

Андреев Анатолий Николаевич (A.N. Andreev), доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и психологии профессионального образования ФГБОУ ВО МГУТУ им. К. Г. Разумовского (ПКУ), писатель (*Москва, Российская Федерация*) (*Moscow, Russian Federation*); Anandreev58@mail.ru

УДК 82-1:008

«РУССКАЯ ЗВЕЗДА», ИЛИ КОДЫ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ В ПОЭЗИИ Ф. И. ТЮТЧЕВА

Аннотация. В статье анализируется мировоззренческая позиция Ф. И. Тютчева, воплощенная в его поэтических текстах, которая так или иначе имеет отношение к смысловым и ценностным кодам русской цивилизации. Особое внимание в связи с этим уделяется оценке Тютчевым идеологического, духовного противостояния России и Запада. Русскому кредо *не в силе Бог, а в правде* противостоит кредо Запада: *не в правде Бог, а в силе*.

По мысли Тютчева, между Россией и Западом «лежит расстояние, отделяющее божественное от человеческого». Вот почему неизбежное противостояние цивилизаций воспринималось Тютчевым как аксиома.

Ключевые слова: Тютчев, коды цивилизации, Россия, Запад, протестантизм, православие.

«RUSSIAN STAR», OR CODES OF RUSSIAN CIVILIZATION IN THE POETRY OF F.I. TYUTCHEV

Annotation. The article analyzes the ideological position of F. I. Tyutchev, embodied in his poetic texts, which somehow relates to the semantic and value codes of Russian civilization. In this regard, special attention is paid to Tyutchev's assessment of the ideological and spiritual confrontation between Russia and the West. The Russian credo is not in the power of God, but in truth, the credo of the West stands: God is not in the truth, but in power. According to Tyutchev, between Russia and the West «there is a distance separating the divine from the human». That is why the inevitable confrontation of civilizations was perceived by Tyutchev as an axiom.

Keywords: Tyutchev, codes of civilization, Russia, the West, Protestantism, Orthodoxy.

Ф. И. Тютчев был умным человеком. Он умел видеть окружающий мир в сложных и противоречивых взаимосвязях, не теряя при том из виду главного, не смещая при этом мировоззренческий фокус на несущественное, второстепенное.

Сквозь призму главного видел и оценивал все остальное.

Это главная его характеристика как поэта, дипломата, аналитика культуры, патриота. Не знаю, стоит ли называть его мыслителем (в конце концов, ум – это дар, а не профессия), но когда он брался размышлять (в стихах, публицистических заметках или служебных записках, неважно), то неизменно делал это глубоко и основательно. Умный человек мыслит системно, у него все связано со всем, у него случайное обретает статус закономерного.

Позволим себе привести одно стихотворение («Когда дряхлеющие силы...»), которое отмечено несомненной печатью ума, что, с нашей точки зрения, не требует доказательств. Sapienti sat. Оно не про коды русской цивилизации, но оно поможет в них разобраться.

*Когда дряхлеющие силы
Нам начинают изменять
И мы должны, как старожилы,
Пришельцам новым место дать, –
Спаси тогда нас, добрый гений,
От малодушных укоризн,*

*От клеветы, от озлоблений
На изменяющую жизнь;
От чувства затаенной злости
На обновляющийся мир,
Где новые садятся гости
За уготованный им пир;
От желчи горького сознанья,
Что нас поток уж не несет
И что другие есть призванья,
Другие вызваны вперед;
Ото всего, что тем задорней,
Чем глубже крылось с давних пор, –
И старческой любви позорней
Сварливый старческий задор [1].*

Что это вообще: стихотворение или облеченное в стихотворную форму рассуждение? Так или иначе перед нами мудрый взгляд на человека, на его силу и слабости. Надо глубоко разбираться в природе человека, чтобы так трезво оценить его возможности. И надо искусно владеть словом, чтобы так изысканно точно акцентировать нюансы.

Смещение фокуса поэтического мировидения с мироощущения на миропонимание, с ощущений на аналитику, с чувств на умные чувства делает поэзию Тютчева умной. Не чувства сами по себе, а *нравственная природа чувства* – вот что волнует поэта-мыслителя. Как говорится, почувствуйте разницу.

Когнитивный потенциал русской поэзии со времен ее «золотого века» постепенно перестал быть актуальным (по разным причинам), но поэзию Тютчева следует воспринимать именно в философском, мировоззренческом контексте.

Это чрезвычайно важно, когда мы обращаемся к такой трудноуловимой и одновременно сложной материи, как коды русской цивилизации. К разговору об этой «материи» надо быть готовым. Тютчев был русским, носителем русской цивилизации, но при этом являлся тончайшим знатоком Европы, прожив в Германии всю свою молодость (с 1822 до 1844 года). Он находился на службе в русском посольстве в Баварии, где и постиг лучшие, самые привлекательные стороны европейской жизни, европейского способа существования.

Он был блестящим переводчиком величайших европейцев (Гете, Шиллера, Гейне, Шеллинга), он кружил голову знатным немкам, и его салон в Мюнхене имел большую популярность среди своего европейского окружения.

И он действительно любил Европу – вот что имеет значение. Тем важнее оценка сущности европейскости из уст этого умного русского, который был также поэтом и дипломатом.

Пожалуй, самое известное, самое хлесткое, самое принципиальное и пугающее своей жесткой реалистичностью стихотворение «Напрасный труд – нет, их не вразумишь ...». Они – это европейцы, вы (мы) – русские.

*Напрасный труд – нет, их не вразумишь.
Чем либеральной, тем они пошлее,
Цивилизация – для них фетиши,
Но недоступна им ее идея.
Как перед ней ни гнитесь, господа,
Вам не снискать признанья от Европы:
В ее глазах вы будете всегда
Не слуги просвещения, а холопы [2].*

В чем причина фатальной несовместимости «их» и «нас»?

Здесь нет никакой мистики, никаких чудес. Причина кроется в том, что цивилизованным людям, европейцам, недоступна *идея* цивилизации, христианской, конечно, цивилизации; *не в правде Бог, а в силе*: вот их тайное кредо. Правда (идея, нечто нематериальное) для них пустой звук; они ценят и уважают только силу («железо и кровь»). Для них быть цивилизованным означает не быть культурным. Они делают ставку не на культуру, а на натуру. Именно из того корня, между прочим, родилось вначале ницшеанство, которое впоследствии стало философско-идеологической платформой фашизма.

Кто это понимает, тот никогда не будет искать «признанья» Европы. Напрасный труд. Мы там чужие не по крови, не потому, что мы не Европа (мы-то как раз Европа, ведущая свою культурную родословную от Древней Греции и Византии); мы там чужие по духу, ибо мы полагаем, что *не в силе Бог, а в правде*.

Это не просто мнение поэта и дипломата, который, кстати, был женат на знатной немке; это фрагмент его «картины мира». Это мировоззренческая позиция.

У Тютчева нет трактата, в котором системно изложены взгляды на политику, нравственность, природу человека, добро, зло – в котором представлена картина мира. Есть отдельные заметки, высказывания, стихи. Однако определенность и выразительность его «высказываний» такова, что позволяет расценивать их именно как фрагменты определенной теории.

Самым популярным на тему «они – мы» является, конечно, хрестоматийное четверостишие:

*Умом – Россию не понять,
Аршином общим не измерить.
У ней особенная стать –
В Россию можно только верить [3].*

В контексте цивилизационного противостояния следует точно расставлять смысловые акценты: *их* умом (по сути – интеллектом, а не умом) Россию не понять, *их* аршином («общим» для *них*) не измерить; «особенная статья» России (правду, идею, культуру ценим выше силы) позволяет ей надеяться и верить, что есть сила выше «железной силы». Иначе говоря, Россию можно понять умом, а не интеллектом. В стихотворении «Два единства», невероятно актуальным в наше время, это выражено предельно ясно.

*Из переполненной Господним гневом чаши
Кровь льется через край, и Запад тонет в ней –
Кровь хлынет и на вас, друзья и братья наши –
Славянский мир, сомкнись тесней...
«Единство, – возвестил оракул наших дней, –
Быть может спяно железом лишь и кровью...»
Но мы попробуем спясть его любовью –
А там увидим, что прочней... [4]*

С одной стороны – сила, железо, кровь, война; с другой – вера и любовь. С одной стороны, код их цивилизации (*не в правде Бог, а в силе*); с другой – код нашей цивилизации: *не в силе Бог, а в правде*.

По поводу их ставки на силу, на Природу, на ницшеанского сверхчеловека, на фашизм у Тютчева есть убийственное «замечание» («Природа – Сфинкс. И тем она верней...»).

*Природа – Сфинкс. И тем она верней
Своим искусом губит человека,
Что, может статься, никакой от века
Загадки нет и не было у ней [5].*

Человек как существо природное, психофизиологическое не представляет особой загадки. Загадка начинается там, где человек вырывается за пределы природы – выказывает способность любить и верить, почитая это высшей – божественной – ценностью. Вот почему православные русские говорят *с нами Бог* (мы выбираем Божественное начало). У протестантов, как известно, иной Бог, который *любит богатых*, то есть сильных.

Две разных установки, два разных цивилизационных кода.

И все же культурная легитимность русского цивилизационного кода не в том, что мы верим наперекор уму, вопреки уму, не считаясь с доводами рассудка. Это все из области мифов о русской цивилизации. Мы вовсе не культивируем иррациональность в противовес их рациональности. В стихотворении «К портрету государственного канцлера, князя А.М. Горчакова» находим точный диагноз:

*«Не изменяй себе, великая Россия!
Не верь, не верь чужим, родимый край,
Их ложной мудрости иль наглým их обманам,
И как святой Кирилл, и ты не покидай
Великого служения Славянам»... [6]*

Их «ум» есть «ложная мудрость», то есть она представляет собой некий усеченный ум, интеллект, если быть точным, который не способен воспринимать мир во всей его противоречивой сложности. Наш ум способен, их – нет. Вот почему мы верим и любим, а они – нет: потому что мы умнее.

Мы умнее, чем они: таков подлинный посыл умного Тютчева. Они, европейцы, ненавидят Россию, как варвары – цивилизацию. Вчитаемся в отрывок из стихотворения «Славянам» («Привет вам задушевный, братья...»):

*Хотя враждебно судьбиной
И были мы разлучены,
Но все же мы народ единый,
Единой матери сыны;*

*Но все же братья мы родные.
Вот, вот что ненавидят в нас:
Вам не прощается Россия,
России не прощают вас! [7]*

Нас ненавидят за то, что мы черпаем силу в правде, а они – в железе. Нас ненавидят как феномен цивилизации: нам не прощается наша близость к Богу – вот что уловил Тютчев.

При этом Тютчев, к сожалению, романтизировал «славянское братство»; он, очевидно, полагал что «русский дух» присущ всем славянам. Однако многие славяне (чехи, поляки) давно уже на стороне врагов славянства. Единство «западного духа» оказалось сильнее этнического единства (славянского племени), что вполне закономерно. «К портрету государственного канцлера, князя А. М. Горчакова»:

*В те дни кроваво-роковые,
Когда, прервав борьбу свою,
В ножны вложила меч Россия –
Свой меч, иззубренный в бою, –
Он Волей призван был верховной
Стоять на страже, – и он стал –
И бой упорный, бой неровный –
Один – с Европой продолжал.
И вот двенадцать лет уж длится
Упорный поединок тот –
Иноплеменный мир дивится,
Но Русь легко его поймет.
Он, первый, угадал в чем дело, –
И им, впервые, Русский Дух
Союзной силой признан смело –
И вот венец его заслуг. [8]*

Принято считать (вслед за Александром III), что у России нет союзников, кроме армии и флота. Тютчев гораздо глубже смотрит на соотношение сил в геополитическом и цивилизационном противостоянии. Главный союзник России, главная Союзная сила –

Русский Дух. Это очень точно сказано: Тютчев верно указал на главный цивилизационный ресурс России.

Неизбежное противостояние цивилизаций воспринималось Тютчевым как аксиома, как данность, не подлежащая сомнению. Вследствие этого он иногда позволял себе шуточный тон, как, например, в басенной зарисовке «Британский леопард...». Вроде бы шарж, почти агитка. Но это не шарж и не пасквиль – это культурологический этюд, который, опять же, словно про наше время.

*Британский леопард
За что на нас сердит?
И машет все хвостом,
И гневно так рычит?
Откуда поднялась внезапная тревога?
Чем провинились мы?
Тем, что, в глуби зашед
Степи средиземной,
Наш северный медведь –
Земляк наш всероссийский –
От права своего не хочет отказаться
Себя оборонять, подчас и огрызаться
В угоду же друзьям своим
Не хочет перед миром
Каким-то быть отшельником-факиром;
И миру показать и всем воочию,
Всем гадинам степным
На снесь предать всю плоть свою.
Нет, этому не быть! – и поднял лапу...
Вот этим леопард и был так рассержен.
«Ах, грубиян! Ах, он нахал! –
Наш лев сердито зарычал. –
Как, он, простой медведь, и хочет защищаться
В присутствии моем, и лапу поднимать,
И даже огрызаться!
Пожалуй, это дойдет до того,*

*Что он вообразит, что есть <и> у него
Такие же права,
Как у меня, сиятельного льва...
Нельзя же допустить такого баловства!» [9]*

Почему Тютчев так актуален сегодня?

Потому что он постиг главное: нам не прощают и никогда не простят нашу цивилизационную установку, делающую нас лидерами цивилизации мировой. Главный ресурс человека мы видим в идее, а не в «инклюзивном капитализме» (то есть, по сути в неокOLONIALИЗМЕ, где, кто силен – тот и прав). Мы верим в духовную силу и мощь человека, они – нет. Мы всегда будем для них «простым северным медведем», «холопами просвещения», изгоями, ошибкой природы – в конечном счете, *людьми не от мира сего*. Отсюда пафос стихотворения «Наш век» [10].

*Не плоть, а дух растлился в наши дни,
И человек отчаянно тоскует...
Он к свету рвется из ночной тени
И, свет обретши, ропщет и бунтует.
Безверием палим и иссушен,
Невыносимое он днесь выносит...
И сознает свою погибель он,
И жаждет веры – но о ней не просит...
Не скажет век, с молитвой и слезой,
Как ни скорбит перед замкнутой дверью:
«Впусти меня! – Я верю, Боже мой!
Приди на помощь моему неверью!...»*

Что делать в подобной экзистенциальной ситуации? Противостояние – не наш выбор, его нам навязывают «сиятельные львы», возмнившие себя царями вселенной, и иже с ними. Остается «бой упорный, бой неровный». А там увидим, чья возьмет. Как завет поэта воспринимаются такие строки («Ты долго ль будешь за туманом...»):

*Ты долго ль будешь за туманом
Скрываться, Русская звезда,
Или оптическим обманом
Ты обличишься навсегда?*

*Ужель, навстречу жадным взорам,
К тебе стремящимся в ночи,
Пустым и ложным метеором
Твои рассыплются лучи?
Все гуще мрак, все пуще горе,
Все неминуемей беда –
Взгляни, чей флаг там гибнет в море,
Проснись – теперь иль никогда. [11]*

Отметим, что не столько сама Россия, сколько противостояние России и Запада (мы и они) было предметом размышлений Тютчева. Точнее, «философия истории», которая пытается соотнести природу человека и социума. В письме доктору Густаву Кольбу, редактору «Всеобщей газеты», Тютчев пишет: «О России много говорят; в наши дни она стала предметом жгучего, беспокойного любопытства. Очевидно, что она сделалась одной из самых больших забот нынешнего века; однако следует признать, что эта забота, заметно отличаясь от других волнующих наше время проблем, скорее угнетает, нежели возбуждает современную мысль... Иначе и быть не могло: современная мысль, дитя Запада, видит в России если и не враждебную, то совсем чуждую и не зависящую от нее стихию. Она как будто боится изменить самой себе и подвергнуть сомнению собственную законность, если придется признать совершенно законным вставший перед нею вопрос, серьезно и добросовестно осознать и разрешить его... Что такое Россия? Каков смысл ее пребывания в мире, в чем ее исторический закон? Откуда пришла она? Куда идет? Что представляет собою? На земле, правда, ей предоставлено место под солнцем, однако философия истории еще не соблаговолила найти его для нее» [12].

В ответах на поставленные им самим вопросы Ф. И. Тютчев чрезвычайно близко подошел к тому пределу, к которому подошла сегодняшняя антропологическая и культурологическая мысль в России. Тютчев точно диагностировал природу кардинальных, непреодолимых различий Запада и России: это различия *«между двумя мирами, между двумя, так сказать, человечествами, пошедшими под двумя разными знаменами»*. Вот ход рассуждений Тютчева («Римский вопрос» [13]): «Скоро исполнится восемь веков с того дня, как Рим разорвал последнее звено, связывавшее его с

православным преданием вселенской Церкви. Создавая себе в тот день отдельную судьбу, он на многие века определил и судьбу Запада.

Догматические различия, отделяющие Рим от православной Церкви, известны всем. С точки зрения человеческого разума эти различия, вполне обосновывая разделение, не объясняют в достаточной степени образовавшейся пропасти – не между двумя Церквями, ибо Вселенская Церковь Одна, но между двумя мирами, между двумя, так сказать, человечествами, пошедшими под двумя разными знаменами.

Отмеченные различия не совсем объясняют, как произошедшее тогда отклонение с истинного пути должно было со всей необходимостью привести к наблюдаемому нами сегодня результату.

Иисус Христос сказал: «Царство Мое не от мира сего». Следовательно, нужно понять, как Рим, отпав от Единства, счел себя вправе ради собственного интереса, отождествленного им с интересом самого христианства, устроить Царство Христово как царство мира сего.

Мы хорошо знаем, как очень трудно, среди западных идей и понятий, придать этому слову его законное значение; всегда будет оставаться соблазн толковать его не в православном, но в протестантском смысле. А между этими двумя смыслами лежит расстояние, отделяющее божественное от человеческого» [13].

Прокомментируем основную концептуальную мысль Тютчева. Между «смыслами» (цивилизационными кодами) России и Запада *«лежит расстояние, отделяющее божественное от человеческого»*. Лежит пропасть, ни больше ни меньше. Почему единая некогда Европа разделилась на два полярно противоположных «царства»?

Основная проблема культурного кода – отношение к человеку. Человек для мира или мир для человека? Человек со своими невероятными ресурсами поставлен в центр мироздания или внешние по отношению к человеку силы, контролирующие его ресурсы?

Наделен ли человек свойствами субъекта в мироздании или ему отведена роль объекта манипуляций?

Ключевым в нашем понимании является следующий посыл Иисуса Христа. Иисус сказал: Царство мое не от мира сего (Иоанн 18.36).

Позволим себе трактовать это следующим образом, в актуальном для нас *персоноцентрическом и православном* ключе. Человек – это

единое целое, состоящее из двух противоположных «царств»: сферы духовной (культурной), где царствуют разум и Правда, той сферы, что «не от мира сего», – и сферы телесно-психологической, природной, где Сила выше Правды, той сферы, что «от мира сего», от мира материального.

На что ориентироваться: на концепцию человека духовного («не от мира сего») или человека телесного («от мира сего»)? В нашей терминологии: на личность или индивид?

Если мы принимаем сторону Иисуса Христа, то идем за ним, «в царство разума и Правды», которое подчиняет себе законы природы; если мы принимаем сторону человека бездуховного, ставящего «дух» ниже «плоти» (ниже *потребления*, как сказали бы сегодня), то мы идем по пути протестантизма, по пути Запада.

«Религией успешности», религией потребительского отношения к жизни стал протестантизм. Запад пошел не за Христом. Запад выбрал не человека, а контроль над ресурсами человека.

Все, что дали человеку философия и Христос, Запад у человека отобрал.

Протестанты все, что «от мира сего», ставят выше того, что «не от мира сего». «Бог любит богатых» (то есть успешных): таково теологическое, моральное и просто бытовое обоснование *индивидуализма*.

Мы верим, что божественное, культурное начало в человеке сильнее природного, они не верят. Между нами пропасть. При этом они нас (а не мы их) решили уничтожить – просто в силу того, что считают себя выше в пищевой цепочке («сиятельный лев» против «простого медведя»). Для них мир – пищевая цепочка, где сильный пожирает слабого (так индивид с помощью интеллекта воспринимает реальность); для нас мир несводим к пищевой цепочке, он имеет иное – божественное – измерение (так личность с помощью ума воспринимает реальность).

Универсальность или, напротив, ущербность культурного кода проявляется с течением исторического времени. Наш код доказал свою научно-культурную состоятельность. Он оказался и универсальным (открытым иным цивилизациям), и уникальным. На его основе оказалось возможно построить перспективную картину мира, которая, в принципе, устраивает всех и каждого. Приоритет

духовного (культурного) начала в человеке над началом докультурным – реальность сегодняшнего времени, нравится это кому-то или нет. С этим приходится считаться всем. Не хлебом единым жив человек, а всем исходящим из Уст Божьих живет человек (Второзаконие 8.3) – это аксиома.

У И. Канта это выражено иначе. Приведем популярную аранжировку категорического императива Канта: «Человек всегда должен быть целью и никогда – средством». Это высший принцип нравственности. Соответственно, высший принцип безнравственности гласит: человека всегда следует рассматривать как средство и никогда как цель. Запад всегда рассматривает человека как средство. В принципе, это все, что необходимо знать о западной ментальности. Именно об этом – афористично, лаконично – писал Ф. И. Тютчев.

Культурный код еще не картина мира, но он является тем семантическим облаком-ядром, без которого картина мира не может появиться. Путем своеобразной кристаллизации культурный код превращается в картину мира. Культурный код – это пракартина мира.

Именно поэтому мы считаем, что Ф. И. Тютчев, несомненно, внес свою лепту в создание культурного кода русской цивилизации. Он многое угадал, предугадал, предвидел. К сожалению, он не ошибся.

Список использованной литературы:

1. Ф. И. Тютчев. Полное собрание сочинений и писем в шести томах. – М. : Издательский центр «Классика», 2003. Т. 2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://traumlibrary.ru/book/tyutchev-pss06-02/tyutchev-pss06-02.html>
2. Там же.
3. Там же.
4. Там же.
5. Там же.
6. Там же.
7. Там же.
8. Там же.
9. Там же.
10. Там же.
11. Там же.
12. Ф. И. Тютчев. Полное собрание сочинений и писем в шести томах. – М. : Издательский центр «Классика», 2003. Т. 3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://traumliHYPERLINK <https://traumlibrary.ru/book/tyutchev-pss06-03/tyutchev-pss06-03.html> bHYPERLINK <https://traumlibrary.ru/book/tyutchev-pss06-03/tyutchev-pss06-03.html>rary.ru/book/tyutchev-pss06-03/tyutchev-pss06-03.html>
13. Там же.

Асташова Надежда Александровна (N. A. Astashova), заведующая кафедрой педагогики, доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского» (г. Брянск, Российская Федерация) (*Bryansk, Russian Federation*); nadezda.astashova@yandex.ru

УДК 370

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ НАСЛЕДИЯ Ф. И. ТЮТЧЕВА КАК ОРИЕНТИР НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ БУДУЩЕГО УЧИТЕЛЯ

Аннотация. В статье представлено творческое наследие Ф. И. Тютчева, оно включает стихи, генерирующие новые идеи, учит понимать других людей, слышать их мнение, помогает найти свой внутренний голос. Стихи Ф. И. Тютчева рассматриваются с аксиологических позиций, они могут быть основой нравственного воспитания будущего учителя, а диалоговая технология может быть инструментом педагогической деятельности.

Ключевые слова: Ф. И. Тютчев, стихотворения, аксиологические основы педагогического образования, художественные ценности, нравственное воспитание будущего учителя.

THE AXIOLOGICAL POTENTIAL OF F. I. TYUTCHEV'S LEGACY AS A GUIDELINE FOR THE MORAL EDUCATION OF A FUTURE TEACHER

Annotation. The article presents the creative heritage of F.I. Tyutchev, it includes poems that generate new ideas, teaches to understand other people, hear their opinions, helps to find your inner voice. F.I. Tyutchev's poems are considered from axiological positions, they can be the basis of the moral education of a future teacher, and dialog technology can be a tool of pedagogical activity.

Keywords: F.I. Tyutchev, poems, axiological foundations of pedagogical education, artistic values, moral education of the future teacher

«Ценностный взгляд» на мир в современных условиях является одним из приоритетных в определении отношения человека к окружающей действительности, к системе отечественной культуры, образованию и, конечно же, к особенностям развития человека, его творчеству и самореализации. Особую роль в нравственном воспитании будущего учителя может играть формирование ценностных ориентаций специалиста гуманитарной сферы, влияющее на серьезные изменения содержания и технологий профессионального развития. Это напрямую связано с тем, что ценности в жизни человека выступают в роли специфической призмы, преломляющей те или иные социокультурные процессы.

Современные студенты – народ оригинальный, у них присутствует желание быть свободными, творческими, духовно богатыми. Между тем, духовная сфера – это один из самых сложных компонентов личностной структуры. Духовность – особое внутренне состояние, в котором представлена гармония умственных и нравственных сил человека. Это первооснова творческой самореализации личности, от которой зависит глубина и неповторимость содержания ее отношений и деятельности.

Есть убеждение в том, что личная и профессиональная деятельность современного учителя регулируется духовными ориентирами, которые определялись человечеством на основе попыток понять кто такой человек, в чем его предназначение, как он должен строить свои отношения с окружающим миром. В этом поиске был выстроен аксиологический ряд, включающий такие ценности, как *Родина, Свобода, Долг, Совесть, Добро, Любовь, Красота.*

Педагогическое образование в современных условиях является достаточно сложным явлением, предполагающим определение приоритетов и широкие экспериментальные поиски. И поскольку в настоящее время специальное внимание уделяется организации нравственного воспитания будущего учителя, то постараемся предложить и содержательную, и технологическую составляющие этого процесса.

Содержание нравственного воспитания будущего учителя

Нравственное воспитание будущего учителя – это процесс, определяющий деятельность и отношение человека к обществу, людям, самому себе. Речь идет о ценностных ориентирах, служащих отправной точкой для личностного роста. При этом особое значение имеют национальные ценности как своего рода истоки культуры народа, а в нашем случае – истоки духовности.

Национальные ценности представляют мудрость поколений, многогранность культуры и оригинальные традиции. В них ощущаются идеалы человека, значимые основы жизнедеятельности общества, возрождение интереса к своеобразие и самобытности отечественной культуры и образования.

Поэтическое творчество нашего земляка, выдающегося мыслителя, философа и поэта Федора Ивановича Тютчева содержательно может наполнить аксиологическую систему педагогического образования, предложить студентам своего рода языковые формулы, поднять уровень осмысления нашей культуры на новую высоту, показать особого рода красоту человеческих отношений.

Подчеркнем, что обращение к отечественной культуре, области прекрасного – поэзии Ф. И. Тютчева – дает возможность прикоснуться, прежде всего, к национальным ценностям, что способствует качественной организации нравственного воспитания будущего учителя, сохранению и воспроизведению духовной культуры народа.

Как известно, ядром культуры являются художественные ценности, воплощающие эстетические начала и стимулирующие эмоциональную сферу самосознания личности. Через художественные ценности возникает отношение к миру, человеку на основе гаммы чувств, вызванной произведениями искусства. Особую роль играют художественные ценности в процессе становления современного

учителя, поскольку в соприкосновении с искусством происходит обогащение профессионального опыта, восстановление жизненных сил и приобщение к культуре взаимоотношений. Подлинное искусство, акцентируя внимание на художественных ценностях, способствует совершенствованию духовного мира учителя, учит его сопереживать с автором его позиции, формирует поликультурную среду.

Художественная ценность обладает особым качеством, обозначаемым М. С. Каганом как «интегративный аксиологизм», который обусловлен сочетанием в ней *субъектной и объектной детерминант*. В качестве пояснения данного тезиса ученый предлагает следующие рассуждения.

1. «Носителем художественной ценности является *произведение искусства*, то есть некий фрагмент жизненной реальности, превращенный в *художественную реальность*...».

2. Это претворение жизненной реальности в вымышленную реальность «...обуславливает своеобразие художественной ценности как *ценности самого этого претворения*, то есть, *целостного эстетического анестетического осмысленного преобразования бытия*».

3. Само отношение к художественному произведению «...складывается из диалогической взаимосвязи двух ориентаций психики – на *осмысление жизненного содержания произведения* во всей полноте его нравственной, политической, религиозной, экзистенциальной, эстетической проблематики, и на *оценку эстетических качеств его форм*» [2, с. 130–131].

Таким образом, поэзия Ф. И. Тютчева – это уникальный мир художественных ценностей. Актуальность идей стихотворений поэта удивляет, вероятно, русская поэзия отражает глубинные пласты культуры и подразумевает включение духовности как основной характеристики русской культуры, веры и любви в качестве путеводных звезд в жизни каждого человека. Через творчество Ф. И. Тютчева проходит идея о том, что, если у человека отсутствует вера, то это рождает хаос в мыслях и в душе, стимулирует внутри человека сомнения в своих действиях, в себе самом. Поэтому Ф. И. Тютчев в своём поэтическом творчестве обращается к ценности веры, любви, природы; стремится к полному познанию мира, искусства и человека.

Стихотворение Ф. И. Тютчева «*Наш век*» является достаточно сложным для понимания, поскольку поэт пытается найти ответ на

вопрос о смысле жизни, о том, для чего человек приходит в этот мир, каким может быть его путь. Автор изначально заявляет о том, что «не плоть, а дух растлился в наши дни», иными словами, человек лишился духовной основы. И поэтому поэт представляет важные чувства – веру и любовь! Именно они способны двигать человека в жизни по формуле – вера – созидание в человеке его души.

Наш век

*Не плоть, а дух растлился в наши дни,
И человек отчаянно тоскует...
Он к свету рвется из ночной тени
И, свет обретши, ропщет и бунтует.
Безверием палим и иссушен,
Невыносимое он днесь выносит...
И сознает свою погибель он,
И жаждет веры... но о ней не просит...
Не скажет ввек, с молитвой и слезой,
Как ни скорбит перед замкнутой дверью:
«Впусти меня! – Я верю, Боже мой!
Приди на помощь моему неверью!..»*

1851

Стихотворение олицетворяет глубокую философскую лирику, в которой отражается идея о том, что человек должен верить хотя бы во что-то, видеть и чувствовать противостояние идеала и действительности.

В стихотворении достаточно критично оценивается и век, и современное поколение. Есть стремление к свету, но есть и особенное отношение к нему – своего рода бунт, вопли души.

В стихотворении выражено состояние внутренней дисгармонии, неудовлетворение собой и окружающим миром, роптание и замешательство.

Стихотворение Ф. И. Тютчева «*Эти бедные селенья*» (1855) представляет собой достаточно сложное в смысловом отношении произведение. Поэт подчеркивает такие характеристики родного края, как бедность, скудность природы, долготерпение. За всем этим стоит некий тайный свет, и это позволяет показать людей, которые живут на этой земле, получить что-то настоящее.

*Эти бедные селенья,
Эта скудная природа –
Край родной долготерпенья,
Край ты русского народа!
Не поймет и не заметит
Гордый взор иноплеменный,
Что сквозит и тайно светит
В нагоде твоей смиренной.
Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде Царь Небесный
Исходил, благословляя.*

1855

В этом стихотворении есть и другие знаки, например, невозможность гордым взором иноплеменным рассмотреть то главное, что тайно светит, разглядеть и почувствовать. А еще поэт отмечает, что жизнь, о которой написано в стихотворении, очень сложна, но она может закончиться встречей с Царем Небесным, который воплотился в простого человека и, преодолевая трудности, победил смерть через Крест. Вероятно, это сложный путь, который для России может стать выходом из непростой ситуации. При этом каждый человек должен понимать, что придется отдать все, чтобы получить благословение.

Русский пейзаж Ф. И. Тютчева, его стихотворение «*Есть в осени первоначальной*» – это вариант передачи красок самой прекрасной осенней поры, неуловимых мгновений хрупкости этого состояния («*весь день стоит как бы хрустальный*»). Удивляет умение автора показать мелочи, детали, в которых элементы пейзажа содержат ощущение умиротворения, красочные зарисовки изменений в природе.

*Есть в осени первоначальной
Короткая, но дивная пора –
Весь день стоит как бы хрустальный,
И лучезарны вечера...
Где бодрый серп гулял и падал колос,
Теперь уж пусто всё – простор везде, –
Лишь паутины тонкий волос
Блестит на праздной борозде.*

*Пустеет воздух, птиц не слышно боле,
Но далеко ещё до первых зимних бурь –
И льётся чистая и тёплая лазурь
На отдыхающее поле...*

1857

Стихотворение о дивной осенней поре передает чувства и ощущения средствами русского поэтического языка. В нем отражено особенное состояние природы, когда она замерла в красочном великолепии. И на этом фоне поэт обращает внимание на взаимосвязь человека и природы, подчеркивает особенности труда человека, выделяет главные линии смысла жизни.

В этом стихотворении, своего рода пейзажной зарисовке, очень сильным и прозрачным является эмоциональное начало, восхищение красотой природы.

Вершиной любовной лирики Ф. И. Тютчева по праву считается стихотворение «*Я встретил вас*». В нем ярко представлены мысли и чувства поэта, которые, казалось, были забыты, но, при встрече с *когда-то любимой им женщиной, вспыхнули вновь.*

*Я встретил вас – и все былое
В отжившем сердце ожило;
Я вспомнил время золотое –
И сердцу стало так тепло...
Как поздней осени порою
Бывают дни, бывает час,
Когда повеет вдруг весною
И что-то встрепенется в нас, –
Так, весь обвеян дуновеньем
Тех лет душевной полноты,
С давно забытым упоеньем
Смотрю на милые черты...
Как после вековой разлуки,
Гляжу на вас, как бы во сне, –
И вот – слышнее стали звуки,
Не умолкавшие во мне...*

*Тут не одно воспоминанье,
Тут жизнь заговорила вновь, –
И то же в вас очарованье,
И та ж в душе моей любовь!..*

1870

Смысл стихотворения выстроен в последовательных размышлениях поэта: встреча лирического героя с возлюбленной, с которой давно расстались; сравнение жизни поэта с осенью, а в условиях воспоминаний появление ощущения весны. Постепенное усиление нахлынувших чувств, воспоминаний... И наконец – вспыхнувшее чувство любви: «жизнь заговорила вновь».

В стихотворении отразились самые сокровенные чувства, разочарование и мечты поэта.

И все-таки главное в этом стихотворении – любовь, которая возникла как источник воспоминания, основа вдохновения. Это состояние, когда внутри что-то начинает накаляться и гореть, влиять на наши поступки и эмоциональное отношение к происходящему.

Исследователи творчества Ф. И. Тютчева охарактеризовали стихотворение «*Нам не дано предугадать*» как своеобразный поэтический афоризм, в котором роль слова в жизни человека представлена на уровне высокой ценности. Причем, слово – может дать силы человеку в решении самых сложных проблем, воодушевить. А может, будучи достаточно острым инструментом, включить разрушительную силу.

*Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется, –
И нам сочувствие дается,
Как нам дается благодать...*

1869

Ответственное отношение к словам и поступкам является основой для создания гармонии с самим собой, перспективных межличностных отношений, развития духовного начала.

Актуальность идеи стихотворения в современных условиях не вызывает сомнений, она заставляет задуматься над заявленной

проблемой; стимулирует развитие ответственности за каждое слово, понимание того, что происходящее в реальной жизни – необратимо.

Стихотворение призывает людей к проявлению гуманности и сдержанности, терпимости, такта и смирения.

Этот опус о духовно-нравственных ценностях, о бережном обращении со словом. Поэт обращает внимание на то, что с помощью мудрого слова можно сделать мир лучше.

Философское стихотворение Ф. И. Тютчева «Умом Россию не понять» (1866), содержание которого и уникальный смысл требуют детально разобраться в вопросе о том, что же такое Россия, в чем заключается особый русский путь развития, по каким законам он осуществляется, предполагает с любовью прикоснуться к внутренней силе России.

*Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать –
В Россию можно только верить.*

1866

В этом стихотворении удивляет все: тонкая работа со словом, которое отражает душу России, ее мысли, чувства и особый нрав. В этом проявляется национальный характер, умение действовать не по жестким требованиям, а по воле сердца. Начинаешь понимать идеи Ф. И. Тютчева об избранности России, о ее роли в истории и мировой политике.

Главное в этой стихотворной миниатюре – это вера в Россию, которая подается остро, образно и достаточно точно. Она представляется как резюме, кульминация стихотворения: «В Россию можно только верить!».

Вера в Россию – сложное состояние человека, в котором должно быть понимание того, что у России живая душа, она мыслит, удивляет, чувствует, показывает особый нрав. Россия – страна, имеющая национальную идею, которая проявляется в стремлении человека к духовному развитию. Это отражается в общечеловеческих ценностях истины, добра и красоты, в мыслях, эмоциях и действиях!

Подчеркнем, что, несмотря ни на что, Россия подарила миру ярких, талантливых, выдающихся людей, гениев, уникальных личностей. Именно Россия решала сложные мировые проблемы политики и духовной жизни. Россия, демонстрируя историческое своеобразие, поступая по велению сердца и показывая особый нрав, созидала духовную историю отечества! «В Россию можно только верить!». Без этого невозможно понять внутренние процессы, в которых рождаются, развиваются и проявляются ключевые идеи жизни в России. Без этого сложно понять внутренний мир человека.

Обращение к поэзии Ф. И. Тютчева, к стихотворениям, которые помогают услышать музыку языка, могут быть лекарством для души, проводником в глубинные процессы, объединяет нас с поэтом через временные и культурные границы. Содержание поэтического творчества Ф. И. Тютчева глубоко нравственно, оно включает стихи, генерирующие новые идеи, предоставляет каналы восприятия человеком окружающего мира, учит понимать других людей, слышать их мнение, помогает найти свой внутренний голос. Поэзия Ф. И. Тютчева – это портал в огромный мир культуры.

Технологические основы нравственного воспитания будущего учителя

Педагогическая деятельность в процессе подготовки будущего учителя может быть реализована как диалог – способ познания себя и окружающей действительности в условиях субъектно-смыслового общения. Именно диалог настроен на поиск смысла ценностей, понимание уникального наполнения стихотворной речи, обмен идеями собеседников. «В диалоге личность транслирует себя, свою уникальность и самобытность при условии адекватной самооценки, способности к полноценной самореализации, умении определять смысл явлений и предметов, быть критичным и т.п.» [1, с. 161].

Качество и результат работы со стихотворными формами зависят от типа используемого диалога. Например:

Таблица 1 – Характеристика типов диалога

<i>Тип диалога</i>		<i>Характеристика</i>
<i>духовный</i>		глубокое понимание сущности проблемы, высокий уровень культуры диалогического взаимодействия; широкий круг глубоко проникающих в мир личности истин;
<i>смысло-творческий</i>		поиск смыслов, определение системы индивидуальных ценностных ориентаций;
<i>рефлексивный</i>		оценка собственного потенциала и определение линии обратной связи «участники – ведущий»;
<i>мотивационный</i>		интерес к проблеме, возможно и к самой диалоговой технологии;
<i>самореализующий</i>		утверждение личности, полноценная самопрезентация и самовыражение.

Понятно, что в ситуации с философскими стихами Ф. И. Тютчева наиболее приемлем духовный диалог. Прежде всего потому, что по существу диалог строится на доверительных, глубоких отношениях; в центре диалога – духовно-нравственные ориентиры, художественные ценности. Диалог можно представить как основу определения внутренней природы стихотворения, особенностей творчества поэта, он включает такие инструменты, как голос совести, взвешенность в словах, терпение.

Обсуждение стихотворных произведений, да еще такого мастера, как Ф. И. Тютчев, требует воспитания сдержанности, использование приема «другодоминанты», который предполагает ставить акцент на собеседнике, будь это участник диалога, или автор стихотворения. «Если я отодвигаю себя на второй план, а на первый ставлю другого – не единственного, а каждого встретившегося мне человека, тогда у меня постепенно образуется «доминанта на другом» или «доминанта на собеседнике», как свойство личности и мировосприятия [3, с. 11].

Работая в условиях диалога, следует помнить о его особенностях, которые позволяют сделать диалогический процесс на уровне отношения общности между его участниками. Это предоставляет человеку возможность почувствовать единение и понять, что обсуждаемые вопросы можно рассматривать совместно, обмениваясь идеями и предлагая аргументы. Особенно перспективна такая особенность диалога, как субъективно переживаемая ситуация поиска смысла. Вероятно, каждый человек во всем хочет дойти до сути и ищет способы достичь желаемого.

Диалог предполагает филигранную работу с разного рода информацией. Причем, этот процесс должен опираться на широкий обмен имеющимися знаниями, знакомство со сведениями всех (или многих) участников, сосуществование разнообразных мнений по одной проблеме, поощрение разных подходов к одной и той же проблеме, возможность высказывать критические замечания, стимулирование поиска группового консенсуса и т.п.

Организационно диалоговая технология включает последовательность этапов, которые позволяют реализовать главные задачи: глубокий анализ проблемы, понимание ее ценностно-смыслового содержания, развитие диалоговой культуры.

Таблица 2 – Характеристика этапов реализации диалога [1, с. 161]

<i>Тип диалога</i>	<i>Характеристика</i>	
Вводный	Создание благоприятной эмоциональной и интеллектуальной атмосферы, актуализация необходимой информации, стимулирование ситуации интереса к проблеме.	
Основной	Диалог в разных модификациях: обсуждение вопросов в микрогруппах; выступление студента перед группой с заранее подготовленным сообщением; система вопросов (открытых, дивергентных, оценочных и др.), не предполагающих однозначных ответов; формулировка проблемы, глубокий анализ и размышление	

	над проблемой; вычленение «точек удивления» (С. Ю. Курганов); привлечение разнообразных источников информации; осмысление позиций; аргументированные выступления оппонентов; поиск путей решения проблемы и т.п.	
Итоговый, заключительный	Анализ и осмысление диалога с содержательной и процессуальной точек зрения. Рефлексия по поводу собственной работы. Выяснение успехов и неудач. Оценка психологической атмосферы во время работы, уровня реализации мыслительного потенциала. Определение возможных перспектив дальнейшей работы.	

Диалог требует от участников выполнения некоторых правил, которые позволят получить ожидаемый результат. В нашем случае – полноценный анализ поэтического текста, а возможно даже оригинальные характеристики творчества. Сформулируем правила проведения диалога:

- наличие позитивного настроения;
- уверенность в точности и глубине своих аргументов и доказательств;
- вера в себя;
- простое и понятное изложение своих мыслей;
- субъекты диалога обладают равными правами и возможностями предъявления своих взглядов;
- использование ресурсов эмоционального отношения к обсуждаемым вопросам
- уважительное отношение к участникам диалога.

В приобщении будущего учителя к нравственным ценностям особое место занимает *поэтическое творчество*. Это искусство связано со словом, с помощью которого отражается эмоциональное восприятие мира человеком, его нравственные чувства. Как правило, слово выражает непосредственный жизненный опыт людей, авторское отношение к происходящему, творческое кредо.

Поэзия Ф. И. Тютчева показывает определенное направление в решении сложных личных и профессиональных вопросов, и поскольку у талантливого русского поэта достаточно много стихотворений, в которых отражаются проблемы человека, его поиски смысла жизни, варианты разрешения жизненных коллизий, возможные взаимоотношения между людьми, то его творчество является уникальным, ярким и точным ориентиром нравственного воспитания будущего учителя.

Список использованной литературы:

1. Асташова, Н. А. Развитие аксиосферы будущих педагогов в условиях диалогового пространства образования. Монография. – Брянск : РИО БГУ; Изд-во «Белобережье», 2018. – 240 с.
2. Каган, М. С. Философская теория ценности / М. С. Каган; С.-Петерб. гос. ун-т, Акад. гуманитар. наук. – Санкт-Петербург : Петрополис, 1997. – 204 с.
3. Флоренская, Т. А. Мир дома твоего : человек в решении жизненных проблем / Т. А. Флоренская. – Москва : Русский Хронограф, 2009. – 478 с.

Жигалова Светлана Витальевна (Ś. Zygalowa), устный переводчик и преподаватель английского языка; бакалавр Варшавского университета института англистики (*Варшава, Польша*); (*Warszawa, Polen*); svestok.0309@gmail.com

УДК 82-1

ПОЛЬСКИЕ МОТИВЫ В ПОЭЗИИ Ф. И. ТЮТЧЕВА И ПЕРЕВОДАХ ЕГО СТИХОВ НА ПОЛЬСКИЙ ЯЗЫК

Аннотация. В статье представлены материалы изучения интернет-источников и статей, повествующих об отношении Ф. И. Тютчева к судьбе славянских народов вообще и польского в частности; даны переводы отдельных стихов поэта на польский язык, что помогает и польскоязычному читателю понять тютчевскую идею единения славянских народов.

Ключевые слова: Ф. И. Тютчев, польская тема, славяне, поэзия, читатель.

POLISH MOTIFS IN F.I.TYUTCHEV'S POETRY AND TRANSLATIONS OF HIS POEMS INTO POLISH

Annotation. The article presents the materials of studying Internet sources and articles telling about F. I. Tyutchev's attitude to the fate of Slavic peoples in general and Polish in particular; translations of individual poems of the poet into Polish are given, which helps the Polish-speaking reader to understand Tyutchev's idea of the unity of Slavic peoples.

Keywords: F. I. Tyutchev, Polish theme, Slavs, poetry, reader

В XIX веке одной из важных составляющих системы консолидации в социуме было глубокое осмысление судеб славянского мира и непростых ситуаций во взаимоотношениях между некоторыми из славянских народов и государств. Ф. И. Тютчев, подчёркивая особое восприятие России разными народами и культурами, пишет стихотворение «*Умом Россию не понять...*», переведённое и на польский язык (см. ниже), в котором говорит о некоей харизме, в которую «можно только верить», так как ни характер, ни психологию мышления, ни жизненную силу и веру, умом понять невозможно:

*Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать –
В Россию можно только верить.*

*Nie sposób pojąć jej rozumem,
Nie sposób zwykłą miarką mierzyć.
Ma w sobie tyle skrytej dumy,
Że w Rosję można tylko wierzyć.*

(Ryszard Łuźny)

Ф. И. Тютчев, мыслитель и дипломат, прожив 22 года в Европе, зная изнутри её достижения и проблемы, активно продвигает идеи славянского единства и братства, свято верит в них. Не остался в стороне и особенно актуальный тогда польский вопрос, который по замечанию И. С. Аксакова «... решался для Тютчева степенью верности польского народа славянской народности и славянским церковным, то есть восточным или вселенским преданиям» [3].

Так уже было дано историей, что чересчур близкие и тесные соседские контакты поляков и русских постоянно приводили к непониманию, приведя в итоге к тому затяжному и крайне болезненному для обеих сторон «домашнему, старому спору славян между собою» [3]. Так, 29 ноября 1830 года в Российской империи началось польское восстание, продолжавшееся до 21 октября 1831 года под лозунгом восстановления независимой исторической Речи Посполитой в границах 1772 года.

Отношение к России Ф. Тютчев, живя в Баварии, имел возможность наблюдать вблизи. Он видел и пессимистические настроения, преобладавшие в политических кругах на Западе. «Его уже тогда глубоко возмущала очевидная предвзятость общественного мнения в европейских странах, уделявшего все симпатии исключительно одной лишь польской стороне и не признававшего за Россией исторической правоты и даже законного права в этом вооруженном столкновении» [3]. На взятие Варшавы русскими войсками Паскевича в августе 1831 г. Тютчев отзывается патриотическим стихом *«Как дочь родную на закланье...»*, который заканчивается следующими словами: *Другая мысль, другая вера/У русских билася в груди!/Грозой спасительной примера/Державы целость соблюсти.*

Позже, в стихотворении *«От русского по прочтении отрывков, из лекций г-на Мицкевича»*, написанном 16 сентября 1842, поэт ещё раз призывает: *Воспрянь, разрозненное племя,/Совокупись в один Народ –/Воспрянь – не Польша, не Россия –/Воспрянь, Славянская Семья!*

Как мы понимаем, в исторической перспективе надежды Тютчева на единение славянских народов оказались завышенными, ввиду большей сложности и неоднозначности решения этого вопроса, чем представлялось ему это в тот исторический период. По мнению К. В. Ратникова и К. Е. Резвушкина [3], «Тютчев в полной мере оправдывал действия имперских властей, но делал это исходя вовсе не из какого бы то ни было великодержавного шовинизма, а руководствуясь близко к сердцу принимаемыми и ясно осознаваемыми государственными интересами России». Об этом пишет и В. А. Хорев: «Для государственника Федора Ивановича Тютчева <...> борьба российской монархии с Польшей была борьбой за сохранение целостности славянской державы, которой предопределена великая историческая миссия в Европе» [6, с. 49]. Именно эти мотивы и надежды на единение славянских народов отчетливо выражены в тютчевском стихотворении *«Как дочь родную на закланье...»*, которое мы упоминали выше: *Так мы над горестной Варшавой/Удар свершили роковой,/ Да купим сей ценой кровавой / России целость и покой!* [4, с. 120].

Но в победе России над Польшей его радовало вовсе не торжество грубой военной силы и политического деспотизма, о чем он совершенно откровенно и довольно смело, без обиняков сказал в

своих стихах: *Но прочь от нас венец бесславья, / Сплетенный рабскою рукой! / Не за коран самодержавья / Кровь русская лилась рекой!* [4, с. 120].

Тютчева воодушевляла идея обретения единства всех славянских народов, в том числе и поляков, под эгидой России как наиболее сильной, самостоятельной, духовно развитой и культурно просвещенной державы, имевшей благодаря этому безусловные исторические права на лидерство в славянском мире. Отчаянные попытки поляков восстать против русской власти воспринимались Ф. Тютчевым как недопустимый раскол, опрометчиво вносимый в общее славянское дело. Такие действия оценивались как абсолютно нетерпимые и заслуживающие справедливого осуждения, что и пришлось осуществить России: *Другая мысль, другая вера / У русских билася в груди. / Грозой спасительной примера / Державы целость соблюсти, / Славян родные поколенья / Под знамя русское собрать / И весть на подвиг просвещенья / Единомысленных, как рать* [4, с. 120].

И всё же идея славянского единения не подавляла полностью тех вольнолюбивых мотивов, которые были присущи польскому движению и вызывали внутреннее сочувствие молодого Тютчева. Он существенно переосмыслил и трансформировал лозунг повстанцев «За нашу и вашу свободу!», попытавшись, хотя бы умозрительно, разрешить трагическое противоборство русского и польского государств в отдаленной перспективе духовного объединения двух враждующих ныне народов в будущем общем союзе на основе кровного славянского родства: *Ты ж, братскою стрелой пронзенный, / Судеб свершаю приговор, / Ты пал, орел одноплеменный, / На очистительный костер! / Верь слову русского народа: / Твой пепл мы свято сбережем, / И наша общая свобода, / Как феникс, зародится в нем* [4, с. 120].

Несмотря на иллюзорность подобных ожиданий и чаяний, Тютчев вполне серьезно рассматривал потенциальную перспективу мирного завершения вековых польско-русских противоречий, о чем свидетельствуют его миролюбивые по своему духу и конструктивные по своей политической идее стихотворения. Неудивительно, что очень многие стихотворения Тютчева переведены на польский язык, например, стихотворение Ф. И. Тютчева «*К Ганке*»:

*Вековать ли нам в разлуке?
Не пора ль очнуться нам
И подать друг другу руки,
Нашим кровным и друзьям?*

*Веки мы слепцами были,
И, как жалкие слепцы,
Мы блуждали, мы бродили,
Разбрелись во все концы.*

*А случалось ли порою
Нам столкнуться как-нибудь –
Кровь не раз лилась рекою,
Меч терзал родную грудь.*

*И вражды безумной семя
Плод сторичный принесло:
Не одно погибло племя
Иль в чужбину отошло.*

*Иноверец, иноземец
Нас раздвинул, разломил:
Тех – обезьязычил немец,
Этих – турок осрамил.*

*Вот среди сей ночи темной,
Здесь, на пражских высотах,
Доблий муж рукою скромной
Засветил маяк впотьмах.*

*О, какими вдруг лучами
Озарилась все края!
Обличилась перед нами
Вся Славянская земля!*

*Горы, степи и поморья
День чудесный осиял,
От Невы до Черногорья,
От Карпатов за Урал.*

*Рассветает над Варшавой,
Киев очи отворил,
И с Москвой золотоголовой
Вышеград заговорил!*

*И наречий братских звуки
Вновь понятны стали нам, –
Наяву увидят внуки
То, что снилось отцам!*

Hance do Sztambucha

*Wiecznież żyć nam w rozłączeniu,
Czy nie pora nam się ocknąć
I uścisnąć w okamgnieniu
Ręce braci naszych mocno?*

*Setki lat jak ślepcy nędzni –
Bośmy byli zaślepieni,
Błąkaliśmy się – włóczędzy,
Ciągając w różne strony ziemi.*

*A gdy przyszło nam się zetknąć,
Tośmy wojowali wiecznie –
Lala się krew nasza rzeką,
Bratnie piersi cięły miecze.*

*I wrogości błędnej siemię
Plon stokrotny przynosiło –
Niejedno ginęło plemię
Albo na obczyźnie gniło.*

*Obcy rodem, cudzoziemiec
Nas rozdzielił, złamał, zdławił –
Jednych z nas oniemił Niemiec,
Innych Turczyn zaś znieśliwił.*

*Oto wśród tej nocy czarnej
Dzielny mąż pełen odwagi
Skromną ręką swą latarnię
Zapalił na wzgórzach Pragi.*

*O jakimż wnet światłami
Każdy kraj się opromienił
I odkryła się przed nami
Cała dał słowiańskiej ziemi.*

*Światłem piękny dzień rozchmurza
Stepy, morza, drogi w górach
Od Newy do Czarnogórza,
Od karpackich skał po Ural.*

*Oto nad Warszawą świta,
Kijów rozwarł oczy modre
I Wyszogród Moskwę wita
Złotogłową słowem dobrem.*

*I ojczystej mowy naszej
Pojęliśmy dźwięczność miłą.
Wnuk na jawie to zobaczy,
Co się ojcu ongi śniło!*

(F. Jude)

На страницах Интернета [1] можно обратить внимание на статью в «Литературной газете», № 12, 1958 и прочитать о том, что «...в Варшаве вышла новая книга переводов стихотворений Ф. Тютчева на польский язык. В книгу вошло около половины всего поэтического наследия Тютчева.

В новое издание вошли лучшие из старых переводов (Ю. Тувима, К. А. Яворского, Т. Стенпеского). К лучшим переводам сборника следует также отнести переводы редактора-составителя настоящей книги, талантливой поэтессы Анны Каменской. Особенно хорошо удались ей переводы любовной лирики поэта. Она хорошо справилась и с весьма трудной задачей – переводом коротких афористичных стихотворений Тютчева. Сборнику предпослана вступительная статья о жизни и творчестве поэта (авторы: А. Каменская и Я. Спевак). В этой статье много интересных мыслей и тонких наблюдений о художественном мастерстве Тютчева... В целом же новая книга –

свидетельство незаурядного поэтического мастерства польских переводчиков.

Но по-настоящему и глубоко дал возможность полякам познакомиться с его творчеством в 1989 году известный издатель польской книги стихотворений Тютчева [5], так как в книгу вошло около половины всего поэтического наследия Тютчева. Одно из них «Н. И. Кролю» [2]:

Ф. И. Тютчев «Н. И. Кролю»

*Сентябрь холодный бушевал,
С деревьев ржавый лист валился,
День потухающий дымился,
Сходила ночь, туман вставал.*

*И всё для сердца и для глаз
Так было холодно-бесцветно,
Так было грустно-безответно, —
Но чья-то песнь вдруг раздалась...*

*И вот, каким-то обаяньем,
Туман, свернувшись, улетел,
Небесный свод поглубел
И вновь подернулся сияньем...*

*И всё опять зазеленело,
Всё обратилось к весне...
И эта греза снилась мне,
Пока мне птичка ваша пела.*

Do N.I. Krola

*Miotał się wrzesień oszalały,
Z drzew wiatr listowie rdzawe strącał,
Dymił się dzień dogasający,
Noc nadchodziła, mgły wstawały.*

*Wszystko dla serca i dla oka
Tak było zimne, obojętne,
Pełne milczenia i tak smętne —
Wtem się rozległa pieśń z wysoka...*

*Nagle przez jakieś urzeczenie
Mgły się skłębily, uleciały,
Niebiosów stropy zblękitniały
I znowu je przebiegło lśnienie.*

*Zazieleniały wkoło drzewa,
Wszystko ku wiosnie się zwróciło...
To wszystko mi się zamarzyło,
Dopóki mi twój ptaszek śpiewał.*

(F. Jude)

И сегодня, с наступлением космической эры, мы видим и содргаемся от того, как начал рушиться славянский союз, и как эти события предвидел поэт:

*Небесный свод, горящий славою звездной,
Таинственно глядит из глубины, –
И мы плывем, пылающею бездной
Со всех сторон окружены.*

Таким образом, проанализировав только отдельные фрагменты жизни и творчества Ф. И. Тютчева, ознакомившись с некоторыми его стихами и их переводами на польский язык, можно сделать вывод, что польские мотивы в поэзии Ф. И. Тютчева, переводы его стихов на польский язык направлены на консолидацию и гармонию отношений представителей славянского вектора.

Список использованной литературы:

1. Литературная газета, № 12, 1958 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ru.wikisource.org/wiki>.
2. Переводы произведений Ф. И. Тютчева [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ruthenia.ru/tiutcheviana/publications/trans/krolu.html>.
3. Ратников К. В., Резвушкин К. Е. Польская тема в поэзии Тютчева [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://proza.ru/2020/10/18/922>
4. Тютчев, Ф. И. Полное собрание стихотворений / Ф. И. Тютчев. – Л. : Сов. писатель, 1987. – 448 с.
5. Fiodor Tiutczew, Sto wierszy, Wybor i poslowie Ryszard Luzny, Wroclaw – Warszawa – Krakow – Gdansk, Zakład Narodowy im. Ossolinskich – Wydawnictwo, 1989.
6. Хорев, В. А. Польша и поляки глазами русских литераторов: Имагологические очерки / В. А. Хорев. – М. : Индрик, 2005. – 232 с.

Койнова-Цёлнер Юлия Васильевна (Yu. Koinova-Zoellner), PhD, доцент Дрезденского технического университета (*г. Дрезден, Германия*) (*Dresden, Germany*); Julia.Koinova-Zoellner@tu-dresden.de

УДК 82.09

ПОЛИФОНΙΑ Ф. И. ТЮТЧЕВА

Аннотация. В статье обоснуется контекстуальный полифонизм в целях анализа наследия Ф. И. Тютчева, который позволяет как можно точно понять идеи, смыслы наследия, его самостоятельных и различных частей. Употребляемое сравнение творчества Тютчева с полифонией в данной статье имеет значение только образной аналогии, не больше, чем метафора. Но эта метафора наиболее точно отражает суть творческого наследия Тютчева: многоплановость и смысловое многоголосие, переход из одного смыслового контекста в другой, от мечты в реальность, от романтизма в плоскость прагматизма, космического хаоса непосредственно в плоскость реальности: «множественность не приведенных к одному идеологическому знаменателю центров – сознаний» (Бахтин, 1963; с. 22).

Ключевые слова: контекстуальный полифонизм, полифония, поэзия, политика, перевод, Ф. И. Тютчев, Германия, Россия, противоречие.

POLYPHONY BY F. I. TYUTCHEV

Annotation. The article argues contextual polyphonism to analyse the heritage of F.I. Tyutchev, which allows as accurately as possible to understand the ideas, meanings of the heritage, its independent and different parts. The comparison

of Tyutchev's work with polyphony that we use in this article has the meaning of a figurative analogy only, no more than a metaphor. However, this metaphor reflects most accurately the essence of Tyutchev's creative heritage: multiplicity and semantic polyphony, transition from one semantic context to another, from dream to reality, from romanticism to the plane of pragmatism, cosmic chaos directly to the plane of reality: «the multitude of centres - consciousnesses - that are not brought to one ideological denominator». (Bachtin, 1963, 22p.)

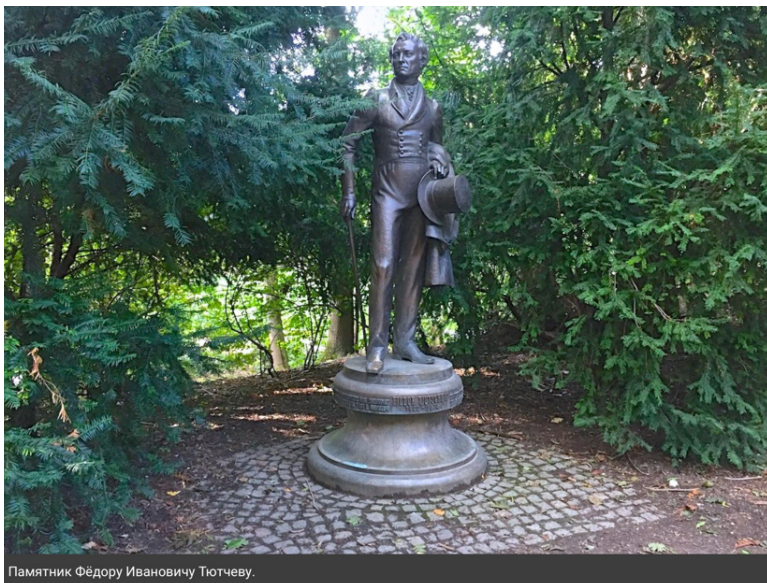
Keywords: contextual polyphony, polyphony, poetry, politics, translation, F.I. Tyutchev, Germany, Russia, controversy.

*«Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется...»
Ф. И. Тютчев (1869)*

Поэзия и политика были основными влечениями Ф.И. Тютчева, «этого величественного и простого, и такого глубоко настоящего умного старика», как охарактеризовал его Л. Толстой в своих письмах [Фет, 1890; с. 30].

О нём написано множество книг и статей, чтение которых убеждает о невозможности познания истинного таланта этого человека, в котором совмещались такие антиподы, как остроумный собеседник и чиновник, лирик и политик, поэт и философ, любящий муж и любовник.

В Мюнхене Федору Ивановичу Тютчеву установлен памятник рядом с памятником Г. Гейне. На основании статуи, изображающей Тютчева в рясе, шляпе и с тростью, высечена надпись на немецком и русском языках: «Он служил России как дипломат в Мюнхене и человечеству как поэт и философ».

Памятник Фёдору Ивановичу Тютчеву.

Надпись на пьедестале по-русски и по-немецки гласит:

«Он служил России в Мюнхене как дипломат, а человечеству как поэт и философ.»

Надпись на пьедестале памятника.

Вопрос был, есть и будет: кем Ф. И. Тютчев хотел остаться в вечности, написав строки: «Как сердцу высказать себя? Другому как понять тебя? Поймёт ли он чем ты живёшь?» («Silentium!», 1863).

Можно лишь предполагать, что самому Ф. И. Тютчеву больше всего хотелось быть влиятельным политиком, и поэзия была для него теньвым фоном, средством рефлексии событий в его жизни и его эмоционального состояния. Его стихи в пушкинском «Современнике» под заголовком «Стихи, присланные из Германии» были подписаны инициалами Ф.Т., и как описывал А. Фет встречу с Тютчевым, которому на тот момент было уже 64 года, «Федор Иванович болезненно сжимался при малейшем намеке на его поэтический дар, и никто не дерзал заводить с ним об этом речи» [Фет, 1890; с. 30]. Напротив, свои политические проекты он бесстрашно представлял не только высшим чиновникам министерства, но и лично самому царю.

По иронии судьбы, в России его почитают в первую очередь как поэта. Его поэтический дар отмечали целый ряд поистине великих писателей и поэтов: «...Мы решительно относим талант г. Ф. Т-ва к русским первостепенным поэтическим талантам.», так написал Н. Некрасов в 1849 году [Кожин, 1989; с. 344]. При этом, на протяжении всего XIX века поэт оставался малоизвестным в России, а его политические статьи и письма совсем были позабыты. В петербургском обществе, где он часто бывал после возвращения в Россию, его знали как автора остроумных и колких высказываний и лишь немногие знали, что он был поэтом. Он не был тщеславным и писал стихи больше для себя, чем для людей: «Тютчев – один из самых замечательных русских поэтов... Все его стихотворения написаны, как сказал бы Гёте, для определенных случаев, т.е. они не выдуманы, а выросли сами собой, как плод на дереве... Мы не можем, однако, пророчить Тютчеву популярность, да он и сам, вероятно, не стремится к ней. Его талант направлен не на толпу, и не от толпы он ждет откликов и похвал. Но он создал слова, которые никогда не умрут» [Тургенев, 1844–1854]. Причины своей мимозной застенчивости на публике он сам описал в стихотворении «Silentium!»: «Мысль изреченная есть ложь; Взрывая, возмутишь ключи: Питайся ими – и молчи» («Silentium!», 1863).

Сложно ответить на вопрос и потому, что наследие Тютчева противоречиво. Ф. И. Тютчев являет собой личность, в которой постоянно взаимодействовали нескольких порой противоречивых сознаний, из которых ни одно не стало до конца объектом другого.

Противоречие – основная характеристика его творчества и жизни, где кажется самое несовместимое необычным образом совмещалось:

- Он, выходец из России, стал своим в Западной Европе, которая уже оправилась от Французской революции и строила новое буржуазное общество.

- «Человек, всегда находившийся в курсе всех наиболее существенных новостей её политической и интеллектуальной жизни, ухитрился не заметить идущей там полным ходом промышленной революции» [Экштут, 2013; с. 9].

- По-европейски образованный гражданин мира, который более чем 22 года своей жизни провёл за границей и владеющий лучше французским и немецким, чем русским языками, выступал, однако, против немецкого влияния в России и мечтал о славянской Империи как альтернативы для Западной Европы.

- Он, который приветствовал свободу мысли и перевёл оду Шиллера «An die Freude», провозглашающую братство и свободу: «... Ты сближаешь без усилия всех разрозненных враждой, там, где ты раскинешь крылья, люди – братья меж собой. Обнимитесь, миллионы! Слейтесь в радости одной!», – служил более 20 лет в цензурном комитете по иностранным книгам в министерстве иностранных дел.

- Хотя в Германии Ф. Тютчева-поэта знали ещё меньше, чем в России, ценители его поэзии считали, что его поэзия немецкая: «Что касается внешнего выражения поэзии Тютчева, ... то прежде всего принять во внимание, что он воспитывался на образцах немецкой поэзии. Гейне, Ленау, Эйзендорф, отчасти Шиллер и, в очень сильной степени царь и бог немецкой поэзии Гёте – вот его главные учителя. Тютчев ценил Гюго, Ламартина, кое-кого из французов, но дух их поэзии, их «манера» были ему чужды. Поэзия Тютчева, в лучших своих созданиях, жива не метафорами и антитезами, как поэзия французская, но целостью замысла и певучестью строфы, как поэзия немецкая ...», писал Брюсов в 1913 году [Hellmann, 1948; с. 279]. Тютчев перевёл целый ряд немецких стихотворений на русский по просьбе других. Например, Гербель попросил его перевести стихотворение Шиллера «Фортуна и мудрость»: «С временщиком Фортуна в споре к убогой Мудрости летит...» (1857) и его балладу «Праздник победы». Он переводил произведения Гёте «Вильгельм

Мейстер»: «... Кто хочет миру чуждым быть, тот скоро будет чужд! Ах, людям есть кого любить, что им до наших нужд!» (1831). Он переводил стихи на русский язык, с немецкого и французского которые не оставили равнодушным его самого – как «продукты своего чтения», в числе таких много произведений Гейне «Сборник песен» (1827) «Путешествие из Мюнхена в Генуя» (1828), «Фауст» Гёте (1832) и т.д. Он переводил и писал на русском, создавая по теме автора, свою вариацию стихотворения, например, «Колумбус» Шиллера или «Саконтала» Гёте: «Что юный год даёт цветам? – Их девственный румянец. Что зрелый год даёт плодам? – Их царственный багрянец. ...» (1827) [Hellmann, 1948; с. 275–320].

• Стихотворение, столь всем известное, «Я встретил Вас» Тютчев посвятил любимой женщине-немке, баронессе Амалия Крюденер: «И то же в вас очарованье, и та ж в душе моей любовь!..». Тютчев дважды женился на женщинах-немках: первый раз на госпоже фон Петерсон, урожденной графине Ботмер, второй раз – на баронессе Дёрнгейм, урожденной баронессе Пфеффель. Он провёл много времени с немецкими учеными и поэтами, гостями Людвига I, и был депутатом немецкого парламента. Он часто встречался с философом-учёным Шеллингом и близко общался с поэтом Гейне, и годами не имел никакой связи с интеллектуальной Россией. Он находился под постоянным влиянием интеллектуальной Германии, и при этом, однако, он противостоял союзу России с Западной Европой, союзу с Германией. В 1848 г. Тютчев написал политическое стихотворение «Море и скала», в котором скала символизировала священную Россию, а море – европейскую революцию, бессильную, разбившуюся о скалу.

• Статью «Россия и Германия» он написал в Мюнхене, в 1844 году на французском языке. В своей статье он опротестует описание России, как бедной, и нищету русских людей, представленных в книге Де Кустин «Россия в 1839 году» [Harms, 1991; с. 8]. А в позднее сам воспекает в стихотворении скудность и бедность России: «Эти бедные селенья, эта скудная природа – край долготерпенья, край ты Русского народа...» [«Эти бедные селенья», 1855].

• Характерная черта поэта, отмечаемая его современниками, – воплощенное смирение, являемое им везде, где бы он ни был. «Отмечали они..., что у Тютчева не было врагов, и это при том, что поэт был в гуще самых яростных политических и идеологических споров. ...» [Пацюков, 2003; с. 9].

• Не практикующий православный христианин, он считал, что спасение заключено в вере во Христа, соединенной с праведным образом жизни. А отсутствие религиозной веры приводит к чудовищным, катастрофическим последствиям, хаосу в душе и во внешнем мире: «Не плоть, а дух растлился в наши дни. И человек отчаянно тоскует... И сознаёт свою погибель он, и жаждет веры ...» [«Наш век», 1851].

• Приезжая на родину, он восхищался нетронутой красотой мира в любую погоду и уделял большое внимание противоречию единства человека с природой. С одной стороны, человек – часть этого мира и должен жить в гармонии с ним, сливаться с физической природой: «В ней есть душа, в ней есть свобода, в ней есть любовь, в ней есть язык!» С другой стороны, человек – это совершенно неизвестный мир, полный хаоса, и такое слияние опасно: «...Лишь в нашей призрачной свободе разлад мы с нею сознаем...» [«Певучесть есть в морских волнах», 1865]. В своей рефлексии Тютчев подчёркивал силу природы, скрытую в человеке, и природы контекста, которые владеют человеком, и которые человек не в силах побороть: «О, как убийственно мы любим, как в буйной слепоте страстей, мы то всего вернее губим, что сердцу нашему милей» [«О, как убийственно мы любим», 1851].

• Вернувшись в 1844 году в Россию, он написал: «Итак, опять увиделся я с вами, места немилые, хоть и родные». Он скучал по Германии: «Я помню сердцу милый край...», что не помешало ему написать: «...Как перед ней ни гнитесь, господа, Вам не снискать признанья от Европы: В её глазах Вы будете всегда не слуги просвещения, а холопы...» [«Напрасный труд – нет, их не вразумишь», 1867]. Его монография «Россия и Запад» должна была быть монументальным документом, но осталась незавершённой.

Этот ряд противоречий можно продолжить. Эта его «множественность самостоятельных ролей и равноправных сознаний, которые сохраняя свою неслиянность» [Бахтин, 1963/2002; с. 10] в контексте событийности, представляют собой подлинную полифонию его наследия и жизни, ведь именно «собственная жизнь была его главным произведением – и он относился к ней так же легко и беззаботно, как к текстам своих стихов и их дальнейшей судьбе» [Экштут, 2013; с. 6].

В этом заключается поистине трудная задача, принять и понять в наследии Тютчева, трудность многоголосия слов и дел Тютчева, создать из многоголосия, из разнородных, и в то же время равноценных и философски наполненных материалов, единое и цельное художественное восприятие творца Тютчева, создать его полифонию. При этом полифония не представляется знаком удачной коммуникации, она может создаваться произвольно, что создаёт многоголосие или множество различных установок, создавая тексты различной формы: стихи, записки, письма, статьи, заметки. Поликонтекстуальность, как результат, тесно связана с различными ожиданиями читателей и ответственностью понять и принять или отвергнуть авторский текст.

Бахтин (1963) настаивал на том, что к человеку нельзя применить формулу тождества: «А есть А», то есть нельзя полагать нечто неизменное в человеке. Напротив, подлинная жизнь личности, подлинное «Я», возникает как раз в точке несовпадения человека с самим собой, как выражение человеческой «незавершенности» или с другими. Чтобы охватить личность в целом, пишет он, нужна позиция «внеаходимости»: «Я вижу мир, вижу других в мире, но не себя в мире... Я вхожу в мир как главное действующее лицо, я вызываю у других удивление, восхищение, испуг, любовь, вижу у других выражение этих отношений ко мне, но себя не вижу. Мы ловим отражения нашей жизни в сознании других людей» [Бахтин, 1963; с. 67].

Полифония Тютчева означает осмысление не только его стихов, статей, писем, но и актуализация максимально большего количества его поступков и особенностей индивидуальной жизни Тютчева, его отношения к жизни. Недаром, на памятнике Тютчеву в Мюнхене написано, что он философ.

Характерными чертами философских текстов Тютчева являются мотивы вечности, мироздания, происхождения жизни и сопротивление биполярных сил: порядок и хаос, свет и тьма, день и ночь. Подчас несовместимые смыслы и интонации стихов и статей Тютчева распределены между несколькими мирами и несколькими полноправными сознаниями, они не могут быть охарактеризованы как монолог. Они отражают не один горизонт, а несколько равноценных горизонтов, создавая единство полифонического творчества Тютчева.

Как бы разные системы отсчета объединяются здесь в сложном единстве картины мира и времени, здесь и там. Различные точки зрения отражают разнообразие оттенков противоположных мнений, которые существуют самостоятельно в одном же материале.

Таким образом, обращение автора к самому себе, о себе самом, к другим и о других, и о мире так же полномерно, как обычное авторское слово.

Всё наследие Тютчева глубоко своеобразно по глубине. Его материал очень своеобразный, его «героиней» была идея, мысль, которые он прорабатывал по-своему. Он оригинален в своей рефлексии. Мысль, как ответ на события, будь то прочитанная статья в газете или книга француза-путешественника, приобретает особый характер «идеи-чувства», «идеи-силы», и создает неповторимое своеобразие «идеи» – философии в письменном творчестве.

Необходимо отметить, что употребляемое сравнение творчества Тютчева с полифонией в данной статье имеет значение только образной аналогии, не больше, чем метафора. Но эта метафора наиболее точно отражает суть творческого наследия Тютчева: многоплановость и смысловое многоголосие, переход из одного смыслового контекста в другой, от мечты в реальность, от романтизма в плоскость прагматизма, космического хаоса непосредственно в плоскость реальности: «множественность не приведенных к одному идеологическому знаменателю центров – сознаний» [Бахтин, 1963; с. 22].

Наследие Тютчева на фоне актуального обострения отношений России и Европы, России и Запада не утратила своей педагогической актуальности. Он осуждает «обоготворение человека человеком... человеческую волю, возведённую в нечто абсолютное и державное, в закон верхний и безусловный» [Тарасов, 2006; с. 27–28], он отрицает насилие и варварство и противопоставляет их любви, и с этим трудно не согласиться.

Список использованной литературы:

1. Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского. – Москва, 2-е изд., 1963 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://fedordostoevsky.ru/pdf/bakhtin_ppd.pdf. – Дата доступа : 15.09.2023.
2. Кожин, В. В. Тютчев // История всемирной литературы в 9 томах. – Москва : Изд. Наука, 1989. Т. 6. – С. 344–349 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.ruthenia.ru/tiutcheviana/publications/iv1.html>. – Дата доступа : 15.09.2023.

3. Пацюков, В. В. Ф. И. Тютчев. Россия и Европа / В. В. Пацюков. – Москва : Изд. ПЦ, Художник и книга, 2003. – 223 с.
4. Полонский, А. Э. «Здесь Тютчев жил...». Русский поэт в Мюнхене / А. Э. Полонский. – Киев: Изд. КМЦ, «Поэзия», 2003. – 352 с.
5. Тарасов, Б. Н. : Историософия Ф. И. Тютчева в современном контексте / Б. Н. Тарасов. – Москва : Изд. Наука, 2006. – 158 с.
6. Тургенев, И. С. (1844–1854): Несколько слов о стихотворениях Ф. И. Тютчева. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Сочинения. Том 4. Повести и рассказы. Статьи и рецензии. 1844–1854 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : [https://ru.wikisource.org/wiki/Несколько_слов_о_стихотворениях_Ф._И._Тютчева_\(Тургенев\)/Версия_2](https://ru.wikisource.org/wiki/Несколько_слов_о_стихотворениях_Ф._И._Тютчева_(Тургенев)/Версия_2). – Дата доступа : 15.09.2023.
7. Тютчев, Ф. И. (1987) Полное собрание сочинений, серия: Библиотека поэта. – Ленинград : Советский писатель, 3-е изд. – 448 с.
8. Фет, А. А. (1890) Мои воспоминания [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://libclub.com/F/FetAA/FetAA-303-30.htm>. – Дата доступа : 5.09.2023.
9. Экштут, С. Тютчев. Тайный советник и камергер / С. Экштут. – Москва : Изд. Молодая гвардия, 2013. – 262 с.
10. Harms, M. Hsg. Fjodor Tjutschew. Russland und Der Westen. Politische Aufsätze. – Berlin: Verlag Ernst Kuhn, 1992. – 111с.
11. Hellmann, M. Deutsche Dichtung in russischer Übertragung. Shukowskij, Lermontow, Tjutschew. – Weimar: Hermann Böhlau.

Левчук Зинаида Степановна (Z. S. Levchuk), кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры педагогики Брестского государственного университета им. А. С. Пушкина (*г. Брест, Республика Беларусь*) (*Brest, Republic of Belarus*); liauchuk2020@mail.ru

Созинова Ирина Валентиновна (I. V. Sozinova), методист учебно-методического отдела по образованию Жабинковского исполнительного комитета (*г. Жабинка, Республика Беларусь*) (*Zhabinka, Republic of Belarus*)

**«РУССКАЯ ДУША» КАК ПРОЕКЦИЯ
ДУХОВНОСТИ НАРОДА
(НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА Ф. И. ТЮТЧЕВА)**

Аннотация. В статье представлен художественный мир Ф. Тютчева, в котором душа рассматривается как основа, ядро его поэзии. Образ души соотносится с идеями вечной жизни, вечного бытия и духовности человека. Проанализированы три модели художественного мира поэта, определяющие место души в мироздании, и показывающие эволюцию творчества поэта.

Ключевые слова: национальный характер, духовность, душа, мироздание, христианская аксиология.

**RUSSIAN SOUL AS A PROJECTION OF PEOPLE'S
SPIRITUALITY (ON THE EXAMPLE
OF F. TYUTCHEV'S WORK)**

Annotation. The article describes the world of F. Tyutchev's art with reference to the soul as the basis, or the core, of his poetry. The image of the soul is viewed in the light of eternal life, eternal existence and human spirituality. The author discusses three models of the poet's world of art that position the soul in the universe and demonstrate the evolution of F. Tyutchev's poetry.

Keywords: national character, spirituality, soul, universe, christian axiology.

Характер народа раскрывает характер его страны, а национальный характер в значительной мере определяет направление развития общества. Философ Н. О. Лосский, анализируя русский национальный характер, выделил следующие основные его черты: религиозность, свободолюбие, доброта, жесткость [1].

1. *Религиозность* – основная и наиболее глубокая черта русского народа. Н. О. Лосский связывал религиозность народа с исканием им абсолютной правды. Он отмечал, что русская идея есть христианская идея; на первом плане в ней – любовь к страдающим, жалость, внимание к отдельной личности.

2. К числу особенно ценных черт характера русского народа относится чуткое восприятие чужих душевных состояний. Отсюда стремление русского человека к живому общению друг с другом,

и даже с малознакомыми людьми. *Коммуникация* для славянского человека всегда была и есть средством его развития.

3. *Свободолюбие* русского народа – его исторически обусловленная черта характера. Издавна на Руси человек тянулся к свободе, к своей земле, к которой он был сильно привязан. Благодаря этим чертам характера русского человека стали образовываться объединения людей, которые стремились к свободе и независимости. В качестве примера служат объединения казачества. Люди уходили на новые территории и возводили там свои, независимые поселения. Будучи свободолюбивым и верующим, русский человек способен был на великие поступки. Стремление к свободе всегда помогало русскому человеку выстоять в условиях тяжелейших потрясений. Свободолюбие передавалось людям от их свободолюбивых предков.

4. *Доброта* как одна из существенных характеристик характера русского человека сопровождалась отсутствием злопамятности. Об этой черте русского характера высказался писатель Ф. Достоевский, который заметил, что русские люди долго ненавидеть не умеют. Ф. Достоевский в своих романах высоко ценил жалостливость русского народа, выражающуюся в том, что простой народ относился к преступникам, как к «несчастливым», и стремился облегчить их участь, хотя и считал их заслуживающими наказания. Такое поведение народа объяснял тем, что преступление есть следствие существовавшей порчи в душе человека и преступный акт есть проявление вонне этой порчи, само по себе представляющее «наказание» за отступление от добра.

5. Не лишен русский человек проявления *жесткости* как черты его характера. Русские люди были жестоки по своей судьбе, по своей истории, потому что умели выстоять в жестоких исторических условиях и умели побеждать.

В рассмотрении сущности русского национального характера философом Н. А. Бердяевым выделяется *противоречивость*, что проявилось, с одной стороны, в русском смиреннии, с другой стороны, – в необычайном русском самомнении. Н. А. Бердяев отмечал влияние русского национального характера на судьбу России: «*Россию почти невозможно сдвинуть с места, так она отяжелела, так инертна, так ленива ... так покорно мирится со своей жизнью*» [2].

Исходя из сказанного можно сделать вывод, что русский национальный характер имеет свои особенные черты, поэтому

русскому народу отведена особая миссия творца, созидателя. Проявление национального характера отражалось в поэтическом слове, что продемонстрировал великий русский поэт Ф. Тютчев.

Федор Тютчев жил в эпоху потрясений, происходящих как в России, так и в Европе. Эти потрясения взаимообуславливали развитие как России, так и Европы, и влияли на умы и настроения народа. Ф. И. Тютчев – поэт-лирик романтико-философского направления умело улавливал и передавал состояние души народа через поэтическое слово. Его понимание мира своеобразно: вселенная – это сочетание гармонии и хаоса. Лирический герой поэзии Ф. Тютчева – человек-философ, задающийся вопросом: в чем сущность человека, его бытия, какова его душа и особенность характера русского народа.

Образ души составляет ценностное ядро поэзии Ф. И. Тютчева, так как слово «душа» – одно из наиболее часто упоминаемых в творчестве поэта. Образ души для художественного мира поэта очень значим. Он в лирике Ф. И. Тютчева позволяет сформировать представление о художественном мире поэта в соотношении с христианской аксиологией, для которой душа является основополагающим понятием. Образ души соотносится с идеями вечной жизни, вечного бытия и является центральным для поэтической системы Ф. И. Тютчева. С ним связано как стремление раскрытия тайны внутреннего мира лирического героя, так и восприятие им законов миропорядка.

В творчестве Ф. И. Тютчева художественный мир представлен тремя моделями, определяющими место души в мире: бытие в себе, бытие в мире, бытие с другим [3].

Модель «бытие души в себе» отражена в стихотворениях «*Silentium!*» и «*Душа моя, Элизиум теней...*», в которых раскрывается неисчерпаемость внутреннего микрокосмоса и отказ лирического героя от взаимодействия с внешним миром через молчание, через идею погружения в глубину души. У лирического героя поэта Тютчева категория «молчание» является основой внутреннего мира. Молчание возвышается над словом, слово превращается в молчание. Стихотворение начинается и заканчивается словом «молчи». Молчание как норма, принцип организации душевного бытия является залогом сохранения его гармоничной сущности, и

таким образом, утверждается ценность внутреннего мира. Молчанию отводится охранительная роль, которое воспринимается как способ изоляции и гармонизации душевного равновесия. Человек трагичен краткосрочностью своего существования, о чем поэт говорит в стихотворении «*Silentium*», подчеркивая одиночество героя в людском сообществе, где «мысль изреченная есть ложь»:

*Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймет ли он, чем ты живешь?*

Образ внутреннего мира героя в стихотворении «*Душа моя, Элизиум теней...*» представлен мифологическими источниками «душевного Элизиума». У Тютчева возникает мотив «памяти души», значимый для художественного мира поэта. Душа становится хранительницей всех ценностно-значимых категорий бытия. Воссоздание идеального прошлого, над которым не властно время, позволяет лирическому «я» отрешиться от настоящего («годы буйной»).

Мифологизация мира души создает временной барьер между внутренним и внешним, прошлым и настоящим. Модель «мира в душе» дает возможность выявить свойства внутреннего бытия, позволяет душе отрешиться от внешнего мира и сохранить душевное пространство в целостности. В этом видится аксиологический потенциал «бытия души в себе» в лирике Тютчева. Тютчев считал человеческую душу отражением мироздания. Его душа повторяет и воспроизводит состояние природы.

*Душа моя – Элизиум теней,
Теней безмолвных, светлых и прекрасных,
Ни помыслам годы буйной сей,
Ни радостям, ни горю не причастных.
Душа моя, Элизиум теней,
Что общего меж жизнью и тобою!*

Для текстов указанных стихотворений характерны установка на неисчерпаемость внутреннего микрокосмоса и отказ лирического

героя от взаимодействия с внешним пространством. В результате, эта модель преодолевается и осуществляется поиск других форм выражения внутреннего мира, появление в художественном мире поэта новой модели души.

Модель «бытие души в мире» раскрывает обращение лирического героя к мирозданию. Образ души, стремящейся обрести гармоничное существование, воплощается в макрокосмическом масштабе в стихотворениях «Душа хотела б быть звездой...», «Святая ночь на небосклон взошла...», «День и ночь», «Ты, волна моя морская...», «Певучесть есть в морских волнах...» и др. Стремление души во вне, в мироздание происходит через движение в макрокосмическом пространстве.

Природа у поэта неотделима от человеческого начала, а человек осознает родство, единение с природной вселенной. В лирике Тютчева нашло выражение взаимодействие души отдельного человека и мировой души. Частная жизнь находит возможность диалога с миром, что открывает путь приобщения к божественной вселенной и обретения гармонии. Состояние природы воздействует на внутренний мир лирического героя, что приводит к обновлению его души. Поэтическая идея весеннего обновления мира, «торжества природы» становится фоном душевного преображения. Характерной особенностью стихотворений является звучание в них христианских мотивов, согласно которым душа преображается через приобщение к Божественной истине. К таким мотивам относятся мотивы отрады, дыхания, душевного сна и т.д.

Если в модели «бытие души в себе» прослеживается процесс сотворения мира, то в рассматриваемой модели – погружение в душевную бездну. В каждом из указанных стихотворений по-разному решается проблема поиска равновесия в душе между хаосом, который стремится разрушить бытие, и сдерживающим его космическим началом, в результате чего внутренний мир оказывается в ситуации вечной трагической неустойчивости. Проблема обостренного ощущения уникальности собственной души достигает предельного воплощения в образе внутренней вселенной в «Silentium!». Однако реальный мир отличен от божественного. В 1830-е гг. в лирике Тютчева возникают мотивы, характеризующие кризисную неустойчивость сотворенного бытия («*О чем ты воешь, ветр ночной...*», «*Тени сизые смесились...*», «*День и ночь*»).

В стихотворении «Святая ночь на небосклон взошла...» мир души перевоплощается в бездну. Лирический герой утрачивает возможность душевного воскрешения: самовольное творение мира, возможность жить «в самом себе» оборачивается противостоянием самому себе, собственной душе-бездне «лицом к лицу».

У Тютчева природа и человек – это неотъемлемые составляющие Вселенной. Человек и природа выступают как два живых существа. В описании природы поэт умел изобразить самые зыбкие, переходные, неуловимые ее проявления. Сам поэт гармонично слит с природой: «Все во мне, и я во всем...». Природа в его стихах одушевлена, она живет полной жизнью, как и человек: ручьи «гласят» и «предвещают», родник «шепчет», море «ходит и дышит». Природа совершает те же действия, что и человек.

В стихотворении «Душа хотела б быть звездой...» человек жаждет раствориться в природе, он слит с нею, становится её частью. Основной мотив – высокая миссия человека, его предназначение быть звездой. Тютчев преувеличивает мощь звезды, обожествляя её. В стихотворении прослеживается установка на желания души на дневное бытие звезд. Это есть аксиологически значимый факт преобразования души в звезду.

Поэт в своих стихотворениях не допускал социальности. Лирический герой пребывает на грани миров: света и тьмы, жизни и смерти, что характерно для состояния души русского человека в период социальных потрясений:

*И человек, как сирота бездомный,
Стоит теперь и немощен и гол,
Лицом к лицу пред пропастью темной.*
(«Святая ночь на небосклон взошла»)

Революционные, политические и социальные потрясения были чужды Ф. И. Тютчеву, поэтому его лирический герой стремился не столько активно вмешаться в жизнь, сколько осмысливать ее. По мнению Ф. И. Тютчева, – это противоборство враждующих сил, поэтому в его произведениях появлялись нотки ощущения непрочности и хрупкости бытия. У Тютчева душа представлена как небесное, божественное явление, а сердце – как воплощение земного.

*О, вещь моя душа!
О, сердце, полное тревоги,
О, как ты бьешься на пороге
Как бы двойного бытия!..*

Русский человек живет согласно православной вере, чтит и выполняет ее заветы. По Тютчеву, без веры в Бога невозможно нормальное развитие человека и общества. Забывая Бога, человек утрачивает истинную свободу, теряет способность различать добро и зло. Человек для поэта является двуприродным существом. Двойственность человеческого бытия заявлена в строках:

*Всесилен я и вместе слаб,
Властитель я и вместе раб.*

Модель «бытие души с другим» представляет переход на уровень внутреннего преображения лирического героя под воздействием мотива взаимодействия душ, что основано на постижении сущности другого человека. Наиболее данная модель реализуется через образ души в любовной лирике Ф. И. Тютчева. Гармоничное существование души в мире оказывается возможным только в соединении с другой душой.

В центре поэтического осмысления оказывается душевное бытие другого в лице возлюбленной, что раскрыто в таких стихотворениях, как «*О, как убийственно мы любим...*», «*О, не тревожь меня укорой справедливой...*», «*Сияет солнце, воды блещут...*», «*Чему молилась ты с любовью...*» и др. Лирический герой приобщается к ценностным основам жизни героини, которая проявляет любовь и страдание, и помогает преображению души лирического субъекта. Здесь прослеживается романтическая концепция любви, в основе которой стремление к единению душ любящих. Огромное влияние на поэта оказало сближение его Е. А. Денисьевой, что дало основание выделить «денисьевский цикл» лирики поэта, мотивом которого является взаимодействие душ лирического героя и его возлюбленной.

История любви героев в лирике Тютчева – это хроника взаимодействия близких душ, в которой центральная роль отводится «женской» душе, способной преображать внутренний мир лирического героя. В любовной лирике ведущим является мотив преображения внутреннего мира лирического героя под воздействием переживаемого чувства, а женский образ становится воплощением

животворящего начала. Возлюбленная является образцом духовного совершенства («К Н.»), ее взор наделяется животворящей силой, способной преобразовать душу лирического героя, а ее внутренний мир воспринимается как модель мироздания. Противоположный вариант осмысления образа возлюбленной, связанный с осознанием отсутствия в ней души, порождает катастрофическое ощущение опустошенности вселенной («*И чувства нет в твоих очах...*»). История взаимоотношений душ представлена душевными переживаниями, «диалогом душ», в которой исключительная роль принадлежит осознанию целостности и красоты внутреннего мира женщины.

Женская душа в поэзии Тютчева наделяется способностью возвращать к жизни лирического героя. Со смертью возлюбленной утрачивается источник жизни лирического героя, оказывающегося в состоянии «страдальческого застоя» и «мертвенности души». Поэт видит процесс преодоления этого состояния в обращении к Богу с просьбой о ниспослании молитвы («Есть и в моем страдальческом застое...»). Приобщение к христианским ценностям знаменует преобразование души.

Творчеству Тютчева, его модели «бытия души с другим» характерно душевное страдание, особенно в середине XIX в. («О, как убийственно мы любим...»). Понимание смысла страдания произошло в 1860-е гг., когда оно воспринималось сквозь призму христианской аксиологии. Так, в стихотворении «Когда на то нет Божьего согласия...» возможность души «выстрадать себя», то есть приобщиться к божественному бытию, предстает более ценным, чем обретение мирского счастья.

Таким образом, представления о любви в художественном мире поэта осознаются как страсть, жертва, страдание, и как возможность искупления и спасения, когда земная любовь обретает свет божественной любви.

Тема взаимодействия душ лирического героя и его возлюбленной является сквозной для любовной лирики Ф. И. Тютчева. Основные тенденции воплощения образа «женской души» сформировались в 1820–1840-х гг., и наиболее представлены в стихотворении («К Н.»). В тютчевской лирике образ «женской души» находится в центре художественного осмысления и обретает различные варианты воплощения, преобразования. Героиня любовной лирики наделяется «живой душой» и даром душевного парения, проходя

путь совершенствования через страдание. Лирический герой также проходит этот путь, но уже после смерти возлюбленной. Утрата дорогого человека приводит его к внутренним изменениям. Например, «мертвенность» души героя преодолевается через молитву о страдании. Религиозное чувство, характерное для любовной лирики второй половины 1860-х гг., знаменует преобразование души лирического героя и приобщение к ценностному миру возлюбленной, духовный подвиг которой заключается в умении «страдать, молиться, верить и любить».

Образ души в поэзии Ф. И. Тютчева тесно связан с художественной картиной мира и выполняет мирообразующую функцию. Поэт раскрывает двойственность души. Так, у поэта душа представлена как «душа – Мария», «душа – мир», «душа – Элизиум», «душа – звезда», «ночная душа», «душа на дне морском», «живая и мертвенная душа», «страдающая душа», «парящая душа».

Русская душа – это реальность, основа, которая конкретным образом проявляется в жизнедеятельности русского народа. Для русского человека характерна особая чуткость к пониманию и различению добра и зла, и утрата этого свойства является утратой для него. Характерной чертой русской души является периодичная смена настроения. Через душу передается неисчерпаемость, многогранность внутреннего мира человека, что характеризует его духовность. В основе творчества Ф. Тютчева заложены христианские ценности, такие как любовь к ближнему, сопереживание, богатство внутреннего личностного мира, гуманизм, страдание, вера, душевное воскрешение, что есть основа, фундамент духовности.

Список использованной литературы:

1. Лосский, Н. О. Характер русского народа / Н. О. Лосский. – М., 1994.
2. Бердяев, Н. А. О характере русской религиозной мысли XIX века [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.odinblago.ru/filosofiya/berdyaev/religiozn>.
3. Калашникова, А. Л. «Душевный микрокосм» в художественном мире Ф. И. Тютчева: «Silentium!» и «Душа моя, Элизиум теней...» // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2012. – № 1 (49). – С. 163–167.
4. Тютчев, Ф. И. Полное собрание стихотворений // Ф. И. Тютчев. – Л. : Сов. писатель, 1987. – 448 с. : ил. – (Б-ка поэта. Большая серия).

РАЗДЕЛ 2. СЛУЖЕБНАЯ И ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Ф. И. ТЮТЧЕВА

Беженару Людмила Ефимовна (L. E. Bezhenaru), доктор филологических наук, доцент Департамента иностранных языков и литератур, кафедра Славистики «Петру Караман», Ясский университет им. Ал. И. Кузы (г. Яссы, Румыния) (*Iasi, Romania*); ludbejenaru@gmail.com

УДК 070/811.161.1

ТЮТЧЕВО-ПРИЛЕПИНСКИЕ НАРРАТИВЫ ОСМЫСЛЕНИЯ РОССИИ

Аннотация. Статья рассматривает проблему вечных споров о судьбоносности России, определяет *Россию* как *самобытную национальную целостность*, в которую наряду с русскими, принявшими византийское христианство, влились многие народы с различными верованиями. Автор анализирует философскую миниатюру Ф. Тютчева «*Умом Россию не понять*» и эссе Захара Прилепина «*Я пришел из России*», в которых авторы определяют самобытность русского народа, его уклад жизни и устройство общества, которые не поддаются европейской логике и вызывают у иностранцев не только удивление, но и суеверный ужас. По мнению обоих авторов, Россия непредсказуема, и эта ее национальная черта ставит крест на честолюбивых планах многих европейцев, которые испокон веков пытались покорить страну, понять которую были не в силах. Захар Прилепин любит

Россию горькой любовью, знает все недостатки своего родного края, но не предаёт его. Нас подкупает прямота *лейтенанта, бритого до синевы*, в котором автор *разгадывает себя*, его честность, ирония, цинизм. Эссе «*Я пришел из России*» – это почти документальный очерк о реальной России, ее прошлом, это достоверно переданные в публицистической форме автором впечатления и соображения о Руси, которая сумела выстоять в годы великих испытаний, о русской деревне, с *избами и крестами*, которых *не продать и не разменять*.

Ключевые слова: Тютчев, Прилепин, идентичность, русофобия

TYUTCHEV-PRILEPIN NARRATIVES OF UNDERSTANDING RUSSIA

Annotation. The article deals with the problem of eternal disputes about the destiny of Russia, defines Russia as a distinctive national integrity, into which many peoples with different beliefs joined along with Russians who accepted Byzantine Christianity. The author analyzes the philosophical miniature by F. Tyutchev *Umomomom Russia can not understand Russia* and essays by Zakhar Prilepin *I came from Russia*, in which the authors define the identity of the Russian people, its way of life and the structure of society, which defy European logic and cause foreigners not only surprise, but also superstitious horror. In the opinion of both authors, Russia is unpredictable, and this national trait puts a cross on the ambitious plans of many Europeans, who for centuries have tried to conquer the country, which was unable to understand. Zakhar Prilepin loves Russia with a bitter love, knows all the shortcomings of his native land, but does not betray it. We are bribed by the straightforwardness of the lieutenant, shaved to the blue, in which the author unravels himself, his honesty, irony, cynicism. Essay *I came from Russia* – is almost a documentary essay about real Russia, its past, it is reliably conveyed in a journalistic form by the author's impressions and thoughts about Russia, which was able to withstand in the years of great trials, about the Russian countryside, with huts and crosses, which can not sell and not barter.

Keywords: Tyutchev, Prilepin, identity, Russophobia

По мнению многих ученых, человечество в начале XXI века оказалось на пороге неведомой еще модели мировой цивилизации. И в этих условиях бешеного ускорения к новому порядку многообразные социокультурные формы ощущают себя не совсем уютно, и поэтому пытаются найти альтернативные модели, в которых гармоничное сочетание общего и различного придавало бы равновесие

сущему. С одной стороны, единые человеческие ценности – это толерантность, ненасилие, стремление к экономическому, социальному, экологическому благополучию для всех. А с другой стороны – это духовная ось координат, сложенная из многоцветно, динамично развивающихся самобытных культур, сохранение которых необходимо для того, чтобы весь мир в своей технонаправленности не стал слепком футуристической страны, изображенной в антиутопии Замятина «Мы», где все, что находится за пределами рационального, навсегда изгнано, и в вымышленном обществе живут не люди, а номера. Потеря *этнокультурной идентичности* любого этноса, населяющего нашу планету, это трагедия не одного маленького человека. Это катастрофа для всего человечества. Это как колокол, который звучит по каждому из нас.

Лев Гумилев [4] задолго до нынешних или вечных споров о судьбоносности России определил *особую цивилизованную суть страны*. Россия – это самобытная национальная целостность, в которую наряду с русскими, принявшими византийское христианство, влились многие народы с различными верованиями. И умение, состояние, способность русских людей понять, полюбить, принять чужое этническое своеобразие Лев Гумилев назвал *комплементарностью*. Это качество нам всячески сегодня нужно утверждать, поддерживать и культивировать и в среде других народов. И здесь объединяющими может быть культура в целом и искусство в частности. Не культура ненависти, не культура национального превосходства, расслоения, а *культура единения, культура содружества и культура гумилевской комплементарности*.

Но задолго до гумилевской *комплементарности* другой русский автор определил суть русской цивилизации и России в целом строкой, ставшей афоризмом: «Умом Россию не понять...» [6]. Всего лишь в одной строке, по нашему мнению, Федор Тютчев еще в 1866 году образно и метко охарактеризовал Россию, самобытность русского народа, его уклад жизни и устройство общества, которые не поддаются европейской логике и вызывают у иностранцев не только удивление, но и суеверный ужас. В первую очередь, речь идет о загадочной русской душе и удивительном образе мыслей россиян, которые не укладываются в общемировое понимание. И именно это качество, по мнению Федора Тютчева, является наиболее важным и ценным, так как служит гарантией того, что русский народ не закостенеет в своих

обывательских стремлениях, как другие самодостаточные народы, а пытливость и врожденное стремление к познаниям заставит нацию развиваться даже в самых сложных и гнетущих условиях.

Одни говорят о классике русской поэзии, что он был равнодушен к своим стихам, другие утверждают, что замыслы его были гораздо значительнее, а третьи доказывают, что признанный классик был занят вопросом о месте России в мире. [6]. Он не мыслил свою жизнь без России, потому родителям, которые надеялись на продолжение им дипломатической карьеры, он писал: «Как могли вы подумать... чтобы я покинул Россию. Будь я назначен послом в Париж... и то я поколебался бы принять это назначение... Петербург, это... русский характер, это – русская общительность». [7].

Любил Россию больше чем женщин. О своем чувстве к Амалии Лерхенфельд, писал: «*После России* это моя самая давняя любовь». В Италии напоминал Жуковскому, что «счастье» для него не цель. «Его не привлекали ни богатство, ни почести, ни даже слава, – напишет о Тютчеве князь Гагарин. – Самым глубоким, самым заветным его наслаждением было наблюдать зрелище, которое представляет мир». И в этом зрелище он видел свою Россию, которую «умом не понять, аршином общим не измерить» и сам отвечает на возможный вопрос – почему? «У ней особенная стать – в Россию можно только верить», – подчеркивает Федор Тютчев, словно бы подводя итог своим длительным раздумьям и попыткам понять феномен собственной страны. «Он и Россию, поскольку созерцает ее разумом, видит прежде всего как государство, а в государстве этом самое важное для него – не внутреннее устройство, а внешнее могущество и влияние. Патриотизм его, из чувства превращаясь в мысль, Россию мыслит не иначе как мощным рычагом европейской и мировой политики» [2, 40]. Действительно, Россия непредсказуема, и эта ее национальная черта ставит крест на честолюбивых планах многих европейцев, которые испокон веков пытались покорить страну, понять которую были не в силах. Более того, и сами россияне не в состоянии дать ответ на вопрос, что ждет их через год или два, ведь жизнь постоянно меняется, а славянской душе чуждо чувство инертности. Поэтому все, что остается, так это вера в державу, которая обладает могуществом именно потому, что предугадать ее следующий шаг не в состоянии даже сами россияне.

Следует отметить, что слова Тютчева в этом отношении оказались пророческими, так как все последующие события, которые на протяжении полутора веков происходили в России, постоянно шокировали мировую общественность. За сто лет до советских идеологов он одним из первых назовет Запад «гнилым» и слово «оттепель» пустит в оборот за столетие до Эренбурга, окрестив им первые годы после смерти Николая I. Хотя считал «писание страшным злом, как бы вторым грехопадением бедного разума», написал 1250 писем, из которых лишь треть пока опубликована. В них Тютчев философствует с Шеллингом, спорит с Чаадаевым, шутит с молодым еще Тургеневым. Благодаря его переписке с дочерью Анной, которая сохранилась для истории в архиве Аксакова, мы узнаем и об определении Тютчевым понятия «руссофобия» [8], очень модное как явление в наши дни общемобилизационная идея Запада против России. Он пишет о современном ему факте, как реакция на возникновение в Европе враждебного отношения к России, приобретающем «все более патологический характер. Речь идет о руссофобии некоторых русских – причем весьма почитаемых... они так нежно любят Европу, что она, бесспорно, обладает всем тем, чего нет в России. А что мы видим ныне? По мере того, как Россия, добываясь большей свободы, всё более самоутверждается, нелюбовь к ней этих господ только усиливается» [8].

Это борьба Тютчева с Россией – и за Россию – была поединком поэта со светской чернью, но и с Западом, презиравший все русское «сквозь призму ненависти, помноженной на невежество» [7]. Защищать родину была истинной целью его как поэта, дипломата и гражданина. Потому для борьбы с внешними врагами он предложит Бенкендорфу идею личного «проекта»: начать «партизанскую войну в тылах европейской печати», изменив общественное мнение в пользу России, для прославления державы.

Хотя в своих размышлениях о судьбе страны он видит Россию не иначе как мощным рычагом европейской и мировой политики, в своей лирике Тютчев в завуалированной форме говорит о смиренной терпимости русского народа и о его неспособности противостоять власти, уверяет читателя (в «Эти бедные селенья»), что у России есть свой неповторимый путь, а русский народ озарён «тайным» светом, который представляет собой глубокое религиозное чувство,

веру, патриархальность, что свойственно русским людям. Одна из главных мыслей Тютчева в этом произведении заключается в том, что русских людей, кротких и смиренных по своей природе, спасает их терпение, их надежда и вера в свет. Образ Христа, «царь небесный», который «исходил, благословляя, Всю тебя, земля родная» хранит Русь и ее народы. Селенья в глазах лирического героя, который отражает взгляд самого Тютчева, «бедные», природа – «скудная». Однако восклицание *Край ты русского народа!* явно даёт понять, что герой любит свою страну и свой народ и даже восхищается ими. Тютчев пророчески считает, что судьба России зависеть может только от нее самой. Куда пойдет Россия, каким путем – неведомо никому. Но поэт верит в «целый особый мир», имя которому – Россия, в ее величайшее предназначение, в миротворческую миссию и в тот путь, который она изберет. «У ней особенная стать – в Россию можно только верить», – это, пожалуй, констатация феномена своей Родины. Стихотворный тютчевский афоризм включает в себе философское обобщение поэта о России: речь идет об иррациональности сознания русского человека, о самобытности русского народа и его культуры, о крепости веры в душах русских людей. Исследователи даже видели в этом произведении уподобление России Ноеву ковчегу, спасаемому во время всеобщего крушения. По мысли Г. Э. Гольшевой, все произведение построено на глаголах, которые «создают внутреннее движение образа» [7], русскую птицу-тройку, летящую подобно птице, объединяющую тысячелетнюю историю Руси-матушки и уважение к народу, который эту историю создавал руками простого русского человека. Повторяющаяся частица «не», *не понять, не измерить* усиливает авторское утверждение, а выделительная частица *только* подчеркивает при этом исключительность России.

По идейному содержанию тютчевская философская миниатюра о сущности России созвучно эссеистике Захара Прилепина. Если произведение Тютчева известно почти каждому встречному, эссе Захара Прилепина «Я пришел из России» (взятого нами за основу) мало изучен, почти не цитируется, хотя в нем мысли заложены глубокие и правдивые.

Интерес исследователей к творчеству З. Прилепина локализуется, как в критике, так и в литературоведении, преимущественно на крупных эпических произведениях. О творчестве писателя положительно отзываются критики Павел Басинский, Юлия Щер-

бинина, Дмитрий Володихин, А. Мирошкин, А. Архангельский, М. Н. Липовецкий.

Захар Прилепин – талантливый прозаик, умеющий говорить и писать интересно и о политике, и об обществе, и о любви. У него блестящий язык, свой, прилепинский, стиль, и мыслей полно, а главное – он умеет передать жизнь во всей ее *полифонии*. Собственно, полифония происходящего, вбирающая осмысление жизни самыми разными людьми, и есть *основное* в произведениях Прилепина.

Его публицистика, эссеистика – в основном, это эссе и статьи о Родине. В целом – о России как о самобытной национальной целостности, а частные составляющие подобраны удивительно хорошо: не успеешь устать от истории, политики, социальной проблематики – перед тобой страницы о литературе, семье, гармонии с собой, «разговоры за жизнь» и про Бога. Да и не так однозначны темы прилепинских эссе, они, при скромных объемах своих, представляют достаточно полные, осмысленные широко картинки русской/российской действительности. Разнообразные эссе и статьи на разную тематику, в котором З. Прилепин делится с читателем своими мыслями, сомнениями, откровениями, открытиями, жизненным опытом, можно условно разделить на две части. Одна касается искусства и литературы, другая политического дискурса. Но все сильно взаимосвязано и переплетено. И как очевидно из названия – вся тематика направлена на понимание Русского мира, на осмысление России и русскости.

В самом начале книги автор пишет о том, что не любит думать... Да и непонятно, любит ли он Родину или ...Первое впечатление от «Я люблю свою Родину *вроде бы...*» ставит читателя в тупик, как и строка Тютчева *Умом Россию не понять...* Так любит или не любит автор родину свою, или *вроде бы* любит? Любит, но странную любовью, сказал бы Лермонтов. Любовью с грудью на распашку мужика, трудяги от сохи, из глухой деревни России, в которой *покосившиеся избы вросли корнями в землю*. Любовью «реальных пацанов» из цикла «Ботинки, полные горячей водкой», «никчемушных» людей (А. Архангельский), «счастливого семейства». Любовью пахаря и труженика, чудика-балагура, чья жизнь глубоко укоренена в род, в землю малой родины, которая уже не выглядит счастливой и солнечной, и ориентирована на «лад» крестьянского «мира». Любовью Сержанта, ищущего способы

избавиться от заедающей пустоты существования. Любовью, которая не имеет каких-либо разумных оснований, а является его врожденным чувством и частью его ДНК. За что? А почему нужно любить за что-то? А просто любить, только потому, что она, Россия, твоя, нельзя?

А еще любит за самобытность и яркий национальный колорит, за природу и пройденную достойно историю, за русскость и за «*Слово о полку Игореве*». За *Мишку Лермонта*. За *Сергея Есенина*. За *Паику Васильева*. За *Колю Тряпкина*. За песни Гражданской войны, за запах сырого сукна и пота, за победы в самых страшных мировых войнах и за новые победы тоже... [5].

Захар Прилепин, как всегда, афористичен, порой даже жесток. Он любит Россию горькой любовью, знает все недостатки своего родного края, но не предаёт его: *Русь моя, голоса твои меж ребер эхом*. Нас подкупает прямота лейтенанта, бритого до синевы, в котором автор *разгадывает себя*, его честность, ирония, цинизм. Эссе «*Я пришел из России*» – это почти документальный очерк о реальной России, ее прошлом, это достоверно переданные в публицистической форме автором впечатления и соображения о Руси, которая сумела выстоять в годы великих испытаний, о русской деревне, с *избами и крестами*, которых *не продать и не разменять*.

Среди *призраков* Родины, которые *обступают его как деревья*, автор чувствует теплоту и задыхается от ощущения *бесконечного детства*. И Родина ложится на воспоминания как тяжелый снег, который тает на губах. Перед глазами собираются и *русский князь Святослав, бритый, потный, который сырую конину рвет зубами*, и *злые и пьяные повстанцы Разина Степана Тимофеевича*. *Шпана, гулебицки, негодяи...* и *Иван Грозный, который убивал, но еще и молился, отмаливал и замаливал, и сочинял музыку, пока в Европе пошлые правители резали младенцев и жгли женщин, и никогда не стыдились этого...* и народ России, который *коряв, да. Не чесан, не мыт. О предках тысячу лет назад писали, что живут в грязных норах и справляют естественные надобности только втроем. По одному не ходят в лес. Хуже собак, стесенья нет, скот, а не народ. В бородах. В нелепых одеждах. Зимой примороженные, летом размороженные. Церкви строил и жег. Воевал глупо и бестолково. Все делал так, что должно было обвалиться. Но стояло тысячу лет. Никто не сдвинул* [5].

Кто скажет, что описание неправдиво? Это же пишет русский в корне человек, рязанский рубаха-парень, патриот, любящий Россию и ее народ как зеницу ока: *Люблю тебя, милый мой, корявый... Целую ваши корявые пальцы, пугливые глаза, пою и помню вас*, – пишет Прилепин, и он часть русского народа, который смотрит на мир с иронией и оптимизмом, – *я, дурной и наивный, я, без стеснения* [5].

Автор пробует избавляться как от «национальной мании величия», так и от «комплекса национальной неполноценности». Он радуется за пройденный нелегкий путь, приводит имена исторических личностей, писателей, композиторов. Он говорит открыто и свободно о недостатках и неустроенности русского быта: *Мне без разницы, кто, когда и что сделал первым. В Греции уже Олимпиады проводились, а мы по деревьям лазили. В Индии Кама сутру практиковали, а мы в стожке... И чего, стесняться? Что, у нас дети хуже индийских? Или сопливей греческих?* [5]. Не стесняется своего происхождения, ему не стыдно быть русским, да еще гордится выдающимися деятелями русской культуры, будь они русскими или других этносов: *В позапрошлом веке Достоевский был лучше всех европейских сочинителей текста. И Мусоргский, и Чайковский были лучше всех сочинителей музык. А в прошлом веке – Рахманинов и Свиридов были лучше. В 30-е годы Владимир Набоков и Гайто Газданов обошли всех европейских эстетов. Владимир и Гайто, – они вкуснее, умнее, изящнее вязкого Пруста* [5].

В честном и правдивом эссе Прилепина можно найти и ответ на тютчевский афоризм: *В России нет современности*, пишет автор *Обитатели*, *Поэтому ее никто не понимает. Может, и не надо?* – завершает он риторическим вопросом, таким же важным, по нашему мнению, как шекспировский «*Быть или не быть?*» Может, не надо искать понимания непонятного? Загадочная русская душа и удивительный образ мыслей русского человека, россияне не укладываются в общемировое понимание, а самобытность русского народа и русского менталитета, непредсказуемость русской души не укладываются в общеевропейские представления и стереотипы поведения. Так уж устроен мир русского человека, хотя в этом непонимании есть один большой недостаток: это почва для русофобских мифов о «недолюдях», «диких неполноценных азиатах», «коварной и деспотичной восточной орде». Во все времена происходит одно и то

же: из-за *отсутствия понимания* Россию ненавидят – за её силу, свет, могущество и непонятную русскую душу. Рьяным критикам Русского мира можно ответить одной простой фразой: «Просто оставьте Россию в покое, вам ее не понять ни умом, ни сердцем. И не потому, что у вас нет ни того, ни другого, а просто потому, что, как сказал великий Федор Тютчев, *У ней особенная стать!*»

И сколько бы не стыдились представители *элитарной русофобии*, критики внутренние, быть русскими, их беда в том, что этого не исправить. Они русские, и точка! Пусть стыдятся и дальше.

А критикам внешним, авторам критики в идеологических целях, старающихся доказать «восточность» России, ее извечную, «архетипическую» неевропейность, неспособность к свободному самоопределению и саморазвитию, фатальную «тоталитарность» русской идеи, раболепие русского человека перед любой властью, тем, кто принижают культурно-цивилизационный уровень России до слабо развитых африканских стран, что не делали самые отъявленные русофобы всех времен и народов, [1] – можно возразить словами того же Прилепина: *Мне без разницы... Мы отцы и дети гениальных песен и книг. Мы пришли из России и уйдем в нее* [5]. И это говорит вам русский мужик, любящий свою Россию до слез, у которого есть и свой грех, и своя обитель, и ботинки, наполненные водкой, и пацанские страсти, и бабушка, и осы, и арбуз... Он не хочет казаться правильным, он не даёт мудрых советов. Он тонко, – когда с иронией и сарказмом, а когда с грустью, – описывает в своих литературных произведениях не вымышленную Россию, а Россию реальную. От его правды иногда становится не по себе, но совершенно очевидно, что лучше русского мужика никто не знает, как «обустроить Россию» – ни «креативный класс», ни «гламурно-богемная молодежь», которая вечно «болеет» то за «народ», то «за Россию», забывая о реальном, дисциплинированном труде на благо «близкого» человека и отчизны, пусть и нелюбимой, «здесь и сейчас»; ни так называемые «партнеры», которые ратуют то за демократию и гуманизм в России, то за свободу на других континентах.

Возвращаясь к теории *комплементарности* Гумилёва, отметим, что несознательное (читай *не поддающийся осмыслению, непонимание*) влечение одного этноса к другому создает разную комплементарность, а комплементарные этносы, можно сказать, резонируют друг с

другом. Резонировать друзьям и недругам России можно не на основе русофобского политико-идеологического и псевдонаучного дискурса о ее *самобытной национальной целостности*, возникшем еще в начале позапрошлого века и постоянно возобновляющийся в различных ипостасях, а на *культуре единения, культуре содружества и культуре Диалога*, которая сегодня способствует формированию надежных доверительных отношений между людьми, странами и континентами.

Список использованной литературы:

1. Бабинцев, В. П. Матрица русофобии и ментально антропологические типы русской интеллигенции / В. П. Бабинцев, В. П. Римский // Научные ведомости БелГУ. «Философия. Социология. Право». – № 4 (44). – 2008. – Вып. 3. – С. 30–39.
2. Вехи; Интеллигенция в России: Сб. ст. 1909–1910. – М., 1991.
3. Вейдле, В. В. Эссе «Тютчев и Россия». / В. В. Вейдле. – Художественная литература, 2022 – с. 40.
4. Дмитриев, А. Тайна Л. Гумилева и его этнологии, // «Динамика пространства» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://proza.ru/2020/05/11/474>.
5. Прилепин, Захар Я пришёл из России: сборник эссе. – Издательство «Лимбус Пресс», 2008.
6. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://rg.ru/2022/08/19/fedor-tiutchev-ia-vstretil-vas.html>.
7. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ostihe.ru/analiz-stihotvorenija/tyutcheva/umom-rossiyu-ne-ponyat>; 9.
8. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://zavtra.ru/blogs/rusofobiya_150_let_nazad_poet_tyutchev_dal_opredelenie_nenavisti_k_rossii_i_russkim.
9. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://samlib.ru/g/gpebenchenko_j_i/323.shtml.

Жигалова Виктория Витальевна (V. V. Zhigalova), студентка 3 курса факультета международных отношений Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (*Москва, Российская Федерация*) (*Moscow, Russian Federation*); victoryiazhigalova@yandex.by

УДК 82-14

ПРОРОЧЕСКИЕ ПРЕДСКАЗАНИЯ ДИПЛОМАТА И МЫСЛИТЕЛЯ Ф. И. ТЮТЧЕВА

Аннотация. В статье показаны суждения Ф. И. Тютчева как дипломата и философа, его пророческие предсказания, которые и сегодня актуальны: война Запада и России в разные исторические периоды; его размышления об Австрии, Германии; об истории православия; об утверждении России на международной арене.

Ключевые слова: Тютчев, дипломат, пророчества, Запад, Россия, история.

PROPHETIC PREDICTIONS OF THE DIPLOMAT AND THINKER F. I. TYUTCHEV

Annotation. The article shows the judgments of F.I.Tyutchev as a diplomat and philosopher, his prophetic predictions, which are still relevant today: the war of the West and Russia in different historical periods; his reflections on Austria,

Germany; on the history of Orthodoxy; on the establishment of Russia in the international arena.

Keywords: Tyutchev, diplomat, prophecies, the West, Russia, history.

Фигура Федора Ивановича Тютчева – явление в культурной жизни России важное и особенное, потому что в его биографии еще остаётся много загадочных и малоизученных фактов. Тютчев, человек высокого духа и мысли, и через двести двадцать лет остаётся доступен, понятен и интересен своему читателю. Он и сегодня – наш современник и, несомненно, еще долго будет современником не для одного поколения людей, живущих на этой планете и желающих сохранить мир, консолидировать общество.

В своей статье мы предлагаем материалы, основанные на данных, взятых из трудов различных исследователей творчества поэта и дипломата – Ауэра А. П., Дмитровского А. З., Жаковой Н. К., Жигаловой М. П. [12], Непомнящего И. Б., Чагина Г. В. и др., а также из различных интернет-источников и статей В. В. Похлебкина [8] и С. Лабанова [5], рассказывающих о дипломатической и публицистической деятельности Федора Ивановича Тютчева. Мы попытаемся увидеть, какие предчувствия о развитии мирового сообщества владели поэтом и дипломатом и какие его пророческие предсказания актуальны и сегодня.

Наверное, каждый из нас, зная, в какой семье родился и вырос Ф. И. Тютчев, понимает, что Федору Ивановичу было на роду написано служить Отечеству. Достаточно сказать, что родился Тютчев 23 ноября 1803 г. в селе Овстуг, возле Брянска в семье, где умели ценить и православный быт, и французские манеры. Исследователи отмечают, что со стороны матери, Тютчев принадлежал к боковой линии графов Толстых, один из которых был воеводой при Иване Грозном, а другой – видным дипломатом и сподвижником Петра I. Кроме того, родственными связями Тютчевы соединялись с еще одним государственным деятелем прошлой России – А. И. Остерманом [3].

Тютчев Ф. И. получил прекрасное домашнее образование, которое позволило ему поступить в Московский университет и окончить его со степенью кандидата словесных наук. И стихи, которые прославили его как выдающегося поэта России, он начал писать уже с юных лет. В. А. Жуковский в те годы предрекал ему великое будущее

на литературной ниве. Но на семейном совете было решено, что Федор пойдет по дипломатической стезе, продолжая традиции своих предков, хотя путь его будет очень непростым. Покажем отдельные его страницы.

В 1822 г. Тютчев был зачислен в Государственную коллегию иностранных дел с чином губернского секретаря. Позже граф Остерман-Толстой рекомендовал его на должность внештатного сотрудника русского консульства в Баварии. В том же году Тютчев отправился в Германию, в Турин, где пробыл в общей сложности около двух десятилетий, с 1822–1841 гг. Как отмечают исследователи, «Николай I стал думать о необходимости противодействовать враждебной пропаганде против России, которая велась за рубежом, сразу после того, как вступил на трон после мятежа декабристов. Было ясно, что идеологическую подпитку мятежники получали из-за рубежа. Поэтому в 1832 году на базе Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии была создана служба политической разведки. До этого времени собственная разведка существовала в Военном министерстве и Коллегии иностранных дел России. Однако их деятельность строилась в основном на получении отдельных сведений. Поэтому Николай I решил создать внешнеполитическую разведку России, которая стала бы более профессиональной и систематически собирала необходимую разведывательную информацию. С этого времени чиновников Третьего отделения начали часто отправлять в Европу для изучения политической обстановки, вербовки иностранных агентов и организации системы наблюдения за русской оппозицией в столицах ведущих европейских держав» [4]. Возглавил внешнюю разведку Третьего отделения чиновник по особым поручениям Первой экспедиции А. А. Сагтынский. Его основной заслугой было то, что он создал в Европе агентурную сеть из так называемых агентов-литераторов: Я. А. Толстого, К. Ф. Швейцера, М. Дюрана, Я. Н. Озерецковского и др. Помимо разведывательной деятельности они занимались контрпропагандой. Эффективная контрпропаганда за рубежом и в России была совершенно новой задачей для российской разведки. Агенты-литераторы должны были опровергать в зарубежной прессе неблагоприятные отзывы о России и Николае I, регулярно появлявшиеся в газетах, журналах и книгах европейских стран.

Справедливо отмечено, что «важнейшее значение контрпропаганды часто недооценивают. Но иногда она более эффективна, чем действия многих дивизий. Недаром еще Наполеон сказал, что «две враждебные газеты опаснее стотысячного войска» [4].

Поэтому русская политическая разведка создавала свои представительства во многих странах. Кроме Англии и Франции опорные пункты Третьего отделения имелись в Швейцарии, Бельгии, Австрии. Вся работу агентов России за рубежом координировал надворный советник барон К. Ф. Швейцер, литератор и журналист. Вот как об этом отчитывалось Третье отделение: «Я послал в Германию одного из моих чиновников (имеется в виду барон Швейцер) с целью опровергать посредством дельных и умных газетных статей грубые нелепости, печатаемые за границей о России и ее монархе, и вообще стараться противодействовать революционному духу, обладавшему журналистикою» [5].

Федор Тютчев постоянно выступал с острыми публицистическими статьями и проблемами, которые очень перекликаются с сегодняшним днем. Тем самым, он, возмущаясь поведением Германии, например, как бы предвосхищал все, что будет твориться в Европе много лет спустя, когда освобожденные от фашизма Советским Союзом страны начнут переписывать историю, станут сносить памятники русским солдатам, спасшим их от Гитлера. «Занятные вещи пишутся и печатаются в Германии, – с возмущением восклицал Тютчев», – о русских солдатах, которые «тридцать лет тому назад проливали кровь на полях сражений своей отчизны, дабы достигнуть освобождения Германии» [5]. Их кровь, писал Тютчев, «слилась с кровью ваших отцов и ваших братьев, смыла позор Германии и завоевала ей независимость и честь... После веков раздробленности и долгих лет политической смерти немцы смогли получить свою национальную независимость только благодаря великодушному содействию России» [3]. Тютчев создает своего рода гимн русскому солдату: «Пройдитесь по департаментам Франции, где вражеское вторжение 1814 года оставило свой след, и спросите жителей этих провинций, какой солдат из войск противника постоянно проявлял величайшую человечность, строжайшую дисциплину, наименьшую враждебность к мирным жителям, безоружным гражданам, – можно поставить сто против одного, что вам назовут русского солдата» [3].

Тютчев издал в Мюнхене брошюру, посвященную взаимоотношениям России и Германии, негодуя, что Россия, освободившая тридцать лет назад Европу от наполеоновского господства, подвергается ныне постоянным враждебным нападкам в европейской печати. В результате, пишет Тютчев, «ту державу, которую поколение 1813 года приветствовало с благородным восторгом... удалось с помощью припева, постоянно повторяемого нынешнему поколению при его рождении, почти удалось, говорю я, эту же самую державу преобразовать в чудовище для большинства людей нашего времени, и многие уже возмужалые умы не усомнились вернуться к простодушному ребячеству первого возраста, чтобы доставить себе наслаждение взирать на Россию как на какого-то людоеда XIX века» [5].

Следует заметить, что с 1838 г. Тютчев выполнял обязанности поверенного в делах в Турине. Отсюда он и направляет в Петербург донесение, противостоять претензиям римской церкви управлять миром. Через некоторое время Федор Иванович делает еще одно важное заключение на основании проникновения в Средиземное море флота Соединенных Штатов Америки. Он пишет, что это «не может, при настоящем положении вещей, не представлять значительного интереса для России»[3]. Он зорко разглядел тайные интриги еще молодого тогда государства США и провидчески определил основные принципы его мировой политики. А в это же время американский просветитель Томас Джефферсон писал Джону Адамсу: «... Европейские варвары вновь собираются истреблять друг друга. Истребление безумцев в одной части света способствует росту благосостояния в других его частях. Пусть это будет нашей заботой, и давайте доить корову, пока русские держат ее за рога, а турки за хвост» [7].

Для сравнения неизменности американских принципов можно привести слова и другого президента США, Гарри Трумэна, сказанные им через сто лет, во время Второй мировой войны: «Если мы увидим, что выигрывает Гитлер, нам надо помогать России, а если выигрывать будет Россия, нам следует помогать Гитлеру, и, таким образом, пусть они убивают как можно больше друг друга»[7].

Несмотря на значимость таких провидческих суждений Ф. И. Тютчева, Нессельроде не захотел понять и оценить их важность,

как, впрочем, и деятельность дипломата, предоставить ему реальную и широкую возможность действовать. Вместо этого, Тютчев был вообще отстранен от дипломатии. Он был уволен из Министерства иностранных дел и лишен звания камергера в 1841 г., а незадолго до этого был уволен после двадцатилетней беспорочной службы и Горчаков. Причину для отстранения Тютчева от дел нашли. Он якобы был отстранен, потому что потерял дипломатические шифры посольства... Однако ни в одном официальном документе того времени этот поступок отражения не нашел. Поэтому в 1841 г. он выходит в отставку. А с 1845 г. он возвращается на службу как чиновник особых поручений при государственном канцлере.

В 1845 г. благодаря заступничеству Бенкендорфа Николай I своим личным указом восстановил Тютчева на службе в Министерстве иностранных дел и возвратил звание камергера. Еще через год он был назначен чиновником особых поручений при государственном канцлере. В это время он часто ездит с дипломатическими миссиями в Германию и Швейцарию. Канцлер Нессельроде (он все-таки получил этот высший чин в 1845 г.) предоставляет Тютчеву заграничные командировки, но всячески отстраняет от серьезных политических дел. Опасаясь Бенкендорфа, Нессельроде как бы сохраняет в отношении Тютчева формальный нейтралитет. И все же именно в это время Федор Иванович принимает очень серьезное участие во внешнеполитических делах. Происходит это не напрямую, а косвенно: Тютчев публикует за границей серию глубоко содержательных и острых политических статей, которые вызывают чрезвычайно сильный отклик в Европе. Полемика вокруг этих статей продолжалась около трех десятилетий, даже и после кончины Тютчева. В них Европа впервые непосредственно услышала голос России. Тютчев, по словам влиятельного французского политика Ф. Бюлоза, «явился в Западной Европе проводником идей и настроений, одушевляющих его страну» [4].

С 1848 г. Тютчева назначают старшим цензором при Министерстве иностранных дел, а с 1857 г. действительным статским советником, председателем Комитета иностранной цензуры, ближайшим советником канцлера Горчакова. Поэтому уже к середине 1860-х гг. Федор Иванович Тютчев занял очень весомое место во внешнеполитической жизни России. Роль его на этом поприще была чрезвычайно важна. 30 августа 1865 г. он был произведен

в тайные советники, главная деятельность которого проходила в неофициальных кругах и была как бы скрыта от любопытных глаз. Как утверждают ученые [7], он был дипломатом невидимого фронта. Став ближайшим и незаменимым сподвижником Горчакова, он во многом управлял его деятельностью, подавал нужные идеи, проекты, связанные с насущной и будущей судьбой России, оставаясь в тени. В этом отношении он действительно был тайным советником не только государственного канцлера, но и самого императора Александра II.

Многое ему удалось пророчески отразить в своих статьях. Он пишет о предчувствии войны Запада против России, которая и разразилась через десять лет. Он всегда в своих прогнозах значительно опережал время, являлся настоящим дипломатом-мыслителем, глубоким аналитиком, видящим гораздо дальше и глубже своих коллег.

Так, еще в 1849 г. он с полной убежденностью говорил о неотвратимом исчезновении Австрийской империи, бывшей тогда крупнейшим государством Европы, и это действительно произошло через 70 лет.

Другим поистине пророческим предвидением Тютчева были его размышления о Германии. Он писал: «Весь вопрос о единстве Германии сводится теперь к тому, чтоб узнать, захочет ли Германия смириться и стать Пруссией» [7]. В то время еще никто не думал о всеевропейских и, более того, всемирных последствиях, тех переменах, которые происходили в Германии.

Он предсказал и прусско-австрийскую, и франко-прусскую войны, а также Крымскую и русско-турецкую.

Поразительна пророческая мощь его слов звучит в сфере дипломатии и политики, а не только в известных всем стихах. Вот что он говорил: «Что меня поражает в современном состоянии умов в Европе, это недостаток разумной оценки некоторых наиважнейших явлений современной эпохи – например, того, что творится теперь в Германии... Это дальнейшее выполнение все того же дела, обоготворения человека человеком...» [7]. Все это, по его словам, может «повести Европу к состоянию варварства, не имеющего ничего себе подобного в истории мира и в котором найдут себе оправдание всяческие иные угнетения» [7].

Как видим, Тютчев здесь сумел увидеть ростки обожествления личности, которой всё позволено, того, что стало всемирной

реальностью через сто лет – в 30–40-х гг. XX в. Это были те гениальные откровения дипломата и поэта, которые актуальны и сегодня.

Он даже утверждал в набросках к своему трактату «*Россия и Запад*» [9], что турки заняли православный Восток, «чтобы упрятать его от западных народов», и в этом смысле турки являются не столько завоевателями, сколько хранителями, исполняющими мудрый замысел Истории. Так ли это будет, может ответить только время. Как утверждает В. Малышев, «...единственная естественная политика России по отношению к западным державам – это не союз с той или иной из этих держав, а разъединение, разделение их. Ибо они, только когда разъединены между собой, перестают быть нам враждебными – по бессилию... Эта суровая истина, быть может, покоробит чувствительные души, но в конце концов ведь это закон нашего бытия» [7].

Заметим, что после Крымской войны в русской дипломатии наступила «эра Горчакова». Но еще до ее начала Тютчев писал: «В сущности, для России опять начинается 1812 год, общее нападение на нее не менее страшно, чем в первый раз... И нашу слабость в этом положении составляет непостижимое самодовольство официальной России, до такой степени утратившей смысл и чувство своей исторической традиции, что она не только не видела в Западе своего естественного и необходимого противника, но старалась только служить ему» [7].

Федор Иванович, пожалуй, первым за полтора года до вторжения в Россию определил характер Крымской войны – агрессия Запада. В это время он занимал должность цензора при Министерстве иностранных дел. В последующие годы он предпринял многообразные усилия, направленные к тому, чтобы так или иначе состоялось возвращение России на верный путь. У него не было сомнений в величии судеб Родины.

Тютчев стал при Горчакове действительным статским советником, главным редактором внешнеполитического журнала и председателем Комитета иностранной цензуры. Он мог реально воздействовать на внешнеполитический курс страны. О Горчакове Тютчев писал: «Мы стали большими друзьями, и совершенно искренно. Он – положительно незаурядная натура с большими достоинствами...» [7].

Федор Иванович свел вместе Горчакова и Каткова, видного журналиста, имевшего особое влияние на императора и управлявшего его политическими воззрениями. И что удивительно, он добился того (ход истинного дипломата!), что эти государственные небожители стали внушать друг другу не что иное, как тютчевские идеи. Являясь чуть ли единственным прямым посредником между ними, Тютчев преподносил Каткову свои идеи как горчаковские, а Горчакову – в качестве катковских.

В продолжение семнадцати лет он еженедельно встречался в неофициальной обстановке с Горчаковым, формулировал основные внешнеполитические принципы, убеждал, доказывал. Оценивая успешные дипломатические акции министра, он видел в них воплощение своей собственной политической программы.

Внимание Тютчева распространялось на все части света: Европу, Турцию, Персию, США. Свою литературную деятельность он считал делом второстепенным, основным для него в жизни была и оставалась дипломатия, хотя всемирно известным его сделала именно литература.

С конца 50-х гг. и до конца жизни политическая деятельность Тютчева, как уже отмечалось выше, была внешне незрима. Тютчев не только не стремился к тому, чтобы обрести признание и славу, но, напротив, предпринимал все усилия для того, чтобы скрыть свою роль, думая лишь об успехе дела, в которое верил. Тютчев вовлек в свою деятельность на благо России многих сотрудников газет и историков, министра иностранных дел и самого царя. И реальным воплощением его идей стало медленное возрождение России, новое ее утверждение на международной арене.

Он более всех других людей в России видел враждебность Запада и четко осознавал историческую миссию своей страны в мире. Но он и не был сторонником какой-то исключительной обособленности России. В своих идеях он поднимался выше конкретной политики, становился философом-мыслителем, пророком. Для Тютчева борьба выражалась не в противостоянии России и Запада, но в борьбе со злом в мировом масштабе. И высочайшей целью для него было ради победы в этой борьбе «войти в мирное духовное общение с Западом»[7].

Невольно задаёшься вопросом, а кем же был в те времена дипломат? Наверное, политическим разведчиком, так как регулярно

слал донесения в Петербург, беседовал с информаторами, анализировал политическую ситуацию в странах пребывания, делал выводы и вносил свои предложения. А выводы были невеселые. Волна русофобии в те годы буквально захлестывала печать Западной Европы. Европейские писатели и поэты наперебой изображали Россию, как мрачную страну варваров и тиранов. Это были и журналисты, как например, де Кюстин из Германии, или знаменитый Виктор Гюго, написавший: *Россия! Ты молчишь, угрюмая служанка/ Санкт-Петербургской тьмы, немая каторжанка/ Сибирских рудников, засыпанных пургой,/ Полярный каземат, империя вампира./ Россия и Сибирь – два лика у кумира: /Одна личина – гнет, отчаянье – в другой.*

Всем им Тютчев даёт достойный ответ, указывая на то, что Россия, освободившая Европу от наполеоновского господства, подвергается ныне постоянным враждебным нападениям европейской печати. Он не стал, например, отвечать прямо де Кюстину, а написал Гюставу Кольбу, редактору влиятельной немецкой «Всеобщей газеты» вот какие суждения: «О России много говорят; в наши дни она стала предметом жгучего, беспокойного любопытства. Очевидно, что она сделалась одной из самых больших забот нынешнего века..., дитя Запада, видит в России если и не враждебную, то совсем чуждую и не зависящую от нее стихию... Что такое Россия? Каков смысл ее пребывания в мире, в чем ее исторический закон? Откуда она пришла? Куда идет? Что представляет собою? Если бы можно было в разлив враждебных криков против России обнаружить разумный и благовидный повод для оправдания такой ненависти!» [7]. Тютчев считал, что «Истинный защитник России – это история, ею в течение трёх столетий неустанно разрешаются в пользу России все испытания, которым подвергает она свою таинственную судьбу» [3].

Тютчев долго жил за границей и лучше многих понимал, как на самом деле относятся в Западной Европе к России. Уровню его информированности мог бы позавидовать любой современный дипломат. Он был «на дружеской ноге» не только с королями, местной знатью, но и с Гейне, Шеллингом, Гете, другими корифеями европейской культуры. И, следовательно, знал очень и очень много, был в курсе всех европейских интриг, тайных заговоров и самых глубоких стратегических замыслов.

Обычно местом для сбора разведывательной информации в те времена были королевские дворцы, салоны князей и баронов, светские

рауты и приемы в посольствах. На них Тютчев, превосходно знавший немецкий, французский, итальянский, латынь и древнегреческий языки, отличавшийся блестящим красноречием и редким остроумием, чувствовал себя уверенно. Кроме того, он был в Германии вроде бы и вообще своим, так как женился на девушке из родовитой немецкой семьи Элеоноре Петерсон. Он считал, что Россия вовсе не противостоит Западу, а является его «законной сестрой», живущей только «своей собственной, органичной и самобытной жизнью» [2].

И ещё. Тютчев предвидел угрозу революции для России более чем за полвека до нее. Он предсказывал возможность появления в Германии фашизма, отмечая зарождение в ней нечто такого, что «может повести Европу к состоянию варварства, не имеющего подобного себе в истории мира». Тютчев предвидел, что под лозунгами свободы и демократии, на Россию будет предпринята мощная атака, предсказывая, что ее ждут тяжелые испытания, но она сумеет их преодолеть. Он пророчески предупреждал германского редактора, что проводимая по отношению к России политика раздоров и вражды принесет горькие плоды. «И вот тогда-то, милостивый государь, – писал он, – вы слишком дорого заплатите за то, что однажды были к нам несправедливы» [3].

Ну, а главным ответом клеветникам России у Тютчева стало его знаменитое стихотворение «Умом Россию не понять, / Аршином общим не измерить...». Причем, нетрудно догадаться, что он имел при этом в виду западноевропейский ум и такой же «аршин». «Тютчев, писал Николай Погодин, был первым представителем народного сознания о русской миссии в Европе, в истории. Поразительно его высказывание в статье *«Россия и Запад»* [9] о прозападной интеллигенции, будто списанное с портрета сегодняшних таких активистов. «Сей безымянный народец, – отмечает он, называя его «злейшим врагом», – одинаков во всех странах. Это племя индивидуализма, отрицания» [6, с. 645].

При этом Тютчев отмечал ложность навязываемых России с Запада норм и стандартов: *«Давно на почве европейской, / Где ложь так пышно разрослась, / Давно наукой фарисейской / Двойная правда создалась»*.

Применительно к славянству, горячим сторонником которого он был, Тютчев так описывает эту угрозу: «Есть у Славянства злейший

враг, и еще более внутренних, чем немцы, поляки, мадьяры и турки. Это их так называемые интеллигенции. Вот что может окончательно погубить славянское дело... Эти глупые, тупые, с толку сбитые интеллигенции до сих пор не могли себе уяснить, что для славянских племен нет и возможности самостоятельной исторической жизни вне законно-органической их зависимости от России» [6, с. 645–697].

Тютчев будто бы предвидел тот факт, что сербы, например, после натовских бомбардировок стали сами проситься в российское подданство. Но ведь и другие государства уже понимают, что без России современный мир обойтись не может. Это отчетливо показали и события вокруг Сирии, когда только Россия смогла остановить новую надвигающуюся бойню.

Тютчев мечтал о создании под эгидой России православно-славянской державы и считал, что «русское царство должно простираться от Нила до Невы, от Эльбы до Китая». Причем не только мечтал, но и активно этому содействовал, упорно боролся против антирусских сил, был убежден во всемирной судьбе России, верил в ее особый путь развития. Неустанно разоблачал коварные происки иезуитов и папства, критиковал политику поднимающихся США.

Когда Тютчев начал публикацию собственных *политических статей*, то Иван Аксаков заметил, что это была защита именно России: «Нельзя не признать, что... впервые раздался в Европе твёрдый и мужественный голос русского общественного мнения. Никто никогда из частных лиц России ещё не осмеливался говорить прямо с Европою таким тоном, с таким достоинством и свободой» [7].

По мнению Тютчева, Россия «самим фактом своего существования отрицает будущее Запада» [11, с. 201]. А потому он был убежденным противником слепого заимствования иностранного опыта, переноса на русскую почву европейских учреждений и институтов. Тютчев считал, что «необходимо оставаться там, где нас поставила судьба. Но таково роковое стечение обстоятельств, вот уже несколько поколений отягощающих наши умы, что вместо сохранения у нашей мысли относительно Европы естественно данной ей точки опоры мы ее волей-неволей привязали, так сказать, к хвосту Запада» [7].

Вопреки мнению тогдашнего канцлера Германии Бисмарка, заявившего, что единство наций достигается только «железом и

кровью», Тютчев написал: *«Единство, – возвестил оракул наших дней, – / Быть может спаяно железом лишь и кровью...» /Но мы попробуем спаять его любовью, – /А там увидим, что прочней.../.*

Он пророчески сознавал, что под лозунгами свободы и «демократических» революций для России подготавливается страшная судьба, ее ждут суровые испытания. Вот что он об этом писал: *Нет, никогда так дерзко правду Божью / Людская кривда к бою незвала! / И этот клич сочувствия слепого, / Всемирный клич к неистовой борьбе, / Разврат умов и искажение слова – / Всё поднялось и всё грозит тебе, / О край родной! – такого ополченья / Мир не видал с первоначальных дней... / Велико, знать, о Русь, твое значение! / Мужайся, стой, крепись и одолей!*

В статье *«Россия и революция»* [10], предвидя события в России начала века, Тютчев отмечал: «Революция и Россия. Эти две силы сегодня стоят друг против друга, а завтра, быть может, схватятся между собой. Между ними невозможны никакие соглашения и договоры. Жизнь одной из них означает смерть другой. От исхода борьбы между ними, величайшей борьбы, когда-либо виденной миром, зависит на века вся политическая и религиозная будущность человечества» [1]. И Тютчев оказался прав – так и произошло. Революция в России не только разрушила вековые устои страны и залила ее кровью, но и изменила облик мира, последствия продолжают ощущаться до сих пор. А ненависть к исторической России он объяснял тем, что Россия, прежде всего, «христианская держава, а русский народ является христианским не только вследствие православия своих верований, но и благодаря чему-то ещё более задушевному...» [1].

В этой же статье Тютчев утверждал, что если страна нравственно и духовно преобразится, то одержит победу над революционной заразой: «И когда еще призвание России было более ясным и очевидным? Можно сказать, что Господь начертал его огненными стрелами на помраченных от бурь Небесах. Запад уходит со сцены, все рушится и гибнет во всеобщем мировом пожаре... И когда над столь громадным крушением мы видим еще более громадную Империю, всплывающую подобно Святому Ковчегу, кто дерзнет сомневаться в ее призвании, и нам ли, ее детям, проявлять неверие и малодушие?» [1].

В те времена, когда США и НАТО бомбили Сербию, разрушили Ирак, спровоцировали хаос в Ливии, а теперь поощряют банды

нацистов и террористов, ведущих войну на Украине, когда политика Запада основывается на двойных стандартах, а США при помощи санкций пытается сохранить свою власть в мире, то Россия, несмотря на все свои собственные нелегкие проблемы, остается для всего мира чуть ли не единственным оплотом христианских ценностей: *...Ещё молчат колокола, /А уж Восток заря румянит, /Ночь бесконечная прошла, / И скоро светлый день настанет! /Вставай же, Русь! Уж близок час!*

Такой ответ, подсказанный нам из прошлого великим сыном России, мы и должны дать сегодня США на её попытки ослабить, разрушить и подчинить Россию. Но великий Тютчев – это урок не только для нас. Как сообщило агентство CNBC, американский научный руководитель Центра изучения мировой политики при Нью-Йоркском университете, профессор Кэролин Кассан считает, что Белому дому необходимо ознакомиться с творчеством русского поэта Тютчева для того, чтобы разработать политическую стратегию в отношении России. Именно стихи этого поэта, уверен американский профессор, помогут объяснить поведение России и сегодня.

Сила духа и глубина мысли Ф.Тютчева проявилась даже в его предсмертном поведении. В январе 1873 г. Федор Иванович тяжело заболел. Иван Аксаков в эти дни посещает Тютчева. Прикованный к постели, с ноющей и сверлящей болью в мозгу, не имея возможности ни приподняться, ни перевернуться без посторонней помощи, он истинно дивил врачей и посетителей блеском своего остроумия. Когда его пожелал навестить император Александр II, Тютчев с сокрушительным юмором заметил: «Это приведет меня в большое смущение. Так как будет крайне неделикатным, если я умру на другой же день после царского посещения»[3]. И в то же время Тютчев продолжал диктовать письма Горчакову, а когда тот приходил, вел с ним длительные беседы о задачах внешней политики. Перед самой смертью к нему пришел его духовник, а Тютчев, предвзяв напутствие к смерти, спросил: «Какие подробности о взятии Хивы?» И последними его словами были: «Я исчезаю, исчезаю!..»[3]. Он умер 15 июля 1873 г. в Царском селе и был похоронен на Новодевичьем кладбище в С.-Петербурге.

Сегодня слово поэта и дипломата, умевшего предвидеть события и предсказать их исход, отзывается в наших сердцах. Как? Это уже должен спросить себя каждый.

Список использованной литературы:

1. Бельский, Александр Статья Фёдора Тютчева «Россия и революция» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://proza.ru/2022/02/25/1210>. – Дата доступа : 05.09. 2023.
2. Бочаров, Сергей Тютчевская историософия : Россия, Европа и Революция // Новый Мир, № 5, 2004 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2004/5/tyutchevskaya_istoriosofiya-rossiya-evropa-i-revoljucziya.html. – Дата доступа : 20.07. 2023.
3. Драконоборец Георгий. 26.11.2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://etnoc.mirtesen.ru/blog/43398468317/DIPLOMAT-I-MYISLITEL-TYUTCHEV>. – Дата доступа : 20.07. 2023.
4. Как более 150 лет назад русский поэт и дипломат разоблачал клевету и наветы Запада [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://topwar.ru/122490-chitayte-tyutcheva-gospoda.html>. – Дата доступа : 25.08. 2023.
5. Лабанов, Сергей. Статья «Федор Тютчев: поэт, дипломат, политический публицист» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://politikus.ru/articles/74697-talantlivyyu-russkiy-diplomat-fi-tyutchev.html>. – Дата доступа : 05.09. 2023.
6. Леонтьев, К. Восток, Россия и Славянство / К. Леонтьев. – М., 1996. – С. 645–697.
7. Малышев, Владимир Военное обозрение. Статья «Читайте Тютчева, господа!» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://topwar.ru/122490-chitayte-tyutcheva-gospoda.html>. – Дата доступа : 15.08.2022.
8. Похлебкин, В. В. Талантливый русский дипломат и публицист... Ф. И. Тютчев // Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах. Выпуск 1 / В. В. Похлебкин [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.pravoslavie.ru/77.html>. – Дата доступа : 05.10. 2023.
9. Тютчев, Ф. И. Трактат «Россия и Запад» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://tutchev.lit-info.ru/tutchev/public/rossiya-i-zapad/rossiya-i-zapad.htm> – Дата доступа : 15.08. 2022.
10. Тютчев. Ф. И. Полное собрание сочинений и письма в 6-ти томах. Том 3. Публицистические произведения. [Составление, перевод, подготовка текста, комментарии Б. Н. Тарасова.] – М., Издательский центр «Классика», 2003, 528 стр., с ил. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2004/5/tyutchevskaya-istoriosofiya-rossiya-evropa-i-revoljucziya.html. – Дата доступа : 03.10. 2023.
11. Шпенглер, Освальд Закат Европы / Освальд Шпенглер. – М., 1993. – Т. 1. – С. 145; Т. 2. – С. 201.
12. Жигалова, М. П. Интертекстуальный анализ стихотворения Ф. И. Тютчева «Silentium» // Материалы Международной научной конференции. X Виноградские чтения. Текст и контекст: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты. В IV т. / М. П. Жигалова. – Москва, 2007. – Т. IV. – С. 20–25.

Наумчик Виктор Николаевич (V. N. Naumchik), доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой общей и профессиональной педагогики УО «Республиканский институт профессионального образования» (г. Минск, Республика Беларусь) (*Minsk, Republic of Belarus*); viktor_n@list.ru.

УДК-882

ФЕДОР ИВАНОВИЧ ТЮТЧЕВ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ РОССИИ

Аннотация. В статье проводится сравнение геополитических реалий России середины XIX столетия и современных через призму творчества Ф. И. Тютчева.

Показана предреволюционная обстановка в Европе, отношении Ф. И. Тютчева к фундаментальным позициям Запада, противопоставленным христианской России. Крымская война как мировая война середины XIX столетия, Парижский трактат, Лондонская конференция 1871 г. Роль российской дипломатии в бескровном разрешении конфликта.

Ключевые слова: Ф. Тютчев как дипломат, Крымская война, Севастополь, Парижский трактат, Лондонская конференция, А. М. Горчаков, черноморский флот.

FEDOR IVANOVICH TYUTCHEV AND GEOPOLITICAL REALITIES OF RUSSIA

Annotation. The article compares the geopolitical realities of Russia in the middle of the 19th century and modern ones through the prism of F. I. Tyutchev's creativity.

The pre-revolutionary situation in Europe, the attitude of F. I. Tyutchev to the fundamental positions of the West, opposed to Christian Russia, are shown. The Crimean War as a world war in the middle of the 19th century, the Paris Treaty, the London Conference of 1871. The role of Russian diplomacy in the bloodless resolution of the conflict.

Keywords: F. Tyutchev as a diplomat, Crimean War, Sevastopol, Paris Treaty, London Conference, A. M. Gorchakov, Black Sea Fleet.

«Давно уже можно было предугадать, что эта бешеная ненависть, которая тридцать лет, с каждым годом все сильнее и сильнее, разжигалась на Западе против России, сорвется же когда-нибудь с цепи. Этот миг и настал. России просто-напросто предложили самоубийство, отречение от самой основы своего бытия, торжественного признания, что она не что иное в мире, как дикое и безобразное явление, как зло, требующее исправления»
(Ф. И. Тютчев)

Противостояние объединенного Запада и России... Сейчас Беларусь и Россия остро переживают эту конфронтацию. Казалось бы, фраза, отраженная в эпитафии, относится к периоду, когда объединенная Европа в очередной раз пытается диктовать России свои условия существования. Но, оказывается, в истории это повторялось уже неоднократно. Наполеоновские войны, Первая мировая война и Великая Отечественная война – это вехи в истории, когда России приходилось на поле боя доказывать свою состоятельность и право на самоопределение.

Приведенное в эпитафии высказывание принадлежит великому русскому дипломату, поэту и философу Ф. И. Тютчеву и заканчивается словами: «...Больше обманывать себя нечего – Россия, по всей вероятности, вступит в схватку с целой Европой» (1854 г.). И эта схватка в истории получила название Крымской войны (1853–1856 гг.).

Ф. Тютчев был дипломатом, а стихи писал в свободное от службы время. Однако поэтическая деятельность нам может многое поведать и о геополитике середины XIX столетия, и о взглядах самого автора на развивающуюся в Европе революционную обстановку, то, что К. Маркс назвал призраком коммунизма.

Вторая половина XIX столетия характеризуется возрастанием революционных настроений в Европе. Это тот период, который К. Маркс описал словами: «Призрак бродит по Европе – призрак коммунизма. Все силы старой Европы объединились для священной травли этого призрака: папа и царь, Меттерних и Гизо, французские радикалы и немецкие полицейские». 1848–1849 гг. историки отмечают как «Весну народов» – таково общее наименование революционных событий, выразившихся в форме неповиновения власти, вооружённых восстаний, декларирования новой государственности в европейских странах. В водоворот революционных событий была втянута практически вся Европа – Италия (Сицилия), Франция, Великобритания, Дания, Швеция, Швейцария, Великая Польша, Румынские княжества.

Россия не может стоять в стороне от этой бури, и Ф. Тютчев чувствует это, отмечая, что «уже давно в Европе существуют только две действительные силы: революция и Россия. Эти две силы сегодня стоят друг против друга, а завтра, быть может, схватятся между собой. Между ними невозможны никакие соглашения и договоры. Жизнь одной из них означает смерть другой. От исхода борьбы между ними, величайшей борьбы, когда-либо виденной миром, зависит на века вся политическая и религиозная будущность человечества» [2]. Слова Ф. И. Тютчева актуальны и в наши дни.

По мнению Ф. И. Тютчева, католицизм, протестантизм и революция составляют единый фундамент западной цивилизации, которая формирует антихристианские принципы. «Россия прежде всего Христианская Империя. Русский народ – христианин не только в силу той способности к самоотвержению и самопожертвованию, которая составляет как бы основу его нравственной природы. Революция – прежде всего враг Христианства! Антихристианское настроение есть душа Революции; это ее особенный отличительный характер» [2].

Крымская война была по сути мировой войной для России. Боевые действия разворачивались на Кавказе, в Дунайских княжествах, на Балтийском, Чёрном, Азовском, Белом и Баренцевом морях, а также в низовьях Амура, на Камчатке и Курилах. Наибольшего напряжения они достигли в Крыму, поэтому в России война получила название «Крымской».

Картину баталий Крымской войны описал Л. Н. Толстой, ее непосредственный участник. В январе 1854 г. Л. Н. Толстой стал прапорщиком и был направлен из Дунайской армии в осаждённый Севастополь. 10 ноября 1854 г. Лев Толстой был назначен младшим офицером в третью легковую батарею 14-й артиллерийской полевой бригады. В конце марта 1855 г. батарею Л. Толстого отправили на четвёртый бастион, который был одной из самых важных позиций города. За чрезвычайную стойкость и мужество он получил чин поручика и был награждён орденом святой Анны 4-й степени.

Весь ужас войны Толстой представил в «Севастопольских рассказах». Война была проиграна, русские войска оставили Севастополь. Вот как это представил писатель, принимавший участие в решающих битвах: «Выходя на ту сторону моста, почти каждый солдат снимал шапку и крестился. Но за этим чувством было другое, тяжелое, сосущее и более глубокое чувство: это было чувство, как будто похожее на раскаяние, стыд и злобу. Почти каждый солдат, взглянув с Северной стороны на оставленный Севастополь, с невыразимой горечью в сердце вздыхал и грозился врагам [1].

Ф. Тютчев это событие отразил в стихах:

*Все гуще мрак, все пуще горе,
Все неминуемей беда –
Взгляни, чей флаг там гибнет в море,
Проснись – теперь иль никогда.
(Ты долго ль будешь за туманом... 1866 г.)*

Итоги Крымской войны были закреплены в Парижском трактате 1856 г. Они оказались крайне неблагоприятными для Санкт-Петербурга. Российская империя лишилась права держать на Черном море военный флот, утратила часть территории Бессарабии и на время должна была отказаться от притязаний от влияния на Балканах. Итоги Крымской войны привели к демилитаризации Черного моря, что было крайне невыгодно для России.

Слово взяли российские дипломаты во главе с канцлером А. М. Горчаковым. Ф. И. Тютчев находился в составе российского дипломатического корпуса. Перед дипломатами стояла задача –

добиться пересмотра Парижского трактата. К этому периоду относятся слова министра А. М. Горчакова: «Россия не сердится, Россия сосредотачивается».

А. М. Горчаков сдержал обещание, российская дипломатия сумела вбить клин в единую антирусскую коалицию европейских держав, и в 1871 г. произошло подписание Лондонской конвенции, позволившей России иметь в Черном море военный флот и строить военно-морские базы. Это была вершина достижений всего дипломатического корпуса России. Таким образом, все великие державы согласились подвергнуть пересмотру вторую статью Парижского трактата и вновь дать России право держать военный флот в Черном море, что и было утверждено Лондонской конвенцией. Ф. Тютчев так отметил это событие в стихах:

*Да, вы сдержали Ваше слово:
Не двинув пушки, ни рубля,
В свои права вступает снова
Родная русская земля –
И нам завещанное море
Опять свободно волной,
О кратком позабыв позоре,
Лобзает берег свой родной.*

(1870 г.)

Российская дипломатия сумела вернуть контроль над Черным морем и Бессарабией без денег, не пролив ни капли русской крови. Дипломат и чиновник Ф.И. Тютчев (с 1865 г. тайный советник) писал:

*Умом – Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать –
В Россию можно только верить.*

(1866 г.)

Отмена ограничений на Черном море после Франко-прусской войны отразилась в поэзии Федора Ивановича:

*Пятнадцать лет тебя держало
Насилье в западном плену;*

*Ты не сдавалась и роптала,
Но час пробил – насилье пало:
Оно пошло, как ключ, ко дну.*

(Черное море, 1871 г.)

Ф. И. Тютчева мы вправе считать нашим современником, дипломатом и политиком, который показал хищническую сущность Запада, его геополитику, направленную на подчинение восточных территорий, формирование двойных стандартов. Возможно, уроки Крымской войны 1853 г. были использованы и в Крымской войне 2014 г., когда принцип демократического самоопределения полуострова позволил вернуть контроль России над Черным морем без денег, не пролив ни капли русской крови. Велика заслуга в этой победе и русского поэта и дипломата Ф. И. Тютчева.

Список использованной литературы:

1. Толстой, Л. Н. Севастопольские рассказы / Л. Н. Толстой [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ilibrary.ru/text/1161/p.1/index.html>. – Дата доступа : 25.07.2023.
2. Тютчев, Ф. И. Россия и революция / Ф. И. Тютчев [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ftutchev.ru/publ0012.html>. – Дата доступа : 25.07.2023.

Свирид Александр Николаевич (A. N. Svirid), кандидат исторических наук, доцент кафедры истории славянских народов Брестского государственного университета им. А. С. Пушкина (*г. Брест, Республика Беларусь*) (*Brest, Republic of Belarus*); raven_raven@mail.ru

УДК 93

Ф. И. ТЮТЧЕВ КАК ОТКРЫВАТЕЛЬ ПОЛИТИКИ «ДВОЙНЫХ СТАНДАРТОВ» В ЗАПАДНО- ЕВРОПЕЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация. В статье анализируется эволюция политических взглядов Фёдора Ивановича Тютчева и его приход к убеждению, что в западно-европейском обществе по своей сути используется политика «двойных стандартов», хотя сам термин он не вводит. Вместе с тем отмечается, что описание феномена «двойных стандартов» состоится в науке гораздо позже, после того, как это описал Фёдор Иванович Тютчев.

Ключевые слова: дипломатия, политика «двойных стандартов», внешняя политика Российской империи, Ф. И. Тютчев, российская поэзия, российская общественно-политическая мысль.

F.I. TYUTCHEV AS THE DISCOVERER OF POLITICS «DOUBLE STANDARDS» IN WESTERN EUROPEAN SOCIETY

Annotation. The article analyzes the evolution of the political views of Fyodor Ivanovich Tyutchev and his coming to the conviction that Western

European society inherently uses a policy of double standards, although it does not introduce the term itself. At the same time, it is noted that the description of the phenomenon of double standards will take place in science much later after Fyodor Ivanovich Tyutchev described it.

Keywords: diplomacy, policy of «double standards», foreign policy of the Russian Empire, F.I. Tyutchev, Russian poetry, Russian socio-political thought.

В сознании обывателя Фёдор Иванович Тютчев, как правило, ассоциируется с образом лирического поэта, который писал красивые и запоминающиеся стихи о природе, в основном осенней. Упоминание Фёдора Ивановича Тютчева как дипломата, философа и политолога вызывает удивление и замешательство. Но именно его политологическая мысль и открытия в этой области ставят его на одну доску с такими деятелями как Т. Н. Грановский, К. Д. Кавелин, П. В. Анненков, Б. Н. Чичерин, В. П. Боткин, А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, П. В. Киреевский, К. С. Аксаков, И. С. Аксаков, Ю. Ф. Самарин.

Почему же так сложилось? Почему даже афоризмы Фёдора Ивановича Тютчева известны небольшому кругу специалистов, специально занимающихся этим вопросом? Ответ прост: его высказывания оказались не в тренде политологической мысли как в XIX, так и в XX вв. Для консерваторов он был слишком, даже недопустимо едко либерален, а для либералов невыносимо пессимистичен.

Своеобразной квинтэссенцией российского консерватизма считается сформулированная в 1831 г. Министром просвещения графом С. С. Уваровым формула «официальной народности», звучащая как «Православие, самодержавие, народность». К такой позиции Фёдор Иванович Тютчев относился слишком критично.

Что касается революционно-демократичного лагеря, то только за высказывание Фёдора Ивановича Тютчева «Всеякие попытки к политическим выступлениям в России равносильны стараниям высекаль огонь из куска мыла» его должны были подвергнуть остракизму при жизни и забвению после смерти.

Ничего удивительного, что его политические сочинения были изданы только один раз в XIX в. [1], один раз на рубеже веков, [2] и один раз в XX в. в Париже [3].

XX век для России – век господства революционно-демократических идей. Но ирония истории: предать забвению Фёдора Ивановича Тютчева не удалось, благодаря стихам о природе.

И лишь в XXI в. произошло возрождение понимания Фёдора Ивановича Тютчева как политического философа.

Причиной появления настоящего философско-политологического наследия стал долгий опыт дипломатической службы. Фёдор Иванович Тютчев был зачислен на службу в Государственную коллегия иностранных дел в начале 1822 г. На тот момент ему было 18 лет. Двадцать лет дипломатической службы с самого начала взрослой жизни дали свой результат. За это время были заложены и трансформировались его взгляды на жизнь, дипломатию и западно-европейское общество.

Понимание политической ситуации в Европе Фёдор Иванович Тютчев в конечном итоге выразил в 1867 г. словами:

*Давно на почве европейской,
Где ложь так пышно разрослась,
Давно наукой фарисейской
Двойная правда создалась*

В приведенных выше рифмованных строках почти в чистом виде сформулирована идея двойных стандартов. Если вчитаться в эти строки, то перед нами одно из самых удачных и, вероятно, одно из самых первых определений феномена политики «двойных стандартов».

Велика вероятность того, что причиной такого заключения стали события 1829 г. в Греции, когда Россия и Британия боролись за влияние в этой стране.

Согласно Википедии, в политической науке основоположником и открывателем идеи двойных стандартов считается Фридрих Ницше, жизнь которого пришлось на гораздо более поздний период [4].

Термин «двойной стандарт» первоначально не имел негативного подтекста и использовался в технической и финансовой сферах, например, для обозначения использования двух металлов (обычно золота и серебра) в качестве денежных единиц в фиксированном соотношении друг к другу.

В 1764 г. в «Собрании брошюр библиотеки Эймса» (том 16, выпуски 1–9), который представляет собой «собрание монографий, связанных с историей и цивилизацией Индии, а также британским опытом в Индии с XVIII по XX века». Но и в этом источнике термин используется как и ранее.

В XIX в. термин начинает использоваться в других смыслах. В 1834 г. вышла статья Джеймса Энделла Тайлера «Происхождение, природа и история клятв» из *The Law Magazine* (том 13) содержит следующий отрывок: «Однако главное возражение против использования клятвы состоит в том, что она устанавливает двойной стандарт правдивости: она признает принцип, согласно которому с помощью некоторых человеческих замыслов возможно усилить обязательство говорить правду; принцип, по нашему мнению, стандарт совершенно ложный и чреват самыми пагубными последствиями».

Использование этого термина в моральном смысле появилось на более позднем этапе, а самый ранний известный письменный пример этого слова появился в статье 1872 г. «Несправедливые суждения по вопросам морали» из *The Ecclesiastical Observer* (том 25) в ответ на лекцию Джозефин Батлер: «Миссис Батлер связывает нынешнее неравенство в требованиях общества к мужской и женской морали с естественной тенденцией более сильных одерживать победу над более слабыми».

В XIX в. начался и анализ причин употребления этого термина. В статье 1886 г. «Двойные стандарты морали» из «*Friends' Intelligencer* в объединении с *Friends' Journal*» (том 43): «Двойные стандарты морали во многом обязаны своим постоянным существованием отсутствию общих взглядов на мораль со стороны мужчин и женщин, особенно в более изысканных классах общества».

С тех пор этот термин постоянно использовался, часто в контексте двойных стандартов по признаку пола, когда мужчинам и женщинам предлагали придерживаться разных стандартов морали. Например, в книге Джеффри Анкетелла Стаддerta Кеннеди «Воин, женщина и Христос: исследование превосходства Христа» 1928 года эта проблема описана так: «То, что было правильным для Джека, было неправильным для Джилл».

Философско-политическое же осмысление политики двойных стандартов в науке получит гораздо позже. И здесь можно наблюдать

ситуацию, когда Ф. И. Тютчев чётко и правильно отразил сущность этого явления в западно-европейской жизни.

При этом Фёдор Иванович Тютчев до самого конца своей жизни оставался глубоким и горячим патриотом своей Родины. В мае 1850 г. Тютчев писал: «Нет, карлик мой! Трус беспримерный! Ты, как ни жмися, как ни трусь, Своей душою малOVERной Не соблазнишь Святую Русь...»

Считается, что эти строки адресованы приглашённому на роль короля Греции из Баварии Оттону, который впоследствии предпочёл Британию России. Дипломатическая карьера Ф. И. Тютчева в основном приходится на время правления Николая I. Его правление – это время дипломатических и военных поражений России, связанных с её социальной и военной отсталостью. Трезво оценивая свою современность, Ф. И. Тютчев оставил богатое и до наших дней актуальное философско-политическое наследие.

Список использованной литературы:

1. Тютчев, Ф. И. Стихотворения и полит. Статьи / Ф. И. Тютчев. – Санкт-Петербург : тип. Тренке и Фюсно, 1886. – 584 с.
2. Сочинения Ф. И. Тютчева : стихотворения и политические статьи: с портретом и снимком с рукописи автора / Ф. И. Тютчев. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Санкт-Петербург : Тип. А. С. Суворина, 1900. – 622 с.
3. Тютчев, Ф. И. Политические статьи / Ф. И. Тютчев. – Paris : YMCA-press, 1976. – 172 с.

РАЗДЕЛ 3. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТВОРЧЕСТВА Ф. И. ТЮТЧЕВА В «МАЛОМ» И «БОЛЬШОМ ВРЕМЕНИ»

Гарипова Гульчира Талгатовна (G. T. Garipova), доктор филологических наук, доцент, профессор Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета; профессор кафедры филологии и лингвокультурологии Российского государственного университета им. А. Н. Косыгина (г. Москва, Российская Федерация) (*Moscow, Russian Federation*); ggaripova2017@yandex.ru ; ORCID ID: 0000-0002-7675-2570

УДК: 821.161.1

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ «ТАЙНА ПРОРОЧЕСТВА» Ф. ТЮТЧЕВА

Аннотация. В статье рассматриваются особенности поэтического двоемирия русского поэта Ф. Тютчева. Соотносятся в единой парадигме поэтического «онтологического бытия» категории «пророк» и «безумец». Отмечаются внутренние поэтические константы авторской концепции «сакрального». Акцентируется понимание лирики Тютчева как трагедийной, в которой поэтические пророчества граничат с безумием прорицателей. Отмечается, что именно это детерминирует внутреннюю раздвоенность сознания поэта.

Ключевые слова: Ф. Тютчев, онтологическая поэтика, пророк, безумие, провидения.

ARTISTIC “MYSTERY OF PROPHECY” BY F. TYUTCHEV

Annotation. The article discusses the features of the poetic duality of the Russian poet F. Tyutchev. The categories «prophet» and «madman» are correlated in a single paradigm of poetic «ontological being». The inner poetic constants of the author’s concept of the «sacred» are noted. The understanding of Tyutchev’s lyrics as tragic, in which poetic prophecies border on the madness of soothsayers, is emphasized. It is noted that this is what determines the inner duality of the poet’s consciousness.

Keywords: F. Tyutchev, ontological poetics, prophet, madness, providence.

Одной из самых неоднозначных поэтических фигур ушедшего золотого века русской поэзии до сих пор продолжает оставаться Ф. Тютчев.

Поэзию его называли то мистерийной, то религиозно-философской, то лирико-философской, то пророческой... Но мы бы, вслед за В. Е. Хализевым [6, с. 323], определили ее как *онтологическую* (воспользовавшись термином философии: онтология – учение о бытии), ибо каждая поэтическая строчка тютчевской лирики наполнена бытийными смыслами Жизни, Времени, Бога и Человека.

Сегодня все чаще философы «предлагают рассмотрение-интерпретацию любого текста, художественного в том числе, исходя из онтологической установки. Возможно, что такой подход вполне закономерен, поскольку в каждой текстовой (художественно-эстетической) модели лежит та или иная картина бытийной реальности, эстетически рождаемой исходя из индивидуальных представлений автора» [2, с. 18].

Тютчева не всегда слышали и понимали при жизни, обвиняя в грехе безумия, но это было пророчество – прозрение былого и предвидение грядущего. Вячеслав Иванов в «Римском дневнике 1944 года (октябрь)» [цитируется по: 6, с. 323] ставил его в один ряд с А. А. Фетом и Вл. Соловьевым и писал о поэзии Ф. Тютчева так: «... их трое / В земном прозревших неземное / И нам предуказавших путь».

Тютчева не понимали, Тютчева не признавали, но к нему влекло как к запретному плоду познания, ибо он проникал в глубины сокровенного, познавал сам и открывал другим самые тайные тайны человеческого бытия – внешнего и внутреннего. А. В. Чичерин определил лирику Тютчева как трагедийную и увидел истоки

его пророчеств, граничащих порой с безумием прорицателей, во внутренней раздвоенности личностного сознания поэта, в смятенной противоречивости его поэтического бытия. Он прозревал: «былое и то, что будет чрез много, много лет, и это хрупкое, неуловимое, вечно ускользящее *сейчас*. Сознание, что всегда скользишь над «всепоглощающею бездной», что «на роковой» стоишь «очереди», пронизывает все творчество этого поэта» [7, с. 193].

Ощущение двойственности бытия (реальное–идеальное), пороговые чувства – состояния сна и безумия – сопровождали Тютчева всю его жизнь. И это смятение и блуждание духа то зажигало в нем божественный огонь, то рождало стенания падшего ангела, но всегда он оставался творцом и пророком – то Жизни, то Смерти, то их Гармонии, то их Хаоса:

*И море, и буря качали наш челн:
Я, сонный, был предан всей прихоти волн.
Две беспредельности были во мне,
И мной своевольно играли оне* [6, с. 61].

В художественном мире Тютчева два поэтических концепта – *сон* и *море* (в тех или иных эстетических вариациях) – используются в большинстве онтологических аллегорий и, встречаясь наиболее часто, являются очень значимыми в осмыслении той картины мира, которую творит поэт. Море (или океан) символизирует некое пространство всебытия*, пребывая в котором человек все время находится на грани двух онтологических стихий – иллюзорного (бессознательного) мира и реальности, или Гармонии и Хаоса. Эти две ипостаси тождественны человеческому Я и ЭГО, которые лишь в единстве образуют Жизнь, являющуюся сутью бытия и личности (*были во мне*) и судьбы (*мною своевольно играли оне*).

Пространство сна не позволяет объять их разумом (*две беспредельности*), они постижимы лишь на уровне ощущений и передаются Тютчевым, предворяющим символистское мироощущение, на уровне символов – образов, чаще всего восприятия звуков, цветов, света, чувств.

*Такое пространство в поэзии XIX века чаще всего соотносится с небом, а море с жизненным пространством. Тютчев, нарушая «правило», наделяет морскую стихию высшим бытийным смыслом – пространство всего Сушеного.

*Я в хаосе звуков лежал оглушен,
Но над хаосом звуков носился мой сон.
Болезненно-яркий, волшебнo-немой,
Он веял легко над гремящею тьмой.
В лучах огневицы развил он свой мир –
Земля зеленела, светился эфир,
Сады-лабиринфы, чертоги, столпы
И сонмы кипели безмолвной толпы...*

<...>

*По высям творенья, как бог, я шагал,
И мир подо мною недвижный сиял [5, С. 61]*

И если до этого поэт подчеркивал сосуществование двух *беспредельностей* в одном пространстве, то теперь он разделяет их, разбивая свое Я на два мира – сон и хаос. Дважды использованное выражение *хаос звуков* усугубляет ощущение беспорядочности, дисгармоничности реального мира, той действительности, которая окружает поэта. Ощущение антиномичности этой реальности миру бессознательного, иллюзорного сна, творящего идеальность, достигается за счет образа «безмолвной толпы», что уже само по себе является смысловым оксюмороном – в мире идеального сна хаос толпы преобразуется в гармонию тишины и молчания как условия постижения высшего Божественного смысла. В этом мире молчаливого познания, волшебнo-немом, недвижимом, человек равен Богу. Нереальность, необычность этого мира-рая подчеркнута символом, который часто встречается у Тютчева – *светился эфир*. Это не воздух, которым дышит человек в реальности, это некое разреженное пространство всебытия, в котором пребывает дух над «гремящею тьмой». Поразительно, что, создавая образ неземного, необъяснимого разумом мира, Тютчев использует для его времени понятие – эфир, по старым теориям физики – «особая сплошная среда, заполняющая мировое пространство» [4, с. 837].

В художественной системе Тютчева излюбленные им двойные эпитеты (например, *болезненно-греховный, опрометчиво-безумный, божески-всемирный, пророчески-слепой* и т.д.) подчеркивают и внутреннюю раздвоенность поэта, и в то же время поразительную пророческую цельность его поэтически-бытийного мироощущения. Так и здесь, два эпитета – *болезненно-яркий* и *волшебнo-немой* –

акцентируют необъяснимость невыразимого (*болезненно...немой*) и его созвучность высшему и осязаемому (*волшебна... яркий*), пусть даже на грани грез, в тихой области видений и снов. Использование нескольких понятий с семантическим значением тишина (*немой, тихий, недвижный, безмолвный*), подчеркивает еще и еще раз противопоставленность созданного воображением мира гармонии и реальности *хаоса звуков гремящей тьмы*.

Пророчество и безумие – одна из самых глобальных трагических тем в поэзии Тютчева, в призме которой решаются все его поэтические антитезы – жизнь и смерть, вера и безверие, реальность и иллюзия, разум и чувство...

Сложность тютчевского мироощущения в том, что привычное антиномичное взаимоотношение полярностей решается у него в их слиянности и динамике взаимопереходов – жизни в смерть, веры в безверие, безумия в вещее прорицание... и наоборот. И только ощутив, вобрав это двоемирие в себя, можно сказать:

*Я не свое тебе открою,
А бред пророческий духов [5, с. 207]*

Это тонко прочувствовали критики, уловив, что «в смятении и блуждании духа поэт постоянно приходит к такого рода утверждениям, не только недоуменным, но и заключающим в себе подлинное отрицание отрицания» [7, с. 193].

Тютчев всегда осознавал свой дар пророческого безумия и верил в свое предназначение вещать через свою высшую правду бытия. Поэт ощущал в своем голосе некую силу, некую тайну, недоступную простым объяснениям разума. То, что мы иногда называем безумием, он называл сном, считая его миром Души:

*О вещая душа моя!
О сердце, полное тревоги,
О, как ты бьешься на пороге
Как бы двойного бытия...
Так ты – жилища двух миров,
Твой день – болезненный и страстный,
Твой сон – пророчески-неясный,
Как откровение духов... [5, с. 206].*

Поэт тоскует по цельности духа, его трагически мучит раздвоенность внешнего и внутреннего миров, бродя по лабиринтам которых, он пребывает в вечном поиске, но не может найти Смысла и Истины.

Мольба поэта обращена к своей душе, – в самом себе ищет он цельность, пытаясь преодолеть иллюзорность пограничья в своей жизни, подчеркнутую условным наклоном – *как бы*. Привычно тютчевское мираы заменено в первой строфе *бытием*, что подчеркивает высший онтологический смысл тех пространств, на пороге которых маятся его душа.

Тютчев словно трансформирует воплощенную в нем внутреннюю раздвоенность во вне, моделируя внешнее бытийное двоимирие; и тогда его душа становится как бы пленницей высших сил – она не безумна в своем внутреннем нетождестве Я и ЭГО, она – вещь в своем пространстве расщепления миров, в которых она лишь временная *жилица*. Душа его не просто находится на пороге, она сама грань, призма, через которую совершается *откровение духов*.

Использованная Тютчевым риторическая фигура в форме восклицания-обращения, да еще и с внутренней инверсией, подчеркивает ощущение некоего всеобщего, а не только личностного, расколовшегося пополам бытия*, треснувшего надвое сознания. Здесь душа человека равна той субстанции, которую впоследствии символисты обозначают как Душа Мира.

Вся поэтика стихотворения построена так, чтобы усилить эмоциональное напряжение, создать атмосферу высшей исповедальной торжественности и внести элемент философичности. Более того, риторическое обращение к своему сокровенному Я (душа моя, сердце) трансформирует монолог-исповедь в диалог двух ипостасей личности, усугубляя ее двойничество, абстрагируя его в реальность. А фигуры умолчания (многоточие) в конце первой и второй строф, словно обрывая поток сознания, передают высшую степень напряжения, подчеркивая состояние грани, – когда как бы невозможно в словах передать всю гамму чувств, весь спектр ощущений, все оттенки мысли. Некая недоговоренность продолжает углублять иллюзию пространства сна – болезненную и страстную,

*Если принять за аксиому определение «Есть бытие, а небытия вовсе нет», то и душа есть субстанция бытийного плана.

пророчески-неясную, невыразимую звуками, постигаемую на уровне ощущений и видений.

Композиционно Тютчев использует тройную междометную анафору о чтобы усилить впечатление скрытой мольбы-молитвы к своей душе обрести покой (мыслимый в гармонии веры) в хаосе двойного бытия. Эта мольба в третьей строфе стихотворения перерастает в откровение веры:

*Пускай страдальческую грудь
Волнуют страсти роковые, –
Душа готова, как Мария,
К ногам Христа навек прильнуть [5, с. 206].*

Если во второй строфе психологический образ души раскрывается посредством метафоры – олицетворения (*жилица двух миров*), подчеркивающей ее двойственность и временность существования в этих мирах, то в третьей строфе то же качество высвечивается посредством поэтического сравнения *как Мария*, таящем в себе мысль о стремлении души к вере, к обретению прощения за грех двоemiрия в себе – грех равный греху блудницы... Многозначность данной метафоры выводит ее на уровень символа *душа-блудница*. Для Тютчева вообще свойственна метафоризация смыслов и образов в поисках ответов и истин. Как очень емко отметил О. Мандельштам, «только через метафору раскрывается материя, ибо нет бытия вне сравнения, ибо само бытие есть сравнение» [3, с. 83].

В смысловом плане данное сравнение скрытое, поскольку важен тайный синкретический смысл религиозного плана: Мария – воплощение двух начал: греховного и святого/двойственного и целостного/. Важен путь ее души от блуда к покаянию – через страдания тела к очищению духовному, от отчаяния и тревог к всепрощенческой вере в Христа. Но поэт вновь подчеркивает неоднозначность этого пути для себя, в котором пророк и безумец едины, – тому причиной двойственность его личности, ибо только *душа готова*, а другую сторону его *Я волнуют страсти роковые*.

Целый ряд стихотворений Тютчева создан в попытке заглянуть не за пространство порога (например, смерти), а ощутить состояние грани между смертью и жизнью, грехом и святостью, между

безумием грез и явью реальности. Они и называются так погранично: «Проблеск», «Видение», «Бессонница», «Безумие», «День и ночь», «Вечер», «Полдень», «Предопределение», «Близнецы» и другие. Это ощущение грани всегда было связано у Тютчева с особым состоянием, называемым им сном или безумием (когда тело в реальном мире, а разум творит свой мир по законам сознания – *своего или чужого?* Вот в чем вопрос поэта). Тютчев в этом пространстве (между существующим и несуществующим одновременно) очень тонко ощущает миг Времени, который становится для него откровением высшего и знанием земного. Грань превращается в *«метафору остановившегося времени»* [8, с. 132–142]

Есть некий час, в ночи, всемирного молчанья... [5, с. 56]

Образ *всемирного молчанья* как некоего бытия для посвященных в дар пророчества очень ярок у Тютчева, поскольку здесь и ответ – Пророк он или Безумец? Только в тишине видений, когда *«лишь Музы девственную душу/ В пророческих тревожат боги снах»*, поэт становится пророком Времени и во времени:

*Кто без тоски внимал из нас,
Среди всемирного молчанья,
Глухие времени стенанья,
Пророчески прощальный глас [5, с. 58]*

Свое назначение поэта Тютчев видел в предопределении будущего своего народа. Ему казалось, что, погружаясь в безумие сна в реальном пространстве жизни (яви), он в своих видениях предвидит их сквозь время там. Он пытается в своем раздвоении преодолеть реальность настоящего, чтобы предугадать минуты роковые истории будущего человека, своего народа и всего человечества. В этом объяснение того, что он стремится к цельности, но не путем преодоления своего двойничества, – он, наоборот, вновь и вновь погружается в пророческие сны, в попытках открыть Истину и обрести Знание.

Мы уже отмечали, что «концепция человека и бытия обладает полифункциональным действием при художественном

моделировании» [1, с. 469]. Отсюда вечная тяга замкнуться в себе, в своем сиротстве и одиночестве, погрузиться в глубины своего духа, через субъективное постичь многоликое объективное, чтобы через свое страдание обрести путь к спасению мира, – в этом великая жертва поэта, в этом его вера. Ведь не случайно стихотворение о поэтическом предназначении, названное Пушкиным и Лермонтовым «Пророк», а Некрасовым «Поэт», Тютчев называет «Безумие»:

*Там, где с землею обгорелой
Слился, как дым, небесный свод, –
Там в беззаботности веселой
Безумье жалкое живет.
Под раскаленными лучами,
Зарывшись в пламенных песках,
Оно стеклянными очами
Чего-то ищет в облаках [5, с. 78].*

Душа перевоплощается в безумие ... или наоборот? Вопрос этот оттого, что вновь поэт моделирует пространство грани. Порог земли и неба (там) рождает некую личностную субстанцию, в которой сливаются в двойственное целое пророк и поэт, душа и безумие. Анафорическое «там», перемежающее пространства (слился) и состояния (безумие), подчеркивает в своей пространственной неопределенности так лелеемую Ф. И. Тютчевым беспредельность, иллюзорность «*пророческого сна*» в котором поэт «*чего-то ищет в облаках*».

Это стихотворение очень значимо в художественной поэтической системе Тютчева. Оно обо всем: о поэте и его предназначении, о смысле жизни и смерти, о чувствах и разуме... Но главное, оно о **тайне пророчества**, которым наделена душа поэта.

В отличие от «гармоничных и божественно приближенных» Пушкина и Лермонтова, Тютчев – поэт, в котором пророк уживается с *жалким безумцем*. И в этом его неповторимость и предназначение, его страдание и вина. Это предвидение времени будущего и грядущего страдания «раско-лотого» человечества, в котором Хаос и Гармония пребывают в вечной борьбе. И Тютчев пророчесствует о *последнем катаклизме* будущего, проникая в глубины былого:

*Когда пробьет последний час природы,
Состав частей разрушится земных:
Все зримое опять покроют воды,
И божий лик изобразится в них [5, с. 58].*

Гениальность Тютчева в парадоксальном сочетании утопии и антиутопии, веры и безверия, отчаяния и надежды; в нем все двойственно, и в его вопросах уже есть ответ:

*Но час настал, пробил... молитесь богу,
В последний раз вы молитесь теперь [5, с. 95].*

Тютчев использует амплификацию* (настал, пробил...) плюс мно-готовчие (как бы продолжая ряд в бесконечность), чтобы усилить значимость последнего мига, беспредельного в своей краткости, когда человек может преодолеть Хаос в себе и в мире через Веру, придя к Гармонии с Богом (как прообраз Души), открыв его в себе и для себя.

В XIX веке гениальный пророк-безумец предвидел трагедию безверия XX века, утратившего своего Бога, и пророчески предопределил путь к ее преодолению. Может сегодня, в год рождения поэта-пророка, и стоит нам прислушаться к нему:

*Наш век
Не плоть, а дух растлился в наши дни,
И человек отчаянно тоскует...
Он к свету рвется из ночной тени
И, свет обретши, ропщет и бунтует.
Безверием палим и иссушен,
Невыносимое он днесь выносит...
И сознает свою погибель он,
И жаждет веры... но о ней не просит...
Не скажет век, с молитвой и слезой,
Как ни скорбит перед замкнутой дверью:
«Впусти меня! – Я верю, боже мой!
Приди на помощь моему неверью!... [5, с. 177].*

*Амплификация – стилистическая фигура, представляющая собой ряд повторяющихся речевых конструкций или отдельных слов.

Список использованной литературы:

1. Гарипова, Г. Т. Феномен интегрального мышления и построение новационных методик литературоведческого исследования в современной научной парадигме // Бюллетень науки и практики. – 2019. – Т. 5, № 5. – С. 467–474.
2. Гарипова, Г. Т. Сравнительное литературоведение: Методология и практика изучения русской литературы в системе компаративного анализа / Г. Т. Гарипова, Э. Ф. Шафранская. – Владимир : Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, 2022. – 107 с.
3. Мандельштам, О. Разговор о Данте / О. Мандельштам. – М. : Искусство, 1967. – 88 с.
4. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – М. : Русский язык, 1991. – 915 с.
5. Тютчев, Ф. И. Стихотворения. Письма / Ф. И. Тютчев – М. : Гослитиздат, 1957. – 626 с. – В дальнейшем все ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием страниц.
6. Хализев, В. Е. Теория литературы / В. Е. Хализев. – М., 1999. – 281 с.
7. Чичерин, А. В. Ритм образа / А. В. Чичерин. – М. : Сов. писатель, 1973. – 335 с.
8. Шафранская, Э. Ф. Метафоры остановившегося времени в современной литературе / Э. Ф. Шафранская, Г. Т. Гарипова, А. И. Смирнова // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. – 2022. – № 4. – С. 132–142.

Жигалова Мария Петровна (M. P. Zhigalova), доктор педагогических наук, профессор кафедры лингвистических дисциплин и межкультурных коммуникаций Брестского государственного технического университета (*г. Брест, Республика Беларусь*) (*Brest, Republic of Belarus*); zhigalova@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-9406-8369.

ТЮТЧЕВСКОЕ ВОСПРИЯТИЕ ЖИЗНИ В СТИХОТВОРЕНИЯХ «SILENTIUM», «НАМ НЕ ДАНО ПРЕДУГАДАТЬ...», «СЛАВЯНАМ»

Аннотация. В статье предложены фрагменты анализа стихотворений Ф. И. Тютчева «Silentium», «Нам не дано предугадать...», «Славянам», раскрывающие взгляд поэта на развитие цивилизации и коммуникации, в основе которой лежат вечные человеческие ценности – глубокая вера, любовь и патриотизм. Показаны суждения поэта о попытке человека познать тайны мироздания, о формировании характеров и судеб людей, их внутреннего мира. Указывается и место человека в тютчевской современности, который может оказаться перед лицом тягчайшей катастрофы.

Ключевые слова: Ф. И. Тютчев, восприятие, анализ, творчество, человеческие ценности, современность.

TYUTCHEV'S PERCEPTION OF LIFE IN THE POEMS «SILENTIUM», «WE ARE NOT GIVEN TO PREDICT ...», «SLAVS»

Annotation. The article offers fragments of the analysis of F.I. Tyutchev's poems «Silentium», «We cannot predict ...», «Slavs», revealing the poet's view on the development of civilization and communication, which is based on eternal human values – deep faith, love and patriotism. The poet's judgments about a person's attempt to know the secrets of the universe, about the formation of the characters and destinies of people, their inner world are shown. The place of a person in Tyutchev's modernity, who may find himself in the face of the gravest catastrophe, is also indicated.

Keywords: F.I. Tyutchev, perception, analysis, creativity, human values, modernity

Известно, что талант Тютчева-поэта с особой силой проявился в философских размышлениях о человеке, который всегда внутренне связан с идеями века, его трагедиями и надеждами.

Поэт с полным правом мог сказать так и о себе (*О вещая душа моя! / О сердце, полное тревоги...*). Художника слова волнуют мысли о человеке, о судьбе человечества. Он передаёт одновременно и растерянность своего современника, не знающего, где и в чём искать опору, и его веру в возможную гармонию жизни. Может быть, поэтому философское восприятие современности в лирике Ф. И. Тютчева так многогранно.

В своем творчестве автор утверждает и величие мироздания, и единство природы и внутреннего мира человека («мировой души»), рассуждает над вечными вопросами бытия: о смысле жизни, о жизни и смерти, о взаимоотношении природы и человека, о внутренних противоречиях человеческой души и его связи с современностью. Далеко не всегда эти вопросы находят разрешение, но они волнуют не только поэта, но и читателя, заставляют его думать и переживать.

Ф. И. Тютчев (1803–1873) – открыватель новых образных миров в поэзии, которая у него не безмятежно-спокойная, не умиротворённая, а внутренне тревожная и глубоко драматичная. Неудивительно, что человеческая жизнь и природа как бы срослись в сознании поэта, потому что и тут, и там он улавливает вечное смятение, вечную тревогу.

*Дума за думой, волна за волной –
Два проявленья стихии одной:
В сердце ли тесном, в безбрежном ли море,
Здесь – в заключении, там – на просторе,
Тот же всё вечный прибой и отбой,
Тот же всё призрак тревожно-пустой.*

Мир представляется поэту дисгармоничным, погружённым в хаос:

*О чём ты воешь, ветер ночной?
О чём ты сетуешь безумно?
.....
О, бурь заснувших не буди –
Под ними хаос шевелится!...*

Масштаб его поэтических ассоциаций (представлений) поразителен:

*Небесный свод, горящий славой звёздной,
Таинственно глядит из глубины, –
И мы плывём, пылающею бездной
Со всех сторон окружены.*

«Так мог сказать человек, взглянувший на нашу планету из космоса» [1]. Поэт в отличие от большинства людей не воспринимал Пространство и Время как нечто естественное, то есть, попросту незамечаемое. Ему было присуще живое ощущение Бесконечности и Вечности как реальности, а не каких-то отвлечённых, абстрактных категорий. Может быть, поэтому поэтическая модель Ф. И. Тютчева – это двойственный взгляд на мир.

Человек, по мнению поэта, его душа всегда находится между небом и землёй, «на пороге двойного бытия». Отсюда – прямо противоположное решение одних и тех же вопросов. Может быть, поэтому поэтический мир художника слова построен на антитезе: гармония – хаос, вера – безверие, небесное – земное, человек – природа, любовь – смерть, бытие – небытие. Нередко они совмещаются в одном стихотворении («Как ни гнетёт рука судьбины...», «Природа –

сфинкс...»), «День и ночь», «О, как убийственно мы любим»!...), а иногда даже в образе: «и ропщет мыслящий тростник».

Человек в лирике поэта хрупкий, как тростник, обречённый на смерть, немощный перед лицом судьбы, но велик своей тягой к беспредельному. Поэтому жизнь для героев Ф. И. Тютчева – это трагедия, трагедия в том высоком смысле слова, как её понимали древние: поражение проистекает не от слабости, а от величия поставленной задачи каждым человеком и человечеством.

В стихотворении *«Последний катаклизм»* поэт говорит о судьбах человечества, которое может, как и природа, оказаться перед лицом тяжчайшей катастрофы. В стихотворении *«Наш век»* Тютчев напряжённо размышляет о своём времени, о потере человеком духовного:

*Не плоть, а дух растлился в наши дни,
И человек отчаянно тоскует...
Он к свету рвётся из ночной тени
И, свет обретши, ропщет и бунтует. [2]*

Таким представляется Ф. И. Тютчеву и его современник. В стихотворении *«Бессонница»* поэт создаёт трагический образ человека своей эпохи: он одинок, стоит «на краю земли», покинутый «на самого себя», окружённый «всемирным молчанием». А значит, Человек участвует во всемирной драме, и жанр её – не комедия и не мелодрама, а трагедия. Трагедия – это не грустная, а величественная пьеса, пьеса о великих событиях и великой борьбе. В такой величественной пьесе участвуют и люди.

Остро ощущая трагический характер своей эпохи, поэт не прячется от жизненных бурь, не ищет укромных пристанищ. Покой не его стихия. Поэт как будто идёт навстречу всем жизненным бурям и катаклизмам, он живёт ими. В одном из самых проникновенных своих стихотворений *«Цицерон»* он писал:

*Счастлив, кто посетил сей мир
В его минуты роковые...*

Тютчевское восприятие современности не обмануло его. Свидетелем каких только событий он не был, сколько «роковых

минут» ему пришлось пережить! Он – современник восстания декабристов, революций 1830 и 1848 годов на Западе, «мрачного семилетия» в России и многого другого. Потому и жизнь предстаёт в его поэтическом сознании как нечто неустойчивое, постоянно клокочущее. А покой, «недвижный» мир возможен только во сне, но – */И в тихую область видений и снов/Врывалась пена ревущих валов.*

Тяжело переживая неустойчивость современного ему мира, поэт одновременно упоен неугомонным, безостановочным движением жизни. Отсюда – торжествующе-победное звучание, которое слышится в его стихах:

*Вкруг меня, как кимвалы¹, звучали скалы,
Окликалися ветры и пели валы...*

Как видим, каждая строка стихотворений Ф. И. Тютчева овеяна мыслью о вечном, настояна на пережитом. Философия не материал для его стихов, а сама атмосфера, присущая им, потому что движения человеческой души, глубинные переживания всегда интересовали поэта. Жажда человеческой близости, отзывчивости слышится в известном тютчевском стихотворении «*SILENTIUM*» («*Молчание*»). Стремлением проникнуть внутрь человеческого «я», понять причины его трагического одиночества, пронизано всё стихотворение, написанное в 1833 году:

*Молчи, скрывайся и таи
И чувства, и мечты свои –
Пушкай в душевной глубине
Встают и заходят они,
Безмолвно, как звёзды в
ночи –
Любуйся ими – и молчи!
Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?*

¹Кимвалы – древний ударный музыкальный инструмент в виде двух металлических тарелок.

*Поймёт ли он, чем ты
живёшь?
Мысль изречённая есть ложь.
Взрывая, возмутишь
ключи –
Питайся ими – и молчи.
Лишь жить в самом себе
умей –
Есть целый мир в душе
твоей.
Таинственно-волшебных дум –
Их оглушит наружный шум.
Внимай их пенью – и молчи!... (1830)*

Уже само название «SILENTIUM» (в переводе с латинского – «молчание») относит читателя к мыслителям и поэтам античности, которыми неизменно восхищался Ф. И. Тютчев [4, с. 20–25]. Любовь к языку Горация и Цицерона была привита поэту с детства его наставником Семёном Егоровичем Раичем, знатоком поэзии и философии античности. Мысль философов древности о том, что слово эфемерно, а молчание содержательно, подхватывает и развивает Тютчев в своём стихотворении.

«SILENTIUM!» – раздумье поэта над природой слова, высказывания. Поэт с сожалением говорит о роковом бессилии слова, неспособного точно выразить живую мысль и чувство. «Приблизительность», грубость слов по сравнению с бездонной глубиной душевного мира обрекают человека на вечное одиночество.

Художник слова считает, что в слове невозможно воплотить полноту духовного выражения. И более того, слово не просто неточно, недостаточно и частично отображает внутренний мир личности, оно по отношению к нему лживо. «Мысль, изречённая есть ложь», – утверждает автор. Неудивительно, что эта строка обрела собственную жизнь вне произведения, стала для последующих читателей афоризмом.

В трёх строках стихотворения создаётся *образ души*, обречённой на одиночество и непонимание. Человеческая жизнь так хрупка, что к ней нельзя допускать «другого». Даже лучи солнца могут разогнать её очарование. Лирический герой готов принять

абсолютное одиночество, «жить в самом себе», чтобы сохранить это чудо.

Стихотворение написано четырёхстопным ямбом, однако автор использует полиметрию (соединение различных размеров внутри одного произведения), и четвёртая и пятая строчки первой строфы, а также предпоследняя строчка стихотворения написаны трёхстопным амфибрахийем. Такой приём поэт использует для того, чтобы подчеркнуть крайнюю уязвимость внутреннего мира человека.

В стихотворении много метафор: душа – «*звезда, бездна, ночной таинственный*» мир. Автор как бы нанизывает признаки, представляя духовную жизнь личности как таинственный, величественный гармоничный мир. Если же понимать лишь буквально идею стихотворения, то получается, что слово – только отзвук тех чувств, кипения страстей в душе человека, который не может воплотить в себе бездну личных переживаний, и по отношению к ним является отголоском, серой тенью, поэтому и кажется чуждым, лживым.

Однако это лишь одна сторона суждений поэта. Автор произведения не просто философствует, раздумывая над природой слова и ведя диалог с собственной душой. Он пытается донести до читателя всю ответственность человека за сказанное слово. У поэта есть собеседник, слушатель, и это читатель, к которому поэт не просто обращается, но требует скрывать самое сокровенное от толпы, которой он не доверяет: *Молчи, скрывайся и таи/ И чувства, и мечты свои*. Неслучайно в стихотворении преобладают глаголы над другими частями речи, и большинство из них стоит в повелительном наклонении: «*молчи*», «*скрывайся*», «*таи*», «*пускай встают*», «*любуйся*», «*внимай*» и т.д., что указывает на усиленно императивную интонацию самого произведения. Этому свидетельствует и название стихотворения, которое указывает не просто на «Молчание», но «Молчание!» с восклицательным знаком в конце. Автор задаёт и ряд риторических вопросов, обращаясь к читателю, словно заставляя его согласиться со своими суждениями:

*Как сердцу высказать себя?
Другому, как понять тебя?
Поймёт ли он, чем ты живёшь?*

Таким образом, Тютчев пытается дать своему адресату некие моральные установки, говоря о том, что не стоит каждому открывать свою душу, свои мысли и чувства, поскольку они не будут оценены и поняты в полной мере. А значит, раскрывая себя другому человеку, можно только увеличить внутреннюю разъединённость с ним. И, напротив, с близкой по мировоззрению, родственной духовно личностью даже молчание будет следствием душевного понимания. Обращает на себя внимание в стихотворении и композиционное кольцо, своеобразный рефрен – каждая строфа заканчивается призывом «...и молчи!»:

*...Питайся ими – и молчи!
...Внимай их пенью – и молчи!
...Любуйся ими – и молчи!*

Тютчев усиливает тем самым свой призыв не просто к молчанию, но к самоуглублению, самопознанию. Он уверен, что гораздо проще понять другого, чем себя. Поэтому и призывает читателя вести с собой постоянно внутренний психологически насыщенный монолог: */Лишь жить в самом себе умей – /Есть целый мир в душе твоей/Таинственно волшебных дум.*

Таким образом, обучаясь молчанию, человек учится постижению глубокой жизненной мудрости, учится рассуждать, жить в гармонии не только с природой, но и со своей собственной душой. Ведь кто не умеет молчать, тот редко говорит искренне. Молчание позволяет не только скрыть сомнения и желания, но и зазвучать по-новому тонкие струны человеческой души.

Да, каждый человек пытается познать тайны мироздания, но он часто обречён на поражение понять то, что ему не дано. Однако он велик уже тем, что поставил перед собой задачу не успокаиваться, пока не постигнет всё до конца, не ответит на последние вопросы бытия хотя бы самому себе. Об этом стихотворение «*Нам не дано предугадать...*» [5, с. 77–80]:

*Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется, –
И нам сочувствие дается,
Как нам дается благодать...*

Это стихотворение – не столько иллюстрация философских позиций Тютчева, сколько стремление показать, что непосредственность эмоционального переживания у поэта всегда находится в глубоком единстве с поэтической мыслью. Стихотворение написано в 1869 году, в то время, когда поэту было уже 66 лет. Это свидетельствует о том, что в конце жизненного пути Тютчев поднялся на вершину философского осмысления человеческих отношений, сущности и смысла бытия. В стихотворении есть и «ум», и «сердце», горькая рассудочность и затаённая сердечная боль.

Тема стихотворения – философские размышления о жизни во Вселенной, о смысле человеческого существования, об отношениях людей друг к другу, о том, что остаётся потомкам после нашей смерти, наконец, о предназначении поэта. Автор поднимает проблему и культуры человеческих отношений, и бережного, душевного отношения к внутреннему миру человека, который является частью Вселенского разума [6, с. 278–284].

Первая строка предостерегает человечество: «Нам не дано предугадать...» Тютчев уверен, что человек не знает, что ему уготовила Судьба, и каковы последствия наших слов и поступков, как они отражаются на судьбах других людей. Поэт указывает на возможность исправления своих ошибок, а значит, и на возможность прощения, на благодарность за всякое, как он выражался, проявление «умственной симпатии», за всякое доброе, умное слово, сказанное о его поэзии.

Понятие Благодати – Благого дара Бога – является читателю и как любовь, и как красота природы, и как человеческие взаимоотношения, и как понимание и сочувствие. Поэтому смыслообразующими понятиями, своеобразными *ключевыми словами* в стихотворении являются: «слово», «сочувствие», «Благодать». Не удивительно, что поэт ставит их в один ряд. Он уверен, что его «слово», творчество найдёт отклик в сердцах потомков, посеяв благодать в их душах.

Сильная позиция – это название стихотворения «Нам не дано предугадать...». Она проходит через всё произведение. Личное местоимение «нам» указывает на причастность поэта к вопросам этики человеческих взаимоотношений и на ответственность поэта за каждое сказанное слово. Употреблённое во множественном числе, оно несёт в себе огромную смысловую нагрузку, так как объединяет

автора и человечество в одно целое. И эта взаимосвязь представляет собой не мозаику, легко рассыпающуюся на первоэлементы, а составляет единое неделимое, в основе которого – ответственность человека за каждое сказанное слово и сделанное дело.

Ф. И. Тютчев, как поэт, тоже берёт на себя ответственность за это, понимая, что сказанным словом можно и ранить, и вылечить, и дать стимул к жизни, и лишить человека последней надежды... Для себя, для человечества поэт ничего не требует, потому что «благодать» (дар, благо, исходящее от Бога) в душе человека – это уже есть награда за щедрость человеческой души, это – умиротворение и душевное спокойствие.

Язык и лексика стихотворения философско-созерцательны: «не дано», «благодать», «предугадать». Эта таинственность и загадочность – лишь свидетельство нашей зависимости от Всевышнего и от его дара.

Стихотворение написано четырёхстопным ямбом, как большинство стихотворений Тютчева. Рифма кольцевая, точная, рифмовка 1, 4 – мужская, 2, 4 – женская. Интонация – рассудительная, плавная, спокойно льющаяся из глубины души. Это своеобразные мысли поэта вслух. Тютчев использует и возвратные глаголы, то есть действие обращает на самого себя. Но кем даётся сочувствие и благодать, об этом читаем в подтексте: оно даётся человеку свыше, Высшим разумом, Богом.

Дважды употребляется глагол «даётся», что ещё раз указывает на то, что каждый человек имеет право и шанс получить от другого человека и Всевышнего прощение и сочувствие, поддержку.

Стихотворение написано в чёткой, афористичной форме. Отсутствие поэтических «украшений» не обедняет стихотворение, а, наоборот, придаёт ему внутреннюю энергию.

С точки зрения синтаксиса стихотворение представляет собой сложную синтаксическую конструкцию (сложное предложение с разными видами связи) состоящую из 2-х блоков, доминирующая связь – сочинение (союз И), что свидетельствует о единстве и гармонии Мира и Человека в нём.

Главная связь между словосочетаниями в предложении – управление. Главное слово в словосочетании – глагол: «отзовётся», «даётся», а существительные – зависимые: «сочувствие», «слово»,

«благодать». Слово «сочувствие» в русском языке имеет несколько смысловых значений: «участливое отношение», «сопереживание», «сострадание», «поддержка», «одобрение». Каждое из этих значений дополняет предыдущее, что особенно важно для понимания стихотворения. Этим выбором автор как бы подчёркивает вечную истину жизни: «Относись к другим так, как ты хотел бы, чтобы относились к тебе». Тире делит стихотворение на две самостоятельные части: первая – посыл, вторая – итог, следствие воздействия. В конце стихотворения стоит многоточие, указывающее на то, что жизнь и Вселенная бесконечны и вечны, а мы в них, как и наши возможности, дела – временные.

Автор использует и повторы, инверсию («сочувствие даётся», «даётся благодать»), полисиндетон (многосоюбие): союз «как».

Глубина авторских чувств наталкивает читателя на мысль о художественной интерпретации Ф. И. Тютчевым библейских вечных истин и божьих заповедей: «возлюби ближнего своего, как самого себя», «не судите, да не судимы будете, «не осуждайте и не будете осуждены», «прощайте и прощены будете».

Особенно значимы для поэта характеры и судьбы славянского мира. О силе духа славян, выдержке, воле говорит Ф. Тютчев в стихотворении «Славянам» [3, с. 133]:

*Man muss die Slaven an
Die Mauer drücken
(Славян нужно прижать к стене (немецк.)*

*Они кричат, они грозятся:
«Вот к стенке мы славян
прижмём!»*

*Ну, как бы им не оборваться
В задорном натиске своём!..*

*Да, стенки есть – стена
большая,
И вас не трудно к ней
прижать,
Да польза-то для них какая?
Вот, вот что трудно угадать.*

*Ужасно та стена упруга,
Хоть и гранитная скала, –
Шестую часть земного круга
Она давно уж обошла...*

*Её не раз и штурмовали,
Кой-где сорвали камня три,
Но напоследок отступали
С разбитым лбом богатыри...*

*Стоит она, как и стояла,
Твердыней смотрит боевой;
Она не то, чтоб угрожала,
Но...каждый камень в ней
живой...*

*Так пусть же бешеным
напором
Теснят вас немцы и прижмут
К её бойницам и затворам, –
Посмотрим, что они возьмут!*

*Как ни бесись вражда слепая,
Как ни грози вам буйство
их, –
Не выдаст вас стена родная,
Не оттолкнёт она своих.*

*Она расступиться пред вами
И, как живой для вас оплот,
Меж вами станет и врагами
И к ним поближе подойдёт.*

(11–16 мая 1867 г.)

Несмотря на то, что стихотворение написано поэтом-провидцем более 150 лет назад, звучит и сегодня особенно актуально. Читатель понимает основной мотив стихотворения и авторский посыл своему

современнику – никогда и никому не удастся разрушить центр славянского народа – Россию, хотя желающих это сделать всегда хватало, как, впрочем, хватает и сегодня.

Уже самое название стихотворения «Славянам» свидетельствует о том, что художник слова адресует славянам слова гордости за свой народ и землю, за тот славянский русский дух, который никто не поймёт и не победит. В первой строфе стихотворения автор предостерегает славян от постоянных крика и угроз извне раздавить и уничтожить славян (*Они кричат, они грозятся:/ «Вот к стенке мы славян/ прижмём!»*). И вместе с тем автор уверен, что вечная угроза со стороны противников, завистников и жаждущих завоевать славянскую, российскую, землю, обречена на провал (*Ну, как бы им не оборваться/ В задорном натиске своём!..*), потому что славянская земля крепка и мощна (*«Шестую часть земного круга/ Она давно уж обошла...»*) и вместе с тем, как благородна славянская душа: *«вас не трудно прижать к стенке...»*, но *«польза-то для них какая?...»*. Может быть, поэтому несмотря на свою силу (*«Стоит она, как и стояла, / Твердыней смотрит боевой*), она никому не угрожает, но, если потребуется, то даст непременно достойный ответ, потому что *«...каждый камень в ней / живой...»*.

Автор уверен, что даже если и захочет враг победить славян, то это всё равно ему не удастся (*«...бешеным / напором / Теснят вас немцы и прижмут / К её бойницам и затворам, – / Посмотрим, что они возьмут!»*). Поэтому бесовская слепая вражда (*Как ни бесись вражда слепая, / Как ни грози вам буйство/ их*), никогда не достигнет своей победы, потому что дома и стены помогают (*Не выдаст вас стена родная, / Не оттолкнёт она своих./*). Последнее четверостишие окончательно определяет позицию автора: его уверенность в победе (*Она расступится пред вами / И, как живой для вас оплот, / Меж вами станет и врагами / И к ним поближе подойдёт*), незыблемости её необъятных просторов, в многократности бесполезных попыток врагов завоевать Россию, и наконец, в вечной божественной поддержке её в сложных ситуациях.

Так Ф. И. Тютчев доносит своему читателю мысль о том, что защита наших истоков, корней бытия, кроется в глубокой вере, любви и патриотизме – вечных человеческих ценностях. А природа поэтического слова и тайный смысл бытия помогали читателю во все времена ответить на главные и вечные вопросы жизни, что такое

Вселенная, Мироздание, какое место Человек занимает в мире и в чём его роль на Земле, Земле вечной и бесконечной, так до конца никем и не познанной.

Список использованной литературы:

1. Осповат, А. Л. «Как слово наше отзовется...»: О первом сборнике Ф. И. Тютчева / А. Л. Осповат. – М., 1980.
2. Тютчев, Ф. И. Лирика / Ф. И. Тютчев. – Мн., 1977.
3. Русская литература. Хрестоматия для 9 кл. средней школы / составители Н. Л. Бродский и И. Н. Кубиков. Ч. 2. Изд. 12-ое переработанное. – Москва, 1948. – 407 с.
4. Жигалова, М. П. Интертекстуальный анализ стихотворения Ф. И. Тютчева «Silentium» / М. П. Жигалова // Материалы Международной научной конференции. X Виноградовские чтения. Текст и контекст: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты. В IVт. – Москва, 2007. – Т. IV. – С. 20–25.
5. Жигалова, М. П. Культурный контекст античности как прогноз, образец и материал онтологического мира русских и белорусских художников слова (на примере творчества Ф. Тютчева, М. Цветаевой, Н. Матяш) / М. П. Жигалова // Взаимодействие и взаимопроникновение языков и культур: состояние и перспективы. Материалы Международной научной конференции. В 2 ч. Ч. 2. – Мн., 2008. – С. 77–80.
6. Жигалова, М. П. Философские размышления от вечном в лирике Ф. Тютчева (на примере стихотворения «Silentium», «Нам не дано предугадать...») / М. П. Жигалова // *Cyryl i Metody w duchownym dziedzictwie Slowian*. – Wydawnictwo Podlaskiej Fundac Wspierania Talentow, 2009. – 307s. – S. 278–284.

Королева Вера Владимировна (V.V. Koroleva), заведующий кафедрой второго иностранного языка и методики обучения иностранным языкам, доктор филологических наук, доцент Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых (*г. Владимир, Российская Федерация*) (*Vladimir, Russia*); queenvera@yandex.ru

Попова Александра Сергеевна (A. S. Popova), магистрант Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых (*г. Владимир, Российская Федерация*) (*Vladimir, Russia*)

ЭВОЛЮЦИЯ МИФОКОНЦЕПТА «ВОСТОК» В ПОЭЗИИ Ф. И. ТЮТЧЕВА

Аннотация. В статье исследуется структура мифоконцепта «Восток» в стихотворениях Ф. И. Тютчева, который складывается на основе переводов русского поэта по данной тематике и его собственных стихотворений, и включает такие и образы (пустыня, река), символы (мудрость), а также библейские мифы (о потерянном Рае, о падении Вавилона, о всемирном потопе, о Гильгамеше), а в позднем творчестве трансформируется в оппозицию Европа-Восток. Сделаны выводы о том, что образ Востока в лирике Ф. И. Тютчева изображается по-разному: в ранний период – романтизируется, а в поздний – приобретает политическое значение.

Ключевые слова: Восток; романтизм; миф о потерянном Рае; миф о Вавилоне; Ф. И. Тютчев; образ пустыни.

THE MYTHOCONCEPT «EAST» IN THE POETRY OF F. I. TYUTCHEV

Annotation. The article examines the structure of the mythoconcept «East» in the poems of F. I. Tyutchev, which is formed on the basis of translations of the Russian poet on this subject and his own poems, and includes such images (desert, river), symbols (wisdom), as well as biblical myths (about Paradise lost, about the fall of Babylon, about the flood, about Gilgamesh), and in his later work he transformed into the opposition Europe-East. Conclusions are drawn that the image of the East in F. I. Tyutchev's lyrics is depicted in different ways: in the early period it is romanticized, and in the late period it acquires political significance.

Keywords: The East; romanticism; the myth of Paradise Lost; the myth of Babylon; F. I. Tyutchev; the image of the desert.

Раннее творчество Ф. И. Тютчева приходится на период, когда сначала в Европе, а затем в России формируется романтизм как литературное направление, что, несомненно, отразилось на произведениях русского поэта. Увлечение стихами Г. Державина, в позднем творчестве которого появляются романтические мотивы В. Жуковского, а также интерес к немецкому романтизму (И. В. Гете, Новалис, Г. Гейне, и др.) способствует появлению в его

поэзии романтического мироощущения. В 20-е годы Тютчев с дипломатической миссией переезжает в Германию, где еще больше попадает под влияние романтической эстетики Ф. Шеллинга, братьев Шлегелей. Его первые произведения – это подражательные стихотворения в романтическом стиле или же переводы немецких писателей (И. В. Гете, Ф. Шиллера, Ф. Шеллинга, Г. Гейне и др.). В статье «Тютчев и немецкий романтизм» Д. И. Чижевский отмечает, что поэт «нашёл что-то родное в немецкой культуре» и поэтому «предпочитал оставаться в Германии» [10]. О духовной близости Тютчева к немецкой культуре также пишут А. Б. Криницын [4], Ю. Н. Тынянов [6] и др.

Одним из аспектов романтической эстетики, нашедшей отражение в английском (Байрон), немецком (Л. Тик, А. фон А. и В. Гауфи др.) и русском (А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов и др.) романтизме, является создание образа Востока, который традиционно противопоставлялся Европе как мир духовной свободы, романтический идеал, достигнув которого можно обрести мудрость и гармонию. Эта традиция была продолжена и Ф. И. Тютчевым, поэзию которого пронизывают восточные мотивы, на что указывали исследователи творчества русского поэта (Пер-Арне Будин [8], Б. Я. Бухштаб [2] и др.). Для него концепт «Восток» связан с осмыслением исторического прошлого Востока и Запада, поэтому пересекается с античной тематикой. Однако исследователи главным образом ориентируются на античные мотивы в творчестве Тютчева, связанные с греческой и римской мифологией. Мы же предлагаем рассмотреть структуру мифологизированного концепта «Восток» в творчестве Тютчева, который складывается на основе переводов русского поэта по данной тематике и его собственных стихотворений, и включает в себя такие образы понятия, как символ мудрости, образ пустыни, а также мифы о потерянном Рае, о падении Вавилона, о всемирном потопе, о Гильгамеше, а в позднем творчестве трансформируется в оппозицию Европа-Восток.

Романтизация Востока и отношение к нему, как к таинственному и далёкому идеальному миру начинает формироваться в немецкой философии романтизма в трудах Ф. Шлегеля, который отмечал: «Im Orient müssen wir das höchste Romantische suchen» [11] (на Востоке мы должны искать высшего романтика). По мнению известного

современного историка Ж. Ле Гоффа, представление о Востоке как о воплощении мечты формируется в связи с тем, что эти земли всегда были богаты «драгоценными металлами, редкими породами деревьев, пряностями» [5]. Идеализация Востока помогла создать мечту «об изобилии и сумасбродстве», «об иной жизни, о разрушении табу, о свободе, перед лицом предписываемой Церковью строгой морали...» [5]. Романтики стремились не столько создать достоверный образ Востока, сколько выразить свой субъективный взгляд на восточную культуру. Восток в романтической литературе – литературный миф, фантазия. Например, в произведении Новалиса «Генрих фон Офтердинген» он ассоциируется с сокровищами и персидскими легендами. И. Гете пишет о долинах Евфрата, безжизненной пустыне и даре бессмертия.

При этом Восток – особое пространство, где прошлое сливается с будущим, смерть превращается в жизнь: «Но Восток лишь заалет, Чарам гибельным конец» [7]. У Тютчева он становится метафорой потерянного Рая, из которого изгнали людей. Теперь весь смысл их жизни – подобно Фаусту стремиться к недостижимому. Многие романтики никогда не были на Востоке, но тоскуют по нему, как по своей Родине. Это чисто романтическое немецкое ‘Fernweh’ – тяга к дальним странствиям. Восток привлекал романтиков именно своей отличностью от Запада, он стал символом бегства от буржуазной цивилизации.

Вслед за Гете и Новалисом, в ранней лирике Тютчев воспринимает Восток как мистический и неизведанный край. Его привлекает загадочность и недостижимость: «Восток таинственный!», «Что в дальних пределах Востока» [7]. Рисуя восточные пейзажи, он представляет Месопотамию, Древнюю Персию. Как и все романтики, писатель тоскует по тем местам, в которых никогда не был. Восток в творчестве Ф.И. Тютчева предстает как мир мечты, где течет Евфрат, возрождается Вавилон и Персеполь, так как в этих местах зарождается цивилизация.

На осмысление Тютчевым образа Востока оказал влияние сборник И.В. Гете «Западно-восточный диван», что проявляется во многих стихотворениях русского поэта. В первую очередь, он, подобно Гете, воспринимает Восток как символ мудрости и тайных знаний, и связывает его с Вавилоном, который опережал в развитии другие

древние цивилизации. В стихотворении «Урания» (1920) Тютчев называет Древний восток учителем, который передал мудрость всем народам и векам. Он сожалеет, что век Вавилона, Фив, Персеполя не был долог. Для него Восток – «свет новый», «нова сила» [7].» Но Вавилон – эфемерная и исчезающая мечта, так как человечество не готово принять эту мудрость. Поэтому лирический герой восклицает по поводу судьбы этого древнего города: «Их нет! – Лучи его теряются в степях» [7].

Образ Востока в стихотворении Тютчева «Урания» навеян восточными мотивами стихотворения И. В. Гете «Плыл мой челн – и в глубь Евфрата» (1814–1818), где немецкий поэт вспоминает Месопотамию. Ключевым образом становится река Евфрат, которая «хранит на дне столько тысяч дивных песен» [3]. Согласно Гете, в её безднах скрыта мудрость всего человечества. Плывущие по Евфрату влюбленные Зулейка и Хатем подобны Адаму и Еве, изгнанным из Рая. За ними – будущее. Но они плывут в глубь времён.

Апокалиптические мотивы, восходящие к творчеству Гете, в связи с образом Востока возникают и в стихотворении Тютчева «На новый 1816 год». Поэт осознает, что даже то, что казалось вечным, обречено на гибель: «О Время! Вечности подвижное зеркало! – Всё рушится, падет под дланию твоей!..» [7]. Вавилон, несмотря на своё могущество, пал: «Пустынный ветер свистит в руинах Вавилона!» [7]. В этом поэт винит человека, который возомнил себя Богом. Тютчев делает отсылки к мифу о падении Вавилона и Страшном суде из «Откровения Иоанна Богослова»: «Мы все должны узреть Коцита грозный берег», «льстецы твои и злато от смерти не спасут» [7]. Вавилонская башня разрушена, потому что человек не может ставить себя выше Бога. Вавилоняне мечтали о бессмертии, но ход времени не изменить: «Одно столетие стирается другим; Что может избежать от гнева Крона злого?» [7].

Ф. И. Тютчев, опираясь на натурфилософию Ф. Шеллинга, наполняет апокалиптические мотивы новым содержанием: истинным творцом для него становится природа, которая идеальна, а человек ассоциируется с Антихристом, который приходит перед апокалипсисом: «И ты еще дерзнул своей рукою жадной отгять насущный хлеб у вдов и у сирот» [7]. Символ падения Вавилона у Тютчева – это также невозможность приблизиться к истине. Здесь

прослеживаются фаустовские мотивы. В трагедии Гете «Фауст» ученый заключает сделку с Дьяволом, чтобы познать истину, но это приводит к смерти невинных людей. В итоге Фауст понимает, что истина не существует. И для Тютчева «природа – сфинкс» [7], загадка, которую нам не дано разгадать. Попытка приблизиться к тайне приводит к апокалипсису. С одной стороны, Вавилон – высшее знание, но с другой стороны, познание может обернуться смертью: «Твой гроб забвенный здесь покрыла мурава!» [7].

В ранний период творчества Ф. И. Тютчева можно наблюдать, как восточная тематика проявляется в отсылках к шумеро-аккадскому эпосу о Гильгамеше. Например, в стихотворении *«Послание Горация к Меценату, в котором приглашает его к сельскому обеду»* (1819) проявляются аллюзии на это сказание.

Основная тема стихотворения Тютчева – бренность бытия: «Сей мир – игральница Фортуны злой», «Что время? Быстрый ток...» [7], но лирический герой надеется найти волшебный цветок: «Мы можем, странствуя в тернистой сей пустыне, Сорвать один цветок, ловить летящий миг» [7]. В эпосе о Гильгамеше также фигурирует цветок бессмертия. Лирический герой Тютчева, как и Гильгамеш, осознает, что вечная жизнь недостижима. Стихотворение заканчивается потоком – торжеством смерти: «И черные холмы морских кипящих вод, С громовой тучею сливает, И бранных кораблей Рвет снасти, все крушит в свирепости своей...» [7]. В эпосе о Гильгамеше шумерские боги насылают потоп, чтобы наказать людей за то, что те возомнили себя выше природы. У Ф. И. Тютчева отсылки к мифу о Всемирном потоке также указывают на конец света, который наступает, когда лирический герой решает сорвать цветок, чтобы достичь бессмертия.

Одним из важных образов-символов в мифоконцепте 'Восток' в лирике Ф. И. Тютчева является пустыня. В эпоху романтизма этот образ ассоциируется с местом перерождения, познания себя, где герой может пройти испытания и возвыситься. Восток у Ф. И. Тютчева связан с мотивами времени и песка: «Но на Восток, цветущий и пустынный», «Бесплодно роющий во пламенных песках» [7]. Кроме того, пустыня в лирике Тютчева символизирует и духовную пустоту. В его художественном мире, Восток ассоциируется с обетованной землей, в которую можно попасть только через пустыню, где человеку суждено встретиться с пророком. Так в стихотворении «Олегов щит»

(1829) поэт обращается к Аллаху: «Аллах! Прелей на нас свой свет!» [7]. Он называет его «великим богом», которому суждено вести людей через пустыню бытия: «Веди нас ныне, Как некогда ты вёл в пустыне Свой избранный народ!..» [7]. Однако уже в этом стихотворении намечается тема противопоставления Запада и Востока, характерная для поздней лирики поэта. По мнению российского литературоведа Б.Я. Бухштаба, поэзия Тютчева строится на антитезе – Запад-Восток. Восток – идеальный мир, а запад – реальный [2]. Запад тонет в крови, там «прекрасный день исчез», в то время как Восток совершенен: «Восток таинственный! – Чреда твоя свершенна!» [7].

В стихотворении «*Смотри, как Запад разгорелся*» (1838) Тютчев, противопоставляя Запад и Восток, задает риторический вопрос: «В вражде ль они между собою? Иль солнце не одно для них?» [7]. Поэт мечтает о соединении Запада и Востока. Такая же тема звучит в сборнике Гете «Западно-восточный диван»: «Восток и Запад больше не могут быть разделены» [1].

В стихотворении Тютчева Восток рассматривается с политической точки зрения. Г. В. Флоровский в своей статье «Прозрения Тютчева» отмечает, что Восток и Запад в творчестве поэта – воплощения духовных законов: «истинная Восточная империя, чьим бледным и несовершенным предтечей была первая Восточная Империя Византийских правителей», и «узурпаторская Империя Запада» [9].

Видимо, Тютчев полагает неизбежным саморазрушение Западной империи. А также поэт осознает, что его идеи о соединении Запада и Востока утопичны. Его лирический герой стремится на Восток, зная, что он никогда его не достигнет.

В произведениях Тютчева Восток всегда где-то далеко – за зарей, за облаками, за морем. Это особенно заметно в стихотворении «*Восток белел. Ладья катилась*» (1930). Лирическая героиня направляется на Восток, но чем ближе она к нему подплывает, тем больше он от неё отдаляется: «Восток белел», «Восток алел» [7]. Он растворяется в небесах, и ей видны лишь его неясные очертания. Женщина, плывущая по морю бытия, олицетворяет все человечество, ищущее потерянный Рай.

В стихотворении «*Молчит сомнительно Восток*» (1965) также подчеркивается эфемерность и иллюзорность Востока: «Что

это? Сон или ожиданье, И близок день или далек?» [7]. Для Тютчева он – бесплотный образ, грёза. В. Г. Флоровский пишет, что Восток, Россия для Тютчева как «святой ковчег», как «утес могучий», «гранит громадный», незыблемо возвышается над «волн неистовых прибоем», посреди безумства непримиримых сторон, в час «гигантского потопа» [9]. Восток воспринимается Тютчевым как единственное спасение от конца света. В стихотворении «Рассвет» (1949) поэт мечтает, что для всего мира наступит «Вселенский день православный!» [7]. Восток воспринимается Тютчевым как единственное спасение от конца света.

В поздней лирике Ф. И. Тютчева Восток также связан с библейскими мифами. В стихотворении «*Не первый раз волнуется Восток*» (1867) Восток становится местом смерти и воскресения Христа: «Не в первый раз Христа там распинают» [7]. Поэт сравнивает человека с Понтием Пилатом. По его мнению, это люди виновны в смерти Христа: «Несется клич: «Распни, распни его!» (1867). Здесь прослеживаются апокалиптические мотивы. Именно человек становится виновником конца света. Это он – лжемессия. Не случайно Тютчев отмечает, что Христа распинают «не в первый раз» [7]. Он делает акцент на том, что история повторяется. Мир разрушается, но затем рождается снова. Однако природа людей не меняется и приводит их к гибели.

Таким образом, мифоконцепт 'Восток' в стихотворениях Ф. И. Тютчева включает следующие элементы: образы пустыни, реки, символы мудрости, познания, а также библейские мифы: о потерянном Рае, о падении Вавилона, о всемирном потопе, о Гильгамеше.

Мифоконцепт 'Восток' на протяжении творческого пути Ф. И. Тютчева изображается по-разному: в ранний период – романтизируется под влиянием немецкого и русского романтизма, а в поздний трансформируется в оппозицию Европа–Восток и приобретает политическое значение.

Список использованной литературы:

1. Аюпова, Д. И. Синтез Запада и Востока в «Западно-восточном диване» Гёте / Д. И. Аюпова // Молодой ученый. 2014. – № 7 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : URL: <https://moluch.ru/archive/66/10824/> – Дата доступа : 01.09.2023.

2. Бухштаб, Б. Я. Русские поэты: Тютчев. Фет. Козьма Прутков. Добролюбов / Б. Я. Бухштаб. – Л., 1970.

3. Гете, И. В. «Плыл мой челн – и в глубь Евфрата» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://gete.velchel.ru/index.php?cnt=15&rhime=sz_141. – Дата доступа : 05.09.23.
4. Криницын, А. Б. Ф. И. Тютчев и немецкий романтизм [Электронный ресурс]. – Режим доступа : URL: <https://www.bibliofond.ru/view.aspx?id=83563>. – Дата доступа : 08. 09. 23].
5. Ле, Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада [Электронный ресурс]. – Режим доступа : URL: <https://culture.wikireading.ru/38563>. – Дата доступа : 05.09.23.
6. Тынянов, Ю. Н. Вопрос о Тютчеве [Электронный ресурс]. – Режим доступа : URL: <https://philologos.narod.ru/tynyanov/pilk/ist4.htm>. – Дата доступа : 08.09.23].
7. Тютчев, Ф. И. Полное собрание сочинений и письма : в 6 т. – М., 2002–2005.
8. Тютчевский сборник: Ст. о жизни и творчестве Федора Ивановича Тютчева / Под общ. ред. Ю. М. Лотмана. – Таллин : Ээсти раамат, 1990.
9. Флоровский, Г. В. Исторические прозрения Тютчева [Электронный ресурс]. – Режим доступа : URL: http://classica.rhga.ru/upload/iblock/bf1/022_Florovsky1.pdf. – Дата доступа : 05.09.23.
10. Чижевский, Д. И. Тютчев и немецкий романтизм [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://russianway.rhga.ru/upload/main/026_Chizhevsky.pdf. – Дата доступа : 05.09.23].
11. Зарубежная литература XIX века: Романтизм: Хрестоматия ист.-лит. материалов / Сост. А. С. Дмитриев и др. – Москва : Высш. шк., 1990.

Юхнова Ирина Сергеевна (I. S. Yuhnova), доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской литературы, руководитель центра по изучению наследия А. С. Пушкина Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского (*г. Нижний Новгород, Российская Федерация*) (*Nizhny Novgorod, Russian Federation*); yuhnova@yandex.ru

УДК 82-1/-9

ТЮТЧЕВ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ Ю. М. НАГИБИНА (РАССКАЗ «СОН О ТЮТЧЕВЕ»)

Аннотация. В статье представлена художественная интерпретация образа Тютчева как творца в рассказе Ю. М. Нагибина «Сон о Тютчеве». Показано, что Нагибин главным событием произведения делает процесс создания стихотворения «Накануне годовщины 4 августа 1864 г.» («Вот бреду я вдоль большой дороги...»), выявлено, как соотносятся события внешней и внутренней жизни поэта, отмечено разграничение двух способов создания стихотворений (когда они «сочиняются» и «слагаются»), охарактеризованы особенности рождения слова в поэтическом сознании Тютчева.

Ключевые слова: Тютчев, рассказ «Сон о Тютчеве», тема творчества, судьба поэта, лирико-психологический рассказ.

TYUTCHEV AS INTERPRETED BY Y.M. NAGIBIN (THE STORY «THE DREAM OF TYUTCHEV»)

Annotation. The article presents an artistic interpretation of Tyutchev's image as a creator in Y.M. Nagibin's story «The Dream of Tyutchev». It is demonstrated that in the work Nagibin puts emphasis on the process of creating the poem «Eve of the Anniversary (4th August 1864)» («I walk on, down the road...»), reveals the correlation between internal and external life of the poet. The author also mentions the difference between two ways of creating poems (when they are «composed» and «take shape»), characterises the features of the birth of a word in Tyutchev's poetic consciousness.

Keywords: Tyutchev, the story «The Dream of Tyutchev», the theme of creativity, the fate of the poet, a lyrical and psychological story.

Тема творчества и судьбы человека искусства в литературе относится к разряду магистральных. Размышляя о жизненном пути художника-творца, писатели выражают свое представление о сущности творчества, о соотношении в нем рационального и иррационального, о личности творца, его отношениях с эпохой и обществом и т.д. В литературе романтизма распространение получила «повесть о художнике», когда словом «художник» определяли человека, посвятившего себя искусству [1]. В XIX–XX вв. активно развивалась художественная проза о жизни и творчестве писателей, о литературном быте и литературной борьбе, получил популярность жанр беллетризованных биографий [2]. Неизменный читательский интерес вызывают так называемые «романы с ключом», в которых читатель черпает сведения о литературных спорах и конфликтах, включаясь в увлекательный процесс разгадывания зашифрованных персоналий [3]. Многочисленны произведения о судьбах писателей – классиков русской литературы. Современные исследователи отмечают, что в русской прозе сформировались пушкинский, лермонтовский сюжеты [4; 5; 6; 7] с устойчивой, повторяющейся системой мотивов, событийной канвой. Художественных произведений, посвященных судьбе и творчеству Тютчева, по сравнению с литературой о Пушкине, Лермонтове, писателях и поэтах серебряного века и 1920-х гг., не так много, но все они знаковы. Чаще всего имя Тютчева звучит в лирике русских поэтов (В. Брюсов «Федору Ивановичу Тютчеву», О. Мандельштам «Дайте Тютчеву стрекозу», Н. Рубцов «Приезд

Тютчева», А. Кушнер «Когда страна из наших рук...» и др.), но и в русской прозе есть ряд произведений, так или иначе связанных с Тютчевым. Считается, что некоторыми чертами поэта Л. Н. Толстой наделил дипломата Билибина в романе «Война и мир». О тютчевском «Безумии» как стихотворении, составившем триаду пророческого сверхтекста русской литературы, размышляет Лёва Одоевцев – герой «Пушкинского дома» А. Битова. Тютчеву посвящен рассказ Ю. М. Нагибина «Сон о Тютчеве». Он и станет предметом нашего анализа.

Творчество и личность Ю. М. Нагибина оценивают неоднозначно, указывая на двойственность его позиции, приспособленчество, беспринципность. Как замечает Г. Л. Нефагина, «смолоду в Нагибине уживались удивительным образом страх разрушения его творческой личности халтурой и страх остаться без материальных благ» [8, с. 220]. А А. И. Солженицын свою статью о писателе так и назвал – «Двоенье Юрия Нагибина» [9]. Во всех работах о его творчестве непременно цитируют признание в «Дневнике» о том, как «бездарно, холодно, дрянно исписанные листки могут превратиться в чудесный кусок кожи на каучуке, так красиво облегающий ногу, или в кусок отличнейшей шерсти», которое называют «одой вещизму» [8, с. 220].

Однако наряду с идеологически выдержанными у Нагибина есть произведения, которые позволяют говорить о нем как о тонком стилисте, виртуозно владеющем деталью, наделенном лирическим мировосприятием, и поставить его в один ряд с писателями, которые глубоко раскрывали мир человеческих переживаний, неуловимые оттенки чувства [10]. Как правило, это рассказы, небольшие повести, которые определяются как лирико-психологические, а центральной темой в них часто становится тема творчества, судьба человека искусства. В 1981 году Ю. М. Нагибин собрал эти произведения в единый цикл «Вечные спутники». В него и входит рассказ «Сон о Тютчеве».

Название цикла отсылает к известной книге Д. С. Мережковского, имя которого в годы оформления нагибинского цикла как художественного единства находилось под запретом, и уже этот факт привносил в произведения, вошедшие в его состав, элемент фрондерства. А если учесть, что героями рассказов были, например,

Рахманинов, после революции оказавшийся в эмиграции, протопоп Аввакум, восставший против реформ патриарха Никона, то это утверждало мысль о спасительной силе искусства, когда талант, данный человеку природой, выводит на единственно верный путь, ведущий его в вечность. Так или иначе, в произведениях, составивших цикл, речь шла о судьбе тех людей искусства, которые осознавали свое предназначение и следовали ему, и размышления об их пути были лично важны для Нагибина: в том, какие он расставлял акценты, давал авторские комментарии и оценки, явно присутствовал автобиографический момент. В рассказе «Беглец» писатель упоминает о сложном положении Тредияковского при дворе, в «Сне о Тютчеве» – о стихах, которые слагались к юбилейным и торжественным датам.

По сути, к циклу Нагибина вполне применимы те слова, которые адресует своему читателю Д. С. Мережковский: «...цель его [автора. – И.Ю.] – откровенно *субъективная*. Прежде всего желал бы он показать за книгой живую душу писателя – своеобразную, единственную, никогда более не повторяющуюся форму бытия; затем изобразить действие этой души – иногда отдаленной от нас веками и народами, но более близкой, чем те, среди кого мы живем, – на ум, волю, сердце, на всю внутреннюю жизнь критика, как представителя известного поколения. Именно в том и заключается величие великих, что время их не уничтожает, а обновляет: каждый новый век дает им как бы новое тело, новую душу по образу и подобию своему» [11, с. 5]. А о героях своих очерков высказался следующим образом: «Они живут, идут за нами, как будто провожают нас к таинственной цели; они продолжают любить, страдать в наших сердцах как часть нашей собственной души, вечно изменяясь, вечно сохраняя кровную связь с человеческим духом. Для каждого народа они – родные, для каждого времени – современники, и даже более – предвестники будущего» [11, с. 5].

Нагибин создает портреты своих «исторических» собеседников, тех творцов из прошлого, которые стали его «современниками».

Структура цикла «Вечные спутники», система циклообразующих мотивов, нагибинская концепция творчества подробно рассмотрены Ю. А. Тарабукиной [12]. Нам же интересна его интерпретация личности Тютчева и то, какие факты биографии он выделяет как определяющие творческую сущность дипломата и поэта.

Нагибин показывает Тютчева на излете жизни, в его усадебном уединении, где с ним находятся дочь Анна и ее жених И. С. Аксаков. В рассказе воспроизведен только один день, который точно датирован, – это 3 августа 1865 года. День тягостный и болезненный для поэта, так как это канун годовщины смерти Е. А. Денисьевой. Более того, Нагибин сюжетно показывает не весь день, а только одну его часть – прогулку. Характерно ее время – вечер, что воспринимается еще и метафорически – как «сумерки», закат жизни поэта. Знаково и состояние природы. Нагибин подчеркивает приметы не раннего августа, а, скорее, поздней осени: указывает на холод, морозящий дождь, слякоть. Нагибин не стремится к фактической достоверности. Из «Летописи жизни и творчества Тютчева» мы узнаем, что в день, когда создается стихотворение, – 3 августа 1865 года, Тютчев находится в дороге – на пути из Москвы в Овстуг [13, с. 170]. В родовое имение он едет с женой Эрнестиной Федоровной. Цель поездки вполне прагматичная – усовершенствование работы сахарного завода, для чего в имение приглашен специалист. Но фактическая недостоверность не отменяет достоверность психологическую. Более того, именно она, по мнению Нагибина, важнее, чем реальный ход событий. В рассказе «Пушкин на юге» он так высказывается о пушкинском историзме: «Раскованность в обращении с историческим материалом, поэтическое своеволие Пушкина – пример того, как следует писать о прошлом. Надо быть верным духу, а не букве – художественное изображение истории вовсе не требует буквализма». А потому и в этом рассказе Нагибин восстанавливает не канву внешней жизни поэта, а погружает читателя в его внутренний мир. Не случайно одной из основных (но не единственной) форм повествования становится внутренний монолог героя.

Нагибин рассказывает о рождении шедевра, о творчестве как процессе, о поиске и прорастании слова, о преобразовании реально-бытового в поэтическое. Так, с одной стороны, в рассказ включаются биографические реалии: больные ноги, одиночество, погруженность в горе, отношения в семье. С другой – ритм вечерней прогулки задает ритм внутренним размышлениям, когда проза жизни трансформируется в стихотворение, которое становится результатом глубокой внутренней работы, жизненного опыта, личного переживания. Этим обусловлена структура повествования, в котором

рассказ о Тютчеве как персонаже (когда используется местоимение «он») так включает в себя его глубоко интимные переживания, воспоминания о Денисьевой, видения, сны, болезненные ощущения, размышления о своей судьбе, занятиях, отношениях с близкими, литературным окружением, что они почти не разграничиваются с авторским словом.

Рассказ насыщен цитатами из произведений самого Тютчева, но также О. Мандельштама, И. Анненского, А. Ахматовой и др. Они включаются в текст разными способами: и как стихотворные строки, которые возникают в сознании поэта, и как намек, аллюзия на известное стихотворение, метафору, образ. Таков, например, фрагмент: «От жестокого, в корявых заусенцах большака опять заломило ноги. Он перебрался через заросшую лопухами обочину и пошел по обгорелой желтой траве, задевая не сдающийся засухе колючий чертополох с пунцовыми цветками, источающими сильный спертый дух» [14, с. 239]. В нем очевидны отсылки к лирике А. Ахматовой. А другой фрагмент: «Он рассеянно скользнул невесомой рукой по ее затылку и плечу, словно березовый осенний листик задел ее в своем падении» [14, с. 238] – рождает целый поток лирических ассоциаций. Вспоминается и стихотворение Пушкина «Я пережил свои желанья»: «Так, поздним хладом поражённый, // Как бури слышен зимний свист, // Один – на ветке обнаженной // Трепещет запоздалый лист!...» [15, с. 27]. Но прежде всего – лирика самого Тютчева, для которой типичен образ одинокого листа («Листья», «Первый лист» и др.). Как пишет К. В. Пигарев о стихотворении «Первый лист», «Жизнь природы Тютчев ощущает в трепете каждого молодого листа. Органический творческий процесс, совершающийся в природе, воплощается для него в поэтический образ: листья – это зимние «грезы» деревьев, теперь осуществившиеся наяву» [16, с. 229]. Так через многочисленные цитирования и аллюзии Тютчев в момент творчества вступает в диалог со всей русской лирикой, которая была до него, но, что важно, которая появится позже, через 100 лет, тем самым Нагибин выделяет в последующем литературном процессе то, что вырастает из поэтических новаций Тютчева, наследует его традицию.

Кроме того, Нагибин строит пейзажные и погодные описания, передавая тютчевское – пантеистическое – восприятие природы.

Начало дня, утреннее пробуждение природы связано с упоминанием Авроры, закат, уход дня в ночь воспринимается как вытеснение света тьмой, когда «под небесной распрей затихла земля».

Главное в рассказе – воссоздание творческого процесса. Тютчев размышляет о двух способах появления стихов: когда они «сочиняются» и когда «слагаются». Первый тип – это рациональная работа, в основе которой – четко осознаваемая цель стихотворения (историческое или политическое событие, юбилей, реплика по поводу действий какого-то лица), владение поэтической техникой, способность победить сопротивляющееся слово, достичь гармонии звука и смысла. В рассказе об этом поединке со словесной массой говорится так: «Приятно было вгонять неподатливые, упрямые слова в ритмические строки, заставляя их перекликаться друг с дружкой, обретать тот или иной музыкальный тон»; «Каждое стихотворение – маленькая победа над хаосом» [14, с. 245]. Эти стихи – «отклик на суматоху внешней жизни» [14, с. 245]. Второй тип – это творческое наитие, когда стихи приходят к поэту откуда-то извне, из словесного хаоса, который включает в себе множество художественных миров. Поэт, отвергая «чужие» строки еще не рожденных поэтов, находит свои и транслирует их в мир. И процесс «слагания» стихов не поддается рациональному объяснению. Стихи появляются как вздох, как «шаг» на земном пути. В рассказе читаем: «Чаще всего стихи слагались у него во время одиноких прогулок, а потом ему оставалось лишь записать их или продиктовать кому-то из близких» [14, с. 242]. Мемуары сохранили свидетельства о таком «приходе» стихотворений к Тютчеву. В частности, по свидетельству И. С. Аксакова, во время поездки дождливой осенью на извозчичьих дрожках появилось стихотворение «Слезы людские...».

Таким образом, процесс творчества – это и кабинетная осмысленная работа, и откровение, возникающее в момент погружения в свои переживания, в природу, в мироздание, когда поэт предстает как духовная сущность. Не случайно в рассказе используется сквозной мотив преодоления боли при движении и такая портретная деталь: «Его бестелесность пугала. И жутко прекрасной стала крупная голова с белыми легкими волосами, разметанными словно внутренним вихрем» [14, с. 238]. В этом отношении примечательно появление такого персонажа, как И. С. Аксаков, который старается убедить

Тютчева издать сборник стихотворений. По мнению почитателя таланта поэта, стихотворение живет только запечатленное на бумаге. Тютчев же думает иначе: «Как убедить Аксакова, чтоб он оставил меня в покое с этой книжицей?.. Ведь все и так состоялось. Мне отозвался дух умершей, мне был явлен глас неба. Неужели важно, чтоб стихи мои прочел какой-нибудь коллежский асессор или учитель словесности?.. Все это пена, я обрел спокойствие, больше мне ничего не надо...» [14, с. 247]. Для Тютчева творчество – это форма контакта с миром, это общение, но не с «читателем в потомстве», а с собой, с покинувшей этот свет Денисьевой и с той «всепоглощающей и миротворной бездной», которая являлась ему в его видениях и снах и воплощалась в стихотворениях.

Таким образом, Нагибин дает свое понимание «загадки Тютчева», свой «сон» о поэте. Он воссоздает момент, когда из мирового хаоса к поэту приходит слово, а само творчество превращается в великий акт общения с собой, душой близкого человека, Богом. «Сон о Тютчеве» – это греза о поэте, о том, как появилось одно из его самых шемящих стихотворений.

Список использованной литературы:

1. Искусство и художник в русской прозе первой половины XIX века: Сб. произведений. – Москва; Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. – 560 с.
2. Новиков, В. И. Поэтика и биография писателя. К постановке проблемы // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. – 2016. – № 4. – С. 105–110.
3. Новиков, В. И. Филологический роман. Старый новый жанр на исходе столетия / В. И. Новиков // Новый мир. – 1999. – № 10. – С. 193–205.
4. Шеметова, Т. Г. Пушкиноведческий роман-исследование как жанр / Т. Г. Шеметова // Вестник РУДН. Серия Литературоведение. Журналистика. – 2009. – № 4. – С.14–22.
5. Юхнова, И. С. «Онегинский» сюжет, «онегинский» миф, «онегинский» код / И. С. Юхнова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2013. – № 4–2. – С. 181–185.
6. Юхнова, И. С. Судьба Лермонтова как сюжет массовой литературы / И. С. Юхнова // Уральский филологический вестник. Серия: Русская классика: динамика художественных систем. – 2014. – № 1. – С. 174–181.
7. Юхнова, И. С. Лермонтов как персонаж отечественной литературы второй половины XX века / И. С. Юхнова // Лермонтовские чтения-2014 : М. Ю. Лермонтов в контексте культуры двух столетий. – Санкт-Петербург : Лики России, 2015. – С. 299–305.

8. Нефагина, Г. Л. «Дневник» Юрия Нагибина как документ автотерапии / Г. Л. Нефагина // Феномен затекста. – Екатеринбург : Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2021. – С. 215–231.
9. Солженицын, А. И. Двоемье Юрия Нагибина. Из «Литературной коллекции» / А. И. Солженицын // Новый мир. – 2003. – № 4. С. 164–171.
10. Брябина, Н. А. Пути раскрытия характеров в лирико-психологическом рассказе : Ю. Нагибин, С. Антонов, Ю. Казаков: диссертация ... кандидата филологических наук. – Ош, 1972. – 253 с.
11. Мережковский, Д. С. Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы. – Санкт-Петербург : «Наука», 2007. – 902 с.
12. Тарабукина, Ю. А. Концепция творчества в художественной и документальной прозе Ю. Нагибина: автореферат диссертации ... кандидата филологических наук. – Тюмень, 2006. – 23 с.
13. Чулков, Г. И. Летопись жизни и творчества Ф. И. Тютчева / Г. И. Чулков. – Москва : Ленинград : Academia, 1933. – 266 с.
14. Нагибин, Ю. М. Собрание сочинений в четырех томах. Том четвёртый. Вечные спутники. Рассказы и повести. 1972–1979 / Ю. М. Нагибин. – Москва : Художественная литература, 1981. – 640 с.
15. Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977–1979. Т. 2. Стихотворения, 1820–1826. – 1977. – 399 с.
16. Пигарев, К. В. Ф. И. Тютчев и его время / К. В. Пигарев. – М. : «Современник», 1978. – 333 с.

РАЗДЕЛ 4. ПЛЕНИТЕЛЬНАЯ РУССКАЯ ПРИРОДА В ТВОРЧЕСТВЕ ПОЭТА

Ковынева Ирина Анатольевна (I. A. Kovynina), заведующая кафедрой русского языка и педагогики, кандидат филологических наук, доцент Курский государственный медицинский университет (*г. Курск, Российская Федерация*)(*Kursk, Russian Federation*); KovynevaIA@kursksmu.net

Веревкина Юлия Владимировна (Y. V. Verevkina), кандидат филологических наук, преподаватель Курского педагогического колледжа (*г. Курск, Российская Федерация*) (*Kursk, Russian Federation*); zolotosony@yandex.ru

ПОЭТИЗАЦИЯ ПРИРОДЫ В ТВОРЧЕСТВЕ Ф. И. ТЮТЧЕВА

Аннотация. В статье анализируется образная система природных явлений, выявленных в лирических текстах великого русского поэта-мыслителя Ф. И. Тютчева.

Ключевые слова: природа в творчестве писателя, художественный мир, поэтический язык, параллелизм, художественный образ, образ радуги, образ света, образ тени

POETIZATION OF NATURE IN THE CREATIVITY OF F. I. TYUTCHEV

Annotation. The article analyzes the figurative system of natural phenomena, identified in lyrical texts of the great Russian poet-thinker F.I. Tyutchev.

Keywords: nature in the writer's creativity, artistic world, poetic language, parallelism, artistic image, rainbow image, image of light, shadow image

*«Не то, что мните вы, природа:
Не слепок, не бездушный лик –
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык...»*

(Ф. И. Тютчев)

Творчество каждого мастера художественного слова уникально, и связано это с индивидуальным видением мира, обусловленным культурными и историческими факторами.

Федор Иванович является ярким представителем того времени, когда поэзия как жанр находилась на пике своего развития. Поэт внес значительный вклад в развитие русской литературы и оставил после себя богатое наследие в виде сборников стихотворений – неповторимых по своей самобытности произведений.

Поэтический язык Федора Ивановича Тютчева полон благозвучия, он раскрывает широкий спектр различных эмоций, а благодаря правильному подбору лексических средств, поэт создает свой уникальный мир. Богатый жизненный опыт позволил поэту

охватить разные темы, затрагиваемые в его произведениях. Однако среди основных источников вдохновения особое место отведено уникальной русской природе, наделенной неповторимой гаммой звуков и красок.

К теме природы обращались многие признанные классики русской литературы. Она воспета во многих произведениях русских поэтов и прозаиков, чье творчество приходится на разные периоды. В их числе А. А. Фет (стихотворения «Еще майская ночь», «Весенний дождь», «Зреет рожь над жаркой нивой» и др.), М. М. Пришвин (рассказы «Весенний мороз», «Первые ручьи», «Темный лес» и др.), К. Г. Паустовский (рассказы «Воронежское лето», «Родные места», «Летние грозы» и др.), А. Н. Некрасов (стихотворения «Перед дождем», «Славная осень!»), М. Ю. Лермонтов (стихотворения «Когда волнуется желтеющая нива...», «О весне» («Когда весной разбитый лед»), А. С. Пушкин (стихотворения «Унылая пора! Очей очарованье!...», «Уж небо осенью дышало...», «Зимнее утро» и др.), С. А. Есенин (стихотворения «Нивы сжаты, рощи голы...», «Пороша», «Береза» и др.) и многие другие.

Эта тема по праву занимает и в творчестве Ф. И. Тютчева главенствующую позицию, поскольку она у него многогранна и разнообразна, пронизана философскими размышлениями, внутренними переживаниями самого мастера слова, чувствами неподдельной любви и восхищения красотами его родных просторов.

Ф. И. Тютчев долгое время жил в Германии, и его мировоззрение подверглось влиянию немецкого философа-идеалиста Фридриха Шеллинга, его учения о единой «мировой душе». Именно поэтому во многих природных художественных образах зашифрован таинственный смысл, являющий собой что-то загадочное, божественное.

Для Федора Ивановича природа – это некий одушевленный живой организм, а сам поэт выступает своеобразным «певцом природы», повествующим о единстве бытия человека и природы. Эпиграф к данной статье наглядно демонстрирует, насколько близки, насколько родственны душа природы и человеческая душа.

В поэзии Тютчева прослеживается система образов, которые присутствуют во многих произведениях автора. Вот как об этом пишут исследователи творчества поэта: «...в лирике Тютчева образ радуги встречается трижды: в стихотворении «Слезы» (1823), в

стихотворении «Успокоение» (1829) [2], а также в стихотворении «Как неожиданно и ярко» (1865), где «образ света или тени, обхватившей полнеба, в лирике Тютчева устойчиво связан с темой жизни, озаренной сиянием счастья (славы), или ее конца. Варьирование этого сложного образа и включение в его состав обозначения радуги в стихотворении подчеркивает непродолжительность света, мгновений счастья, человеческой жизни» [2].

Посредством образа яркого природного явления показана красота, гармония, достойная любования, но в то же время в нем раскрывается и быстротечность, недолговечность этой красоты, кратковременность человеческой жизни, неизбежность законов бытия.

*«О, в этом радужном виденье
Какая нега для очей!
Оно дано нам на мгновенье,
Лови его – лови скорей!
Смотри – оно уж побледнело,
Еще минута, две – и что ж?
Ушло, как то уйдет всецело,
Чем ты и дышишь, и живешь»* [3].

Образы дня и ночи, света или тени также являются частотными в поэтических контекстах Федора Ивановича. «Образ света или тени, обхватившей полнеба, в лирике Тютчева устойчиво связан с темой жизни, озаренной сиянием счастья (славы), или её конца» [1]:

*«Прекрасный день его на Западе исчез,
полнеба обхватив бессмертную зарю...
А он, из глубины полуночных небес,
Он сам глядит на нас пророческой звездю»* [3].

В поэзии Ф. И. Тютчева день выступает в качестве символа жизни. Так, например, в стихотворении «День и ночь» (1839 г.) четко прослеживается антитеза этих двух природных явлений и символики, скрытой в данной образной системе:

*«День – сей блистательный покров –
День, земнородных оживленье,
Души болящей исцеленье,
Друг человеков и богов!»* [3].

В данном контексте день имеет жизнеутверждающее значение, подкрепленное наличием слов «оживленье», «исцеленье». Но проходит время, и день сменяется ночью, ассоциирующейся с потаенными страхами: «в этом случае дню противопоставлен другой символ – сон, который означает смерть и подсознательную жизнь духа, темную скрытую жизнь человеческой души ... День представлен как светлый, осознаваемый мир души, а сон – мир тайный, смутный ... Ночь связана со страхом перед неизвестностью, злом, отчаяньем, смертью как архетип тьмы» [1].

*«И бездна нам обнажена
С своими страхами и мглами,
И нет преград меж ей и нами –
Вот отчего нам ночь страшна!» [3].*

В поэтическом произведении «День и ночь» полный мира и абсолютной гармонии день противопоставлен ночному мраку и страшщей неизвестности, т.е. мир света антагоничен миру тьмы, что четко прослеживается в контексте стихотворения.

Многие пейзажи Ф. И. Тютчева символичны, наполнены глубокими философскими размышлениями. Особо стоит отметить любовь поэта к весенним и осенним пейзажам, символизирующим возрождающуюся и умирающую природу. Достаточно часто в произведениях, описывающих природные явления, поднимаются темы гармонии между внутренним миром и описываемыми явлениями. Так, например, в стихотворении «Еще земли печален вид» (1836) прослеживается параллелизм между состоянием природы и внутренним состоянием человека:

*«Еще земли печален вид,
А воздух уж весною дышит...
Душа, душа, спала и ты...
Но что же вдруг тебя волнует?» [3].*

Весна еще не успела вступить в свои права, но все вокруг уже пропитано ею, окружающий мир начинает постепенно пробуждаться, и вместе с ней как будто пробуждается и сам автор, что подчеркивает идею единства человека и природы, просыпается радость жизни,

сопровождаемая неизведанными, волнующими душу романтическими чувствами и ощущениями:

*«Блестят и тают глыбы снега,
Блестит лазурь, играет кровь...
Или весенняя то нега?..
Или то женская любовь?..» [3].*

Ф. И. Тютчев обладает не только уникальным умением видеть и чувствовать природу, но и способностью донести свое видение до каждого из нас, позволяет нам увидеть и услышать мир через призму авторского восприятия и миропонимания. Он изображает природу как эстетический объект, его пейзажная лирика объемна и разнообразна, «лирические тексты изящны и пластичны, в них есть, по выражению Добролюбова, и «знойная страстность», и «суровая энергия» [Цит. по (1)], они характеризуются наличием динамики. Все стихотворения поэта, посвященные природной тематике, пронизаны попыткой понять взаимосвязь человека и природы, познать себя, «мировую душу», определить свое место в мире.

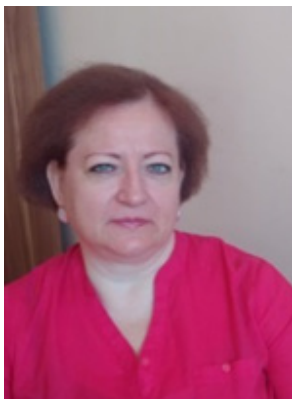
Творчество Ф. И. Тютчева занимает достойное место в ряду классиков русской литературы. Федора Ивановича образно можно назвать художником-живописцем, только вместо красок он мастерски использует слова, вызывающие не меньший, а может, даже и больший эмоциональный отклик, чем произведения живописи. Его поэтический слог способен формировать яркие зрительные образы, проникать в умы и сердца читательской аудитории.

Список использованной литературы:

1. Железнякова, Т. В. Образ дня и ночи в лирике Ф. И. Тютчева / Т. В. Железнякова // Международный журнал социальных и гуманитарных наук. – 2016. – Т. 6. № 1. – С. 157–159 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://intjournal.ru/obraz-dnya-i-nochi-v-lirike-f-i-tyutcheva>.

2. Николина, Н. А. Поразительная многомерность построения (Лингвистический анализ стихотворения Ф. И. Тютчева «Как неожиданно и ярко») / Н. А. Николина // Русский язык в школе. – 2003. – №5. – С. 52–57 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://g.eruditor.one/file/848091/grant>.

3. Тютчев, Ф. И. Полное собрание стихотворений (Б-ка поэта. Большая серия) / Сост., подгот. текста и примеч. А. А. Николаева. – Л. : Сов. писатель, 1987. – 448 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ruthenia.ru/tiutcheviana/stihi/biblpoet.html>.

Левонюк Алла Евгеньевна (A. Y. Levonyuk), заведующий кафедрой педагогики начального образования, кандидат филологических наук, доцент БрГУ имени А.С. Пушкина (*г. Брест, Республика Беларусь*) (*Brest, Republic of Belarus*); levonyuk.alla@mail.ru

УДК 811.161.1:82-84

ОТРАЖЕНИЕ ФИЛОСОФИИ ЖИЗНИ В АФОРИСТИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ Ф. И. ТЮТЧЕВА

Аннотация. В статье анализируются функции и тематика афористики Ф. И. Тютчева. Подчеркивается стремление поэта донести универсальный смысл бытия через осмысление своей собственной точки зрения на конкретные события, тенденции действительности. Замечено, что для многих писателей и поэтов жанр афоризма близок тем, что это своеобразная школа мудрости и духовного совершенствования, т.к. афористика является наиболее точным «переводом» нравственности с «языка сердца» на «язык разума» и наоборот. Творчество Ф. И. Тютчева не является исключением. Имя этого гениального поэта, несомненно, должно стоять в одном ряду с именами А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова и других классиков русской литературы.

Ключевые слова: афористика, творчество, философия, философская категория, функция афоризма.

REFLECTION OF THE PHILOSOPHY OF LIFE IN THE APHORISTIC WORK OF F. I. TYUTCHEV

Annotation. The functions and themes of F.I. Tyutchev's aphoristics are analyzed. The poet's desire to convey the universal meaning of being through understanding his own point of view on specific events and trends of reality is emphasized. It is noted that for many writers and poets, the genre of aphorism is close in that it is a figurative school of wisdom and spiritual perfection, because aphorism is the most accurate «translation» of morality from the «language of the heart» to the «language of the mind» and vice versa. The work of F.I. Tyutchev is no exception. The name of this brilliant poet, undoubtedly, should stand on a par with the names of A.S. Pushkin, M.Y. Lermontov and other classics of Russian literature.

Keyword: aphoristics, creativity, philosophy, philosophical category, function of aphorism.

*В нем злобы не было. Когда ж он говорил,
Язвительно смеясь, над жизнью или веком,
То самый смех его нас с жизнью мирил,
А светлый лик его мирил нас с человеком!*

Алексей Апухтин (между 1873 и 1875)

Имя Федора Ивановича Тютчева многие связывают с произведениями любовной лирики или стихотворениями о природе. Редко обращается внимание на Тютчева-философа, хотя философская лирика является центральной в его творчестве. И практически никто не воспринимает Ф. И. Тютчева как гениального афориста. Многие его известные афоризмы мы приписываем другим поэтам и писателям, и, когда открывается истина, очень этому удивляемся. Афоризмы Тютчева, которым около двух столетий, не утратили своей злободневности и сегодня.

Духовный мир современного человека формируется под воздействием многочисленных факторов. В эпоху информационной цивилизации многократно возрос объем информации, усвоить и переработать которую ввиду ее противоречивости становится все более затруднительно. В этих условиях научная классическая рациональность нуждается в дополнении другими формами познания. Поэтому большое значение приобретает исследование

форм знания, имеющего неклассический или нетрадиционный статус, таких, как афоризмы, максимы и иные формы выражения мысли. Процесс становления личности связан с усвоением, преобразованием информации и приобщением к общечеловеческим ценностям – науке, религии, искусству, морали.

Философская афористика становится в этих условиях одним из эффективных способов адекватного отношения к проблемам бытия.

Для многих писателей и поэтов жанр афоризма – своеобразная школа мудрости и духовного совершенствования, т.к. афористика является наиболее точным «переводом» нравственности с «языка сердца» на «язык разума» и наоборот. И в этом своем качестве она особенно созвучна тематике основной проблемы нравственности: единство мотива и поступка, воли и действия, слова и дела, мысли и поведения, чувства и рассудка.

Афористика как особый жанр философского дискурса отличается тем, что этот тип философского выражения смыслов позволяет в хаотическом многообразии знаний как научного, так и ненаучного характера найти свою духовно-нравственную позицию, оформить свое личностное отношение к миру. Элементы афористического мышления позволяют выделить в море информации нечто весьма существенное для познания, найти и определить свою личностную позицию. Афористическое знание является тем негаснущим огнем, который на протяжении веков согревает и зажигает сердца людей на пути культурного развития человечества.

Современная отечественная культура отмечена событиями, определившими необходимость изучения афоризма как формы и способа изложения мысли. В последние десятилетия стали переиздаваться дореволюционные антологии, прежде запрещенные цензурой по идеологическим соображениям (Н. Хоромина, М. Шевлякова, Л. Н. Толстого); вновь увидели свет сочинения авторов, известных своей афористической формой выражения мысли (А. Шопенгауэр, Ф. Ницше, С. Кьеркегор, В. Розанов, Л. Н. Толстой, нередко включавший в сборники максим свои собственные изречения); издаются антологии таких авторов, как Э. Борохов, Н. Векшин, К. Душенко, В. Кротов, В. Курбатов, В. Назаров, Н. Макаров, П. Таранов, В. Тюрин, В. Шойхер и др.

Большинство трудов, посвященных феномену афоризма, относится к филологическим работам, в которых отмечается

амбивалентность афористического знания, раскрывающего речевой элемент, дискурсивный знак и художественный текст данного жанра. Выступая в той или иной ипостаси, афористическое выражение обобщает и типизирует многообразные проявления личной и общественной жизни и прочно бытует в общении как его органическая часть, как емкая и концентрированная форма художественного отражения действительности и выражения отношения языка к ней.

Природа и ценностная интенциональность афористических феноменов характеризуется как максимально сжатый по объему текст, имеющий мощное педагогическое и воспитательное воздействие. В качестве сущностных особенностей афоризма выступают следующие: емкость, лаконичность, целостность, логичность, структурность, системность, проблематизация, диалектичность, соразмерность, точность, оригинальность, завершенность, личностность, убедительность, эстетичность, общезначимость. Афоризм, обладая определенной структурой, становится способом философствования. Выступая в форме крылатого слова, характерной чертой которого является образность и общедоступность, афоризмы аккумулируют в себе сплав религиозных догм, моральных постулатов, права, научных истин, художественных образов, что позволяет утверждать: афористика пронизывает все сферы научной, культурной и повседневной жизни.

Кроме того, специфической функцией афористического знания выступает креативно-мировоззренческая функция, которая выражается в способности афоризма выступать побуждающим фактором для самостоятельного философствования. Тенденция развития афористического философствования проявляется в минимизации словесного выражения и углублении смыслового содержания текста, благодаря чему афористический жанр занимает достойное место в истории западно-европейской философии.

Собственно, афористический жанр в своих многообразных разновидностях – сентенциях, максимах, парадоксах, «размышлениях» или «мыслях» – сформировался во Франции в XVII в. в эпоху классицизма с его нормативной поэтикой, строгой жанровой регламентацией и пристальным вниманием к стилистической форме. Однако источник такого рода литературы, по мнению исследователей, следует искать раньше, а именно в книге Монтеня «Опыты»,

которая на протяжении двух столетий оказывала влияние на умы и творчество его соотечественников. «Опыты» стала книгой поистине энциклопедического масштаба, не случайно к ней обращались писатели и мыслители Просвещения, создатели и участники знаменитой Энциклопедии. Переоценка ценностей, начавшаяся в эпоху раннего итальянского Возрождения, получила новый мощный толчок в Европе в период Реформации. Веками установленные непререкаемые понятия и религиозные догмы были подвергнуты пересмотру, затем опрокинуты и сметены. Европа стала ареной ожесточенной борьбы между католиками и протестантами, и Монтень в полной мере познал, какой дорогой ценой было куплено духовное обновление.

Расцвет моралистической литературы во Франции наступил во второй половине XVII в., когда создавались шедевры в самых разных жанрах (большое значение, к примеру, получила романистика с ее утонченным анализом любовных переживаний, что приводило читающую публику к размышлениям на психологические и нравственные темы). Одной из главных ее черт является принцип обобщенного, абстрагированного изображения человеческих характеров, страстей и пороков. Отмеченные черты мы находим в комедиях Мольера, высоких трагедиях Расина, баснях Лафонтена, сатирах Буало. Тем не менее, наиболее последовательное воплощение этот принцип получил в афористических жанрах у Ларошфуко, Паскаля, Лабрюйера. Все эти три автора немало обязаны Монтеню, хотя по-разному относились к нему – полемизировали, перефразировали, критиковали. Таким образом, тенденция литературного развития в эпоху классицизма создала предпосылки для формирования афористического жанра.

Россия начала XIX века не стала исключением. Именно в это время наблюдается расцвет афористики. Было известно такое множество афоризмов, «что из них камень по камню сложилась целая несокрушимая стена» (М. Е. Салтыков-Щедрин). Это афоризмы А. С. Грибоедова, А. С. Пушкина, Ф. И. Тютчева, Козьмы Пруткова, Н. М. Карамзина, Н. В. Гоголя, М. Е. Салтыкова-Щедрина, В. Г. Белинского, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого и многих других.

Афоризмы во многом формулировали представления о ценностях, обобщали жизненные явления, заставляли улыбнуться и

восхититься метко подмеченному выражению. Именно в XIX веке в России было издано 124 сборника афористических высказываний.

Афоризм – одна из древнейших форм философского мышления. В лаконичных по форме, но емких по содержанию изречениях глубоко и разносторонне анализируется человек и его мир: подчас обобщается, подчас конкретизируется. Темы для афоризмов неисчерпаемы. По сути, одной большой темой для афоризма становится жизнь во всех ее проявлениях. И в наше время афористика актуальна благодаря своей лаконичности, злободневности. Афоризму как малой форме словесного творчества присущи следующие черты: наличие определенного автора, мудрость, смысловая завершенность, образность и краткость выражения.

Рассматривая происхождение и развитие афоризма, Н.Т. Федоренко и Л. И. Сокольская отметили, что «афоризм – понятие, несомненно, однородное изречению. Оба эти понятия принадлежат к единому жанру литературы, отличаясь между собой стилистикой и шириной тематики... Античные изречения, по сути дела, ничем не отличались от афоризмов. Позже церковное учение, вытесняя из афоризмов остроумие и ограничивая их тематику областью морально-бытовых вопросов, придало им черты изречений... В эпоху возрождения... изречения вновь обрели все особенности афоризмов» [1, с. 181]. Представляется очевидной моральная нагруженность афористического знания. Мир моральных истин – это мир, который подобно Богу, имеет «центр... всюду, окружность – нигде». Своеобразным же центром мира является человек. Правда, в науке совсем иная расстановка ценностных приоритетов, где творческий вклад деятельности субъекта вполне укладывается на некотором отрезке бесконечной линии, идущей «от полного, абсолютного незнания к столь же полному и абсолютному знанию». В моральном же плане, в моральном познании, как и в художественном, работает несколько другая система координат, где на первое место выводится иное, личностное измерение, неизмеряемое никакой другой данностью и не определяемое, как в науке, никаким результатом.

Каждое произведение литературы – это своего рода поиск ответов на «вечные вопросы». Творчество Ф. И. Тютчева не является исключением. Имя этого гениального поэта, несомненно, должно стоять в одном ряду с именами А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова и других классиков русской литературы.

С самого детства входит в нашу жизнь удивительная, завораживающая чистотой чувств, ясностью и красотой образов поэзия Федора Ивановича Тютчева: *Зима недаром злится, / Прошла ее пора – / Весна в окно стучится / И гонит со двора; Люблю грозу в начале мая, / Когда весенний, первый гром, / Как бы резвяся и играя, / Грохочет в небе голубом.*

Позже, набравшись жизненного опыта, понимая радость и страдания, гармонию и дисгармонию, мы открываем для себя простые и мудрые слова поэта о природе, любви, благородстве. И с душевным трепетом, узнавая свои переживания, мы вчитываемся в тютчевские строки: *О, как убийственно мы любим, / Как в буйной слепоте страстей / Мы то всего вернее губим, / Что сердцу нашему милей!*

С годами все расширяется, углубляется наше знакомство с творчеством великого лирика-философа, выразителя человеческих чувств и вдохновенного певца природы. С самого начала творчества Тютчев заявил себя как яркий представитель поэзии философской, в которой мысль, при всей ее обобщенности, «никогда не является читателю нагою и отвлеченною, но всегда сливается с образом, взятым из мира души или природы, проникается им, и сама его проникает нераздельно и неразрывно» [2, с. 20]. В поэзии Тютчев стремился философски осмыслить жизнь вселенной, заглянуть в тайны космической жизни и человеческого бытия. Тютчевская космогония и натурфилософия, как отмечают исследователи творчества поэта, обнаруживает близкое знакомство с античной и классической немецкой философией и т.д., но не следует искать в его творчестве стихотворного переложения философских тезисов, почерпнутых у того или иного мыслителя. Как всякий большой художник, Тютчев овладел достижениями философской и поэтической мысли своих предшественников и современников, но в своих творениях он дал собственное неповторимое художественное решение философских проблем жизни и ее течения во времени.

Умение дать пластически верное изображение внешнего мира, передать полноту внешнего впечатления у Тютчева удивительно. Но не менее удивительно и его мастерство выражения всей полноты внутреннего ощущения. Современники Ф. И. Тютчева чувствовали в нем поэта и необыкновенного человека, но прежде всего их поражал и восхищал его острый ум.

Афоризмы Ф.И. Тютчева своеобразны и тонки. Но примечательно и значительно, что среди остроумных словечек и шуток мы находим иногда такие намеки, которые вдруг уводят нас за пределы тогдашних салонов, и мы видим таинственное лицо дивного поэта: *«Вот наша жизнь, – промолвила ты мне, – / Не светлый дым, блестящий при луне, / А эта тень, бегущая от дыма...»*; *Пошли, господь, свою отраду / Тому, кто жизненной тропой / Как бедный нищий мимо саду / Бредет по знойной мостовой; О, нашей мысли обольщенье, / Ты, человеческое Я, / Не таково ль твое значенье, / Не такова ль судьба твоя?; Ах, если бы живые крылья / Души, парящей над толпой, / Ее спасали от насилья / Бессмертной пошлости людской!; И кто в избытке ощущений, / Когда кипит и стынет кровь, / Не ведал ваших искушений – / Самоубийство и Любовь!; Природа – сфинкс. И тем она верней / Своим искусом губит человека, / Что, может стать, никакой от века / Загадки нет и не было у ней и др.*

Нередко при исследовании афоризмов возникают такие проблемы, как: почему высказывание именно этого автора остается в человеческой памяти и часто воспроизводится и какова роль в этом основной мысли, заключенной в афоризме; какова функция формы ее выражения, в частности, лексико-грамматического и семантико-стилистического оформления; какие ключевые слова чаще других используются в составе афоризмов и какие ассоциативно-смысловые цепочки они образуют; с какими областями картины мира, кругом основных тем связаны афоризмы; какие особенности языковой личности автора литературного произведения и (или) его персонажей отражаются в использовании афористических высказываний; в чем заключаются основные интенции в употреблении афоризмов и др.

Афористика Тютчева выполняет ряд функций.

- Креативно-мировоззренческая функция выражается в способности афоризма выступать побуждающим фактором для самостоятельного философствования, заключается не только в передаче некоторых знаний, некоторых общих истин от «доноров» к «реципиентам», но и в особом характере познания, оказывающимся одновременно и самопознанием.

Афористика поэта является не только объектом познания (эпистемологический смысл) и средством его (прагматический смысл), но и целью, и итогом. Попадая в фокус внимания каждого

нового читателя, она всякий раз рождается заново, становясь именно его афористикой: *Чему бы жизнь нас ни учила, Но сердце верит в чудеса...; Умом Россию не понять, аршином общим не измерить: у ней особенная стать – в Россию можно только верить; Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется, – и нам сочувствие дается, как нам дается благодать; Деревья обнажили плечи, скрывает маски желтый бал, Кто говорит, что время лечит, тот никогда любви не знал...; Как сердцу высказать себя? Другому как понять тебя? Поймет ли он, чем ты живешь? Мысль изреченная есть ложь; Не плоть, а дух растлился в наши дни, И человек отчаянно тоскует...; Но кратки все очарованья, им не дано у нас гостить; Стоим мы слепо пред Судьбою, не нам сорвать с нее покров и т.д.*

• Коммуникативная функция заключается в способности читателя переживать и чувствовать за поэта, причем нормальным следует считать только такой диалог, в котором контактирующие стороны выступают как равноправные субъекты, равные в силу признания за ними способности к творчеству и сотворчеству, где исключается деление на пользователей и используемых, на пьедесталы и памятники: *Так грустно тлится жизнь моя И с каждым днём уходит дымом; Так постепенно гасну я В однообразье нестерпимом!..; Тут не одно воспоминанье, Тут жизнь заговорила вновь, – И то же в вас очарованье, И та ж в душе моей любовь!..; Счастлив, кто гласом твердым, смелым, забыв их сан, забыв их трон, вещать тиранам закоснелым святыне истины рожден! И ты великим сим уделом, о, муз питомец, награжден!; Минувшее не веет лёгкой тенью, а под землёй, как труп, лежит оно; О, как убийственно мы любим, как в буйной слепоте трастей мы то всего вернее губим, что сердцу нашему милей!; Пускай скудеет жилах кровь, Но в сердце не скудеет нежность... О ты, последняя любовь! Ты и блаженство и безнадежность и т.д.*

• Регулятивная функция афоризмов Тютчева выполняет ту же социализирующую роль, какую они выполняли в древней Индии, Китае, Иудее, Греции или Риме. Разумеется, традиционные и правовые нормы, существовавшие в этих странах, играли немаловажную регулирующую функцию, однако за более чем двухтысячелетнюю историю многие ритуалы, традиции и обычаи утратили свое положение. Среди массы регулятивных норм есть и

такие, которые ведут человека по жизни, отмечают повышение его социального статуса или необратимое изменение его. Это обряды, ритуалы, сопровождающие человека на всем его земном пути, начиная от рождения и до самой смерти. У Тютчева находим: *Часов однообразный бой, Томительная ночи повесть! Язык для всех равно чуждой И внятней каждому, как совесть!; Счастлив, кто посетил сей мир в его минуты роковые; ... Пережить – не значит жить; Не то, что мните вы, природа: Не слепок, не бездушный лик – В ней есть душа, в ней есть свобода, В ней есть Любовь, в ней есть язык; Увы, что нашего незнания И беспомощней и грустней?; Живя, умеи всё пережить: Печаль, и радость, и тревогу – Чего желать? О чём тужить? День пережит – и слава Богу!; Над этой тёмною толпой Непробуждённого народа Взойдешь ли ты когда, Свобода, Блеснёт ли луч твой золотой?..; Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется... и др.*

Не меньший интерес, чем поэтическая вызывает и прозаическая афористика Тютчева: *Весна – единственная революция на этом свете; В России нет ничего серьезного, кроме самой России; У меня не тоска по родине, а тоска по чужбине; Самый умный немец, когда начнёт говорить о России, непременно окажется глупцом; Надо сознаться, что должность русского Бога – не синекура; Письменная беседа утомляет почти так же, как партия в шахматы по переписке; Нигде не живут такой полной, настоящей жизнью, как во сне; Всякое ослабление умственной жизни в обществе неизбежно влечет за собой усиление материальных наклонностей и гнусно-эгоистических инстинктов; Стихи никогда не доказывали ничего другого, кроме большего или меньшего таланта их сочинителя; Когда в наших сердцах бледнеют воспоминания, смерть заставляет их вновь расцвести в своих руках и др.*

Афоризмы Тютчева дают верные ответы на поставленные жизнью «вечные вопросы», которые всегда представляли собой основные ценности бытия людей. Такими ценностями являются прогрессивное общественное устройство, жизнь в условиях мира, уровень нравственного развития, гармония личной жизни, красота природы и искусств. Эти ценности настоятельно необходимы человеку, т. к. служат источниками счастья – главного стимула его жизни, о котором он всегда мечтает, желает его страстно, ищет

настойчиво. У Ф. И. Тютчева собственная авторская позиция, образ риторика достаточно четко выявляется в афоризмах его стихотворений, в письмах, где их основными функциями является аргументация высказанной мысли, ее подчеркивание, усиление воздействия на читателя или оппонента и дидактическая, часто – нравоучительная.

Таким образом, афоризмы титанов мысли и гениев человеческого духа являются важной составной частью их учений и теорий, звучат своеобразным итогом развития идей и мыслей. Они точно характеризуют различные стороны духовной жизни людей, звучат гимном человеку как преобразователю и венцу природы, обогащают духовно-нравственный потенциал человечества. Богатство вершин человеческого духа неисчерпаемо. Афоризмы Ф. И. Тютчева являются редкими жемчужинами, воспевающими мудрость в ее стремлении к возможному совершенству и познанию мира человека. Будучи сгустками разума, они летят через века и тысячелетия, являясь неиссякаемым родником, питающим индивидуальное творчество выдающихся мыслителей. Следует отметить, что элементы афористического мышления подспудно присутствуют в произведениях почти всех писателей, ученых, поэтов, исследователей, в которых они оказываются вкрапленными в основную нить размышлений.

Афоризмы Ф. И. Тютчева представляет собой формулу мудрости. В структурном плане тютчевский афоризм сам опирается на речевые средства. Именно речевые средства, используемые автором при создании афоризма, во многом гарантируют его успех. Основными средствами воздействия афоризма являются краткость построения, парадоксальность, образность.

Афоризмы Тютчева заключают в себе бесценный опыт многих поколений, поэтому изящные, мудрые, остроумные афоризмы поэта останутся в нашей памяти на века.

Список использованной литературы:

1. Федоренко, Н. Т. Афористика / Н. Т. Федоренко, Л. И. Сокольская. – М. : Наука, 1990. – 419 с.
2. Тютчев, Ф. И. Стихотворения / Ф. И. Тютчев. – М. : Правда, 1986. – 544 с.

Маслова Валентина Авраамовна (V.A. Maslova), доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры дошкольного и начального образования ВГУ имени П. М. Машерова, профессор кафедры иностранных языков и межкультурной коммуникации Международного ун-та «МИТСО», Член Президиума Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь (*г. Витебск, Республика Беларусь*) (*Vitebsk, Republic of Belarus*); mvavit@tut.by

УДК 81.42

ПРИРОДА С НАМИ ГОВОРIT ЯЗЫКОМ Ф. И. ТЮТЧЕВА

Аннотация. В статье рассматривается представление природы в поэтическом творчестве Ф. И. Тютчева. Его стихи по репрезентации природы можно разделить на два этапа – до поездки в Германию, в которых идет чистая созерцательность природы, и после возвращения – попытка установить «связь времен» через связь с мировым духом, через стихии души лирического героя.

Ключевые слова: поэзия, культура как «вторая природа», природа *не бездушный слепок*.

NATURE SPEAKS TO US IN THE LANGUAGE OF F.I. TYUTCHEV

Annotation. The article considers the representation of nature in the poetic work of F.I. Tyutchev. His poems on the representation of nature can be divided into two stages – before the trip to Germany, in which there is pure contemplation

of nature, and after returning – an attempt to establish a «connection of times» through a connection with the world spirit, through the elements of the soul of the lyrical hero.

Keywords: poetry, culture as a «second nature», nature is not a soulless cast.

*Природа с красоты своей
Покрова снять не позволяет,
И ты машинами не вынудишь у ней,
Чего твой дух не угадает*
(Владимир Соловьев)

Духовный мир любой нации определяется окружающей природой, которая подчас оказывается важнее многих других факторов. В своем трехтомном труде «Поэтические воззрения славян на природу» А. Н. Афанасьев заметил, что древние славяне весь окружающий мир мыслили как одушевленный [1]. А сама культура – «вторая природа», по словам А. Я. Гуревича, – возникла на взаимоотношении человека с природой [7, с. 59].

Федор Иванович Тютчев – одна из вершин мировой поэзии. На его становление как личности и поэта оказала значительное влияние не только русская, но и немецкая культура, т.к. он прожил в Германии более 20 лет. В этот период только завершили свой путь Шиллер, Кант, Моцарт, продолжали творить Гегель, Шеллинг, Гете, Бетховен. Их воздействие на Ф. Тютчева трудно переоценить, поэтому вся вторая половина его творчества пропитана вселенским духом и духом человечности. Хотя его перу принадлежит лишь около 200 небольших стихотворений, он осмелился войти в глубь души человеческой и увидеть там бездну смыслов, которые поэт доносит до читателя с помощью Слова.

Наблюдения показывают, что поэтическое слово имеет огромную власть над человеком. Эта власть сродни магической власти. «Мы заколдованы словами и в значительной степени живем в их царстве», – считает Н. Бердяев [3, с. 301]. Именно в поэзии с помощью Слова сводятся на землю горние силы, заключенные в поэтических смыслах. Рождаются максимальное число ассоциаций – неожиданных и странных, которые как бы приоткрывают завесу над тайной смысла.

Остановимся лишь на одной ипостаси его творчества – одухотворенной и очеловеченной природе, о которой он сказал:

*В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык...*

Ф. Тютчев одним из первых русских поэтов «проник в душу Природы», понял ее сложность и единство с человеком. Музыкальность его поэзии, его ассоциативно-метафорическое мышление, его «лирическая дерзость», которую Л.Толстой считал «свойством великих поэтов».

Он не просто описывал природу как Пушкин, а воссоздал ее как живую, одухотворенную сущность, он показал нам, что природа *не бездушный слепок*. По словам К. Бальмонта, Ф. И. Тютчев создал «полную тонких оттенков символику Природы и чувства любви» [2, с. 267].

Древний человек еще теснее был связан с природой: «*Вы книгу Матери-природы / Читали ясно, без очков!..*». И до сих пор многое в жизни человека объясняется через природные явления, проявлению его мыслей и чувств способствует природа:

*...Шумят верхи древесные
Высоко надо мной,
И птицы лишь небесные
Беседуют со мной.
Все прошлое и ложное
Ушло так далеко,
Все мило-невозможное
Так близко и легко.*

Чувство отделённости от природы пришло к человеку с развитием цивилизации. Известно, что в мифе еще нет природы, которую можно было бы четко отделить от мира людей, они «нераздельно связаны в силу единства материального и идеального» [10, с. 122]. Миф приписывает одинаковые действия людям, явлениям природы, животным. То есть в древности человек не выделял себя из окружающей природы и не противопоставлял себя ей, так как он

всецело зависел от нее. «Человек – это лишь тростник, и притом очень слабый по природе, но этот тростник мыслит» [9, с. 278].

Кстати, современная наука подтвердила эти странные на первый взгляд связи: «Человек неразрывно связан в одно целое с жизнью всех живых существ, существующих или когда-либо существовавших... Он может существовать при условии существования зеленых растений» [4, с. 291].

Ф. И. Тютчев говорит со звездами, грозой, радугой, чувствует жизнь моря и каждого мотылька, живет в них и с ними:

*Мотылька полет незримый
Слышен в воздухе ночном...
Час тоски невыразимой!
Все во мне – и я во всем!*

Картины нарисованной им природы содержат в себе не только раздумья о природе (особенно во второй половине его творчества – после возвращения из Германии), сколько мысли о человеке, его душе, состоянии мироздания. Изображения природы и мысли о ней сплавлены воедино, например, в стихотворении «Утро в горах»:

*Лазурь небесная смеется,
Ночной омытая грозою,
И между гор росисто вьется
Долина светлой полосой...*
(1852)

Природа у Ф. Тютчева насыщена звуками (*смеется*), красками (*лазурь, светлая*); она нескончаемо богата, изменчива, даже в этом небольшом стихотворении – она целостный организм.

Впечатление приподнятости, радостной торжественности достигается метафорой (*росисто вьется долина*), наличием «удлиненных» слов с несовременным ударением (*волишебством*) и другими языковыми средствами. Природа у поэта «цветет» и «улыбается»:

*Сияет солнце, воды блещут,
На всем улыбка, жизнь на всем,
Деревья радостно трепещут,
Купаясь в небе голубом...*

Сходное видение природы в стихотворениях «Гроза», «Успокоение», «Полдень», «Летний вечер», «Весна» и др. «Утро в горах»:

*Лазурь небесная смеется
Ночной омытая грозой.*

Это праздник жизни, главный мотив здесь – слияние с волшебным миром природы, а разлад с ней призрачен и навеян социальной деятельностью человека:

*Невозмутимый строй во всем,
Созвучье полное в природе, –
Лишь в нашей призрачной свободе
Разлад мы с нею создаем.*

Стихотворные пейзажи Тютчева очень символичны, в них отчетливо отражаются философские мысли, а изображение природы неразрывно с внутренними переживаниями самого автора.

Природа у Ф. И. Тютчева живая: она дышит, улыбается, смеется, хмурится, иногда дремлет, грустит. У нее свой язык; ей свойственно то, что и человеческой душе, поэтому стихи Тютчева о природе – это стихи о человеке, о его настроениях, волнениях, тревогах.

Его лирика, особенно поздняя, – спонтанное течение сознания, восприятие жизни как таинства, слияния с беспредельным:

*...Небесный свод, горящий славой звездной,
Таинственно глядит из глубины, –
И мы плывем, пылающею бездной
Со всех сторон окружены.*

«Душа хотела б быть звездой», – восклицает поэт. Он слышит «мир бестелесный, слышный, но незримый», который «роится в хаосе ночном».

Ночь у поэта – время особой связи с таинственным, это как бы дверь в запредельное, когда:

*... И бездна нам обнажена
С своими страхами и мглами,
И нет преград меж ей и нами –
Вот отчего нам ночь страшна!*

Сквозь его лирику проходит мотив чередующихся образов и впечатлений, образующих «поток» человеческих предчувствий:

*Когда пробьет последний час природы,
Состав частей разрушится земных:
Все зримое опять покроют воды,
И Божий лик изобразится в них!*

Сквозь многие стихотворения о природе проходит символ воды. Это «Весенние воды», «Как океан объемлет шар земной...», «Восток белел. Ладья катилась...», «Волна и дума» и др. Вообще в Христианстве вода – символ Духа святого и просветления: «Кто жаждет, иди ко мне и пей» (слова Христа в день Пятидесятницы). Христос – это источник живой воды. «Вода, которую Я дам, – говорил он самарянке, – будет источником, текущим в жизнь вечную» (Ин. 4, 14). У Ф. И. Тютчева вариант такого понимания: вода – это то, что вместе с думой и составляет высшую силу, единосущного Бога:

*Дума за думой, волна за волной –
Два проявленья стихии одной...*

Природа у поэта способна к преобразению:

*На месяц взглянь, как облак тощий,
Он в небесах едва не изнемог, –
Настала ночь – и, светозарный бог,
Сияет он над усыпленной рощей!*

Исследователи его поэзии отмечают особый интерес поэта к стихии воды: «В особенности поэта влечет к себе водяная стихия»

[7, с. 20]. В «Письмах о Ф. И. Тютчеве» Б. М. Козырев пишет, что образы водной стихии появляются более чем в трети оригинальных стихотворений поэта [8, с. 99].

Вода представлена в его поэзии в различных состояниях: жидком (*ручьи, капли, ключи, реки, озера, моря, океаны, дождь, роса*), твердом (*лед, снег, иней*) и газообразном (*туман, радуга, пар*), а также такие слова и словосочетания как *капли, росистая пыль, перлы дождевые*. В его поэтических текстах мы встречаем *снег, метель, вьюгу, туман, дождь, росу, радугу* и др. Эти явления в каждом из стихотворений создаются яркие индивидуальные образы.

С точки зрения грамматики – это в основном существительные в различных формах, часто с уменьшительными суффиксами: *дождь – дождик*, а также синонимы – *дождь – ливень; радуга – дуга* и др.: «...*Не бурный ливень летний / Тебя сорвал с родимого сучка*».

Значительное место в его поэзии занимают русские пейзажи и стихии – это «Тихой ночью, поздним летом...», «Первый лист», «Овеяя вещею дремотой», «Чародейкою зимою...», «О чем ты воешь, верт ночной», наступление грозы в стихотворении «В душном воздухе молчанье...» и др.

Русское бытие в природе – это стихия, полная «всепоглощающей и миротворной бездной» («О жизни той, что бушевала здесь...» – 1871). «Природа – сфинкс...».

Его поэзия поражает своей мистической устремленностью к небу как высшему миру. Кажется, что ее откровения рождаются помимо ее воли, что они даются ей свыше. Таково его стихотворение «Поэзия», которая примиряет нас миром и друг другом:

*Среди громов, среди огней,
Среди клокочущих страстей,
В стихийном пламенном раздоре,
Она с небес слетает к нам –
Небесная к земным сынам,
С лазурной ясностью во взоре –
И на бунтующее море
Льет примирительный елей*
(1850)

Часто Ф. И. Тютчев смотрит на природу суровым взглядом:

*Эти бедные селенья,
Эта скудная природа –
Край родной долготерпенья,
Край ты русского народа!*

Вчитываясь в поэтические строки Ф. И. Тютчева о природе, невольно вспоминаешь слова немецкого философа Гердера о том, что «...человек – первый и единственный вольноотпущенник природы. Природа отпустила человека на все четыре стороны, дала ему ту самую свободу, которая составляет нашу высшую ценность и, одновременно, самое тяжкое бремя. Человеком надо стать, и этот грандиозный, не имеющий аналогов в природе, процесс завоевания человеком самого себя, своей сущности осуществляется, координируется и направляется особым уникальным инструментом – личностью. Личность масштабна человеку. Человек масштабен своей родовой сущности, человечеству. Или в религиозном смысле – Богу» [5, с. 574].

В поэзии Ф. И. Тютчева любая его мысль не является просто мыслью, а всегда наполнена образами, эмоциями, экспрессией, взятыми из мира природы и души. В его произведениях видим личность, о которой пишет И. Гердер, заключающую в себе единение талантливости и человечности. Ф. И. Тютчев учит замечать то, чего не замечаешь, и любоваться тем, что не бросается в глаза. Эпиграфом к статье явились слова Вл. Соловьева, который, сам будучи поэтом, понимал, что хороший национальный поэт смотрит глубже и дальше ученого и точнее всех приборов объясняет нам мир.

Как можно в целом оценить вклад Ф. И. Тютчева в русскую поэзию и культуру, которая есть как бы «вторая природа». С одной стороны, Пушкин писал, что «поэзия должна быть глуповатой», с другой – М. Хайдеггер говорил о поэзии как «говорящей истине». Наши наблюдения позволяют утверждать, что в поэзии Ф. И. Тютчева есть баланс между рассудком и сердцем, истиной и стихией, эмоциональностью и искренностью. Он чувствует природу сердцем. Хорошая поэзия предполагает и мощный интеллект, и наитие стихий. Именно такова поэзия Ф. Тютчева, являющая собой глубокое и обостренное мировосприятие.

Стихи Ф. И. Тютчева по самому видению природы можно разделить на два этапа – до поездки в Германию, в которых идет чистая созерцательность природы, и после возвращения – попытка установить «связь времен» через связь с мировым духом, через стихии души лирического героя. В целом его стихи о природе созерцательны, эмоциональны, открыты миру и человеку в нем.

Список использованной литературы:

1. Афанасьев, А. Н. Происхождение мифа / А. Н. Афанасьев. – М., 1996.
2. Бальмонт, К. Элементарные слова о символической поэзии К. Бальмонт // Константин Бальмонт. Стозвучные песни. Сочинения. – Ярославль, 1990. – С. 263–280.
3. Бердяев, Н. Судьбы России / Н. Бердяев. – М., 2004.
4. Вернадский, В. И. Философские мысли натуралиста / В. И. Вернадский. – М. : Наука, 1988. – 520 с.
5. Гердер, И. Идеи к философии истории человечества / И. Гердер. – М. : Наука, 1977. – 703 с.
6. Гуревич, А. Я. Категории средневековой культуры / А. Я. Гуревич. – М. : Искусство, 1984. – 361 с.
7. Касаткина, В. Н. Поэтическое мировоззрение Ф. И. Тютчева; М-во просвещения РСФСР. Сарат. гос. пед. ин-т. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1969. – 254 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://refdb.ru/look/2044203.html>. – Дата доступа : 14.02.2023 г.
8. Козырев, Б. М. Письма о Тютчеве // Литературное наследство. Т. 97: Фёдор Иванович Тютчев: в 2 кн. – М. : Наука, 1988. – Кн. 1. – С. 70–131.
9. Паскаль, Б. Мысли о религии / Б. Паскаль. – М., 1999.
10. Хьюбнер, К. Истина мифа / К. Хьюбнер. – М. : Республика, 1995. – 448 с.

Рачэўскі Станіслаў Рыгоравіч (S. G. Rachewski), кандидат филологических наук, доцент кафедры профессионального развития работников образования ГУО «Брестский областной институт развития образования» (*Брэст, Рэспубліка Беларусь*) (*Brest, Republic of Belarus*); kafedra.boiro@yandex.ru

УДК 821. 161. 3

ЦЮТЧАЎСКАЕ «ПРЫРОДА – НЕ ЗЛЕПАК, НЕ БЯЗДУШНЫ ЛІК...» У ПАЭЗІІ МАКСІМА БАГДАНОВІЧА

Анотацыя. У артыкуле раскрываецца ўклад паэта Максіма Багдановіча ў развіццё прыродаапісальнай лірыкі.

Ключавыя словы: паэт, аўтар, верш, прырода, вечар, ноч, цішыня.

TYUTCHEVSKOE « NATURE IS NOT A CAST, NOT A SOULLESS ACCOUNT... « IN THE POETRY OF MAXIM BOGDANOVICH

Annotation. The article reveals the contribution of the poet Maxim Bogdanovich to the development of nature-descriptive lyrics.

Keywords: poet, author, poem, nature, evening, night, silence.

Вядомыя радкі Ф. І. Цютчава аб прыродзе ў загаловку артыкула – з іх набытай у стагоддзях крылатасцю «В ней есть душа, в ней есть

свобода, в ней есть любовь, в ней есть язык...» – на першы погляд, не маюць ніякіх адносін да паэтычнай творчасці заўчасна страчанага Беларуссю Максіма Багдановіча і яго адзінага прыжыццёвага зборніка «Вянок» (Вільня, 1913). Калі ж дапусціць, што такія адносіны ёсць, то, падкрэслім, – толькі як пэўны водгук маладога паэта (вершы зборніка пісаліся ў яго 17–20 год) на тое, як Цютчаў чытаў адвечную «кнігу прыроды», толькі як пэўная сугучнасць Багдановічавых вершаў з тым, што пакінуў чытачу рускі паэт, урэшце – як сітуацыя, калі «словесность одного языка имеет влияние на словесность другого» [1, с. 96].

Мусім заўважыць як верагоднае, што хваля паэтызацыі Цютчавым магутнай і ўзвышанай сілы прыроды магла дайсці да творчай свядомасці беларускага паэта спачатку на рускай глебе: пасля страты жонкі Марыі Апанасаўны Адам Ягоравіч Багдановіч, вядомы этнограф, фалькларыст, мовавед і педагог, пераехаў з дзецьмі з Гродна ў Ніжні Ноўгарад, а затым у Яраслаўль, дзе ў гімназіях юны Максім засвойваў каштоўнасці рускай класічнай літаратуры (пры тым, што пачынаў сваё вершаскладанне па-беларуску) і дзе бацька праз уласную рэдкую бібліятэку далучаў як да дарагой яму беларушчыны, так і да антычнай (Гарацый, Авідзій), заходнееўрапейскай (Верлен, Бадлер) і рускай літаратурных традыцый. На старонках многіх даследаванняў пра жыццё і творчасць Багдановіча часта сустракаецца – поруч з А. С. Пушкіным і А. А. Фетам – імя Ф. І. Цютчава. Да таго ж на пачатку XX стагоддзя пра падзабытага рускай інтэлігенцыяй Цютчава і філасофскі змест яго лірыкі, запатрабаваны на пераломе эпох, зноў загаварыла літаратурная крытыка, і на гэты час якраз і прыйшоўся кароткі творчы век Максіма. Быць не можа, такім чынам, каб душа маладога Багдановіча, прагнага да эстэтычна каштоўнага, не ўлавіла ў паэтычнай спадчыне Цютчава яго памкнення апаэтызаваць у прыродзе і чалавеку ўсеадзінства быцця на зямлі. Вартая ўвагі думка даследчыка нашай нацыянальнай літаратуры Ул. Конана: адзначаючы «уплывы» Пушкіна, Цютчава, Фета на творчасць Багдановіча, ён падкрэслівае, што вопыт іншых быў паэту карысны «хіба што ў сэнсе нейкага «штуршка» для ўласнага паэтычнага ўзрушэння» [2, с. 124].

З пэўнасцю адзначым: тэма прыроды ў зборніку «Вянок» – скразная. Як і ў непасрэдных пейзажных замалёўках («Возера», «Цёплы вечар, ціхі вецер, свежы стог...»), «Зімой», «Па-над белым

пухам вішняў...», «Вечар», «Добрай ночы, зара-зараніца!», «Рандо», «Напілося сонца са крыніц сцюдзёных...», «Завіруха», «Санет (На цёмнай гладзі сонных луж балота...)», «Дзед», «Споўненае абяцанне», «Варажба»), прырода ў Багдановіча – неабходны фон, на якім паэту найлепш разважаецца, на якім высыпае яго грамадзянская думка, расце неспакой за Радзіму (*Краю мой родны! Як выкляты богам – / Столькі ты зносіш нядолі. / Хмары, балоты... Над збожжам убогім / Вецер гуляе на волі. / Поруч раскідалісь родныя вёскі, / Жалем сціскаюцца грудзі! / Бедныя хаткі, таполі, бярозкі, / Усюды панурыя людзі; Дождж у полі і холад... Імгла... / Дзесь у вёсцы міргаюць агні. / Там, злякаўшысь, схавалась, лягла/ Доля горкая ў чорным цяні*).

Беларуская прырода – рэальнасць, што патрэбна Багдановічу-паэту, каб праўдзівей адлюстраваць разнастайныя праявы жыцця і працы (у вершы «Слуцкія ткачыкі»: *А за акном смяецца поле, / Зіе неба з-за акна, / І думкі мкнуча мімаволі / Туды, дзе расціла вясна, / Дзе блішча збожжа ў яснай далі, / Сінеюць міла васількі...; у вершы «Перапісчык»: *Парой ён спыніцца, каб лепей завастрыць / Пяро гусінае, і глянэ: светла сонца / Стаўнамі падае праз вузкае аконца, / І круціцца ў іх прыгожы, лёгкі пыл; / Як сіняваты дым нявідзімых кадзіл*).*

Жаданне замалёўваць прыроду, пейзажыць паэтычным словам не пакідае Багдановіча і ў гарадскім асяроддзі (*За дахам места памеркла нябёс пазалота; / Паветра напоена ціха гусцеючым мрокам; / Ужо відна, як іскры злятаюць з трамвайнага дрота, / Як зоркі гараць і зрываюцца ў небе далёкам*), і ў падарожжы да мясцін перажытага кахання (*Ізноў пабачыў я сялібы, / Дзе леты першыя прайшлі: / Там сцены мохам параслі, / Вясёлкай адлівалі шыбы. / Усё ў пылу. І стала мне/ Так сумна, сумна ў цішыне./ Я ў сад пайшоў. Усё глуха, дзіка, / Усё травой зарасло./ Няма таго, што раньш было, / І толькі надпіс «Вераніка», / На ліне ўрэзаны ў кары, / Казаў вачам аб тэй пары*).

Без замалёвак з прыроднай натуры Багдановіч не абыходзіцца, ствараючы міфалагічна-фантастычныя вобразы бога Падвея, лясуна, русалак (*Пляша, скача. Снег зрываецца, ляціць, / Веюць ў полі снежавыя рукава, / А Падвей нясецца, кружыцца, гудзіць, / Запявае, удалая галава!; Чуеш гул? – Гэта сумны, маркотны лясун / Пачынае няголасна граць: / Пад рукамі яго, навяваючы сум, / Быццам тысячы*

крэпка нацягнутых струн,/ Танкаствольныя сосны звiняць). Тэхнічны прагрэс робіць сваё, ландшафт пачынае змяняцца, і на гэта паэт адгукаецца радкамі: Праз радасны заліты светам бор / Праходзіць насып жоўтая чыгункі. / Як роўна рэйкі, быццам на малюнку, / Ляглі ўдоўж! Як ярка семафор / Удалі зялёным шклом гарыць ад сонца!); а тым часам на Бацькаўшчыне і ў свеце – перасячэнне прыроды межамі і платамі ўласнасці (Глядзі, на ўсёй зямлі святой / Шырокай хваляй залатой / Без краю блішча збожжжа мора, / Цвітуць лугі, шумяць лясы... / Так многа ёсць паўсюль багацтва і красы, / А людзі нішчацца у голадзе, у зморы / Ад беднаты, ад цемнаты, / Бо скрозь мяжы, бо скрозь – платы).

У літаратурнай крытыцы ёсць думка пра Ф. І. Цютчава, выказаная А. Тархавым: прырода для гэтага паэта не проста пейзаж, але прадмет і матэрыял яго паэтычнага мыслення [3, с. 7]. На наш погляд, такую ацэнку, і гэта пацвярджаецца прыведзенымі падборкамі прыкладаў, можна выказаць і пра творчую спадчыну Багдановіча ў яго «Вянку». Той жа А. Тархаў аргументавана паказвае: цютчаўская прыродаапісальная паэзія перапоўнена разнастайнымі вобразамі *вады*, увагай да жыцця вады ў прыродзе ва ўсіх яе формах, да вады як найважнейшай светастваральнай сілы; вада дае Цютчаву-«вадапаклонніку» правобразы для выражэння значнай палітры сэнсаў [3, с. 8]. Гэтае, пацверджанае многімі тэкстамі, адкрыццё матывуе да яго экстрапаляцыі ў рэчышча вершаў Максіма Багдановіча. У беларускага паэта расшыфроўцы паддаецца іншы сімвал: імз’яляецца *вечар, набліжэнне ночы*. Менавіта завяршэннем дня выражаны і назвы, і зачыны, і асноўныя тэмы і падтэмы многіх вершаў, напісаных у апошняе ў жыцці Максіма дзесяцігоддзе, як у групе наступных прыкладаў: *Вечар ціхі, вечар просты...* (1910); *Цёплы вечар, ціхі вецер, свежы стог...* (1910) *Чарнеецца сажая вечар, / Дождж б’ецца аб хвалі ракі* (1909). *Месяц выплыў над змрочнай, заснуўшай зямлэй* (1909–1912); *Добрай ночы, зара-зараніца! / Ужо імгла над зямлём лажыцца, / Чорнай рызаю ўсё накрывае...* (1911); *Ціхі вечар; знікнула спякота...* (1912); *Хіліцца к вечару дзень, / І даўжэйшымі робяцца цені* (1910–1912); *Вось і ноч. Нада мной / Заліліся слязамі нябёсы* (1910); *Паветра напоена ціхім гусцеючым змрокам* (1912); *На глухіх вулках – ноч глухая / Не менш глухі людскі натоўп* (1911–1912); *Непагодны вечар. Сумна, дружба, мусі?..* (1915–1916); *Набягае*

яно / Вечарамі, начамі, / Адчыняе акно / І шмарэе кустамі (1917). Вечаровы зачын – і ў шэрагу філасофскіх і інтымных вершаў нашага класіка: *Я хацеў бы спаткацца з Вамі на вуліцы / У ціхую сінюю ноч...* (1912–1915); *Халодная, ясная ноч...* / *Звонка хрушчыць сняжком, / Ідучы мне насустрач, дзяўчына...* (1912); *Зорка Венера ўзьшла над зямлёю, / Светлыя згадкі з сабой прывяла...* (1909–1912).

У пошуку адказу на пытанне, чаму вечаровая пара так імпанавала паэту і стала такім важкім элементам яго мастацкай сістэмы з сімвалісцкай эстэтыкай, можна разглядаць наступную версію: магчыма, што менавіта вечар (калі ўсё ў наваколлі заціхае, усталёўваецца на адпачынак, калі нябёсы набіраюць пры заходзе сонца кожны раз непаўторны, прыязны каларыт і пачынаюць мігцець першыя зоркі, настройваючы свядомасць на рамантычны лад) дарыў мастаку камфортную зону для паэтычнай самарэалізацыі, натхняў, дапамагаў акрэсліць размытыя ўдзень вобразы, карціны, дэталі. У імкненні апаэтызаваць надыход ночы творчая душа Багдановіча пераклікаецца з Цютчавым, якога называлі “паэтам ночы”, што ўславіў таямнічы хаос цемры [4, с. 26], але ў беларускага паэта іншая матываванасць вечаровай тэмы і набліжэння ночы. Яго матыў, лічым, можна яшчэ шукаць і ў трагічных абставінах жыцця і творчасці: пасля смерці маці ад сухотаў Багдановіч ад гэтай і іншых хвароб страціў за кароткае жыццё шмат родных, асабліва балюча яму было ад адыходу ў нябыт 18-гадовага брата Вадзіма. Да таго ж і сам з 1909 года стаў туберкулёзным хворым, перажыў драму канчатковага дыягназу, апошнімі гадамі тварыў, задыхаючыся ад кашлю, велізарным намаганнем волі, перамагаючы слабасць; урэшце хвароба адняла і мову; трывожныя ж сімптомы праявіліся рана; пастаянна некалькі год жыў з высокай тэмпературай. Трэба меркаваць, што ўсвядомлены паэтам хуткі адыход з жыцця зямнога, безабароннасць перад тым, што не паддалася лячэнню, колькі б грошай не сабралі сябры на аздараўленне ў Ялце (*Даўно ўжо целам я хварэю, / І хвор душой...; Я, балны, бесскрыдлаты паэт! / Мо жыцця майго верш ужо спет...; Паломаны жыццём, чакаючы магілы, / Радзімая зямля, прынікнуў я к табе...*) асабліва стасаваліся са з’явай завяршэння дня, заходу сонца, немінучым наступленнем цемры. Хоць, праўду кажучы, нуда і трывога даравітага літаратара часта перабіваецца ў «Вянку» бадзёрым настроем, надзеяй выжыць і яшчэ многае зрабіць: *Шмат зазнаў я*

горычы з нудою, / Што шчаміла, мучыла, пякла... / Усё прайшло, сплыло вадою, – / Маладоць не знікла, не прайшла!.; Хай чарада гадзін панурых, нудных шэрых, / Як попел, на душу мне клалася ўвесь час, / Хаваючы сабой агонь гарачы веры, – Хай не відаць яго... / А ўсё ж ткі ён не згас!..

Як вядома, пачуццёвая сфера ў любога чалавека не бывае аднастайнай, роўнай: услед за падзеямі, пэўным фактамі жыцця, на якія рэагуе псіхічны арганізм, змяняецца настрой і лад думак. Так і ў Багдановіча: як толькі хвароба часова адступала і памяншалася яе вастрыня, сімптомы, непрыкметна змяняўся экспрэсіўны арэол вечаровай і начной таямнічасці, стоенасці – станам, пра які А. Ахматава пісала: «И стих уже звучит задорен, нежен, / На радость вам и мне...»; паэтычныя фразы атрымлівалі рытмічны рух, энергію, становіліся водгукам на грамадска-палітычнае жыццё, выражэннем веры, заклікам да змен, сягалі вышыні прароцтва. У такія часіны Максім Багдановіч выяўляў сябе «паэтам усеабдымнага ахопу жыцця» [6, с. 9], якому ўдавалася ў адным вершы гарманізаваць прыроду, сэнс жыцця і найшчырэйшую сваю мару ўбачыць Беларусь вольнай: *Беларусь, твой народ дачакаецца / Залацістага, яснага дня. / Паглядзі, як усход разгараецца, / Колькі ў хмарках залётных агня...; Але мне сэрца пяе: не нудзіся! / Прыйдзе вясна! / Гукне: «Прачніся, зямля! Прабудзіся/ З цяжкага сна!; Не згасла сонца! Сонца гляне, / Усіх падыме ада сна. / Ён, гэты дзень, яшчэ настане, – / І ачуняе старана!; Ты не згаснеш, ясная зараначка, – Ты яшчэ асвеціш родны край. / Беларусь мая! Краіна-браначка! / Устань, свабодны шлях сабе шукай; Праўда, ўсё прыціхла... / Бор замоўк і хвалі, / Але будзе бура, / Тым мацней удар!*

У вершах Багдановічавага «Вянка», калі аўтарам раскрываецца яго яднанне з прыродай, заўважаецца таксама культ ці інстынкт *цішыні*: *прадуктыўна ўжываецца парыметнік ціхі і вытворныя ад яго словы (Ціха ўсё была на небе, зямлі і на сэрцы...; Сонца ціха скацілася з горкі...; Над вадой ля берага ціха спіць асока; Ціхі, ясны гімн вясне...; Ціхія мае ўсе песні...; Вечар ціхі, вечар просты; Цёплы вечар, ціхі вецер, свежы стог...; Ціша вее нада мною...; Цішыня агартае мне душу...; Ціха срэбрам грукае крыніца...; Ціхім каханнем к табе разгарацца / З гэтай пары я пачаў...; Тут ціша, тут спакой – ні шуму, ні клопот; Паветра напоена ціха гусцеючым змрокам...; Я*

хацеў бы спаткацца з Вамі на вуліцы / У ціхую сінюю ноч...; Усё ў пылу. І стала мне / Так сумна, сумна ў цішыне...; Выйшаў з хаты. Ціха спіць надворак; Ціхі і сіні блішча над хатай / Неба прастор. / Ціха гайдае ліпа над хатай / Лісіяў узор...).

Гэтую асаблівасць Багдановічавага паэтычнага пісьма, верагодна, трэба тлумачыць індывідуальна-псіхалагічнымі асаблівасцямі аўтара, яго чалавечай асобасцю, натурай інтраверта і натуральнай цягай да таго, каб сцішыцца, засяродзіцца на думцы ці вобразе або сродку іх выражэння, унутрана сабрацца, а гэтаму найлепш адпавядалі цішыня, стоенасць, спакой у прыродзе. Па ўспамінах тых, хто знаўся з таленавітым маладым беларусам, гаварыў ён звычайна ціха і мала, а калі глядзеў на субяседніка, то здавалася, што не бачыў яго, такі меў глыбокі ўнутраны пагляд [6, с. 9].

Багдановічава майстэрства фіксаваць найтанчэйшыя праявы прыроды і чалавека ў прыродзе асабліва выяўляюцца у двух яго вершах, што даўно сталі хрэстаматычнымі і дзесяцігоддзямі вывучаюцца некалькімі пакаленнямі беларусаў. Хоць кратка, але абазначым іх лінгвастылістычныя асаблівасці:

Цёплы вечар, ціхі вецер, свежы стог,

*Цёплы вечар, ціхі вецер, свежы стог,
Улажылі спаць мяне вы на зямлі.
Не курыцца светлы пыл усцяж дарог,
Ў небе месяца праглянуў бледны рог,
Ў небе ціха зоркі расцвілі.*

*Знічка коціцца агністаю слязой,
Прашумела мякка скрыдламі сава:
Бачу я, з прыродай зліўшыся душой,
Як дрыжаць ад ветру зоркі нада мной,
Чую ў цішы, як расце трава.*

Гэты верш М. Багдановіча – выразная ілюстрацыя паэтавага ўмення слухаць і бачыць наваколле, успрымаць часам ледзь улоўныя галасы і рухі прыроды, рэагаваць на іх пэўным пачуццём і далучаць да гэтых працэсаў чытача. Не адразу ў творы ўспрымаецца

незвычайны ракурс, з якога паэт любуецца вячэрнім наваколлем, – знізу, ад паверхні нагрэтай за дзень зямлі: пасля звароткаў *вечар, вецер, стог* думка развіаецца дзеяннем *улажылі спаць мяне вы на зямлі*. Адсюль, з зямлі, да якой лірык прынік перад сном і ў якога нічога з гукаў і фарбаў вечара не знікае бяследна, чутно нават *ў цішы, як расце трава*. Маленькі верш Багдановіча, такім чынам, становіцца лакацый акрэслення мастацкага прынцыпу з *прыродай зліўшыся душою*, які пазней будзе заўважаны літаратурнай крытыкай.

Назіранне за прыгажосцю летняга вечара (а гэта і ёсць тэма вершаванага тэксту) мае прадметна-канкрэтнае выражэнне дзякуючы назоўнікам: *вечар, вецер, стог, зямля, пыл, дарогі, месяц, неба, зоркі, знічка, сава, трава*. Кожную з пералічаных з’яў ці прадметаў мы ўслед за паэтам згадваем як тое, што ўспрымаем у жыцці органамі пачуццяў.

Звернемся да назвы верша і да першага радка і іх гукавой інструментоўкі, алітэрацыі: *ц – п – ч – ц – х – ц – ж – х*. Пералічаныя гукі і іх літарнае абазначэнне нагадвае сцішаныя бліжэй да ночы праявы жывога і нежывога: заціханне дзённага ветру, шапаценне травы, цырканне цыкад. Душа ў такіх хвіліны нібы зліваецца з прыродай, і ці не гэтую асноўную думку і заяўляе ў вершы М. Багдановіч. Эўфонія (мілагучнасць, створаная алітэрацыяй і асанансам) у малаформным тэксце дазваляе ў каторы раз адчуць прыгажосць, мяккае гучанне нашай мовы.

Паэтычнае адухаўленне з’яў прыроды ў зорную ноч, захапленне наваколлем стваральнік тэксту выразіў некалькімі метафарамі: *рог месяца праглянуў; зоркі дрыжаць ад ветру; зоркі расцвілі*. Матываванасць пераносу дзеяння, яго характару з прадмета на прадмет асабліва выяўляецца ў метафарызаваным сказе *Знічка коціцца агністаю слязой*: кожны, хто бачыў, як падае і знікае зорка, відаць, пацвердзіць, што нейкае імгненне за ёй на небасхіле цягнецца, нібы слязінка, якую змахваюць, залацісты шлейф.

Варты выдзялення пра аналізе тэксту верша і азначэнне *светлы* (пыл), паколькі таксама паказвае назіральнасць паэта: пыл – найд-рабнейшыя, сухія ад перагрэву глебы часцінкі цвёрдых рэчываў – сапраўды рэдка калі бывае цёмным і звычайна сцелецца ўздоўж дарог, з якіх падняты.

Атмасферу сцішанасці прыроды вячэрняй парой і пэўнай таямнічасці, якую нясе ноч, падкрэслівае частка складанага сказа

Прашумела мякка скрыдламі сава з дзейнікам сава: гэтая птушка, як вядома, палое і наводзіць страх на грызуноў толькі ноччу. Словаформу скрыдламі (крыламі), а яна частая ў вершах паэта, на нашу думку, трэба разглядаць у кантэксце як магчымую па граматычных нормах беларускай мовы, якімі карысталіся ў 1910 годзе, калі пісаўся верш.

Паэтычны талент М. Багдановіча, яго валоданне літаратурнай мовай у поўнай меры, шчодра раскрыліся ў гэтым прыродаапісальным творы. Маюць рацыю тыя філолагі, хто ў якасці музычнай ілюстрацыі да верша выкарыстоўвае сусветна вядомую санату Бетховена пра ўзыходжанне месяца: гэта толькі дадае глыбіні пачуцця кожнаму, хто асэнсоўвае маляўнічасць, пластычнасць вобразаў у тэксце нашага класіка і ў самой прыродзе.

Па-над белым пухам вішняў...

*Па-над белым пухам вішняў,
Быццам сіні аганёк,
Б'ецца, ўецца шпаркі, лёгкі
Сінякрылы матылёк.*

*Навакол усё наветра
Ў струнах сонца залатых, –
Ён дрыжачымі крыламі
Звоніць ледзьве чутна ў іх.*

*І ліецца хваляй песня, –
Ціхі, ясны гімн вясне.
Ці не сэрца напявае,
Навявае яго мне?*

*Ці не вецер гэта звонкі
Ў тонкіх зёлках шапаціць?
Або мо сухі, высокі
Ля ракі чарот шуміць?*

*Не паняць таго ніколі,
Не разведаць, не спазнаць:
Не даюць мне думаць зыкі,
Што ляцяць, дрыжаць, звіняць.*

*Песня рвецца і ліецца
На раздольны, вольны свет.
Але хто яе пачуе?
Можа, толькі сам паэт.*

У вершы М. Багдановіча, што з'яўляецца і папулярнай песняй, лёгка вызначаецца тэма – надыход і росквіт вясны: тут шмат слоў і словазлучэнняў, якія маюць ў сваім значэнні прамыя адносіны да гэтай пары года (*белы пух вішняў; звонкі вецер; тонкія зёлкі, наветра ў струнах сонца; ціхі, ясны гімн вясне*). Але не так проста вылучыць асноўную думку: яна сінтэзуецца, вынікае амаль з усіх сэнсавых частак тэксту. Багдановічава ідэя, на наш погляд, заключаецца ў наступным: можна бачыць, як наступае вясна, але мала каму ўдаецца заўважыць ў многіх гуках і фарбах тонкія яе праявы, пачуць сапраўдны гімн жаданай цёплай пары. Таму верш і завяршаецца вывадам: можа, гэта дадзена найперш паэту.

Цеснаму сэнсавому адзінству спрыяе пераважная ў тэксце злучальная сувязь сказаў, але яшчэ і падвоенае ці патроенае ўжыванне, нарашчэнне асобных, часта аднародных, часцін мовы – градацыя: *б'ецца, ўецца* (матылёк); *напявае, навявае* (сэрца); *не паняць, не разведаць, не спазнаць* (таго); *ляцяць, дрыжаць, звіняць* (зыкі). Малюнак вясновай прыроды становіцца ад гэтага больш пластычным, спазнавальным.

Замалёўка надыходу вясны, «вовлечённость всей природы в симфонию красоты» [7, с. 79], гукавая атмасфера чаканай пары перададзена дзеясловамі *звоніць, шапаціць, ляцяць, дрыжаць, звіняць*: іх лексічнае значэнне нацэльвае чытача на ўспрыманне гукавых дзеянняў прыроды як прыемных, часам ледзь улоўных, тонкіх. Аднароднасць інфінітываў ў састаўной частцы складанага сказа, іх градацыя (*не паняць таго ніколі, не разведаць, не спазнаць*), ды яшчэ і з адмоўем *не*, толькі ўзмацняе асноўную думку твора пра недаступнасць чалавеку многага ў таямніцы няўхільнага і непрыкметнага поступу прыроды вясной.

З чаго, з якіх гукаў нараджаецца *ціхі, ясны гімн вясне*? Сітуацыя адгавання паэтам прыроднага сакрэту перадаецца паслядоўным ужываннем пыгальных сказаў: *Ці не вецер гэта... шапаціць?; Мо... чарот шуміць?; Ці не сэрца напявае, навявае яго мне?* Падкрэслім:

пытальныя сказы – адзін з паказчыкаў разважання як тыпу маўлення, якое перамежавана ў тэксце верша з апавяданнем і апісаннем.

Нюансы захаплення жыццём прыроды вясной выражаюцца то каларытнымі мастацкімі азначэннямі (*белы пух вішняў; сіні аганёк; сінякрылы матылёк; струны сонца залатыя*); то метафарамі (*струны сонца; звоніць крыламі; песня ліецца; сэрца напявае; пух вішняў*), то параўнаннем (*матылёк, быццам сіні аганёк*). У гэтай сістэме вобразных сродкаў лірыку індывідуальнага перажывання добра перадаюць якасныя прыметнікі ў словазлучэннях *ціхі, ясны* гімн; *тонкія зёлкі; сухі, высокі* чарот.

Такое ўмелае, як у гэтым вершы, выкарыстанне рэсурсаў роднай мовы дазволіла Багдановічу за кароткае жыццё выказаць шмат высакародных пачуццяў, зразумелых нам і сёння [8].

У апавяданні «Апокрыф» (як вядома, Максім Багдановіч сцвердзіўся і як празаік, перакладчык, літаратурны крытык) – гісторыі таго, як праз тысячы гадоў Хрыстос ізноў сышоў на зямлю і хадзіў па ёй, нікім не пазнаны, – аўтар уклаў у вусны Госпада думку, якую можна лічыць духоўным заветам паэта: добра быць коласам, але шчаслівы той, каму дадзена быць васільком, бо нашто каласы, калі няма побач гэтых кветак. Як відаць, і тут Багдановіч паслядоўны ў разгортванні матыву ўсеадзінства ўсяго зямнога і сябе як часткі гэтага ўсеадзінства. Нават у развітальным, з Ялты, чатырохрадкоў і – мініяцюрны накід прыроды побач з уцехаю, што пакідае люду беларускаму і сусветнаму свой зборнік:

*У краіне светлай, дзе я ўміраю,
У белым доме ля сіняй бухты,
Я не самотны, я кнігу маю
З друкарні пана Марціна Кухты.*

Максім Багдановіч, услед за многімі творцамі паэтычных карцін роднай прыроды, зрабіў шмат, каб, чытаючы сёння яго вершы, мы, як калісьці Ф. І. Цюгчаў, пранікаліся адчуваннем, што ў землях, водах, нябёсах адгукаецца наша душа, што ў прыроды – свая свабода, свая мова стасункаў з намі.

Список использованной литературы:

1. Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. Московского университета, ч. II. – М., 1985.
2. Конан, Ул. Святло паэзіі і цені жыцця: лірыка Максіма Багдановіча / Ул. Конан – Мн. : Маст. літаратура, 1991. – 208 с.
3. Тархов, А. Творческий путь Тютчева / А. Тархов // Ф. И. Тютчев. Стихотворения. – М. : Художественная литература. – 1972. – 303 с.
4. Кузина, Л. О жизни и творчестве Ф.И. Тютчева / Л. Н. Кузина, К. В. Пигарев // Ф. И. Тютчев. Стихотворения. Письма. – М. : «Правда», 1986. – 544 с.
5. Лойка, А. Лірыка Максіма Багдановіча / А. Лойка // Максім Багдановіч. Маладзік. Лірыка. – Выд-ва «Беларусь». – Мінск, 1968. – 290 с.
6. Заяц, Л. Максім Багдановіч / Л. Заяц // Шлях паэта: зборнік успамінаў і біяграфічных матэрыялаў пра Максіма Багдановіча. – Мн. : 1975.
7. Писарук, Г. В. Лингвистический анализ текста в вузе и школе / Г. В. Писарук, Т. М. Лянцевич. – Брест : БрГУ имени А. С. Пушкина, 2021. – 146 с.
8. Жигалова, М. П. Этновitalность и мультикультурность в судьбе и творчестве Максима Богдановича / М. П. Жигалова // Мастацкі свет Максіма Багдановіча: адметнасць, шматграннасць, універсальнасць : зб. навук. арт. / Беларус. дзярж. пед. ун-т ; рэдкал. Старычонок В. Д. [і інш.]; адк. рэд. Старычонок В. Д. – Минск : БГПУ, 2012. – С. 99–109.

Чагайда Юлия Николаевна (Yu. N. Chagaida), кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистических дисциплин и межкультурных коммуникаций УО «Брестский государственный технический университет» (*Брест, Республика Беларусь*); (*Brest, Republic of Belarus*); chagaida@lenta.ru

УДК 821.161.1

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ПЕЙЗАЖНОЙ ЛИРИКИ Ф. И. ТЮТЧЕВА

Аннотация. Статья посвящена исследованию художественного своеобразия пейзажной лирики Ф. И. Тютчева. Также в работе рассматриваются языковые особенности, характерные для лирики поэта.

Ключевые слова: пейзажная лирика, человек и природа, поэзия, метафора, глагол, динамичность, олицетворение.

ARTISTIC ORIGINALITY OF F.I. TYUTCHEV'S LANDSCAPE LYRICS

Annotation. The article is devoted to the study of the artistic originality of F.I. Tyutchev's landscape lyrics. The work also examines the linguistic features characteristic of the poet's lyrics.

Keywords: landscape lyrics, man and nature, poetry, metaphor, verb, dynamism, personification.

Человек и природа – главная тема поэзии Ф. И. Тютчева. В русской литературе «до Тютчева не было автора, в поэзии которого природа играла бы такую роль. Природа входит в поэзию Тютчева как основной объект художественных переживаний» [2, с. 18].

Наиболее известные стихотворения Ф. И. Тютчева связаны с образами родной природы. «Красота русской природы с юных лет вошла в сердце поэта именно с полей и лесов, окружавших его милый Овстуг, с тихих, застенчивых придеснянских лугов, необозримых голубых небес родной Брянщины» [6, с. 34] :

*Тихой ночью, поздним летом,
Как на небе звезды рдеют,
Как под сумрачным их светом
Нивы дремлющие зреют...
Усыпительно-безмолвны,
Как блестят в тиши ночной
Золотистые их волны,
Убеленные луной...*

(«Тихой ночью, поздним летом...»)

Природа в стихах Ф. И. Тютчева динамична. Она показывается поэтом в движении, в бесконечном круговороте времен года и стихий:

*Еще в полях белеет снег,
А воды уж весной шумят –
Бегут и будят и сонный брег,
Бегут и блещут, и гласят...
Они гласят во все концы:
«Весна идет, весна идет!
Мы молодой весны гонцы,
Она нас выслала вперед!».
Весна идет, весна идет!
И тихих, теплых майских дней
Румяный, светлый хоровод
Толпится весело за ней.*

(«Весенние воды»)

Все в данном стихотворении исполнено движения. Неспроста здесь доминируют глаголы (*белеет, идет, шумят, бегут, будят, блещут, гласят*), с помощью которых поэт и создает динамичный весенний пейзаж. По мнению В. Н. Касаткиной, «природа у Тютчева – живой организм, чувствующий, ощущающий, действующий, имеющий свои пристрастия, свой голос и проявляющий свой характер» [4, с. 31]:

*Не то, что мните вы, природа:
Не слепок, не бездушный лик -
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык...*

В создании пейзажной лирики Ф. И. Тютчева участвуют как базовые, так и дескриптивные глаголы (глаголы зрительного, слухового, тактильного, обонятельного и вкусового восприятия). Так, образ ночи, один из основных природных образов поэта, представлен базовым глаголом *глядеть* в олицетворяющем значении:

*Ночь хмурая, как зверь стоокий,
Глядит из каждого куста...*
(«Песок сыпучий по колени...»)

Если «в изображении ночи участвуют дескриптивные глаголы, то в большинстве случаев мрак ночи *рассеивается* благодаря звёздному свечению, отражающемуся в воде» [5, с. 8]:

*Звёзды светят так высоко,
И Донец во тьме блестит*
(«Святые горы»)

Особое место в пейзажной лирике Ф. И. Тютчева отводится глаголам-колоронимам. Так, например, стихотворение «Восток белел. Ладья катилась...» построено таким образом, что в каждом четверостишии добавляется глагол со значением цвета. Автор показывает восход солнца в трех стадиях. В строке «Восток *белел*...» глагол-колороним приобретает световую семантику. Поэт описывает

«тот промежуток времени, когда горизонт начинает светлеть перед наступлением утра. Имперфективная семантика цветового глагола указывает на развитие действия, предполагающего переход в иное состояние» [3, с. 291]. Следующая стадия рассвета – «*Восток алел...*», когда горизонт окрашивается в алый цвет при приближении солнца. И, наконец, «*Восток вспылал...*», где глагол с приставкой *вс-*, указывает на высшую степень развития действия.

Природа в стихотворениях Ф. И. Тютчева оживает. «*В ней есть душа, в ней есть свобода, / В ней есть любовь, в ней есть язык...*», – убежден поэт («Не то, что мните вы, природа ...»). Она дышит, радуется и грустит. Весенний гром грохочет в небе, *как бы резвяся и играя*; полдень *лениво дышит*, солнечный луч будит спящую девушку *румяным, громким восклицаньем*. Уступая дорогу весне, зима *злится, ворчит, хлопочет, бесится*. *Лазурь небесная смеется*, осенний вечер озарен *кроткой улыбкой увяданья, полураздетый лес грустит*. Метафоры в пейзажной лирике Ф. И. Тютчева играют важную роль. Они позволяют расширить семантическое поле, проникнуть в мир скрытых смыслов. Данные языковые единицы часто выходят за рамки обыденного, переносят читателя в мир внутренних переживаний и философских размышлений.

Ф. И. Тютчев никогда не перегружает свою пейзажную лирику обилием художественных деталей. Он использует только самые значимые из них, тем самым достигая особой художественной изобразительности. Всего одного эпитета, одной точно подмеченной детали (*день как бы хрустальный, паутины тонкий волос, лазурь небесная смеется, кроткая улыбка увяданья*) иногда поэту достаточно, чтобы читатель представил себе картину ранней осени.

Особое место в творчестве поэта занимают стихотворения о весне – «Весенняя гроза», «Могила Наполеона», «Весенние воды», «Зима недаром злится», «Еще земли печален вид, а воздух уж весною дышит», «Весна», «Нет, моего к тебе пристрастья...» и др. Весна воспринимается Ф. И. Тютчевым не только как прекрасное время года, но и как победа жизни над смертью, как гимн юности и обновлению:

*Что пред тобой утеха рая,
Пора любви, пора весны,
Цветущее блаженство мая,
Румяный свет, золотые сны? ...*

(«Нет, моего к тебе пристрастья...»)

Стихотворения Ф. И. Тютчева о весне оптимистичны, легки и гармоничны. Описания природы неодинаковы, они показывают разные ее стороны и оттенки: *лазурь небесная смеется, ночной омытая росой; весенний гром как бы режвьяся и играя грохочет в небе голубом; весна светла, блаженно-равнодушна, как подобает божествам; майские дни как румяный светлый хоровод*. Образы, картины, чувства, заключенные в стихотворениях о весне, «представляются подлинными и живыми, они воздействуют на читателя непосредственно и глубоко, видимо, потому что находят отклик в подсознании. Согласованность и слитность смысла, слова и музыки усиливают этот эффект, проявляясь не как статичное, а подвижное, динамическое единство» [4, с. 58].

Тема природы в стихотворениях Ф. И. Тютчева тесно связана с темой человека. Одухотворяя природу, создавая пейзажные картины, поэт во всей полноте отражает состояние души человека:

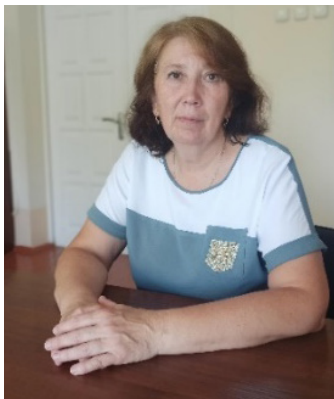
*Дума за думой, волна за волной –
Два проявленья стихии одной
В сердце ли тесном, в безбрежном ли море,
Здесь – в заключении, там – на просторе*
(«Волна и дума»)

Бесконечно богатая, изменчивая, природа в стихотворениях Тютчева предстает как единое целое, живущее своей особенной жизнью, неповторимой и загадочной. Пейзажи Ф. И. Тютчева – это не картины, не описания природы, а живые сцены, драматические эпизоды некоего сплошного действия. Способность увидеть в обыденном нечто сокровенное, прикоснуться к тайнам мироздания – все это придает пейзажной лирике Ф. И. Тютчева неповторимый колорит и философскую значимость. Обращаясь к природе, поэт «решает все важнейшие политические, философские, психологические вопросы. Образы природы создают не только фон, а самую основу всей его лирики» [4, с. 162].

Список использованной литературы:

1. Берковский, Н. Я. Ф. И. Тютчев / Н. Я. Берковский // О русской литературе. – Л., 1985. – С. 155–199.
2. Бухштаб, Б. Я. Тютчев / Б. Я. Бухштаб // Русские поэты: Тютчев, Фет, Козьма Прутков, Добролюбов. – Л. : Худож. лит., 1970. – С. 9–75.
3. Зайцева, Е. В. Глагольная колористика в языке поэзии Ф. И. Тютчева / Е. В. Зайцева // Вестн. Брянск. гос. ун-та. – 2013. – № 2. – С. 290–294
4. Касаткина, В. Н. Поэзия Ф. И. Тютчева / В. Н. Касаткина. – М. : Просвещение, 1978. – 175 с.
5. Петрова, А. В. Семантика и функционирование перцептивных глаголов в лирике Ф. И. Тютчева : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / А. В. Петрова ; Моск. гос. обл. ун-т. – М., 2018. – 24 с.
6. Чагин, Г. В. Федор Иванович Тютчев: (185 лет со дня рождения) / Г. В. Чагин. – М. : Знание, 1985. – 221 с.

РАЗДЕЛ 5. ПРАКТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ В ТВОРЧЕСТВЕ Ф. И. ТЮТЧЕВА

Борсук Ніна Мікалаеўна (Borsuk N.N.), кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры лінгвістычных дысцыплін і міжкультурнай камунікацыі Брэсцкага дзяржаўнага тэхнічнага ўніверсітэта (*г. Брест, Рэспубліка Беларусь*); borsnina@yandex.by

УДК 821.161.3-1

ТВОРЧАСЦЬ ФЁДАРА ЦЮТЧАВА ВА ЎЗНАЎЛЕННІ ПА-БЕЛАРУСКУ МІКОЛАМ ГІЛЕМ

Анотацыя. У артыкуле асэнсоўваюцца пераклады Міколы Гіля на беларускую мову з Фёдара Цютчава. Перавага аддаецца вершам, у якіх раскрываецца тэма еднасці чалавека і прыроды. Акцэнт робіцца на прычынах звароту беларускага перакладчыка да творчасці рускага паэта. Звяртаецца ўвага на заслугі М. Гіля, які здолеў ва ўзнаўленнях перадаць характэрную рысу светаадчування Ф. Цютчава.

Ключавыя словы: пераклад, арыгінал, аўтарская ідэя, першакрыніца, тэма, лірычны герой, выяўленча-выразныя сродкі.

RECREATED CREATIVITY OF FYODOR TYUTCHEV IN BELARUSIAN BY NIKOLAI GEL

Annotation. The article analyzes Nikolai Gil's translations of Fyodor Tyutchev's works into Belarusian. Preference is given to verses that reveal the theme of the unity of man and nature. Emphasis is placed on the reasons why the Belarusian translator turned to the work of the Russian poet. Attention is drawn to the merits of N. Gil, who managed to convey in his reproductions a characteristic feature of F. Tyutchev's outlook.

Keywords: paraphrase, original, author's idea, main source, theme, lyrical hero, visual and expressive means.

Талент мастака слова, глыбокага філосафа, тонкага псіхолога Фёдара Міхайлавіча Цютчава не мог застацца па-за ўвагай беларускіх перакладчыкаў. Думаецца, перш-наперш таму, што рускі паэт узнімае ў сваёй творчасці вечныя тэмы: сэнс чалавечага быцця, жыццё прыроды, каханне, адзінства асобы з акаляючым светам... Эмацыйная афарбоўка лірыкі Ф. Цютчава, на наш погляд, абумоўлена трагічным светаадчуваннем творцы, усведамленнем свайго бяссілля, абмежаванасці на шляху спасціжэння вечнай загадкі быцця. Нягледзячы на гэта, вершы рускага паэта вабяць нейкай лёгкасцю, свежасцю, складваецца адчуванне, што іх перакласці на іншую мову практычна немагчыма. Тым не менш, паэтычныя творы Ф. Цютчава паспяхова перакладаюцца на розныя мовы свету, у тым ліку і беларускую.

Спынімся на перакладах Міколы Гіля, які лічыць рускага мастака слова «элітарным» лірыкам. Беларускі перакладчык-рэаліст. Ён не спадзяецца, што некаму спатрэбяцца яго ўзнаўленні па-беларуску з творчасці Ф. Цютчава. «Нават А. Пушкіна сёння не чытаюць на радзіме, у Расіі» [1, с. 187], – адзначае М. Гіль. Ён звярнуўся да перакладчыцкай дзейнасці дзеля сябе, дзяцей і ўнукаў. Зборнік Ф. Цютчава, што выйшаў у Мінску ў 1977 годзе накладам ажно 200 тысяч экзэмпляраў і раптоўна трапіў у рукі беларускага творцы, закрануў яго, паэтычныя радкі аказаліся суладны настрою і думкам. Аб гэтым беларускі перакладчык выказваецца ў прадмове да сваіх ўзнаўленняў у літаратурным зборніку «Дзеяслоў» [1, с. 187–194]. Больш таго, творца хацеў «свердзіць (наsupерак нашым зласліўцам розных масцей), што мова наша – развітая і культурная, што на ёй

мога гучаць нават такі адмысловы, тонкі лірык, як Фёдар Іванавіч Цютчаў» [1, с. 187].

Міколу Гілю ўслед за рускім паэтам удалося не проста апісаць навальніцу як прыродную з’яву, але і ўбачыць прыгажосць у раз’юшанай стыхіі (верш «Вясновая навальніца»). Чытач становіцца сведкам, як першая навальніца «з гарэзліва-вясёлым граем / Пад небным грукае шатром». Гэтаму, бясспрэчна, спрыяе захаваны перакладчыкам памер (чатырохстопны ямб), перакрыжаваная рыфмоўка, эпітэты («вясновы першы гром», «раскаты маладыя», «перлы дажджавыя», «громакіпячы кубак», «гам лясны», «патак няскорны»), метафары («сонца ніці залаціць», «грымяць раскаты»), увасабленні («з гары бяжыць патак няскорны»), багацце гука «р» («першы», «гром», «гарэзлівы», «грай», «грукае», «шацёр» – 1-ая страфа). Ужыты перакладчыкам эпітэт «гарэзліва-вясёлым граем» замест дзеепрыслоўнага зваротка ў арыгінале «как бы ревяся и играя», метафары «пад небным шатром» замест эпітэта «в небе голубом» надаюць паэтычным радкам нейкую загадкавасць.

Дзякуючы ўмела захаванаму перакладчыкам старажытнагрэчаскага сюжэта, зачараваны чытач назірае, як багіня Геба пралівае на зямлю дождж: «Ты скажаш: ветраная Геба, / У Зеўса кормячы арла, / Громакіпячы кубак з неба / Скрозь хмаркі жартам праліла». Калі параўнаць вышэйпрацытаваныя радкі ў перакладзе В. Сахарчука («Ветрагонка Геба», як і «усё туруе перунам»), то нельга не заўважыць, што гучаць яны неяк прыземлена, хаця і адпавядаюць сэнсу арыгінала. Багацце дзеясловаў і дзеяслоўных форм (налічваецца 16 – у арыгінале, 13 – у перакладзе Гіля) дазваляе і паэту, і перакладчыку перадаць вечны рух, нараджэнне новага ў чалавечым жыцці і прыродзе, цыклічнасць свету, паглыбіць філасофскі пачатак. Як тут не ўспомніць маладосць, якая падобна вясновай навальніцы громка абвясчае аб сабе, але хутка і праходзіць.

Алегарычны падтэкст універсальны для цютчаўскай паэзіі. Так ключавымі словамі для прачытання сімвалічнага аспекту верша «Заспакаенне» («Гром адгрымеў – ляжаў і йшчэ курыўся») з’яўляюцца вобразы перуноў і дуба. Жыццё хуткапынна: «Гром адгрымеў – ляжаў і йшчэ курыўся / Высокі дуб, забіты перунамі, / І шызы дым з галін ягонных віўся / Па зелены, асвежанай цуркамі». Тым не менш, Ф. Цютчаў верыць у перамогу жыцця над смерцю, бо са смерцю нечага

альбо некага жыццё не завяршае свой кругабег: «А уж давно, звучнее і полней, / Пернатых песнь по роще раздалася, / И радуга концом дуги своей / В зелёные вершины уперлася». Умесным бачыцца ўжытае М. Гілем слова «вязь» – тып пісьма, калі літары аб'ядноўваюцца адна з другой у адно цэлае («І яркае вясёлчына вязьмо / Зялёныя вяршыні залучала»). Слова цуркі і весялей («І шызы дым з галін ягоных віўся / Па зелены, асвежанай цуркамі» – «По зелени, грозой освежённой»; «А уж давно, звучнее і полней, / Пернатых песнь по роще раздалася» – А ўжо ж гучней і весялей даўно / У гаі песня птушак загучала»), на наш погляд, выяўляюць веру паэта ў чыстыя вытокі чалавечай душы.

Па пераканні Ф. Цютчава, пазнаць тайну прыроды, быцця чалавек не здольны. Праходзяць стагоддзі, а так ніхто і не змог адказаць на пытанне: чаму камень скаціўся з гары? – разважае аўтар і перакладчык у вершы «Probleme». У шасцірадкоўе параўноўваюцца два станы – думкі і волі. Замена выразу «низринут волею чужой» перакладчыкам на «скінуты быў воляю чужой» бачыцца недастаткова апраўданым, бо згодна канцэпцыі Ф. Цютчава перавага аддаецца волі чалавека, Вышэйшых сіл.

Рускі паэт заўжды быў уважлівы да духоўнага свету асобы. Думаецца, не без уплыву старажытнагрэчаскіх філосафаў. Напрыклад, у Ф. Цютчава ў вершы «Silentium» ужыта лексічная форма «оне», наяўнасць высокага штлію. На жаль, у перакладзе яна заменена на займеннік яны, таксама арыгінал і пераклад насычаны павучальнымі, пераканаўчымі інтанацыямі: «Любуйся ими – и молчи» – «Любуйся імі і маўчы», «Питайся ими – и молчи» – «Жывіся імі – і маўчы», «Внимай их пенью – и молчи!..» – Іх цені слухай – і маўчы». З аднаго боку, паэт за самаўдасканаленне, з другога, лічыць, што ўсе людзі розныя, часам не здольны зразумець адзін аднаго і, па Ф. Цютчаву, увогуле не абавязаны гэтага рабіць. Ці не па гэтай прычыне лірычны герой верша «Silentium» не выказвае свае думкі ўслых. Больш таго, паэт лічыць, што менавіта маўчанне забяспечае чысціню помыслаў. Гэтую думку даносіць да чытача перакладчык, захавайшы такі сродак мастацкай выразнасці, як алітэрацыя: «Их оглушит наружный шум» – «Аглушыць вонкавы іх шум». Вобразна-выяўленчыя сродкі (эпітэт «таемных і чароўных дум» – таинственно-волшебных дум»; параўнанні і метафары «хай у душэўнай глыбіні / Заходзяць і ўстаюць яны / Маўкліва, зоркі бы ўначы, – / Любуйся імі – і маўчы!» – «Пускай

в душевной глубине / Встают и заходят оне / Безмолвно, как звёзды в ночи, – / Любуйся ими – и молчи»), форма паэтычнага твора (секстэт), афарыстычнасьць радка («Мысль изречённая есть ложь» – «Хлусня ёсьць рэкнутая мысль»; «Лишь жить в себе самом умей» – «Адно ў сабе ты жыць умей»; «Маўчы, скрываўся і таі / Свае пачуцца, мары, сны» – Молчи, скрываўся и таи / И чувства и мечты свои») адпаведна дапамагаюць чытачу атрымаць асалоду ад прачытанага перакладу, адчуць яго глыбіню, навучыцца быць уважлівым да слова.

Сапраўды, лірычны герой Ф. Цютчова і М. Гіля ў прыродзе шукаюць крыніцу натхнення. Сведчанне гэтаму – верш «Вясновае супакаенне». Нягледзячы на тое, што недакладнасці, ужытыя пры перакладзе ўвасаблення («дыханьне ветерка»), эпітэтаў («светло и тихо облака»), паслабляюць тэму еднасці чалавека з прыродай, адмаўленне, з якога пачынаецца паэтычны твор («О, не кладзіце мяне / У зямлю сырую» – «О, не кладите меня / В землю сырую»), захаванне перакладчыкам рамантычнай вертыкалі (погляд героя імкнецца да боскага, уважліва аглядае ўсё ад травы да неба) тонка перадаюць пачуцці лірычнага героя, душа якога імкнецца да травы густой, жалейкі, святлістых воблакаў, лёгкага павеву ветру.

Вясна – адзін з любімых вобразаў Ф. Цютчова. Узгадаем вершы: «Вясновае супакаенне», «Вясновая навальніца», «Веснавыя воды» і інш. У Ф. Цютчова гэтая пара года, падобна жыццю, няўрымслівая, неспакойная, адначасова выклікае лёгкі сум і захапленне. Карціну абуджэння прыроды М. Гіль, на наш погляд, цудоўна перадаў у перакладзе верша «Веснавыя воды». Мы становімся сведкамі таяння снегу (першая страфа), як благу вестачку аб хуткім прыходзе вясны разносяць ручаі (2-ая страфа), радуемся разам з прыродай цёплым майскім дням (3-ья страфа). Удала перакладзеныя М. Гілем метафары («А воды ўжо шумяць вясной» – «А воды уж весной шумят»), ува-сабленні («І будзяць бераг, яшчэ ў сне, / І абвясчаюць покліч свой» – «Бегут и будят сонный берег, / Бегут и блещут и гласят...»), эпітэты («У светлай лёгкай чарадзе / Прыход жаданы ўжо відзён» – «Румяный, светлый хоровод / Толпится весело за ней»), перакрываваемая рыфмоўка перадаюць імгненні гармоніі, вядуць да спасціжэння новага, невядомага. Дзякуючы ўдала ўзноўленым перакладчыкам сродкам выразнасці, складваецца адчуванне, што мы не толькі бачым змены ў прыродзе, але і чуем галасы ручаёў: «І покліч іх – на ўсе

канцы: / «Вясна ідзе! Вясна ідзе! / Мы маладой вясны ганцы, / Вясёлы авангард яе!» – «Они гласят во все концы: / «Весна идёт, весна идёт! / Мы молодой весны гонцы, / Она нас выслала вперёд!».

Часцінкай прыроды, крупінкай сусвету адчувае сябе лірычны герой Ф. Цютчава. Толькі, на першы погляд, здаецца, што верш «Пясок сыпучы па калені...» – можна аднесці да пейзажнай лірыкі. Ноч, бор, сосны – усё гэта выклікае карціны прыроды. Але дзень меркне і мяняецца настрой падарожных: «Песок сыпучий по колени... / Мы едем – поздно – меркнет день» – «Песок сыпучы па калені... / Мы едем – позна – меркне дзень»). Густы і змрочны бор, цені сосен, што «у адзін зліліся цень», «хмурая ноч» выклікаюць трывогу, сумны настрой («Як тне журбою цемната» – «Какие грустные места»). Параўнанне («Ноч хмурая, як звер ставочны / Віжуе з кожнага куста!» – «Ночь хмурая, как зверь стокий, / Глядит из каждого куста!») прымушае чытача адчуць, што ён маленькая, безабаронная пясчынка ў свеце. Перакладчык услед за Ф. Цютчавым здолеў раздвінуць межы верша. І вось перад намі ўжо не проста пясчаная сцежка ў начным лясу, а шлях цэлай планеты, якая адзінока рухаецца ў бясконцым прасторы.

Карціны прыроды натхнялі Ф. Цютчава на напісанне паэтычных твораў. Так нарадзіўся і верш «Альпы». Паэт захапляецца веліччу гор: «Памярцвелыя іх вочы / Сцюжным жахам ледзяняць. / Сілай нейкай счараваны, / Да ўзыходжання зары / Дрэмлуюць, грозныя, у тумане, / Быццам паўшыя цары!..» – «Помертвелые их очи / Льдистым ужасом разят. / Властью некой обаянны, / До восшествия Зари / Дремлют, грозны и туманны, / Словно падшие цари!..». Важна адзначыць, што ў паэтычнах радках (16 радкоў) няма месца пафасу. Паэт адбірае заўжды тыя словы, якія здольны перадаць вобразы. Тут на дапамогу прыходзяць эпітэты («лазурный сумрак» – «блакітны прыцем ночы», «воскресшая семья» – «уваскрэслая сям'я»), увасабленні («Альпы снежные глядят» – «Альпы снежныя глядзяць»), метафары («Брата старшего венец» – «Брата большага вянец»). Размоўная інтанацыя верша дазваляе чытачу няспешна ўжыцца ў думкі паэта, выказаныя ўслых, і адчуць праведзеную творцам аналогію паміж Альпамі і чалавекам з мужным характарам.

Прырода – храм, які забрудзілі людзі. Адсюль – сумныя інтанацыі ў паэтычным творы. Складваецца ўражанне, што паэт апявае

прыродны катаклізм, такую назву творца надае і вершу – «Апошні катаклізм». Калі не будзе людзей, то «Усё відочнае пакрыюць зноўку воды, / І боскае аблічча будзе ў іх!» Тым не менш, гэтыя паэтычныя радкі неабходна, на наш погляд, успрымаць не як услаўленне прыроднай сілы разбурэння, знішчэння, а як спробу мастака слова спасцігнуць светабудову. Не застаецца па-за ўвагай і той факт, што паэт не выкарыстаў ніводнагай метафары. Нягледзячы на гэта, вобразнасць твора дастаткова выразная, а сіла закліку Ф. Цютчава берагчы прыроду ўзмацняецца за кошт такіх сродкаў выразнасці, як эпітэт («апошні час» – «последний час»), увасабленне («апошні прыйдзе час прыроды» – «когда пробьет последний час природы»).

Ф. Цютчаў прысвячае свае вершы розным порам года. Адна з любімых – вясна. Пра гэта ішла размова вышэй. Спынімся на паэтычным творы «Летні вечар». Верш быў напісаны пасля страты любімай і двух дачушак. Менавіта ў такія хвіліны пачынаеш адчуваць каштоўнасць кожнага пражытага дня. Нягледзячы на асабістую трагедыю, паэтычныя радкі Ф. Цютчава прасякнуты радасцю, светлымі пачуццямі. Паэтызацыя прыгажосці акаляючага свету пасляхова перадаецца М. Гілем услед за аўтарам праз мастацкія вобразы. Так у першай страфе апісваецца закат, які герой сузірае на беразе мора («І мірны вечара пажар / Марская хваля затапіла»), у другой – неба («шацёр нябесны») і зоры, што «Шацёр нябесны прыўзнялі / Сваімі воглымі плячамі»). Мастаку слова ўдалося перадаць на лісце паперы не толькі зрокавыя ўспрымання лірычнага героя, але і яго адчуванні. Напрыклад, у трэцяй страфе чалавек пасля пякельнага дня прымае прахалоду як падарунак (І грудзі дыхаюць вальней / Пасля пякельнага застою»), у чацвёртай – праз параўнанне прыроды з чалавекам, што абмыў увечары стомленыя спякотай ногі ключавой вадой, далучаецца да боскага. Вершаваны памер (чатырохстопны ямб, перакрываваемая рыфмоўка) настройваюць чытача на развагі паэта і перакладчыка аб жыцці, ад якога перш-наперш трэба атрымліваць асалоду. Разнастайныя тропы (эпітэты «мирный пожар» – «мірны пажар», «морская волна» – «марская хваля»; увасабленні «земля скатіла» – «зямля скаціла», «звёзды взошли» – зоркі ўзышлі», «жилы прыроды» – жылы прыроды», «звёзды приподняли» – «зоркі прыўзнялі»; параўнанні «трепет, как струя» – «хваляванне, быццам ток») узмацняюць вышэйвыказаную думку.

Роздумаю аб хуткаплыннасці чалавечага жыцця прасякнуты верш «Бяссонне». Адчуць дысгармонію, што пануе ў душы лірычнага героя, дапамагае цэнтральны вобраз верша – вобраз гадзінніка. Эпітэты («гадзінніка тужлівы стук» – «Часов однообразный бой»), увасабленні («Непераможны Кон спасціг» – «Неотразимый Рок настиг»), метафары («А нас, сябры, і час наш разам / Даўно нябытам замяло» – «А нас, дружыя, и наше время / Давно забвеньем занесло!», «Металу голас пахавальны / Аплаквае часам нас!» – «Металла голос погребальный / Порой оплакивает нас!») узмацняюць тэму адведзенага чалавеку часу.

Праз тэму прыроды Ф. Цютчаў выяўляе і «жаночую душу». Рускі паэт лічыў, што ў каханні чалавек самацвярджаецца. Каханне для лірычнага героя Ф. Цютчава – гэта своеасаблівы палон, дзе кожны аддае сваё «Я» другому. Па перакананні творцы (верш «Той дзень – на явве, а не ў сне»), адчуць сілу кахання – гэта ўвайсці ў свет сонца, зор, у свет абсалюта, адмовіцца ад усяго, што звязана з іншымі перажываннямі, убачыць новы свет:

*И вдруг как солнце молодое,
Любви признание золотое
Исторглось из груди ея...
И новый мир увидел я !..*

*Тут, як сонца маладое,
Любві прызнанне залатое
Пачуў я... Ейны ціхі шэпт...
І мне адкрыўся новы свет*

Як бачна, для сваіх узнаўленняў Мікола Гіль браў з творчасці рускага паэта пераважна вершы на тэму гарманічнага яднання чалавека і прыроды, хаця, як мы мелі магчымасць пераканацца, пейзажнымі іх назваць нельга. Услед за арыгіналам беларускаму перакладчыку (верш «Тут, дзе так вяла круг нябесны») удалося паказаць прыроду на мяжы зямнога і нябеснага. Словазлучэнне «свод небесный (круг нябесны). Круг (свод)... азначае адначасова і назапашванне нечага (напрыклад, зорак), і месца знаходжанне, і мяжу, і яднанне.

Можна захапляцца фантазіяй Ф. Цютчава, які здолеў прадставіць нябесныя свяціла па-за межамі атмасферы. «Звезды в ночи» («Зоркі

бы ўначы») – гэта «пачуцці, мары, сны», якія здольны ўбачыць толькі Творца (Усявышні) – верш «Silentium!». Месяц днём ледзь днее («То хмуры, то вясёлы рагатун, / Рассеяны, капрызны, то – маўчун»), але ноччу ззяе як «прамяністы бог» («светозарный бог») – верш «Ты яго бачыў сярод знаных свету».

Заслуга М. Гіля бачыцца перш-наперш у тым, што беларускі перакладчык здолеў перадаць характэрную рысу светаадчування Ф. Тютчава, раскрыць тэму космасу і хаосу, перадаць імгненне гармоніі, адзінства з прыродай. Не дзіўна, узнаўленні на іншыя мовы, як правіла, лепш атрымліваюцца ў перакладчыкаў з бунтарскай душой, якіх па жыцці вядзе жаданне спасцігнуць новае, невядомае, і разам з тым у душы якіх прысутнічаюць песімістычныя разбуральныя адносіны да жыцця. Менавіта такой уяўляецца асоба перакладчыка пасля знаёмства з яго творчасцю.

Перакладчык і паэт С. Ганчарэнка ў працы «Поэтический перевод и перевод поэзии» [2] піша аб тым, што «поэтический перевод обязан стать живым близнецом оригинала», але і папярэджвае, што можна многімі рэчамі праігнараваць дзеля захавання самага галоўнага – аўтарскай ідэі. Думаецца, пра пераклады М. Гіля можна сказаць: беларускія пераклады ўяўляюць сабой арыгінальныя творы, якія створаны па матывах першакрыніцы.

Спіс выкарыстанай літаратуры:

1. Гіль, М. Пераклады Міколы Гіля / М. Гіль // Дзеяслоў. – 2021. – № 3. – С. 187–194.
2. Гончаренко, С. Ф. Поэтический перевод и перевод поэзии: константы и вариативность [Электронный ресурс] / С. Ф. Гончаренко. – Режим доступа : http://samlib.ru/w/wagarow_a_s/poetic-transl.shtml. – Дата доступа : 30.01.2016.
3. Тютчев, Ф. Лирика / Ф. Тютчев. – Мн. : Вышэйшая школа, 1977. – 207 с.

Габдулхаков Валерьян Фаритович (V. F. Gabdulhakov), доктор педагогических наук, профессор, руководитель НОЦ педагогических исследований Казанского федерального университета, Академии наук Республики Татарстан (*г. Казань, Республика Татарстан*) (*Kazan, Republic of Tatarstan*); Pr_Gabdulhakov@mail.ru

УДК: 016:882

СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭПИСТОЛЯРНОЙ ПРОЗЫ Ф. И. ТЮТЧЕВА

Аннотация. Цель статьи – показать результаты исследования структурных особенностей писем Ф. И. Тютчева. Поэтом было написано около 1300 писем, преимущественно на французском языке. В процессе анализа этих писем (в переводе на русский язык) было установлено, что тексты писем обладают уникальными структурными особенностями. В них преобладает смысловой дискурс: писатель виртуозно использовал абзацы как смысловые единицы текста, включая в них от двух до семи микротем (сокращенных сложных синтаксических целых). В результате текст получался информативным, убедительным, концептуальным.

Ключевые слова: структурные особенности, эпистолярная проза, Ф. И. Тютчев, лингвистика текста, методика развития речи.

STRUCTURAL FEATURES OF EPISTOLARY PROSE F. I. TYUTCHEVA

Annotation. The purpose of the article is to show the results of a study of the structural features of the letters of F. I. Tyutchev. About 1300 letters were written by the poet, mostly in French. In the process of analyzing these letters (translated into Russian), it was found that the texts of the letters have unique structural features. Semantic discourse prevails in them: the writer masterfully used paragraphs as semantic units of the text, including from two to seven microthemes (abbreviated complex syntactic integers) in them. As a result, the text was informative, convincing, conceptual.

Keywords: structural features, epistolary prose, F. I. Tyutchev, text linguistics, methods of speech development.

Известно, что Ф. И. Тютчев, автор более 400 стихотворений, написал около 1300 писем [1]. Часть писем Ф. И. Тютчева, написанная им на французском языке, переведена на русский и представляет уникальный образец русской (и французской) эпистолярной прозы.

Структурные особенности этой прозы вызывают удивление на уровне анализа смысловых единиц текста.

В лингвистике текста, психолингвистике, теории и методике развития речи эти единицы называют по-разному – автосемантическими единицами, сверхфразовыми единствами, фрагментами, сложными синтаксическими целыми, абзацами и т. д. [2, 3, 4, 5, 6, 7].

В письмах Ф. И. Тютчева можно наблюдать уникальное соотношение абзацев и сложных синтаксических целых. Уникальность проявляется в том, что практически все его письма имеют смысловую структуру, то есть строятся не по сложным синтаксическим целым, включающим зачин, среднюю часть, концовку, а по абзацам, состоящим обычно из абзацного предложения и поясняющей части.

Известно, что в русской прозе больше распространена «тематическая» структура (по сложным синтаксическим целым) [5, 6, 7].

Смысловая структура прозы соотносится с правильным членением текста на абзацы, в которых главную информативную нагрузку несут первые – абзацные – предложения. «Тематическая» структура соотносится с выделением в тексте сложных синтаксических целых, в которых принципиальное значение имеет микротема (о чём или о ком говорится в тексте?). Зачин, обозначающий микротему,

и концовка, завершающая микротему, могут сокращаться, что и наблюдается в текстах Ф. И. Тютчева.

В теории и методике развития речи традиционно преобладает методическая установка на «тематическую структуру» [5]. Поэтому на занятиях по развитию речи выделяют вступление, основную часть, заключение текста. В каждой из этих частей могут быть свои абзацы, отвечающие на вопрос, что именно говорится о той или иной микротеме.

В письмах же Ф. И. Тютчева преобладает смысловая структура, то есть он чётко выделяет в текстах абзацы – от трёх до семи. И в каждый абзац (особенно первый) включает несколько микротем (от двух до семи).

Рассмотрим эту особенность на примере послания Великой княгине Марии Николаевне, написанном примерно в 1854 г.

Пишу тебе, милая моя кисанька, второпях. Сегодня утром мы

должны быть у известной тебе великой княгини, а как ты знаешь, со Шукой¹ всегда тратишь много времени. Он никогда не торопится. Все это не мешает тебе быть истинной великой княгиней — великой **княгиней моего сердца**, с которой мне хочется свидеться как можно скорее. Очень надеюсь, что это осуществится в будущую субботу. А пока посылаю тебе бумаги Ментков, паспорта и свидетельство. Что касается до **пропусков**, то на них рассчитывать нельзя. Здешние миссии

обычно их не выдают. Визы Коллоредо я исхлопотал не без труда, ибо по правилам — австрийским миссиям запрещено давать визы на проезд в местности, не указанные в самом паспорте, завизированном австрийским посольством в Париже. Я надеюсь еще застать Ментков в Тегернзее.

Все, что ты сообщаешь насчет **гувернантки**, кажется мне весьма правильным. Об этом мы еще поговорим. Во всяком случае, предоставляю тебе полную свободу действовать и решать по-своему.

¹Шука (Brochet) — прозвище камердинера Тютчева, Эммануила Тума.

Вся трудность заключается по-прежнему в **недостатке места**. Я еще раз побываю в доме Вихана², чтобы все выяснить и добиться, если возможно, окончательного ответа.

Я еще не виделся с **Крюденершей**; со времени своего возвращения в Мюнхен она не встает с постели. Ее муж сказывал мне, что даже будучи в качестве путешественников, они в полной мере испытали грусть, которою обычно ощущаешь в Италии, и потому вполне понимают и оправдывают мое **прошлогоднее бегство**.

Благодарю тебя, моя кисанька, за **присланную весть**. Береги себя хорошенько, прошу тебя. Больше чем когда-либо избегай усталости. Мне хочется **увидеть** тебя **здоровой** и поправившейся.

Что касается **денег**, я сказал Эйхталю, чтобы он выслал их прямо тебе.

Прости, моя кисанька. Если бы я захотел во что бы то ни стало исписать все остающееся свободное место, это отняло бы у меня много **времени** и помешало бы моим приготовлениям... Итак, прости, – до субботы. Целую детей от А. до М.³

В тексте письма шесть абзацев. Ключевые слова, обозначающие микротемы, выделены в абзацах жирным шрифтом. Сам же Ф. И. Тютчев, предваряя начало новой микротемы (начало нового сложного синтаксического целого), иногда ставил тире между предложениями. Тем самым он как бы подчеркивал единый стержень смыслового дискурса.

В первом абзаце две микротемы (*княгиня моего сердца, пропуски*), во втором тоже две (*гувернантка, недостаток места*), в третьем – две (*Крюденерша, прошлогоднее бегство*), в четвертом тоже две (*присланная весть, увидеть здоровой*), в пятом – одна (*деньги*), в шестом – одна (*свободное место*).

Иначе говоря, план текста может выглядеть примерно так:

I. Милая моя кисанька.

1. Княгиня моего сердца.
2. Пропуски.

II. Все кажется правильным.

1. Гувернантка.
2. Недостаток места.

²Вероятно, имеется в виду столяр Антон Вихан, владелец дома на ул. Карлштрассе, 54/1, куда Тютчевы переселились 3/15 октября 1840 г. (Полонский. С. 88).

³То есть от Анны до Марии.

III. Со времени возвращения в Мюнхен.

1. Крюденерша.
2. Прошлогоднее бегство.

IV. Благодарность.

1. Присланная весть.
2. Увидеть здоровой.

V. Деньги.

VI. Время.

Ф.И. Тютчев обозначает микротемы мастерски кратко, не развертывая, как учит традиционная методика развития речи, структурные части сложного синтаксического целого (зачин, среднюю часть, концовку). Микротемы звучат как бы вскользь (между прочим) и ненавязчиво создают целостную картину дружеских отношений с княгиней. В этом особое художественное мастерство писателя, мастерство эпистолярного жанра.

Другое письмо – письмо дочери поэта.

Бесконечно милая моя дочь. Если бы человеческие мысли обладали счастливой способностью сами обращаться в письма, написанные, сложенные, запечатанные и отправленные по почте, я уверен, не прошло бы дня, чтобы ты не получала от меня два или три письма, ибо **мысли мои** постоянно обращены к тебе, опекают тебя, окружая заботой и лаской. – И вот сегодня посылаю их тебе в более осязаемой форме, по совету Китти, прямо в Женеву, на Воды, в дом Петрова, в надежде, что они тебя еще там

застанут. **Последние известия** о тебе, то есть о твоём лечении и о его результатах, меня порадовали; однако, хотя и можно с уверенностью утверждать, что в состоянии твоего здоровья наступило несомненное улучшение, это, увы, не снимает опасений за будущее, и за будущее самое близкое. Какое **решение** ты примешь **относительно зимы**? Что скажет тебе на этот счет твой внутренний голос, единственный твой советчик? Жду твоего решения с живейшим интересом и участием, поскольку признаю свою неспособность предложить в сложившейся ситуации что-либо, не сопряженное со множеством неудобств.

Единственное, в чем я глубоко убежден, это в том, что буду безмерно **рад** тебя **увидеть**. – Независимо от твоих писем, я недавно получил о тебе известия от графа Г. Строганова – через десять дней после того, как он видел тебя в Уши, у великой княгини. Я тоже был бы не прочь повидать тебя там. – Эти **прелестные уголки природы** обладают неотразимым очарованием, когда смотришь на них издалека, хотя пребывание там не мешает чувствовать себя несчастным. Опыт ничего не меняет, и признавая, что это оптический обман, тем не менее воспринимаешь его как самую очевидную реальность. – Неужели **эти строки**, написанные в сумерках, между 4 и 5 часами вечера, при последних лучах солнца, более похожих на мираж, чем на реальность, неужели ты будешь читать их посреди всех этих красот природы? – У нас здесь сбор винограда еще не начался, а вместо Монблана перед глазами у меня **Гостиный двор**, весь мокрый от дождя.

Не пишу тебе ничего **о нашей семье**, поскольку знаю, что этим займется Китти, да к тому же то, что можно о нас сказать, вряд ли тебя обрадует. Как всё, что приходит в упадок, **жизнь наша** становится все более грустной и бесцветной.

Что до меня, то теперь я более всего тревожусь о бедной жене моей, а вместе с тем и о Мари. – Из ее писем ты, наверно, знаешь обо всех волнениях, горестях и **неприятностях**, которые ей довелось пережить за последнее время. – Сейчас ей как будто стало полегче, благодаря деньгам, которые я смог ей послать. – Тем не менее еще два месяца она, по-видимому, должна будет провести в этом отвратительном **деревенском заточении**. – От Анны, со времени ее приезда в Ливадию, я получил только одно письмо (без даты). Не знаю, встретила ли она там (и как) с комичным героем своего нелепого романа. – Словом, ясно одно, все мы сейчас находимся **далеко друг от друга**. – Бог даст, в ближайшем будущем мы снова соберемся вместе, и на этот раз никто из нас не будет отсутствовать. – Так до свиданья, и до скорого, моя милая дочь.

В этом письме три абзаца.

В первом абзаце семь микротем (*мысли, последние известия, решение относительно зимы, рад увидеть, прелестные уголки природы, эти строки, Гостиный двор*). Во втором абзаце – две микротемы (*наша семья, жизнь наша*). В третьем абзаце – три микротемы (*неприятности, деревенское заточение, далеко друг от друга*).

Соответственно план текста может быть таким:

I. Бесконечно милая моя дочь.

1. Мысли.
2. Последние известия.
3. Решение относительно зимы.
4. Рад увидеть.
5. Прелестные уголки природы.
6. Эти строки.
7. Гостиный двор.

II. Наша семья.

1. Семья.
2. Жизнь.

III. Тревога.

1. Неприятности.
2. Деревенское заточение.
3. Далеко друг от друга.

Здесь один (первый) абзац включает семь микротем. Писатель виртуозно придает своему описанию концептуальный характер: все семь микротем (*мысли, последние известия, решение относительно зимы, рад увидеть, прелестные уголки природы, эти строки, Гостиный двор*) раскрывают, поясняют одну мысль автора – какая у него бесконечно милая дочь.

И таких писем около 1300. Не все ещё переведены на русский язык.

Каждое письмо Ф. И. Тютчева можно рассматривать как шедевр французского и русского эпистолярного жанра. Смысловая структура его писем виртуозна и максимально информативна, она вынуждает адресата не просто читать, а внимательно анализировать каждое предложение и слово. Такое мастерство должно быть предметом исследования лингвистики текста, психолингвистики, теории и методики развития речи.

Список использованной литературы:

1. Автограф Тютчева Ф. И. – РГБ. Ф. 308. К. 1. Ед. хр. 17. Л. 3–4. – Изд. 1980. – С. 46-47.
2. Гиндин, Н. И. Связный текст: формальное определение и элементы типологии / Н. И. Гиндин. – Москва : АН СССР. Ин-т рус. яз., 1971. – 44 с.
3. Кожин, В. В. Тютчев / В. В. Кожин. – М. : Молодая гвардия, 1988. – 496 с.
4. Лотман, Ю. М. Спецкурс «Русская философская лирика. Творчество Тютчева» [неавторизированный конспект лекций]. – Тютчевский сборник II / Ю. М. Лотман. – Тарту, 1999. – 317 с.
5. Лосева, Л. М. Как строится текст: пособие для учителей / Л. М. Лосева; под ред. Г. Я. Солганика. – Москва : Просвещение, 1980. - 96 с.
6. Солганик, Г. Я. Стилистика текста: учебное пособие для студентов, абитуриентов, преподавателей-филологов и учащихся старших классов школ гуманитарного профиля / Г. Я. Солганик. – 9-е изд. – Москва : Флинта: Наука, 2009. – 253 с.
7. Valerian F. Gabdulchakov, Evgeniya O. Shishova. Educating Teachers for a Multicultural School Environment. Intercultural Communication: Strategies, Challenges and Research. Monograph. Chapter 1. Nova Science Publishers. Hauppauge, NY, United States. 2017. Pp. 1 – 41.

Данич Оксана Владимировна (O. V. Danich), кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры дошкольного и начального образования учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»; научно-методическое учреждение «Национальный институт образования» Министерства образования Республики Беларусь; докторант (*г. Витебск, Республика Беларусь*) (*Vitebsk, Republic of Belarus*); odanich@mail.ru

УДК 373.03

ПОЭТИЧЕСКИЕ ТЕКСТЫ КАК МАТЕРИАЛ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ ГРАМОТНОСТИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ (НА ПРИМЕРЕ ПОЭЗИИ Ф. И. ТЮТЧЕВА)

Аннотация. В статье рассматриваются потенциальные возможности поэтических текстов для формирования лингвокультурной грамотности младших школьников. Лингвокультурная грамотность рассматривается в контексте общекультурной грамотности личности. Иллюстративным материалом послужил филологический анализ текста стихотворения Ф. И. Тютчева «В небе тают облака...».

Ключевые слова: лингвокультурная грамотность, поэтический текст, филологический анализ, младшие школьники.

POETIC TEXTS AS A MATERIAL FOR THE FORMATION OF LINGUISTIC AND CULTURAL LITERACY OF YOUNGER SCHOOLCHILDREN (ON THE EXAMPLE OF F. I. TYUTCHEV'S POETRY)

Annotation. The article discusses the potential of poetic texts for the formation of linguistic and cultural literacy of younger schoolchildren. Linguistic and cultural literacy is considered in the context of general cultural literacy of the individual. The illustrative material was the philological analysis of the text of F.I.Tyutchev's poem «Clouds are melting in the sky...».

Keywords: linguistic and cultural literacy, poetic text, philological analysis, junior schoolchildren.

Система литературного образования младших школьников в Республике Беларусь направлена на достижение общих целей начального образования, обозначенных в документе, регламентирующем содержание и структуру образовательного процесса на I ступени общего среднего образования, а именно, образовательном стандарте. В качестве одной из важнейших вех можно выделить следующую: «...формирование личности учащегося, воспитание нравственно-этических качеств, гражданственности, развитие устойчивого интереса к познавательной деятельности» [2].

Безусловно, учебный предмет «Русская литература (литературное чтение)», являющихся одним из основных в образовательном процессе начальной школы (по количеству учебного времени, отведенного на изучение русской литературы), располагает богатейшими возможностями для реализации цели, обозначенной выше. Эта цель конкретизирована в учебной программе по учебному предмету «Литературное чтение» для IV класса в форме одной из задач, предлагаемых для решения в процессе изучения данного предмета: «...формировать средствами литературы традиционные ценностные ориентиры, воспитывать гражданские и духовно-нравственные качества личности» [3, с. 2]. Таким образом, даже рассмотрение фрагмента нормативный документов, позволяет нам убедиться в том, что образовательный процесс в начальной школе, равно, как и образование в целом, в качестве магистрального направления, ориентировано на формирование общей культуры личности ребенка.

Предметом нашего научного интереса является процесс формирования лингвокультурной грамотности в контексте общекультурной грамотности (в логике методологии функциональной грамотности) или общекультурной (культурной) компетентности. Под лингвокультурной грамотностью младшего школьника, мы, придерживаясь общего видения дефиниции этого понятия проф. Л. А. Ходяковой, понимаем достаточный уровень владения выраженными в языковой форме фоновыми культурными знаниями, ценностно-нормативной системой общества, языковой, речевой и читательской грамотностью, составляющими общую культуру личности [4, с. 421]. Как видим, литературное образование младших школьников, благодаря своему особенному материалу, способно стать серьезным фундаментом для формирования общекультурной грамотности личности ребенка, так и лингвокультурной как ее языкового выражения [1].

Изучение произведений классической русской и белорусской литературы формирует у младших школьников потребность в «присвоении» культурного наследия белорусского народа, которое органично связано с русской культурой, дает толчок к развитию интереса к истории родного края, его традициях, обычаях, о дне сегодняшнем и будущем страны. Все это станет основой для формирования национального самосознания, гражданской идентичности, чувства гордости за Родину, ее народ и историю.

Литературное образование в начальной школе нацелено на воспитание вдумчивого, тонко чувствующего компетентного читателя, который имеет развитую духовную потребность в чтении как средстве не просто получения новых знаний, но и самопознания, самообразования, самореализации, а также сформированную способность к творческой деятельности и осознание ее ценности. Начальная школа является исключительно важным этапом в формировании всех сфер личности ребенка: когнитивной, эмоционально-волевой, мотивационной – поэтому этот значимый этап в жизни ребенка позволяет заложить основы для осуществления обозначенной выше цели литературного образования в контексте общекультурного развития человека.

Сформированная потребность в чтении опирается, в том числе, на развитые читательские умения, которые являются одним из

четырёх компонентов содержания учебного предмета «Литературное чтение» (наряду с предметными знаниями, опытом литературно-творческой деятельности и опытом эмоционально-ценностных отношений). Читательские умения включают умения читать, работать с разножанровыми текстами (художественными, научно-познавательными, научно-популярными, публицистическими), которые формируются в процессе анализа литературного произведения и представляют три классические группы умений в контексте читательской грамотности: найти и извлечь необходимую информацию, интегрировать и интерпретировать ее в соответствии с учебной задачей, а также осознать ее значимость и оценить форму и способ представления информации. Эти умения составляют стратегию смыслового (осмысленного) чтения и относятся к универсальным учебным действиям, владение которыми способно обеспечить успешность учебной деятельности практически по всем учебным предметам. Таким образом, содержание литературного образования в начальной школе дает возможность не только достичь предметных, метапредметных (познавательных, коммуникативных, регулятивных) и личностных результатов, декларируемых нормативными документами, и обеспечить формирование личности, обладающей общекультурной грамотностью [1]. Материалом для этого является богатейший пласт художественной литературы, формирование круга чтения младших школьников обусловлено возрастными психофизиологическими особенностями детей и эстетической и нравственной ценностью художественных произведений.

Безусловно, важнейшее место в круге детского чтения занимает лирика как литературный род, наиболее полно соответствующий особенностям восприятия окружающего мира и чувственной сфере детей младшего школьного возраста. Лирические произведения, предлагаемые программой для изучения в начальной школе, представлены, главным образом, пейзажной лирикой, сгруппированной в разделы по «сезонному» принципу в поэтическую тетрададь. Так, например, в IV классе в учебной программе по литературному чтению мы видим следующие разделы: «Уж небо осенью дышало...» (стихотворения К. Бальмонта, И. Бунина, В. Орлова, Л. Станчева, Е. Липатовой), «Опять зима на саночках неслышно прикатила...» (произведения А. Пушкина, С. Есенина, И. Бунина, Н. Юрковой), «По

опушке шла весна, ведра с дождиком несла...» (стихи Ф. Тютчева, В. Жуковского, В. Степанова, Б. Заходера) и «Лето – это праздник, полный света...» (стихотворения Ф. Тютчева, Я. Дягутите, В. Жуковского, А. Усачева). Также ряд поэтических произведений перечисленных авторов и других классиков и современников (например, Н. Некрасова, Т. Красновой-Гусаченко и др.) предлагаются для изучения на уроках внеклассного чтения.

Поскольку ведущей деятельностью младших школьников на уроках литературного чтения анализ поэтического произведения, организация разбора требует от учителя серьезного внимания к каждому элементу. Анализ основан, в первую очередь, на практической работе с текстом произведения: выразительном чтении всего произведения, акцентном вычитывании определенных фрагментов для выявления чувств лирического героя, его характеристики, пейзажных описаний, изобразительно-выразительных средств, поиска ответов на вопрос учителя, смысловых доминант, составления плана. Обязательными для организации анализа произведения являются практические методы, ориентированных на творческий тип учебной деятельности: драматизация (разыгрывание диалогов, отрывков из произведений, постановка «живых картин» с использованием движения, мимики, жестов; чтение по ролям; хоровая декламация отдельных отрывков (повторов, песенок); литературные игры, викторины, квесты; моделирование обложки книги и заставки к произведению и многое другое.

Продемонстрируем возможности литературного анализа поэтического текста для решения задач формирования общекультурной, а в нашем случае, лингвокультурной грамотности младших школьников на примере стихотворения Ф. И. Тютчева «В небе тают облака...», предлагаемого для изучения на уроках русской литературы (литературного чтения) в IV классе учреждений общего среднего образования с белорусским и русским языками обучения и воспитания.

*В небе тают облака,
И, лучистая на зное,
В искрах катится река,
Словно зеркало стальное...*

*Час от часу жар сильней,
Тень ушла к немым дубровам,
И с белеющих полей
Веет запахом медовым.*

*Чудный день! Пройдут века –
Так же будут, в вечном строе,
Течь и искриться река
И поля дышать на зное.*

Учитель должен донести до учащихся доступные их пониманию элементарные сведения о личности великого русского поэта, событиях, принципиально важных для осознания смысла этого стихотворения. Так, например, можно предложить филологический анализ этого стихотворения.

Федор Иванович Тютчев – известный русский поэт XIX века. В своем творчестве он часто обращался к описанию природы, воспевал ее красоту и уникальность. В стихотворении «В небе тают облака...», написанном в 1868 году, поэт показывает необычайную красоту природы в летний знойный день. В этом произведении он обращается к теме скоротечности времени, но делает акцент на том, что с течением времени природа, в отличие от человека, не теряет своей свежести и живости, она будет такой прекрасной и через многие годы.

Говоря о структуре стихотворения, обращаем внимание на то, что сильные позиции текста – его начало и конец. В начале автор упоминает: «*В искрах катится река...*», а в конце: «*Пройдут века – так же будут в вечном строе, течь и искриться река и поля дышать на зное*». Так Тютчев размышляет о вечности. «*Пройдут века*», а красота природы останется неизменной, таким же жарким будет летний зной, и так же будут наслаждаться люди медовым ароматом полей. И «*так же будут, в вечном строе, течь и искриться река, и поля дышать на зное*». Основная идея, пронизывающая все произведение – это величавая гармония в природе. Эта мысль должна быть сформулирована вместе с учащимися.

Чувство вины перед рано ушедшей первой женой, «больные» отношения с Денисьевой, в судьбе которой и ее смерти поэт сыграл роковую роль, тяжелые потери других близких – брата и детей, в

том числе взрослой дочери, – заставляют не раз звучать в стихах Тютчева 1865–1872 гг. тему скоротечности земного и любимого (подхваченную и развитую в творчестве поэтов серебряного века). Так, подтекст стихотворения «В небе тают облака...» строится на противопоставлении вечности природы и (подразумеваемой) бренности человека. Для Тютчева природа всегда была источником вдохновения. Он ищет в природе то, что роднит его с человеком.

В анализ уместно включить пропедевтические сведения из теории литературы: стихотворение состоит из трех строф, оно написано хореем. Рифма перекрестная (АВАВ – *облака – река, зное – стальное*).

Особое внимание следует уделить выявлению изобразительно-выразительным средствам языка, использованным в стихотворении (эпитетам, метафорам, олицетворениям, сравнениям). В написании стихотворения «В небе тают облака...», автор использует множественные художественные средства, чтобы передать читателю не только внешний облик увиденного пейзажа, но и помочь прочувствовать летний зной и насладиться ароматом полей. В описании летнего пейзажа Тютчев использует эпитеты, подчеркивающие красоту и усиливающие ее значимость, особенность и уникальность: *лучистая река, зеркало стальное*. Для описания действия в стихотворении используются автором очень выразительные и красивые метафоры: *тают облака, катится река, тень ушла, пройдут века, искрится река*.

Целесообразно сделать акцент на том, что в своем творчестве Тютчев очень часто использует описание природы, чтобы передать свое внутреннее переживание и свои чувства. Увиденный пейзаж очень помогает автору передать глубину мыслей и помогает понять общий смысл бытия и показать значимость и единство человека и природы. Здесь можно обратиться к тексту уже изученного стихотворения автора «Зима недаром злится...» (его дети учили наизусть).

Реализуя межпредметные связи с учебным предметом «Русский язык», вместе с учащимися отмечаем, что части речи в стихотворении по количеству приблизительно одинаковы. Встречаются и глаголы, и существительные, и прилагательные. Глаголы передают некую «жизненность природы» (*тают облака, катится река, тень ушла, поля будут дышать...*). Нет наречий, форм глагола (причастий и

деепричастий). Говоря о синтаксических особенностях, делаем вывод, что преобладают сложные предложения, но они не утяжеляют стихотворение, а придают ему некую чеканность.

Благодаря всевозможным художественным приемам, Тютчев очень красочно сумел передать ту красоту лета, которой наслаждался сам. Он описывает чистое безоблачное небо, на котором «тают облака» и от этого становится еще жарче, даже река от зноя стала «словно зеркало стальное». Для описания полей поэт использует запахи и очень естественно передает их медовый аромат. «Чудный день!» – наиболее эмоциональное место стихотворения, его кульминация, где автор восклицает, наслаждаясь увиденной красотой.

Подробный анализ стихотворения позволяет учителю решить целый ряд задач: актуализировать предметные знания учащихся (литературоведческие и лингвистические), развивать метапредметные умения работы с информацией (нахождение нужных фрагментов, подбор материала, иллюстрирующего выдвинутое положение, выявление причинно-следственных связей, интерпретация найденной информации, ее оценка с точки зрения ценности для реализации идеи стихотворения, построение связных высказываний как демонстрация собственного мнения и многое другое), а также создать условия для достижения детьми личностных результатов (постижение культурного наследия нации в процессе чтения произведения, развитие рефлексии, эстетической потребности и читательского вкуса, освоение морально-нравственных норм и духовных ценностей, имплицитно представленных в анализируемом произведении).

Безусловную ценность для формирования лингвокультурной грамотности представляют фоновые культурные знания, которыми овладевают учащиеся: сведения о знаковом для русской культуры имени поэта, некоторые биографические сведения, философские и эстетические оппозиции (природа – человек, время – вечность).

Таким образом, поэтические тексты при условии грамотного филологического анализа являются поистине бесценным материалом для формирования не просто всех компонентов лингвокультурной грамотности (фоновых культурных знаний, системы нравственных ценностей, языковой, речевой и читательской грамотности), не только для формирования совершенно необходимых универсальных учебных действий (смыслового чтения, в частности) и достижения

учащимися предметных, метапредметных и личностных результатов, но и воспитания человека со сформированным художественным вкусом, системой нравственных ориентиров, проявляющихся, в том числе, в нормативно правильном речевом поведении, т.е. обладающего высоким уровнем культуры.

Список использованной литературы

1. Данич, О. В. Лингвокультурная грамотность в теории и практике начального образования в Республике Беларусь / О. В. Данич // Русский язык за рубежом (специальный выпуск). 2022. Русистика Белоруссии. – С. 62–68.

2. Образовательный стандарт начального образования [Электронный ресурс]. – Режим доступа : URL: <https://adu.by/images/2019/01/obr-standarty-ob-sred-obrazovaniya.pdf>. – Дата доступа : 29.09.2023.

3. Учебная программа по учебному предмету «Русская литература (литературное чтение)» для IV класса учреждений общего среднего образования с белорусским и русским языками обучения и воспитания [Электронный ресурс]. – Режим доступа : URL: <https://adu.by/ru/homeru/obrazovatelnyj-protsess-2023-2024-uchebnyj-god/obshchee-srednee-obrazovanie/uchebnye-predmety-i-iv-klassy/iv-klass.html>. Дата доступа : 29.09.2023.

4. Ходякова, Л. А. Выявление уровня элементарной культурной грамотности как основного компонента общекультурной компетенции учащихся / Л. А. Ходякова, А. В. Супрунова // Ученые записки Орловского государственного университета, 2018. – № 3 (80). – С. 419–425.

Косых Елена Анатольевна (Е. А. Kosykh), кандидат филологических наук, доцент Алтайского государственного педагогического университета (г. Барнаул, Российская Федерация) (*Barnaul, Russian Federation*); veko@mail.ru

УДК 81'42

ИНСКРИПТ В РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Ф. И. ТЮТЧЕВА

Аннотация. Современные лингвистические исследования направлены на изучение текстов как основной единицы языка, текстов как основы генристики, текстов как результата речевой деятельности языковой личности. В представляемой статье исследуются инскрипты – тексты дарственных надписей, выполненных Ф. И. Тютчевым на книгах, подаренных дочерям. Библиоинскрипты (инскрипты, размещенные в книгах) рассматриваются в системе классификационных, жанровых и текстовых признаков.

Ключевые слова: Ф. И. Тютчев, инскрипт, дарственная надпись, текст, жанровые признаки, текстовые категории.

INSCRIPTIONS AS ELEMENTS IN FEODOR TYUTCHEV'S SPEECH

Annotation. Modern linguistic research is aimed at studying texts as the basic unit of language, texts as the basis of genre studies, texts as speech products of linguistic persona. Thy author of this article examines 'inscripts' – verbal texts

of dedicatory character written by F. I. Tyutchev on books he gave as gifts to his daughters. Biblio inscripts (inscriptions written on books presented as gifts) are discussed in the framework of their classification, genre and textual categories reflected in them.

Keywords: F.I. Tyutchev, inscript, dedicatory inscription, text, genre features, textual categories.

Современные исследования письменного текста или письменного речевого высказывания связаны с изучением жанровых особенностей речетворческих произведений, к которым традиционно относят инскрипт – дарственную надпись или автограф, размещенный на даримом предмете [2, 3, 4, 9, 14, 17]. Инскрипты в истории культуры социума прежде всего включены в речевую деятельность писателей, поэтов, деятелей науки, культуры и искусства. Оставить автограф – дарственную или памятную надпись на книге, картине, в альбоме, – было традицией уже в эпоху Возрождения, широко распространилось данное явление в XIX веке, известно и в современной культуре [2, 3, 4, 6, 14, 18].

Среди всех дарственных надписей, которые оставляют дарители, наиболее частотной является библиоинскрипт – дарственная или памятная надпись, оставленная, как правило, автором произведения на изданной книге. Книга в качестве подарка – самый доступный сувенир (в переводе с французского *la souvenir* ‘воспоминание’), способный передать чувства, эмоции, интенции того, кто вручает такой подарок с желанием памяти о себе.

Общеизвестно, что в речевой деятельности многих поэтов XIX века автографы как самостоятельные подарки были распространены и частотны [10].

В центре внимания предлагаемого исследования – две дарственные надписи на книгах, подаренных Ф. И. Тютчевым своим дочерям – Дарье и Анне.

По замечанию Н. П. Белевцевой: «Большинство сохранившихся книг Тютчева связано со второй половиной его жизни. Особое место среди них занимают книги, которые Тютчев дарил своим дочерям, всегда сообразуясь не только с собственным вкусом, но прежде всего с характером и внутренними запросами той, для кого предназначался подарок» [10]. Материалы Федеральной электронной библиотеки,

литературоведов позволяют вести речь о том, что дарственная надпись как мемориальный текст был распространён в речевой деятельности не только самого русского поэта, но и в его окружении и русской культуре в целом.

В современной культурно-текстовой парадигме понятия «инскрипт – дарственная надпись – автограф» рассматриваются и как синонимы, и как самостоятельные термины. В данном исследовании **инскрипт** – это дарственная и/или памятная надпись как напоминание о ком- или о чём-либо, размещённая обязательно на даримом предмете непосредственно или опосредованно и созданная Адресантом.

Автограф – это разновидность инскрипта, дарственная или памятная надпись в виде текста и/или собственноручной подписи Адресанта на даримом Адресату предмете. Автограф, по нашему мнению, реализует две основные черты инскрипта: мемориальность и дарственность, поскольку появление автографа может быть связано со следующими ситуациями: 1) Адресант создаёт/приобретает артефакт (книгу, фото, картину, кольцо или любое ювелирное изделие) и оставляет на нём надпись с пожеланием по собственному желанию или по просьбе Адресата и 2) получатель-Адресат предоставляет предмет, на который Адресант наносит свою подпись или инскрипт. В первом случае реализуются обе характерные черты инскрипта (мемориальность и дарственность), во втором – только мемориальность. Данные признаки во многом обусловлены структурой инскрипта, с одной стороны, интенциями Адресанта и его речевыми возможностями и способностью, с другой.

В современных исследованиях автографов [4, 6, 8, 19] структура инскрипта описывается в виде комплекса элементов, среди которых обязательными должны выступать: Адресат или его именование (в виде онома или апеллятива, обозначающего социальный или семейный статус, должность, профессию и выраженного разными способами: от полного паспортного имени до криптонимов), текст дарственной/ памятной надписи, дата, место, Адресант (способы выражения которого подробно рассмотрены в статьях 13, 19).

Инскрипт с такой структурой можем рассматривать как классический, исходный, являющийся инвариантом, на базе которого развивается структурно-содержательное разнообразие исследуемого

жанра. Однако изучение более 500 инскриптов разных временных отрезков на разных языках позволяют автору представляемого исследования отметить, что ни один из обязательных элементов структуры не является регулярным в текстах дарственных надписей. Разнообразие или вариативность инскриптов обусловлены наличием или отсутствием какого-либо структурного компонента, а также порядком следования таких элементов, способом их репрезентации, формой выражения и т.д. Свидетельством этому может служить инскрипт Ф. И. Тютчева дочери Анне (см. далее). Однако формула дарения/ оставления на память может быть реализована и в исходной структуре: «кому от кого» (Адресат – Адресант) или «кто (от кого) – кому». Данная формула, по нашему мнению, и есть речевая основа жанра, тот стандарт, который позволяет реализоваться инскрипту как мемориальной дарственной надписи, тексту, который оставляют «на память». Именно такие интенции, усиленные воспитательной и назидательной функцией написанного, нередко «заставляют» Адресанта, в роли которого часто выступают родители или старшие родственники, создавать дарственные надписи, в которых модус преобладает над диктумом или «осложняет» его.

В речетворческой деятельности Ф. И. Тютчева подобные мемориальные надписи размещены на подаренных дочерям книгах. Инскрипты, вовлечённые в сферу нашего исследования, взяты с сайта ФЭБ [<http://feb-web.ru/feb/litnas/texts/1972/ln2-6312.htm>] и представляют собой тексты на французском языке. С одной стороны, данный факт свидетельствует о языковой ситуации в высшем обществе России XIX в., когда было принято писать на французском, а с другой – демонстрирует традиции подписывать книги в культуре разных стран.

Инскрипт № 1 – дарственная надпись Ф. И. Тютчева на книге «*Vinet, Auguste. Chrestomathie française ou choix de morceaux tirés des meilleurs écrivains français. Ouvrage destiné à servir d'application méthodique et progressive à un cours régulier de langue française; par A. Vinet. Cinquième édition, revue avec soin, d'après les indications de l'auteur par Auguste Vinet éditeur-propriétaire. Tome troisième. Lausanne. Georges Bridel éditeur. 1857.*»:

«Que la divine Providence veille sur toi, ma fille chérie, et qu'Elle daigne faire tourner au profit de ton Bonheur ce qu'il y a de meilleur en toi. . . et aime moi toujours. . .

Vevey 28 septembre/10 octobre 1859. T. T.»

(«Да оградит тебя божественное Провидение, моя милая дочь, и да благоволит Оно обратить к твоему счастью все, что есть в тебе лучшего. . .

И люби меня всегда. . .

Веце 28 сентября/10 октября 1859 г. Ф. Т.)»

Инскрипт № 2 – дарственная надпись Ф. И. Тютчева на книге «Избранные немецкие стихотворения для высшей школы» (Берлин, 1838 г.):

«Donné à ma fille chérie, à ma bonne Anna! Munich. Ce 3/15 7bre 1844»

(«Моей милой дочери, моей дорогой Анне! Мюнхен, 3/15 сентября 1844».

Вовлеченные в сферу описания инскрипты Ф. И. Тютчева представляют собой дарственные мемориальные надписи, характеризующиеся как фамильные субординативные автографы [по классификации Е. А. Косых, 2022].

Структура обоих инскриптов сохраняет все инвариантные элементы дарственных надписей, однако способ выражения и их репрезентация отличаются. Инскрипт №1 представляет Адресата в форме словосочетания, выраженного обращением с указанием статуса и социальной роли получателя подарка: *«ma fille chérie»* («*моя милая дочь*»). Такое же обращение отмечаем и в инскрипте № 2 *«à ma fille chérie»* (*моей милой дочери*), однако оно имеет уточнение, персонификацию через онома *«Anna»* Отсутствие имени собственного Адресата в текстах инскриптов обусловлено прежде всего диалогичностью коммуникативной ситуации вручения подарка. Ф. И. Тютчев-Адресант вручает конкретный подарок конкретной дочери. В таких случаях не обязательно указание имени или ономизация Адресата и Адресанта, т.к. дарение происходит непосредственно. Если же дарение опосредованно, например, книга посылается по почте, коммуниканты указаны на почтовых документах. Обратим внимание, что в инскрипте № 2 Адресат дважды представлен в тексте, содержащем указание на подарок *«Donné»*. Двойное обращение в текстах дарственных

надписей встречается достаточно редко. Можем предположить особый эмоциональный настрой Адресанта, стремящегося выразить своё отношение эмоционально-окрашенной лексикой: «(à) *ma (fille), chérie, ma, bonne*». Формально Адресаты представлены по-разному, что характерно для инскрипта как жанра: в инскрипте № 2 предлог «à» позволяет говорить о возможности трактовки именованного Адресата формой «*милой дочери, дорогой Анне*», тогда как в инскрипте № 1 – обращение, соответствующее русской форме Именительного падежа.

Адресант в обоих инскриптах исчисляемый, однако в первом случае он выражен опосредованно через констатацию социальных ролей с Адресатом («*ma fille chérie*») и непосредственно через подпись, представленную в виде аббревиатуры «*T.T.*», во втором случае – только опосредованно «*à ma fille chérie*».

В текстах обоих инскриптов выделяется локализация («*Vevey*», «*Munich*») и даты как необходимый и обязательный для многих Адресантов в их речевой деятельности признак: «*28 septembre/10 octobre 1859.*» и «*Ce 3/15 7bre 1844.*». Обратим внимание на способ передачи слова «*septembre*»: в первом инскрипте он передаётся в соответствии с правилами написания слова во французском языке, а во втором – креативно, в игровой форме. Поскольку нами изучены только дарственные надписи, сделанные Ф. И. Тютчевым и для него и представленные на сайте ФЭБ, сложно сказать, единственный ли это случай передачи названия месяца в такой цифро-буквенной системе, но семиотически это выглядит необычно, нетрадиционно. Возможности инскрипта как жанра естественной и искусной письменной речи позволяют и допускают подобные креативные способы передачи даты и времени в текстах, в том числе связанных с дарением и поздравлением [17, с. 159–163].

Анализируемые тютчевские библиоинскрипты (т.е. дарственные надписи, размещённые на книгах) представляют собой инскрипт-пожелание или инскрипт-наставление (№ 1) и мемориальный инскрипт (№ 2).

Под **инскриптом-пожеланием** или **инскриптом-наставлением** мы понимаем *дарственную надпись, содержащую пожелание «программного» поведения, руководство ко «взрослой» жизни, адресованное чаще всего младшему по возрасту*. Ф. И. Тютчев в структуру инскрипта вносит пожелание, содержащее императивные

формы, обращение к Всевышнему, Провидению, напоминающие в случае инскрипта № 1 молитву: «*Que la divine Providence veille sur toi*», «*qu'Elle daigne faire tourner au profit de ton Bonheur*». Усиливает данный эффект форма «*sur toi*» («о тебе»). Нередко подобные дарственные надписи включают и элементы нарративности, описательности, обращённые к эмотивному состоянию Адресанта по отношению к Адресату: «*ce qu'il y a de meilleur en toi*». В подобных текстах дарственных надписей модус, как уже отмечали выше, преобладает над диктумом. Эмоциональная насыщенность таких дарственных надписей связана с их субординативным, «патронатным», фамильным характером. Н. П. Белевцева пишет: «Трогательная надпись, сделанная в 1859 г. на книге, подаренной им дочери Дарье (№ 39), – свидетельство взаимопонимания, связывающего отца и дочь... Надпись, сделанная Тютчевым на книге, – напутствие дочери в ее новой жизни» [10, с. 631, 647].

Во втором инскрипте, связанным ситуацией дарения, диктум, по нашему мнению, «осложнён» модусом, поскольку «*Donné*» можно трактовать и как «в дар», и как «подарок» дорогой дочери Анне. Данная лексема выступает маркером коммуникативной ситуации и диктумом, отражающим событие, внеязыковую действительность. Однако сам факт дарения на память отцом важной для дочери книги выступает как ситуация эмоционально-насыщенного позитивного общения. Собственные интенции Ф. И. Тютчева, близкие мировосприятию дочери, демонстрируют одну из основных целевых установок Адресанта: непрерывное общение, вечный диалог, в результате которого, по словам Н. Д. Арутюновой, приходят «в соприкосновение не практические интересы, а внутренние миры людей...» [1, с. 364].

Очевидно, что любой автограф является частью коммуникативной ситуации, которая может быть вписана в содержание инскрипта, а может «игнорировать» причину появления подарка с надписью. Имплицитно наблюдаем данный феномен в случае со вторым инскриптом, расположенным на книге «Избранные немецкие стихотворения для высшей школы» (Берлин, 1838 г.). В данном случае важным является не только дарственная надпись, но и сам подарок, т.к. Ф. И. Тютчев дарит эту книгу «пятнадцатилетней Анне – в то время воспитаннице Мюнхенского королевского института благородных девиц...» [10, с. 631]: через название книги апелляция к положению и социальной роли дочери.

Инскрипт как жанр письменной речи [14, с. 260–261] представляет собой текст, соответствующий определённой структуре и содержанию, обусловленному интенциями или функционально-целевой установкой Адресанта.

Современная лингвистика включила текст в систему языковых и речевых единиц, при этом определение текста, соотношение языкового и речевого по-прежнему находится в плоскости спорных вопросов.

Если перефразировать известное выражение Ф. И. Тютчева «Мысль, изреченная есть текст», то дарственная или мемориальная надпись на даримом предмете соответствует такому представлению о тексте. Вслед за Е.С. Кубряковой **текст трактуем как информационно самодостаточное речевое сообщение с ясно оформленным целеполаганием и ориентированное по своему замыслу на своего Адресата** [13, с. 72–73].

Текст инскрипта в таком случае – *целостное завершённое Адресантом эмоционально-позитивное, возвышенное, эмоционально насыщенное высказывание, явно или скрыто представляющее мотив появления дарственной надписи.*

Для текстов дарственных надписей «целеполагание» маркируется признаками мемориальности и дарственности, которые находят выражение в лексемах «на память», «помни», «всегда», «в дар», «твой/твоя», «Ваш/Ваша» и другие.

Лингвистический анализ текста предполагает прежде всего описание текстовых категорий, которые способны «подтвердить» возможность инскрипта претендовать на «звание» текста.

Основные категории текста – целостность, связность и логика изложения в инскрипте реализуются по-особому. И хотя речь идёт именно о текстовых категориях, т.е. внутренней организации письменного высказывания, не можем игнорировать и внешние, экстралингвистические факторы.

В инскриптах связность выступает как трёхвекторное явление: связность внутри текста, связность как отсылка к событию, в честь которого возникает дарственная или мемориальная надпись, и связность как апелляция к даримому предмету. Подобная когерентность может рассматриваться и рассматривается как культурный феномен, связывающий разные эпохи таким жанром, каковым является

дарственная надпись-автограф. Когезия в тютчевских инскриптах представлена прежде всего лексико-грамматическими повторами: «*toi*», «*ma*», «*ma fille chérie*», синонимией: «*chérie*», «*bonne*», в том числе контекстуальной: «*fille*», «*Anna*», что создает и целостность надписи, т.е. структурно-содержательное единство.

Тексты дарственных или мемориальных надписей в большинстве случаев достаточно лаконичны (нередко в силу небольшого формата носителей), именно тематическое постоянство можно рассматривать как общую черту инскрипта: тематика предопределена жанром, она связана с традицией дарения на память. Целостность инскрипта выступает в качестве внешней и внутритекстовой характеристики, обусловленной пониманием и /или знанием контекста, в котором возникает дарственная надпись. Целостность в подобных надписях обусловлена и способностью Адресанта к интерпретации не только языковых средств, но всей ситуации общения, нередко понятной только Адресату и Адресанту, остающейся «за пределами понимания» «чужого», не включенного в коммуникативную ситуацию. Содержательность таких текстов связана именно с даримым предметом и событием, оформленным посредством определённых реплик-высказываний, возможно, продолжающих вечное общение поэта и его детей. По нашему мнению, именно формула «*ma fille*» может рассматриваться как ядро содержательной стороны инскрипта, предопределяющей интенциональность исследуемых дарственных надписей. Интенциональность как текстовая категория обусловлена замыслом Адресанта или Автора текста. Коммуникативное намерение порождается мотивом или мотивацией к созданию высказывания или реплики. В нашем случае основным намерением выступает, как уже отмечали ранее, диалог между поэтом-Тютчевым и его дочерьми посредством книг, на которых закрепляется сама интенция: в первом инскрипте как бы сопутствующая основному пожеланию («*et aime moi toujours...*»), а во втором выступающая имплицитно, но подразумеваемая самим текстом и подарком. Для текста инскрипта наиболее актуальными формами непосредственного выражения интенции являются личные формы глагола, формы повелительного наклонения («*aime*», «*que veille*», «*que daigne*») и предложно-падежные формы имён (типа 'на память' или представленные формами обращений и дативами для русскоязычных инскриптов).

Грамматическая интенциональность наряду с семантической (текстовой) оформляется в структурно-семантическую формулу, отличающую инскрипты и жанры с семантикой 'поздравление' или 'дарение' от других жанров письменной речи.

Речевая деятельность поэта или писателя, художника и актёра, учёного и общественного деятеля связана в том числе и с культурой автографа. Дарственная надпись на даримом предмете, с одной стороны, является вторичной, а с другой, возможно, более значимой, поскольку закрепляет вербально отношения между Адресатом и Адресантом, который создаёт текст, пусть и незначительный по объёму, но именно «для тебя» – Адресата и только «для тебя».

Инскрипт как дарственная надпись имеет инвариантную структуру, однако опыт и традиции позволяют мастерам слова и носителям языка в целом «манипулировать» структурой дарственной надписи, порождать множество вариантов, отличающихся друг от друга. Примером служат два автографа-инскрипта Ф. И. Тютчева дочерям Дарье и Анне, оставленных им как пример внимания и заботы отца, пример творческого подхода к подарку и культуре дарения, пример разносторонней речевой деятельности поэта, способного в определенных коммуникативных ситуациях создать иной жанр и иной текст.

Список использованной литературы:

1. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – Москва : Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
2. Голубева, О. Д. О чем говорят автографы? / О. Д. Голубева // В мире книжных сокровищ. – Ленинград, 1988. – С. 156–170.
3. Голубовский, Е. М. Библиофильское изучение инскриптов / Е. М. Голубовский // Актуальные проблемы теории и истории библиофильства (тезисы сообщений научно-практической конференции). – Ленинград, 1985. – С. 26–28.
4. Дарственные надписи на книгах и фотографиях / Предисл. и примеч. Н. А. Роскиной // Лит. наследство. – Москва, 1960. Т. 68. – С. 265–292.
5. Дементьев, В. В. Теория речевых жанров / В. В. Дементьев. – Москва : Знак, 2010. – 600 с.
6. Демиденко, Ю. С. Структурные компоненты и культурные особенности русскоязычного инскрипта на ювелирных изделиях / Ю. С. Демиденко // Ученые записки национального общества прикладной лингвистики. – 2018. – № 2 (22). – С. 55–61.

7. Дускаева, Л. Р. О жанровых текстовых категориях / Л. Р. Дускаева // Жанры речи. 2016. № 2 (14). – С. 25–32 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : URL: <https://zhanry-rechi.sgu.ru/ru/articles/o-zhanrovyyh-tekstovyyh-kategoriyah>.
8. Евсеева, И. В. Речевой жанр «автограф автора на книге» / И. В. Евсеева, А. Д. Морозова // Жанры речи. – 2017. – № 1 (15). – С. 58–65.
9. Зубков, Н. Н. О подходах к изучению дарственных надписей / Н. Н. Зубков // А. М. П. : Памяти А. М. Пескова. – Москва : РГГУ, 2013. – С. 576–588.
10. Книги, принадлежавшие Тютчеву / Предисловие и аннотированное содержание Н. П. Белевцевой [Электронный ресурс] // Фундаментальная электронная библиотека : русская литература и фольклор. ЭНИ «Литературное наследство». – Режим доступа : <http://feb-web.ru/feb/litnas/texts/1972/ln2-6312.htm>.
11. Косых, Е. А. Дарственная надпись-автограф в системе речевой деятельности Автора // Русская словесность в России и Казахстане: аспекты интеграции : материалы второй международной научно-практической конференции, Барнаул, 19–20 сентября 2013 г. / отв. ред. В. И. Габдуллина. – Барнаул : АлтГПА. – 568 с. – С. 398–392. – Электронная версия печатной публикации. – Режим доступа : <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21661636>.
12. Косых, Е. А. Инскрипт в речевой парадигме социума: к проблеме классификации [Электронный ресурс] / Е. А. Косых // Филология и человек – Барнаул, 2022. – № 1. – С. 53–66 – Режим доступа : – <http://journal.asu.ru/pm/issue/view/560>.
13. Кубрякова, Е. С. О тексте и критериях его определения // Текст. Структура и семантика. Т. 1 / Е. С. Кубрякова. – Москва : Наука, 2001. – С. 72–81.
14. Лебедева, Н. Б. Естественная письменная русская речь как объект исследования / Н. Б. Лебедева // Вестн. Барнаул. гос.пед. ун-та (БГПУ) : Сер. Гуманитарные науки, 2001. – Вып. 1. – С. 4–10.
15. Рейтблат, А. И. Инскрипты писателей в фонде Сектора редких книг Российской государственной библиотеки по искусству / А. И. Рейтблат // Новое литературное обозрение, 2007. – № 86. – С. 458–487.
16. Рейтблат, А. И. К социологии инскрипта / А. И. Рейтблат [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://pushkin-lit.ru/pushkin/articles/ot-kibirova-do-pushkina/rejtblat-k-sociologii-inskripta.htm>
17. Сухотерина, Т. П. «Поздравление» как гипержанр естественной письменной русской речи : дисс. канд. филол. наук / Т. П. Сухотерина. – Барнаул, 2007. – 227 с.
18. Трофимова, И. Н. Инскрипты в книжной коллекции Г. А. Трофименко: репрезентация профессиональной среды / И. Н. Трофимова // Научные и технические библиотеки. – 2023. – № 7. – С. 102–121.
19. Устинская, В. В. Структура и содержание дарственных надписей на книгах отечественных лингвистов / В. В. Устинская // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования. Сборник научных статей по материалам V Международной научно-практической конференции / под ред. Г. И. Канакиной; И. Г. Родионовой. – Пенза, 2021. – С. 128–132.

Матусевич Екатерина Николаевна (K. N. Matusevich), магистр государственного управления, аспирант УО «Мозырский государственный педагогический университет» (*г. Мозырь, Республика Беларусь*) (*Mozyr, The Republic of Belarus*); katarina.kovalchuk@gmail.com ; научный руководитель **Лапина Светлана Валентиновна**, профессор, доктор социологических наук Академии Управления при Президенте Республики Беларусь (*Минск, Республика Беларусь*).

УДК : 811.161.3

Ф. ТЮТЧЕВ В БЕЛОРУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

Аннотация. В статье предложен анализ стихотворений Фёдора Тютчева согласно исторической и социальной ситуации в то время. Проведена параллель событий на белорусской земле, а также показана ключевая роль билингвизма на формирование сознания и речевой картины жителей Республики Беларусь в наше время.

Ключевые слова: социальное действие, социальность, критическое мышление, социальная структура, историческая роль, языковой портрет.

F. TYUTCHEV IN BELARUS CULTURE

Annotation. There is an analysis of the poems of Fyodor Tyutchev in the article. It has been done according to the historical and social situation of that time. The parallel of the events on the Belarussian land has been done in the work. The

role of the bilingualism on the mind working and language portrait of the people in our country in the present time has been showed.

Keywords: social doing, sociality, critical minding, social structure, historical role, language portrait

*Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать –
В Россию можно только верить.*

В нашей стране языковая ситуация представлена билингвизмом: помимо произведений белорусских классиков основательно изучаются произведения русских писателей, предмет русская литература входит в школьную программу. Мировая же литература и творчество зарубежных писателей изучают в университете. Таким образом, произведения русских писателей близки нашему народу, так как творчество классиков русской литературы наравне с нашей культурой – фразы произведений используются также часто в обычной жизни, как и фразы белорусский классиков «Мой родны кут як ты мне мілы», «Зямля пад белымі крыламі», «Умом Россию не понять», «Люблю грозу в начале мая».

Последнюю фразу мы используем в соответствующих обстоятельствах. Наряду с вышеперечисленными мы можем сделать вывод, что и здесь просматривается психологическое воздействие на индивид и общество в целом. Произведения Тютчева изучаются и по программе начальной школы, но в этом возрасте дети еще не могут анализировать глубину слов и смысла прочитанного, но изучение произведений наизусть помогает сформировать ту базу мышления, которая будет способствовать развитию их картины мира, мировоззрению и станет основой языкового портрета: *«Зима недаром злится, прошла ее пора».*

В возрасте двенадцати лет Фёдор переводил стихотворения Горация, а в четырнадцать прослушал лекции в Московском университете, и вскоре без экзаменов был зачислен в этот же университет.

С одной стороны, психологическая составляющая литературного творчества Фёдора Тютчева остается загадкой, с другой – вполне научно обоснованной.

Научно объясняется и социальное начало творческого таланта. Мышление индивида легко объясняется зависимостью от социальной среды, его жизнедеятельности. Любой поступок человека представляет собой социальное действие.

Типологизируя социальные действия, М. Вебер предполагает, что они могут быть: 1) целерациональными; 2) ценностно-рациональными; 3) эмоциональными (или аффективными); 4) традиционными.

Различие между этими типами социального действия определяется степенью их рациональности. Целерационально действует тот человек, который своим умом доходит до четкого осознания «условий», «средств» и «целей» действия, умея их анализировать и сопоставлять, предвидеть результаты (последствия) своих поступков. Ценностно-рациональный тип действия ориентирован на убеждения, на представления о долге, чести, красоте и достоинстве без должного их критического осмысления. Ценностно-рациональное действие, подчеркивает автор, всегда подчинено «заповедям», «предписаниям» или «требованиям». Аффективное действие находится на грани или за порогом «осмысленности», но при определенных проявлениях разума может переходить в ценностно-рациональный тип, сублимируясь в виде творчества. Традиционное же действие представляет собой пример чисто реактивного поведения или действия по привычке.

На базе этих исходных понятий истолковываются далее понятия социальных отношений, социального поведения, нравов и обычаев, легитимного порядка и права. Таким образом, полностью рационализируется вся структура общества. Но эта рационализация имеет однобокий (социологический) смысл. Несмотря на то, что для социологии «однобокость» имеет особое методологическое значение – четко очерчиваются рамки самой социальности.

По мнению М. Вебера, основным элементом социальной структуры является человек, а его признаком является осознанное целепологание. Именно по этому критерию и определяется сущность социального действия, т.е. действие считается социальным, если оно имеет определенную рациональную основу, смысл. Целепологание рассматривается не в общенаучном плане, а как особый ответ на ожидание действия другого человека – понимается, как способность

правильно понять и оценить поступки и действия другого человека с тем, чтобы максимально рационализировать свою ответную реакцию. Такое истолкование осмысленного целеполагания переносится далее на оценку деятельности партнера, коллектива, организации, правительства, рыночной конъюнктуры и т.д. Эта идея и легла в основу понимающей социологии [1].

Социальной стороной действий и поступков занимался и П. Сорокин. По его мнению, через механизм социального взаимодействия раскрывается и структура социального поступка. Он включает в себя:

- субъекты взаимодействия (или мыслящих, действующих и реагирующих людей);
- значения, ценности и нормы, на базе которых строятся взаимодействия;
- сами действия и материальные носители (артефакты), с помощью которых эти действия осуществляются.

Раскрывая мысль о природе субъектов взаимодействия, П. Сорокин отмечает, что в качестве таковых могут выступать:

1. пара индивидов (диада), например, муж – жена, отец – ребенок, продавец – покупатель, руководитель – подчиненный;
2. трое участников взаимодействия (триада), например, обвинитель, судья и обвиняемый, любовный треугольник, родители и ребенок;
3. между некоторым множеством индивидов;
4. между индивидом и множеством людей, например, оратор, диктор, артист, лектор и т.д.;
5. между групповыми субъектами взаимодействия, например, между товаропроизводителями и товаропотребителями, здесь могут быть варианты, в частности, отношения между двумя группами, отношения между одной группой и несколькими другими, отношения между некоторым числом различных групп.

Как правило, взаимодействие строится на основе действия, имеющего свои особые формы. По мнению П. Сорокина, такими являются: каталитические, открытые (толерантные), эффективные (неэффективные), продолжительные (краткосрочные), сознательные (несознательные), преднамеренные (непреднамеренные).

Говоря о втором элементе структуры социальных явлений, значимости действий и взаимодействий, П. Сорокин отмечал,

что значения, ценности и нормы придают социальным явлениям определенный смысл. Этот смысл и выделяет класс социальных действий и взаимодействий из обширного класса чисто природных, биологических явлений [2].

Добродетельный человек может стать преступником, честный – лжецом, атеист – верующим и т.д. Все это определяется значением действий, событий, поступков. Необходимо учитывать и изменившуюся ситуацию, и отношение к историческому отрезку времени жизни индивида.

Сторонники символического интеракционизма стремились в основном раскрыть ментальные основы механизма общения и взаимодействия, т.е. попытались дать ответ на вопрос, как осуществляется взаимодействие, какова его психо-символическая основа. Не менее важное значение имеет и вопрос, что заставляет людей вступать во взаимодействие (если отбросить чисто кровнородственные, биологические связи и отношения), чем определяется ценность и необходимость самого взаимодействия [3, с. 88].

Анализируя вышеперечисленный подход, вернемся к личности и творчеству, занимаемой должности Фёдора Тютчева. Дипломат-поэт или все же поэт-дипломат. Его жизнеописание – прекрасный пример изучения социологии по Веберу и теории Сорокина.

Феномен таланта Тютчева актуален и сейчас. Жизнь любого человека и его деятельность во все времена вмещалась в сознание и наоборот: насколько сознание человека может соответствовать его роду деятельности и жизни в целом.

Во многих источниках основной темой творчества выступает тема природы, хотя тема отношений, положение России на мировой арене также фигурируют в его произведениях.

Поэт очень тонко чувствует природу. По своему смысловому содержанию каждая фраза может стать «крылатой» и использоваться людьми в различных ситуациях: *«Обвевя вещь дремотой, Полураздетый лес грустит...»*.

Природа и отношения между людьми вполне предсказуемая тема, так как люди, их чувства и жизнь в целом полностью зависят от природы, погодных условий, географического положения страны и территории. Рождение поэта именно на Брянщине способствовало всестороннему его развитию – это и послужило плодородной

почвой для талантливой восхождения на олимп философской мысли. Талантом обладают все люди, но развитием своего таланта занимаются не все. Только сильные чувства, сильные потрясения могут способствовать творческому началу индивида. Про него говорили «почти иностранец».

Таким образом, проанализировав исторические условия жизни Фёдора Тютчева, можем сделать следующие выводы: на жизненный век поэта-дипломата пришлась и Отечественная война 1812 года, в своих произведениях он не мог об этом не писать.

В стихотворении «Нёман» прослеживается и связь белорусской и русской культуры. Ведь Тютчев воспевал жизнь того времени.

Из написанных 400 стихотворений были и те, которые непосредственно касались не только жизни народа, оказавшегося в общих административных условиях государства, но и имели исторические корни. Рождение Ф. Тютчева приходится на историю белорусской земли в составе Российской империи 1803. Богу было угодно, чтобы этот человек прожил долгую и насыщенную жизнь – 70 лет, оставив после себя бесценное – творчество, выражения, которые стали девизами, слоганами. Первый период в творчестве Тютчева приходится на 1810–1820 годы. В этот период и были написаны юношеские стихотворения.

Мы смело можем говорить о роли творчества Тютчева в жизни и литературе белорусской культуры. Во время анализа произведений Фёдора Тютчева с учётом исторического отрезка его жизни становятся понятными закономерности развития стихотворной мысли представителей разных культур в зависимости от особенностей ситуации в обществе и общества в мире. Жизнь поэта совпала с периодом, когда белорусские земли были в составе Российской империи, его творчество и жизнь затрагивает нашу историческую реальность, и это отражено в стихотворении «Нёман». Именно благодаря таким произведениям становится понятно, где происходили основные сражения во время войны 1812 года.

НЕМАН

*...Ты ль это, Неман величавый?
Твоя ль струя передо мной?
Ты, столько лет, с такою славой.
России верный часовой?..*

*Один лишь раз, по воле бога,
Ты супостата к ней впустил –
И целость русского порога
Ты тем навеки утвердил...*

*Ты помнишь ли былое, Неман?
Тот день години роковой,
Когда стоял он над тобой,
Он сам - могучий южный демон,*

*И ты, как ныне, протекал,
Шумя под вражьими мостами,
И он струю твою ласкал
Своими чудными очами?..1853*

Анализ стихотворений Тютчева – это основа анализа не только жизни поэта, но и исторического анализа той эпохи – как влияли события на людей.

Будучи представителем структур власти в международных организациях, Тютчев описывает свои мысли таким образом, что мы можем увидеть и роль индивида в обществе: *«На древе человечества высокою, ты лучшим был его листом, воспитанный его чистейшим соком, развит чистейшим солнечным лучом!»*.

В формировании социального облика индивида огромную роль играет социальная среда, а также роль его государства на мировой арене. Так историческая роль России описана в стихотворении «Славянам».

Славянам

*Стоит она, как и стояла,
Твердыней смотрит боевой:
Она не то, чтоб угрожала,
Но... каждый камень в ней живой.*

*...Она расступится пред вами
И, как живой для вас оплот,
Меж вами станет и врагами
К ним поближе подойдёт...*

Ещё Л. С. Выготский предлагал рассматривать социальную среду не как один из факторов, а как главный источник развития личности [4].

Большое количество стихотворений Фёдора Тютчева описывают состояния души. Даже в стихотворениях, посвященных природе, мы читаем о состоянии души. Так, стихотворение «*Сияет солнце, воды блещут*» завершается словами «...измученной **души** твоей...».

Слово «душа» Тютчев использует если не в каждом произведении, то через одно. Из этого мы можем сделать вывод, что душевное состояние, свое и окружающих, всегда было на первом месте. Также этот термин говорит о постоянном душевном терзании или причинах этого состояния: «*Ещё томлюсь тоской желаний, ещё стремлюсь к тебе **душой** – И в сумраке воспоминаний ещё ловлю я образ твой...*» [5].

В творчестве Тютчева прослеживается и тема веры. В стихотворении «Странник» мы это видим: «*Ему отверста вся земля, он видит всё и славит Бога!*».

Критические ситуации в жизни человека приводят к желанию высказать свои мысли в стихотворной форме. Таким образом, катаклизмы жизни – стимулятор творчества и таланта. Смерть близких людей, их болезни – почва переоценки ценности и печальный повод написания стихотворения.

Психологически объясняемый повод – всплеск эмоций и попытка облегчить душевное переживание: «*Любила ты, и так, как ты, любить – Нет, никому еще не удавалось! О господи!.. и это пережить...И сердце на клочки не разорвалось...*».

Темы веры и природы переплетаются. И это все не удивительно. Человек – часть природы: «*Что в существе разумном мы зовем божественной стыдливостью страданья*».

Очень глубоко в стихотворениях описан момент жизни: «*Так грустно тлится жизнь моя и с каждым днём уходит дымом, так постепенно гасну я в однообразье нестерпимом!*» [6].

Произведения классиков и поэтов всегда будут актуальны, так как человеческие отношения и чувства, несмотря на технический прогресс прошлого века и развитие высоких технологий века нынешнего, неизменны. Только такие сильные слова и мысли могут помочь нашим современникам выстоять в минуты отчаяния и важные этапы жизни, чтобы сориентироваться в столь сложное и изменчивое время.

Список использованной литературы:

1. Вебер, М. Основные социологические понятия / М. Вебер. – М. : Прогресс, 1990.
2. Лапина, С. В. Культурология: курс лекций / С. В. Лапина. – Минск : Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2007. – 211 с.
3. Лапина, С. В. Социология права : ответы на экзаменационные вопросы / С. В. Лапина. – Минск : Тетра Системс, 2011. – 144с.
4. Выготский, Л. С. Конкретная психология человека / Л. С. Выготский // Вестник МГУ Серия 14 : Психология. – 1986. № 1. – С. 54.
5. Тютчев, Ф. И. Стихотворения / Ф. И. Тютчев. – М. : Худож. Лит., 1972. – 302 с.
6. Тютчев, Ф. И. Полное собрание стихотворений / Сост., подгот. текста и примечание А. А. Николаева. – Л. : Сов. писатель, 1987. – 448 с.

Морозикова Ирина Владиславовна (I. V. Morozikova), кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики и психологии Смоленского государственного университета (*Смоленск, Российская Федерация*) (*Smolensk, Russian Federation*); irina_morozikova@mail.ru

УДК 159.9, 316

ЛИЧНОСТЬ И ТВОРЧЕСТВО Ф. И. ТЮТЧЕВА ГЛАЗАМИ СТУДЕНТОВ ВУЗА (ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

Аннотация. В статье представлены результаты пилотажного исследования особенностей восприятия и оценки личности и творчества Ф. И. Тютчева современной российской молодежью. Сделаны выводы о том, что образ писателя не менее важен, чем образ политика или другого общественного деятеля для формирования ценностей, мировоззрения, идентичности молодежи. Сохранение и развитие общероссийской идентичности, а также единого культурного пространства страны невозможно без знакомства, изучения, понимания личностей писателей, ученых, политиков, проживавших и проживающих в стране.

Ключевые слова: образ, представления, особенности восприятия, молодежь, личность, писатель, Ф. И. Тютчев.

PERSONALITY AND CREATIVITY F.I. TYUTCHEV'S EYES UNIVERSITY STUDENTS (PSYCHOLOGICAL ANALYSIS)

Annotation. The article presents the results of a pilot study of the peculiarities of perception and assessment of the personality and work of F.I. Tyutchev by modern Russian youth. It is concluded that the image of a writer is no less important than the image of a politician or other public figure for the formation of values, worldview, and identity of young people. The preservation and development of the all-Russian identity, as well as the common cultural space of the country, is not possible without acquaintance, study, understanding of the personalities of writers, scientists, politicians who have lived and live in the country.

Keywords: image, ideas, peculiarities of perception, youth, personality, writer, F.I. Tyutchev.

Среди значимых целей в области развития культуры современных государств, особенно вошедших в Содружество Независимых Государств (Российской Федерации, Республики Беларусь, Республики Казахстан и др.) является сохранение и приумножение традиционных общечеловеческих духовно-нравственных ценностей, воспитание подрастающего поколения в идеях гражданственности, толерантности, патриотизма.

Стратегические цели Российской Федерации в области культуры отражены в «Указе Президента РФ № 683» от 02.07.2021 и определяют: сохранение и приумножение традиционных российских духовно-нравственных ценностей; воспитание детей и молодежи в духе гражданственности; сохранение и развитие общероссийской идентичности народов, а также единого культурного пространства страны [7].

Ментальные признаки народного сознания объективируются в языке, отражают картину мира, особенности восприятия и запечатления культурно-исторического опыта в его национальном, этическом, культурологическом проявлении, что отражено в исследованиях Е. П. Белинской, М. П. Жигаловой, И. В. Морозиковой и др. [1–3].

Изучению представлений жителей о своей стране, людях, которые в ней живут, особенностях их восприятия окружающего мира, социального пространства посвящены политико-психологические, культурологические, социологические исследования И. В. Морозиковой, В. Н. Мухи, И. С. Семененко, Н. В. Смутькиной, Е. Б. Шес-

топал, И. В. Фомина и др. [3; 5; 6; 8–10]. Анализ представлений, отношения, образов других позволяет выявить особенности существования, организации коллективной общности на данном этапе развития общества и способствовать эффективной организации взаимоотношений с представителями другой культуры, нации, народа.

Представления об известных писателях, политиках, ученых, художниках и других знаменитых людях создают образ народа, страны, в которой он живет или жил. Так, И. С. Семененко [6] считает, что образ народа опирается на представления об известных людях, культурных образцах, особенностях психологического склада, социального и бытового поведения представителей того или иного национального сообщества, которые переносятся на восприятие сообщества в целом. Также он дает определение «образа государства», которое, несомненно, примыкает к «образу народа». Он отмечает, что понятие «образа государства» не всегда соответствует реальному положению дел, а именно характер представлений о себе и о своем месте в мире («внутренний» образ страны) оказывает неоднозначное влияние на восприятие страны за ее пределами («внешний» образ).

«Внешний» образ ориентирован на представления о стране, сложившиеся за пределами национального культурного поля (что «другие» думают о «нас») и определяет ее «репутацию».

«Внутренний» – строится на самооценке, но дополняется проекцией внутреннего восприятия за пределы национально-государственной общности (что «мы» хотим и считаем нужным рассказать о себе «другим»).

В психологических исследованиях активно изучается образ политика [9], а через него и восприятие власти. Ученые (Е. Б. Шестопал, Н. В. Смутькиной) считают, что образы власти являются хорошим индикатором утверждения в сознании людей демократических ценностей. В их работах описаны такие параметры для оценки привлекательности образа политика, как внешность, телесные характеристики, морально-психологические особенности, деловые и профессиональные качества.

Продолжая линию исследований Е. Б. Шестопал и Н. В. Смутькиной, И. В. Морозикова [4] раскрывают особенности представлений жителей региона (Смоленской области) о реальном и идеальном образе губернатора. Сложившееся представление о человеке как личности

определяет характер и содержание наших ожиданий, связанных с этим человеком, играя роль установки. В общественной жизни эти образы, являясь частью картины мира, отражают представления, знания, мнения людей о человеческих общностях, об отдельных политиках, лидерах и т.д., а также о власти в целом.

И. В. Фомин [8] ведет активные политические исследования и дает анализ личности политических деятелей, исследует образ государства и изучает образы тех или иных социальных групп. Он считает, что изучение этнических образов позволяет понять особенности этносоциальных процессов, происходящих в данный момент в обществе.

Образ писателя не менее важен, чем образ политика или другого общественного деятеля для формирования ценностей, мировоззрения, идентичности молодежи. Психологический анализ жизни и творчества писателя имеет свою специфику и может включать кроме анализа произведений такие составляющие, как: факты биографии, рассказы современников и другие свидетельства времени (портреты и т.д.). С другой стороны, важно учитывать особенности мышления представителей современной эпохи, их ценности, переживания.

С целью изучения особенностей восприятия и оценки жизни и творчества Ф. И. Тютчева современной российской молодежью, было проведено анкетирование среди студентов 2–3 курсов вуза, не имеющих отношения к филологии в качестве 61 человек.

Обработка ее результатов показывает, что все студенты владеют информацией о писателе Ф. И. Тютчеве. При этом более 60% респондентов говорят о нем как о русском писателе, творчество которого они изучали в школе. Около 40% студентов считают, что Ф. И. Тютчев – всемирно известный, один из самых популярных в мире русских писателей, поэт-мыслитель, публицист.

При ответе на вопрос *«Как бы Вы охарактеризовали личность Ф. И. Тютчева?»* большинство студентов написали, что знают о том, что писатель был дипломатом, спокойным, умным, творческим и талантливым человеком своего времени. Некоторые ссылались на отзывы современников: *«...в некоторых моментах, способным говорить спокойно, от этого даже внешность его становилась еще более аристократичной»*. Несколько студентов отметили, что *«...Фёдор Иванович был влюбчивым человеком, по словам современников»*.

Источником информации о жизни и творчестве Ф. И. Тютчева для 93% респондентов стала школьная программа и 7% узнали о нем из интернета.

55% студентов говорят, что Федор Иванович – самый известный и талантливый русский писатель, его произведения должен знать каждый образованный человек. Они отмечают, что «Он показывает уникальность и многогранность натуры, одухотворяя её...»; «...внес неоценимый вклад в развитие русской поэтики». 31% студентов отметили, что его творчество не каждому понятно, порой оно в большей степени ориентировано на специалистов. 14% студентов давно не читали стихотворения писателя, и им сложно было сформировать свое мнение.

В вопросе *«Какое, на ваш взгляд, самое знаменитое произведение Ф. И. Тютчева?»* мнения разделились. Около 64% студентов считают, что «Умом Россию не понять...» является самым знаменитым произведением автора, 20% респондентов отдают предпочтение стихотворению «Весенняя гроза». Оставшиеся участники назвали такие произведения как: *«Я встретил вас, и все былое...»*, *«Она сидела на полу...»*, *«Есть в осени первоначальной...»*, *«Silentium!»*.

Среди проблем, которые писатель поднимает в своих произведениях, студенты отметили: поиск гармонии между людьми и природой (41%), проблему одиночества и поиска идеала счастья (34%), стремление понять тайны жизни (около 20%).

Они считают, что изучать произведения Ф. И. Тютчева нужно, так как «...он сторонник классицизма», «Его произведения служат темой для размышления, раздумий...», «У него простые и лиричные произведения, которые попадают прямо в душу».

Все студенты считают, что в год 200-летия со дня рождения Федора Ивановича Тютчева важно отмечать это событие, так как *«Ф. И. Тютчев и его творчество оказали большое влияние на русскую и мировую литературу, культуру»*. Они считают, что *«...Тютчев знаменит своими произведениями, в них вложено много тем для размышлений, того, что мы и ценим, поэтому считаю, что данное событие нужно отмечать»; «Подобные юбилеи русских писателей необходимо отмечать, создавая программу дня, в ходе которой граждане познакомятся/вспомнят произведения (почувствуют ностальгию)»*.

Таким образом, студенты отмечают значимость изучения жизни и творчества Ф. И. Тютчева для современной молодежи. Их представления во многом определены содержанием школьной программы. При этом студенты подтверждают значимость рассмотрения для формирования идентичности вопросов, связанных со становлением ценностей и переживаниями, их сопровождающими.

Писатель и его творчество, так же, как и политик или общественный деятель, оказывают огромное влияние на формирование ценностей, мировоззрения, идентичности молодежи. Сохранение и развитие общероссийской идентичности, а также единого культурного пространства страны невозможно без знакомства, изучения, понимания личностей писателей, ученых, политиков, проживавших и проживающих в стране. Все это и формирует неповторимый образ, который отличает и выделяет определенный народ, сказывается на особенностях социального мышления и формирования менталитета современного человека.

Список использованной литературы:

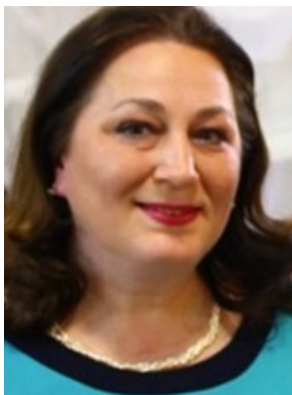
1. Белинская, Е. П. Проблема личности в русской общественной мысли рубежа XIX–XX веков: социокультурный контекст / Е. П. Белинская // Социально-психологические проблемы ментальности / менталитета: сборник научных статей XII Международной научной конференции. – Смоленск : СмолГУ, 2016. – С. 35–40.
2. Жигалова, М. П. Художественные произведения как культурный код этноса и эпохи: интерпретация и анализ / М. П. Жигалова // Социально-психологические проблемы ментальности / менталитета : сборник научных статей XII Международной научной конференции. – Смоленск : СмолГУ, 2016. – С. 93–99.
3. Морозикова, И. В. Изучение психологических особенностей ментальности / менталитета: подходы, проблемы, актуальность / И. В. Морозикова // Социально-психологические проблемы ментальности / менталитета / под ред. К. Е. Кузьминой, И. В. Морозиковой, Н. П. Сенченкова. – Смоленск : Изд-во СмолГУ, 2020. Вып.16. – С. 114–118.
4. Морозикова, И. В. Образ идеального губернатора через призму восприятия жителей региона / И. В. Морозикова // Социально-психологические проблемы ментальности / менталитета : сборник научных статей / под ред. К. Е. Кузьминой, И. В. Морозиковой, Н. П. Сенченкова; Смоленский государственный университет. – Смоленск : Изд-во СмолГУ, 2021. Вып. 17. – С. 72–78.
5. Муха, В. Н. Образ страны и образ народа: россияне о Беларуси и белорусах / В. Н. Муха // Теория и практика общественного развития, 2013. – № 9. – С.80–82.
6. Семененко, И. С. Образы и имиджи в дискурсе национальной идентичности / И. С. Семенко // Политические исследования. – 2008. – № 5. – С. 7–18.

7. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (утверждена Указом Президента РФ № 683 от 02.07.2021) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001>. – Дата доступа: 04.10.2023.

8. Фомин, И. В. «Образ государства как предмет политического дискурс – анализа». Кандидатская диссертация. Казанский федеральный университет, Казань. 2014 г. – 170 с.

9. Шестопад, Е. Б. Представления, образы и ценности демократии в Российском обществе // Политика. – 2011. – № 3 (62). – С. 34–47.

10. Shestopal E.B., Smulkina N.V., Morozikova I.V. COMPARATIVE ANALYSIS OF ONE'S OWN COUNTRY IMAGES IN RUSSIAN REGIONS. *Comparative Politics Russia*. 2019; 10 (3):74-94. (In Russ.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2019-10031>. – Дата доступа: 04.10.2023.

Сичинава Нелли Гарриевна (N.G. Sitchinava), кандидат филологических наук, профессор-ассистент Государственного университета Акакия Церетели (*г. Кутаиси, Грузия*) (*Kutaisi, Georgia*);
nelli.sichinava@yandex.ru

УДК 81.22

ПРОБЛЕМЫ И ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ЛИРИКИ Ф. И. ТЮТЧЕВА НА ГРУЗИНСКИЙ ЯЗЫК

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению вопросов, связанных с проблемами и особенностями перевода лирики Ф. И. Тютчева на грузинский язык. Автор стремится показать, что к настоящему моменту назрела необходимость системного осмысления опыта, накопленного переводческой практикой в грузинской словесности, приводит примеры удачного перевода тютчевской лирики, анализирует причины переводческих неудач, повлекших за собой деформацию эстетико-философских взглядов русского поэта во вторичном тексте, созданном на грузинском языке.

Ключевые слова: художественный перевод, эквивалентность, эстетико-философская концепция.

PROBLEMS AND PECULIARITIES OF TRANSLATING F.I. TYUTCHEV'S LYRICS INTO GEORGIAN

Annotation. The article is devoted to the consideration of issues related to the problems and peculiarities of the translation of F.I. Tyutchev's lyrics into Georgian. The author shows that by now there is a need for a systematic understanding of the experience accumulated by translation practice in Georgian literature, gives examples of successful translation of Tyutchev's lyrics, analyzes the reasons for translation failures that led to the deformation of the aesthetic and philosophical views of the Russian poet in a secondary text created in Georgian.

Keywords: literary translation, equivalence, aesthetic-philosophical concept.

Более 30 авторов пытались переложить поэзию Ф. И. Тютчева на грузинский язык, что, несомненно, является показателем высокого интереса к творчеству русского поэта со стороны грузинского общества.

В переводах представлены произведения всех четырех тематических разделов поэзии Ф. И. Тютчева: философская («Фонтан», «Не рассуждай, не хлопочи...»), «Молчи, скрывайся и таи И чувства и мечты свои», «Две силы есть – две роковые силы...» и др.), гражданская («Последний катаклизм», «Над этой темною толпой...»), «Наш век», «Умом Россию не понять...»), «Цицерон» и др.), пейзажная («Весенняя гроза», «Как сладко дремлет сад темно-зеленый», «Чародейкою Зимою...»), «В небе тают облака...»), «Зима недаром злиться...» и др.) и любовная («Я встретил вас...»), «Я очи знал, – о, эти очи!», «Последняя любовь», «Весь день она лежала в забытьи...» и др.).

Самым первым переводчиком русского поэта стал известный грузинский поэт Рафизл Эристави, опубликовавший в третьем номере журнала «Иверия» за 1883 год вольный перевод стихотворения «Весенняя гроза».

*მიყვარს პირველს ქუხილი, სულ პირველს გაზაფხულისა,
იჭექებს ლაყვარდს ცაზედა, სევდას მომიშვებს გულზედა!...
მიყვარს მე გრგვინვა იმისი, ხმას აძლევს მთა და ბარია,
იელვებს, წამოიწინწკლებს, როგორც რომ ღამის ცვარია!...*

*მერე შეჰხედავ, დაუშო, ჟუჟუნა წვიმა, გრილობილი,
ადგა მტვრის კორიანტელი, მოირწყო ველი, ხეხილი!
ვიშ! გამინათლდა გლახ გული! დიდება უფლის სახელსა!
ცხოვრებას მადლევს მეუფე, ჟუჟუნა წვიმის მნახველსა!...*

*გადაიდარა. მზე სხივს ჰგენს ყანაში ოქროს ფერადა,
ჩიტებიც აგვიჭიკჭიკდენ, აღარ სცალოთ გასაფრენადა!
მალლა გორიდან ნაკადიც მოშხუის გამაღებული.
ყველა ხმას აძლევს ქუხილსა, სიცოცხლე მოწყურებული!...*

В 1945 году в журнале «Мнатоби» грузинский поэт и литературовед Шалва Апахидзе опубликовал свой перевод известного шедевра Ф. И. Тютчева. Переводчику удалось воспроизвести основные черты творческой манеры Ф. И. Тютчева, добившись тем самым максимальной эквивалентности между исходным текстом и переводом.

Четырехстрочному стихотворению оригинала соответствует в переводе четыре строфы, построенные в соответствии с оригиналом на перекрестной рифме.

Переводчику удалось добиться сходства в звуковой организации исходного текста и перевода. Мелодия тютчевского стиха создается обилием согласных (взрывного *z* и дрожащего *p*), воспроизводящих громовые раскаты; в грузинском переводе в звуковой организации стиха принимают участие взрывные звуки *g*, *r*, *g*, *j*. Такой подбор звуков усиливает возможности звукописи, наполняя мелодию стиха дополнительной энергией.

С таким же вниманием отнесся переводчик к воссозданию цветового рисунка исходного текста, в основе которого Ф. И. Тютчев использовал три цветовых оттенка – голубой, перламутровый и золотистый (*в небе голубом; повисли перлы дождевые; солнце нити золотит*). Цветовая гамма перевода почти дословно передает эти образы (*ლაჟვარდს მებავს; ნაზ მარგალიტთა იფრქვევა ცვარნი; მზე მარგალიტთა იფრქვევა ცვარნი; მზე აოქროებს დაკიდულ ძაფებს*).

В стихотворении «Весенняя гроза» ярко проявилась способность Ф. И. Тютчева одушевлять, очеловечивать явления природы и окружающего мира. В первой строфе весенний гром резвится и играет, в третьей строфе *гам лесной и шум нагорный* вторят грому. Эти же образы воспроизводятся в переводе:

*მიყვარს ქუხილი მაისის ქარში,
როს გაზაფხულის პირველი ჭება
თითქოს ცელქობით, თითქოს თამაშით
ცაში გასკდება და ლაჟვარდს მეხავს.*

*სჭექენ ღრუბლებში ნორჩი გრგვინვანი...
დაუშვა წვიმამ და მტვერს მიაფრენს.
ნაზ მარგალიტთა იფრქვევა ცვარნი,
მზე აოქროებს დაკიდულ ძაფებს.*

*ჩამორბის მთიდან ნაკადი მარდი,
არ ცხრება ტყეში ფრინველთ ხმაური,
და ტყის გუგუნნი, წყალთა ნავარდი
ქუხილს აძლევენ ბანს სიხარულით.*

Существенным элементом архитектоники тютчевского стихотворения выступает глагол в форме 2-го лица (*Ты скажешь: ветреная Геба, Кормя Зевесова орла...*), благодаря которому создается имитация реального общения, непосредственного обращения ко «второму» лицу, собеседнику или слушателю, с которым поэт делится своими впечатлениями. Понимая роль этой глагольной формы в создании интонации обращенности к живому лицу, переводчик включил в перевод глагол в аналогичной форме (*შენ იტყვი*).

Большинство переводчиков этого стихотворения (Р. Эристави, М. Лебанидзе) отказалось от использования образов традиционной античной мифологии (*ветреная Геба, Зевесов орел*), на которых построено оригинальное сравнение заключительной строфы тютчевского текста. В переводе Ш. Апахидзе эти словесные образы оригинала органично вписаны в поэтические строки:

*შენ იტყვი: როცა კვებავდა გება
ზევესის არწივს - თავჯაროანი...
ციდან მგრგვინვარე თასი ვეება
მან გადმოასხა მიწას სიამით.*

Ф. М. Тютчев стремился познать и предугадать окружающие явления с позиций религии и философии. По мнению грузинского писателя и литературного критика Акакия Бакрадзе, мировоззрение

поэта должно стать отправным моментом при декодировании его поэтических текстов и транспонировании в другую культуру [1, с. 73]. Справедливой критике им были подвергнуты переводы грузинского поэта Хуты Гауга, в которых смещение акцентов привело к искажению эстетическо-философской концепции Ф. И. Тютчева. Так, при переводе стихотворения «Фонтан» переводчик пренебрег важнейшей составляющей мировоззренческой позиции автора, согласно которой таинственную основу всякой жизни – природной и человеческой – «основу, на которой зиждется и смысл космического процесса, и судьба человеческой души, и вся история человечества» составляет «присутствие хаотического, иррационального начала в глубине бытия» [2].

Сравним тютчевские строки с переводом, выполненным Х. Гауга:

*Как жадно к небу рвешься ты!..
Но длань незримо-роковая,
Твой луч упорный преломляя,
Свергает в брызгах с высоты.*

*ძიწიდან ცისკენ მძვგრად დაძრული,
სივრცეში ისევ თავს ვერ იმაგრებ –
მსხვერვით გაბრუნებს უკან სიმაღლე,
საბედისწერო და უსასრულო.*

Длань незримо-роковая в переводе подменяется образом высоты, роковой и бесконечной (*სიმაღლე, საბედისწერო და უსასრულო*). Такая замена привела к упрощению эстетико-философского истолкования силы, управляющей бытием. *Длань незримо-роковая* в концепции автора выступает эманацией мировой души и основой всего мироздания, что было утрачено в переводе.

Переводы тютчевской поэзии разбросаны по отдельным номерам периодических изданий или фрагментарно представлены в различных сборниках. К настоящему моменту существует лишь одно печатное издание, целиком посвященное грузинским переводам поэзии Ф. И. Тютчева. В 1991 году вышла книга под заглавием «Последняя любовь», в которую вошли переводы 33 стихотворений Ф. И. Тютчева, выполненные грузинским поэтом и переводчиком Тедо Бекиашвили. Одна из последних к переводу поэзии Ф. М. Тютчева

обратилась Русудан Чубабрия, опубликовавшая в 2020 году сборник стихов и переводов, в который включены несколько переводов из поэзии Ф. И. Тютчева.

Таким образом, публикациям переводов русского поэта всегда сопутствовал эффект мозаичности. До сих пор отсутствуют критические работы, в которых переводы поэтического наследия Ф. И. Тютчева, опубликованные в разные годы разными авторами, подверглись бы глубокому и систематическому анализу, если не считать статьи Лики Талахадзе «Основные тенденции перевода русской поэзии в начале 70-х годов XX века», в которой грузинские переводы стихотворений Ф. И. Тютчева рассматриваются на фоне общих проблем перевода [6]. Назрела необходимость серьезного осмысления накопленного опыта. Эти и другие проблемы ждут своего решения, как ждет грузинский читатель издания сборника тютчевской поэзии, в который вошли бы лучшие образцы переводов, выполненные грузинскими переводчиками, вдохновленными творчеством великого русского поэта.

Список использованной литературы:

1. Бакрадзе Акакий. Сочинения. Т.5. Критика. Театр. Тбилиси: Мерани; Ломиси, 2005. – 460 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : URL: <http://dspace.nplg.gov.ge/handle/1234/4434> [на грузинском языке].
2. Соловьев, В. С. Поэзия Ф. И. Тютчева / В. С. Соловьев // Литературная критика. – М. : Современник, 1990. – С. 105–121.
3. Тютчев, Ф. И. Полное собрание сочинений. Письма. В 6-ти томах. Т.1. / Сост. В. Н. Касаткина. – М. : Издательский Центр Классика, 2002. – 528 с.
4. Тютчев, Ф. И. Фонтан. Перев. Хута Гагуа. / Тбилиси, Мнатоби, 1966, № 7. С. 98–100 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : URL: https://dspace.nplg.gov.ge/bitstream/1234/18271/1/Mnatobi_1966_N07.pdf [на грузинском языке].
5. Тютчев, Ф. И. Весенняя гроза / Перев. Рафиэла Эристави. – Тбилиси, Иверия, 1883, № 3. С. 85 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : URL: <http://dspace.nplg.gov.ge/handle/1234/1496> [на грузинском языке].
6. Талахадзе Лика. Основные тенденции перевода русской поэзии в начале 70-х годов XX века. – Тбилиси : Интеллект, 2019, № 1(63). – С. 217–219 [на грузинском языке].

Юдкин-Рипун Игорь Николаевич (I. N. Yudkin – Ripun), ведущий научный сотрудник, доктор искусствоведения Института культурологии Национальной Академии Художеств Украины, член-корреспондент Национальной Академии Художеств Украины (*Киев, Украина*) (*Kiev, Ukraine*); dr.iyudkin@gmail.com; ORCID.ORG/0000-0002-4616-302X

УДК 82.091

ПРОБЛЕМА АКТИВНОСТИ СУБЪЕКТА В КОНТЕКСТЕ СМЫСЛОВОЙ ПОЛЯРИЗАЦИИ ДЕТАЛЕЙ В ЛИРИКЕ Ф. И. ТЮТЧЕВА

Аннотация. В статье рассматриваются превращения обозначений частных (меронимов) в окказиональные антонимы (явление энантиосемии) и синонимы (гендиадес) в лирике Ф. И. Тютчева. Данный семантический переход связан с определением активности или пассивности субъектов (диатеза) как выражением осмысления проблематики фатализма. Переходы между созерцанием и действием определяются противопоставлением деталей.

Ключевые слова: энантиосемия, диатеза, гендиадес, мероним, мерология, гипоним, фатализм.

THE PROBLEM OF A SUBJECT'S ACTIVITY WITHIN THE CONTEXT OF DETAILS' SEMANTIC POLARIZATION IN F.I. TYUTCHEV'S LYRICS

Annotation. The article deals with the transformations of parts' designations (meronyms) in occasional antonyms (the phenomenon of enantiosemy) and synonyms (hendiadys) in F. I. Tyutchev's lyrics. This semantic transition is connected with the determination of subjects' activity or passivity (diathesis) as the representation of the approach to the problem of fatalism. The transitions between contemplation and action are determined with the opposition of details.

Keywords: enantiosemy, diathesis, hendiadys, meronym, mereology, hyponym, fatalism

Ты спросишь, кто велит?
– Всесильный Бог деталей

(Б. Л. Пастернак, «Давай ронять слова ...», 1919)

Как известно, натурфилософская линия немецкой философской классики, развивавшаяся русским шеллингизмом и «любомудрами», составляла ту среду, от которой духовная жизнь Ф. И. Тютчева неотделима. Более того, как подчеркнул В. В. Кожин, «именно Тютчев, бывший собеседником немецкого мыслителя в течение почти пятнадцати лет, сыграл главную роль в Шеллинговом обращении к России» [4, с. 106]. Ниже коснемся одного из ключевых для шеллингизма и всей немецкой философской классики вопросов, самостоятельно подвергавшихся художественному исследованию Ф. И. Тютчевым – вопроса о субъекте, прежде всего о субъекте семантическом, как денотативном, так и коммуникативном, и присущих ему противоречиях.

Внутренняя противоречивость самого понятия субъектности выражена в известной 3-й антиномии И. Канта об объективации, согласно которой «мыслящий субъект есть в то же время свой собственный объект» [3, с. 419]. В языкознании этому соответствует явление диатезы – взаимного превращения действительного и страдательного залогов. С этой антиномией связан и «паралогизм чистого разума», согласно которому субъект ограничен и конечен вопреки потенциальной бесконечности, поскольку «все мыслящие существа сами по себе суть простые субстанции, а потому ...

необходимо имеют характер личности и сознают свое существование, обособленное от всякой материи» [3, с. 375].

Именно этот паралогизм стал предметом особой разработки у Ф. В. Й. Шеллинга, в частности, в «Мюнхенских лекциях» (1827), с которыми был знаком Ф. И. Тютчев, где утверждается, что субъект «лишь для того субъект, чтобы стать себе объектом» [13, с. 473], а потому «в качестве того, что он есть, субъект никогда не может владеть собой, ибо именно в привлечении себя он становится другим; это основное противоречие, можно сказать, несчастье, присущее всякому бытию» [13, с. 474]. Четвертью века ранее, в «Философии искусства» Шеллинга (датируемой 1799 – 1803 гг.), известной в рукописном виде С. П. Шевыреву [11, с. 5, 9], в связи с проблематикой судьбы отмечалось, что «субъект как субъект не может наслаждаться бесконечным как бесконечным, хотя к этому человек испытывает непреодолимое влечение. Здесь, следовательно, вечное противоречие» [12, с. 439]. Итак, гегелевское «несчастное сознание» выводится из того, что всякий субъект – частная сущность, отдельное, обособленное лицо и как таковое оно обречено. Заметим, что и осознание конечности собственного индивидуального бытия складывается у младенца вместе с усвоением языка, к пятилетнему возрасту.

Указанные общие вопросы субъектности имеют соответствие и в собственно лингвистической плоскости. Достаточно вспомнить понятие эргативного мышления, рассмотренного А. Ф. Лосевым в связи с эргативным грамматическим строем, который, хотя и принадлежит архаике, однако постоянно воспроизводится новыми языками: «Возьмем так называемый средний залог – *я иду, я сплю*. Где тут актив и где тут пассив? Возьмем так называемые глаголы состояния – *мне больно, мне холодно*. Ясно, что совмещение актива и пассива в современном языке – трафаретнейшая вещь» [7, с. 308]. В случае эргативного строя «активность субъекта предписана ему извне, в своем произвольном действии он есть не больше, как только чье-то орудие» [7, с. 306]. Сущность эргативного мышления состоит в том, что на место фетишизма приходит абстракция, когда «субъект вещи, отделившийся от самой вещи, есть демон» [7, с. 310], чем и определяется «момент фатализма» [7, с. 315]. Представление о таком демоне и предполагает «наличие еще особого субъекта за пределами эргативного субъекта, того, в отношении которого вам эргативный

субъект есть только орудие» [7, с. 317]. В свою очередь, эргативное мышление архаики не только способно воссоздаваться средствами, но и более того, присущая ему субъектная созерцательность оказывается важным качеством лирики в плане аспектологии. В частности, А. В. Бондарко предложил на 15 съезде славистов в Минске в 2013 г. аспект наблюдаемости или перцептивности: отмечается «интерпретация наблюдаемости ... с точки зрения ... говорящего, а также слушающего» как в коллоквиализме «Посмотри, к нам кто-то идет», чем определяется «семантика перцептивности», когда имеется актуальное настоящее, как в пушкинских строках «Кавказ подо мною...» или «На холмах Грузии...» [1].

Выявляя двойственность, совмещение пассивности и активности субъекта, эргативное мышление оказывается связанным с воссозданием также и свойственного архаическому «дологическому» мышлению (термин Л. Леви-Брюля) дуализма в его различных проявлениях, вплоть до универсальной оппозиции «космос – хаос». Этот дуализм оказывается созвучным такому родовому свойству лирики, как скрытая полемика (то, что Ю. В. Манн называл лирической оппозицией), позволяющая представить лирическую миниатюру как воссоздание перипетии драмы идей. Заметим, что при изучении некоторых интерпретаций канонической формы сонета (никогда не применявшейся Тютчевым, за единственным исключением – «Уж третий год беснуются языки ...», 1850) обнаружилось именно ее драматическое истолкование – как выдвижение тезиса и опровержение возражений против него (риторическая конфутация), т.е. как преодоление препятствия на пути к цели в перипетии [16, 17]. Естественно возникает вопрос о протагонистах и антагонистах такой коллизии при ее воссоздании в рамках лирической миниатюры. Было показано, что для выражения такого рода микроскопических конфликтов существенно обращение к лексическим средствам обозначения частных меронимам, поскольку, в противоположность гипонимам (обозначениям компонентов класса), для них варьируются цели, в которые они входят (напр., *глаз* как гипоним – орган зрения, как мероним – часть тела существа, варьируемого от насекомого до человека). Мерониму свойственна неопределенность значения, амбивалентность, обусловленная отсутствием того целого, куда он входит. Этим уже определяется пригодность меронимов для

построения ситуативных синонимов (гендиадес), как, например, в обозначении глаголов частичных действий в строке Ф. И. Тютчева «Бегут и блещут и гласят» («Весенние воды», 1830).

Но особенно интересно, что меронимы обнаруживают свойство энантиосемии – превращения в ситуативные антонимы, что особенно свойственно пословицам (напр., «не бойся улицы, бойся щели», в контексте которой *улица* и *щель* противопоставлены как антонимы, тогда как в основном значении они совместимы как обозначения частей местности) [15]. Происходит смысловая поляризация, распространяющаяся на субъекты высказываний. Фактически именно этот феномен энантиосемии отмечается исследователем творчества Тютчева: «Всякое положение у него раскалывается надвое, и образовавшиеся половинки, в свою очередь, опять раскалываются» [10, с. 99]. Источником таких семантических метаморфоз оказывается отмеченная амбивалентность меронимии, как, например, это обыграно в тютчевской эпиграмме по поводу тургеневского «Дыма», характеризующему «смрадным дымом» в противоположность цитате «дым отечества» («И дым отечества ...», 1867). Именно энантиосемия приводит к эффектам «совмещения несовместимого» (juxtaposition), заново открытым уже символистами, о которых говорит сам поэт в четверостишии: «Впросонках слышу я – и не могу / Вообразить такое сочетанье, / А слышу свист полозьев на снегу / И ласточки весенней щебетанье» (1871). Здесь «свист полозьев» и «щебетанье ласточки» являются меронимами звукового окружения, размещение которых оказывается сдвинутым по времени в сонном воображении. Микроскопическое деление предмета поэтического повествования приводит к возникновению антитез на основе меронимов.

Здесь оказывается актуальным внутренне противоречие субъектности, простирающееся из ее обособленности, частности, ограниченности: часть всегда противопоставляется как иным частям, так и включающему их целому. Обособление всегда предполагает дополнение, отрицание, вводя тем самым момент негативности. Так вводится диалектика части и целого, которая во времена Тютчева разрабатывалась герменевтикой как учением о толковании текста через переходы от подробности к цельности и обратно (т.наз. герменевтический круг). На этой основе уже в XX в. сложилась мереология – направление теоретической логики, исходившее из того,

что всякое целое обращается в часть объемлющего целого, а пределом оказывается уже тотальность. Поэтому часть, с одной стороны, является более общим понятием, чем целое, а с другой, ее обособление определяется функцией в целом. В свете мереологии отмеченное выше превращение меронимов в антонимы, поляризация их значений становится фактором активности или созерцательности субъекта. Такую продуктивность противопоставления деталей демонстрирует стихотворение «Есть в осени первоначальной /Короткая, но дивная пора.» (1857). Единственным агенсом здесь может представиться серп («Где бодрый серп гулял и падал колос» – 5-я строка), но подразумевается, что он пассивный субъект, направляемый рукой жнеца. Настоящим действенным субъектом оказывается то, что стоит за «дивной порой», представленной рядом частных, несущих в себе конфликтный заряд. «Теперь уж пусто все», «Пустеет воздух» – настойчиво подчеркивается пустота как провозвестница грядущей зимы. Но «чистая и теплая лазурь» как бы согревает прошлым, характеризуемым ситуативными синонимами, фигурой гендиадес. «И лучезарны вечера», «паутины тонкий волос» – все это указывает на неустойчивость, хрупкость бытия. Представляются детали, указывающие на промежуточность, скоротечность «дивной поры», на двойственность самого субъекта повествования.

Всё сказанное об эргативной, созерцательной субъектности и сопутствующем дуализме особенно наглядно иллюстрирует «безглагольного» стиля [2], основанного на чисто именных оборотах, в частности – назывных предложениях. Одним из образцов этого в тючевской лирике является «Волна и дума» (1851): «Дума за думой, волна за волной – / Два проявленья стихии одной: / В сердце ли тесном, в безбрежном ли море, / Здесь – в заключении, там – на просторе, – / Тот же все вечный прибор и отбой, Тот же все призрак тревожно – пустой». Здесь обозначения частных выстраиваются в целый ряд антитез. Ситуативными антонимами становятся «сердце» и «море». Но именно в таком превращении обнаруживается и старый принцип *coincidentia oppositorum* ‘совпадение противоположностей’. Именно «призрак», отсылающий к архетипу «жизнь как сон», оказывается ведущим субъектом, объявляющим о себе в заключительной строке. Активность или пассивность его, переходы между «прибоем и отбоем» определяют те антитезы, которые обрисованы деталями повествования.

Рассмотренные метаморфозы субъектности подводят к еще одному истоку тютчевского поэтического мышления. Если роль шеллингианства освещена довольно широко, то значительно меньше внимания уделялось ещё одному философскому течению – казуистике как основе стиля барокко. Между тем достаточно сослаться на два примера, свидетельствующие об интересе поэта к XVII веку. Во-первых, это перевод четверостишия Я. Бёме («Кто Время и Вечность / В себе совместил, / От всякого горя / Себя оградил») [6]. Дата этих строк – 1860-е гг., однако значительно ранее у поэта появилась строка, вполне укладывающаяся в дискурс барочных парадоксов: «Всё во мне, и я во всём» («Тени сизые смешались...», 1836). Во-вторых, это использование в заключительной строке стихотворения «Певучесть есть в морских волнах ...» (1865) известного образа Б. Паскаля: «И ропщет мыслящий тростник?». Показательно и то, что во время написания данных стихов вернулась полемика против католицизма («Епископа», 1865, «Свершается заслуженная кара ...» в честь гарибальдийцев, 1867, и особенно «Гус на костре» в ответ на 1-й ватиканский собор, 1870). Но уже двумя десятилетиями ранее публицистика Ф. И. Тютчева свидетельствует о его осведомленности в вопросах казуистики: не только отмечалась «антикатолическая направленность» его полемики, но и сочинение поэта подавалось как «отмеченное печатью протестантизма» [8, с. 235, 238]. Присутствие опыта казуистики и барокко в целом сказывается не только в повсеместных антитезах и унаследованном от барокко сентиментализмом культом меланхолии (в частности, барочного *memento mori*), но и в особенности в самой двойственной трактовке субъекта, где прослеживается казуистическая доктрина существования двух благодатей – действенной (*gratia efficax*) и дарованной (*gratia donata*) [14]. Наглядным подтверждением знакомства с такими понятиями является знаменитое четверостишие: «Нам не дано предугадать, / Как слово наше отзовется, – / И нам сочувствие дается / Как нам дается благодать» (1869). Здесь ясно определено, что человеку дано, и что не дано и находится вне его «поля ответственности». Проблематика возможностей субъектного действия очерчена даром благодати, а тем самым затрагивает вопросы фатализма – предмет дискуссий эпохи казуистики. В четверостишии фатального предопределения нет потому, что дано «сочувствие»,

противостоящее невозможности «предугадывания». Именно диалектика микроскопических конфликтов, а не фатум, определяет ход событий.

В свою очередь, восходящие к казуистике дискуссии о фатализме восходят к еще более древним натурфилософским корням, на которые указал Б. М. Козырев – к античной милетской школы, в частности, к учению Анаксимандра: у Тютчева «хаос ... назван также беспредельным, а «беспредельное» – «апейрон» – есть термин Анаксимандра» [5, с. 104]. Но еще существенней то, что «противоположение вечной и неувядаемой стихийной жизни природы скоротечному, бесследно исчезающему индивидуальному бытию – есть не что иное, как многообразно варьируемое выражение Анаксимандрова закона возмездия» [5, с. 104]. Уже обсуждавшаяся в связи с шеллингианством обреченность всего обособленного, то, что ныне известно как второе начало термодинамики (закон роста энтропии в замкнутой системе), обосновывается тем, что «вещь стремится нарушить чужую меру» [5, с. 105]. Эти мотивы столь глубоко разработаны в тютчевском «Денисьевском цикле», что Б. М. Козырев восклицает: «Да, Анаксимандр воистину воскрес после смерти Денисьевой!» [5, с. 124]. Следовало бы также указать на еще одно посредствующее звено между античностью и новым временем, актуальное для наших вопросов: это – учение Августина Блаженного о свободном выборе как истоке рисков грехопадения, сыгравшее значимую роль в развитии протестантизма. Именно к этому учению прямо отсылают следующие строки из уже упоминавшегося (в связи с Б. Паскалем) стихотворения: «Невозмутимый строй во всем, / Созвучье полное в природе, – / Лишь в нашей призрачной свободе / Разлад мы с нею сознаем» («Певучесть есть ...», 1865). Здесь не только воссоздан августинианский тезис о «призрачной свободе», но и приводится кантовский термин «разлад» (нем. Spalt, букв. 'расщелина') как результат субъектной активности. Но осознанный разлад предполагает противостояние и преодоление, чем отвергается предопределение.

Тезис об обреченности всего индивидуального, обособленного как предпосылка проблематики фатализма представлен в аллегории человеческих жизней как льдин на реке, неминуемо тающих и вливающих в море небытия: «Все вместе – малые, большие, /

Утратив прежний образ свой, / Все – безразличны, как стихия, – / Сольются с бездной роковой!» («Смотри, как на речном просторе...», до 1851). Примечательно тут указание на тотальность (дважды повторенное «все») как на предел субъектной самостоятельности. Далее, в заключительной строфе «человеческое Я» определяется как «обольщение» и прямо называется направляющая бытие сила – «судьба». Субъектность как лёд, тающий «неизбежимо», причем постоянно, в том числе «в поздней темноте» мыслится фатально предопределенной, лишенной активности. Здешний субъект – это субъект эргативный, и он очерчивается антитезой – противопоставлением реки (со льдом индивидуальностей) и моря небытия.

Очень значимым для понимания тютчевского толкования фатализма и особой роли антитез является знаменитое стихотворение «Два голоса» (1850). А. И. Неусыхин сопоставил его с «Песнью Судьбы» Ф. Гельдерлина, где «совершенно отсутствуют тютчевские мотивы борьбы и молчащей природы» [9, с. 545], и кратко суммировал систему антитез: «В целом стихотворение дает трихотомию: бессмертные блаженные боги – борющиеся люди – молчаливая природа. Но в конце появляется нечто новое – Рок». При этом, в отличие от немецкого образца, у Тютчева «стихотворение соткано из тончайших нюансов», т.е. решающая роль достается детализации [9, с. 544]. Ввиду такой роли уместно напомнить последнюю строфу: «Пускай олимпийцы завистливым оком / Глядят на борьбу непреклонных сердец. / Кто, ратуя, пал, побежденный лишь роком, / Тот вырвал из рук их победный венец». Б. М. Козырев, опровергая представления об «олимпийском спокойствии», язвительно заметил: «Олимпийцы вовсе не блаженствуют, а завидуют» [5, с. 88].

Ключевой деталью тут является последнее слово – «венец», который «вырвал из рук» олимпийцев борющийся человек. Значит, противостояние ведется не только с роком, но и с олимпийцами, более того, оно ведется ради венца. Далее, третий из перечисленного ряда антагонистов, природа, в известном позднем четверостишии получила скептическую аттестацию: «Загадки нет и не было у ней» («Природа – сфинкс ...», 1869). В свою очередь, натурфилософский манифест «Не то, что мните вы, природа...» (1836) из раннего периода творчества также отвергает «безмолвные звездные круги». И наконец,

в еще одном источнике – стихотворении памяти Е. А. Денисьевой – поэт в ее облике представляет того, кому достается венец: «По ней, по ней, судьбы не одолевшей / Но и себя не давшей победить» («Есть и в моем страдальческом застое», 1865). Здесь противоборство с роком завершается даже не победой его неодолимой силы, а, так сказать, вничью. Система антитез возбуждает субъектную активность, отвергая фатализм.

В тютчевском наследии имеется также прямая полемика против фатализма. Уже на исходе творческого пути провозглашается оптимистический тезис: «Не всё, что здесь цвело, увянет, / Не всё, что было здесь, пройдет!» («Чему бы жизнь нас ни учила ...», 1870, посвящено А. Вас. Плетневой, урожденной Щетининой). Поэт вступает здесь в спор с самим ветхозаветным Соломоном, более того, отрицание тезиса «всё пройдет» объявляется достоянием «веры для немногих», для тех, кому «доступна благодать». Более того, благодать эта дарована тем, «кто душу положил за други», следуя новозаветному установлению.

Таким образом, архаический, языческий рок, фатум для Ф. И. Тютчева недействителен. Более того, обстоятельства проти-востояния «человек – рок» показывают, что сам рок может оказываться рукотворным результатом коллизий. Об этом говорит «Предопределение» (до 1852) из «Денисьевского цикла», где «поединок роковой» и его исход проистекает из самой субъектной активности, а не возникает как внешняя сила: «И чем одно из них нежнее / В борьбе неравной двух сердец». Предполагается именно различие и противостояние «сердец», где одно оказывается «нежнее», так что именно дифференциация присущих субъектам действия деталей, их противостояние, а не внешний фатум, определяют «поединок».

Замечательная чуткость к противоречиям предметного мира, высвечивание субъектно-объектных противопоставлений за мельчайшими подробностями – вот что составляет основу для определения активности субъекта. Микроскопические конфликты, раскрываемые детализацией, сдвигают неустойчивое равновесие между созерцанием и действием. Определяющим в этом отношении для Ф. И. Тютчева можно считать то понимание субъекта, которое выражено в обращении к самому себе: «О, вещая душа моя, / О сердце,

полное тревоги, / О как ты бьешься на пороге / Как бы двойного бытия» (1855). Пороговая ситуация и двойственность относятся именно к данному неустойчивому равновесию, о чем далее и говорит противопоставление «Твой день» – «Твой сон», которым вводятся «страсти роковые». Именно выявление противоречий в частности (в данном случае – антитеза сна и бдения) становится реальной основой того, что представляется роком. Противоречия предметного мира, логика вещей оказывается основой субъектной активности или пассивности.

О том, как видится поэту субъектная самостоятельность в свете соотношения логики вещей и логики намерений, свидетельствуют строки из посвящения князю А. М. Горчакову в честь достигнутой им дипломатической победы: «Счастлив, кто точку Архимеда / Умел сыскать в себе самом, – / Кто, полный бодрого терпенья, / Расчет с отвагой совмещал, / То сдерживал свои стремленья, / То своевременно дерзал» («Да, Вы сдержали Ваше слово ...», 1870). Здесь нет однозначного определения субъектной активности или пассивности – все определяет противопоставление деталей: расчета и отваги, сдержанности и дерзновенности. Но решающим, исходным, является именно «точка Архимеда», основа субъектности, позволяющая осуществлять постоянные переходы между созерцанием и действием.

Итак, субъект находится в состоянии неустойчивого равновесия между действием и созерцанием, а сдвиг в ту или иную сторону определяется коллизиями микроскопических деталей. Противопоставления частных, превращение меронимов в антонимы обозначает условия, в которых представляются субъектно-объектные отношения и, далее, решаются проблемы фатализма и активности субъекта, выбор между *vita activa* ‘действенная, активная жизнь’ и *vita contemplativa* ‘созерцательная жизнь’. Именно противоречия предметного мира выводят силы личности, делают возможной и необходимой борьбу, то ратоборство, которое и позволяет «вырвать победный венец» «из рук олимпийцев». Такова «диалектика вещей», раскрываемая лирикой Ф. И. Тютчева.

Список использованной литературы:

1. Бондарко, А. В. Анализ элементов текста в системе функциональной грамматики / XV Міжнародны з'езд славістаў. (Мінск, Беларусь, 20–27 жніўня 2013 г.). – Мінск : Беларуская навука, 2013. С. 123–124.
2. Галди, Л. Стилевые особенности романтической поэзии романских стран // Европейский романтизм. – М. : Наука, 1973. С. 352–423.
3. Кант, И. Критика чистого разума. / И. Кант. // Соч. в 6 т. Т. 3. – М. : Мысль, 1964. – С. 69–756.
4. Кожин, В. В. Тютчев / В. В. Кожин. – М. : Молодая гвардия, 1988. – 496 с.
5. Козырев, Б. М. Письма о Тютчеве / Федор Иванович Тютчев – (Литературное наследство. Т. 97. Кн. 1.). – М. : Наука, 1988. – С. 73–127.
6. Кузина, Л. Н. Из Якоба Бёме / Федор Иванович Тютчев – (Литературное наследство. Т. 97. Кн. 1.). – М. : Наука, 1988. – С. 178–179.
7. Лосев, А. Ф. Знак. Символ. Миф / А. Ф. Лосев. – М. : Изд. Московского университета, 1982. – 482 с.
8. Лэйн, Р. Публицистика Тютчева в оценке западноевропейской печати конца 1840-х – начала 1850-х годов / Федор Иванович Тютчев – (Литературное наследство. Т. 97. Кн. 1.). – М. : Наука, 1988. – С. 231–252
9. Неусыхин, А. И. (Публикация Е. А. Огневой-Неусыхиной) Тютчев и Гельдерлин / Федор Иванович Тютчев. – (Литературное наследство. Т. 97. Кн. 2.). – М. : Наука, 1989. – С. 542–547
10. Погорельцев, В. Ф. Психология творчества Ф. И. Тютчева / В. Ф. Погорельцев. – Брянск : Брянское СРП ВОГ, 2009. – 184 с.
11. Попов, П. С. Состав и генезис «Философии искусства» Шеллинга / Шеллинг, Ф. В. Й. Философия искусства. – М. : Мысль, 1966. – С.5–18.
12. Шеллинг, Ф. В. Й. Философия искусства / Ф. В. Шеллинг. – М. : Мысль, 1966. (Философское наследие. Т. 20). – 496 с.
13. Шеллинг, Ф. В. Й. К истории новой философии (мюнхенские лекции) / Шеллинг Ф. В. Й. Соч. в 2-х т. Т. 2. – М. : Мысль, 1989. (Философское наследие. Т. 102). – С. 387–560.
14. Шмонин, Д. В. В тени Ренессанса: вторая схоластика в Испании / Д. В. Шмонин. – СПб. : Изд. С.-Петербургского университета, 2006. – 278 с.
15. Юдкин-Рипун, И. Н. Меронимы как источник пословичных антитез / Общая и русская фразеология: из прошлого в будущее : материалы Международной научно-практической конференции, посвященной памяти доктора филологических наук, профессора Валентина Ильича Зимины, г. Москва, 26 ноября 2021 г. / под общ. ред. О. И. Авдеевой. – М. : МПГУ, 2022. – С. 422–430.
16. Юдкин-Рипун, И. Н. Детализация портрета в сонете как монодраме: «Медальоны» Игоря Северянина / Родная словесность в современном культурном и образовательном пространстве: сб. науч. тр. / ред. Е. Г. Милюгина. – Тверь : Тверской. гос. университет, 2021. Вып. 10 (16). – С. 16–22.
17. Yudkin-Ripun, I. N. Onomastics and meronymic devices in sonnet as monodrama: L. Staff and R.M. Rilke / Мова і культура – Язык и культура. Т. 200. – Київ : Бураго, 2020. – С. 382–388.

РАЗДЕЛ 6. ПРОБЛЕМЫ ОСМЫСЛЕНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА Ф. И. ТЮТЧЕВА В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ШКОЛ И ВУЗОВ ЗАПАДНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Бузина Светлана Васильевна (S. V. Buzina), кандидат филологических наук, доцент кафедры церковно-исторических и церковно-практических дисциплин Владимирской Свято-Феофановской духовной семинарии, доцент кафедры второго иностранного языка и методики обучения иностранным языкам Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых (*г. Владимир, Российская Федерация*) (*Vladimir, Russian Federation*); sve3342040@mail.ru

УДК 801.73

ОПЫТ ПРЕПОДАВАНИЯ ТВОРЧЕСТВА Ф. И. ТЮТЧЕВА В ВЫСШЕЙ ДУХОВНОЙ ШКОЛЕ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности преподавания лирики Тютчева в рамках дисциплины «Русская литература» в духовной семинарии. При изучении творчества поэта делается вывод о том, что его молитвенная лирика опирается на истинно православное мировоззрение.

Ключевые слова: православие, молитвенная лирика Тютчева, высшая духовная школа.

EXPERIENCE OF TEACHING F.I. TYUTCHEV'S CREATIVE WORK AT THE HIGHER THEOLOGICAL SCHOOL

Annotation. The article discusses the peculiarities of teaching Tyutchev's lyrics in the framework of the subject "Russian Literature" at the theological seminary. When studying the poet's work, it is concluded that his prayer lyrics are based on a truly Orthodox worldview.

Keywords: Orthodoxy, Tyutchev's prayer lyrics, higher theological school.

Курс «Русская литература» – это дисциплина по выбору, которая входит в учебный план высших духовных школ России. Наряду с другими лингвистическими дисциплинами курс русской литературы помогает сформировать необходимые компетенции будущих бакалавров – служителей и религиозного персонала религиозных организаций, обучающихся по профилю «Православная теология» (область знания «Практическое богословие»).

Во все преподаваемые лингвистические и филологические дисциплины обязательно включена пастырско-ориентированная проблематика. В связи с этим при формировании тематического плана по русской литературе осуществляется отбор писателей и поэтов с точки зрения их отношения к вере и православию.

Основное учебное пособие, которое используется при изучении дисциплины – учебное пособие для духовных семинарий М. М. Дунаева «Православие и русская литература» [3], являющееся кратким изложением фундаментального труда М. М. Дунаева с одноименным названием.

Ф. И. Тютчев, с точки зрения М. М. Дунаева, – личность, бесспорно, ориентированная в православном духе, поэтому его творчество подробно изучается в семинарском курсе по литературе. О христианских основах поэзии Ф. И. Тютчева подробно писал и Б. Н. Тарасов.

Ф. И. Тютчев утверждал, что без веры в Бога невозможно развитие, становление и истинная жизнеспособность личности, общества и государства в целом, потому как именно вера в Господа удовлетворяет глубинную потребность человека в обретении смысла жизни, не исчезающего и после смерти. Религия укрепляет духовные начала, формирует истинные ценности, утверждает нравственные

нормы существования человека и общества. Отдаляясь от Бога, человек теряет истинную свободу, нравственность, подлинные ценности жизни, способность отличить зло от добра. Без Бога человек тщетно пытается найти и оправдать свое существование на земле и предназначение в жизни [3, с. 106]. В своих работах М. М. Дунаев и Б. Н. Тарасов подробно анализируют ряд стихотворений Тютчева, раскрывающих православное мировоззрение поэта.

При изучении творчества Ф. Тютчева обязательно обращаем внимание на молитвенные мотивы в лирике поэта, которые наиболее точно раскрывают православное умонастроение и жизнеощущение поэта. В монографии Э. М. Афанасьевой «Молитвенная лирика русских поэтов» [1] представлены анализы некоторых стихотворений, содержащих подобные мотивы. Надо отметить, что в богословии существует узкое и широкое понимание молитвы.

В узком понимании молитва – возношение души человека к Богу, устремление всех ее сил к Всевышнему, благоговейное слово человека, обращенное к Богу и сопровождаемое другими знаками благоговения [8, с. 102].

В широком понимании молитва – религиозно-нравственное душевное состояние, определяемое как постоянное сердечное внимание и благоговейное памятование о Господе, упование на Его святую волю и надежда на Божию милость. Такая молитва вполне совместима с повседневными делами человека и обязанностями, которые налагаются на него его положением в обществе [5, с. 590].

В лирике Тютчева представлены стихотворения-молитвы в широком понимании этого состояния души человека.

Так, стихотворение «*Не рассуждай, не хлопочи!..*» (1850), призывающее к смирению, начинается со строк, похожих на Заповеди Божии, поучающие христиан проявлять терпение и смирение. «А завтра быть чему, что будет...» [7, с. 18] – этими словами поэт наставляет покориться и принять волю Всевышнего и надеяться на Его Промысел. Посылая человеку скорби и испытания, Господь действует во благо души христианина, с целью избавить его от пороков и страстей. Заканчивает стихотворение Тютчев словами «день пережит – и слава Богу!», призывая принимать все происходящее со смирением и искренне благодарить Творца за все ниспосланное Им, надеясь на милосердие Божие и Его любовь к людям.

Стихотворение «*Пошли, Господь, свою отраду...*» начинается просьбой к Богу и весьма похоже на слова прошения просительной ектении: Тютчев начал с обращения к Богу с просьбой о ближнем, страдающем человеке, который сравнивается с бедным нищим, бредущим по жесткой мостовой в жаркий и знойный день мимо прекрасного сада. Под образом нищего подразумеваются тяжелые судьбы людей, о которых поэт и молится Господу с сердечным сочувствием. Человек, бредущий по мостовой, это символ прохождения нелегкого жизненного пути, полного скорбей и искушений. Сад, обнесенный оградой, в этом произведении олицетворяет мир, покой и блаженство. Автор пишет о том, что этот прекрасный, дивный сад недоступен бедному нищему: «недоступная прохлада» в жаркий день. «Закрытый сад» – именно так переводится слово Рай с еврейского языка. Бредущий по жесткой мостовой нищий томим не голодом, а жаждой. Жажда в этом произведении понимается как «жажда духовная» – когда душа человеческая, утомленная жизненными страстями, пороками и скорбями, ищет успокоения, мира и любви, обрести которые можно лишь обратившись к Богу. Заканчивает Тютчев стихотворение, проникнутое истинно христианским состраданием, обращением к Всевышнему с мольбой о даровании отрады для ближнего человека, в надежде на милость Божию.

В стихотворении 1855 года «*О, вещая душа моя!..*» Тютчев пишет о своем мировосприятии, обращаясь к собственной душе. Поэт передает, по словам М. Дунаева [3, с. 100], пороговое состояние души, отражает мысль о двойственности бытия, относя сердце человека к земной, материальной природе, а душу определяя как дарованное Всевышним вечное, божественное начало.

Тревожное сердце поэта бьется на пороге «как бы двойного бытия» [7, с. 75], ощущая, что за земной жизнью следует вечная жизнь или же погибель души, уготованная каждому человеку в соответствии с его поступками. «По плодам их узнаете их», – так заповедал Господь Иисус Христос в Нагорной проповеди [Мф. 7:16].

Далее Тютчев пишет о душе как о «жилище двух миров», понимая, что душа, являясь частью человеческой сущности, в то же время сотворена бессмертной.

В следующих строках поэт противопоставляет два мира, говоря о земной жизни, как о дне, а вечную жизнь сравнивает со сном (образ

сна, по М. Дунаеву, излюбленный у Тютчева и встречается чаще прочих [3, с. 100]).

О земной жизни автор пишет, как о болезненном и страстном дне, показывая, что жизнь на земле полна скорбей, искушений и пороков. Жизнь души Тютчев называет «*сном пророчески-неясным*», выражая этими словами неизвестность и таинственность вечной жизни. В последней строфе поэт пишет о телесной и душевной человеческой природе, объединяя земное и божественное начало. Сердце поэта испытывает тревогу о «страстях роковых», а душа автора стремится к Богу, отвергнув все ничтожное, человеческое и низменное. В конце стихотворения Тютчев сравнивает душу с евангельской женой-мироносицей Марией, припавшей с любовью к ногам Иисуса и сердечно раскаявшейся в своих прегрешениях.

В стихотворении «*При посылке Нового Завета*», обращенном к дочери Анне Федоровне, Тютчев рассуждает об испытаниях, рано выпавших на долю девушки: «Не легкий жребий, не отрадный // Был вынут для тебя судьбой...» [7, с. 113]. Но поэт подчеркивает мужество, и стойкость дочери («Ты билась с мужеством немногих»), и ее способность выстоять в самых трудных жизненных обстоятельствах. Тютчев выражает глубокое сочувствие к дочери и пытается передать ее внутреннее состояние словами «*всю душу вынесла свою*», выражая тяжесть своего и ее духовного положения. Несмотря на сложности жизненного пути, девушка преодолевает посланные ей испытания, оставаясь верной себе и сохраняя чистоту сердца. Далее Тютчев пишет о человеческом несовершенстве и неспособности противостоять злу: «Но скудны все земные силы...» В этих словах есть скрытый смысл: уповать человеку необходимо на Высшие силы – на Бога. Поэт рассуждает, что когда «*рассвирепеет жизни зло*», то человеку становится страшно тяжело, «как на краю могилы». Он выражает через это сравнением гибельное состояние внутреннего мира человека, близкого к духовной катастрофе. В самые сложные моменты жизни поэт предлагает своей дочери вспомнить о главной книге – Евангелии: «...с любовью // О книге сей ты вспомяни». В трудные минуты жизни, когда все земные силы исчерпаны, автор предлагает дочери найти покой и обрести душевные силы в мудрых строках Вечной Книги – Святого Евангелия. Тютчев советует «*припасть всей душой к Святой Книге*» – смиренно приникнуть, в надежде обрести защиту, душевный мир и любовь.

В 1865 году Ф. И. Тютчев написал стихотворение «*Когда на то нет Божьего согласия...*», обращенное к другой своей дочери – неукротимой Дарье Федоровне. В нем поэт рассуждает о всемогуществе Творца, многогранно проявляющемся в природе [3, с. 103].

Поэт начинает стихотворение словами «когда нет Божьего согласия» [7, с. 134], показывая читателю важность Божьего веления и всемогущество Господа. Автор пишет, что без Божией воли не происходит ничего в этом мире. Страдающая, любящая душа не обретет счастья на земле, если нет Его Святого желания, благословения на эту любовь. Сам Господь Иисус Христос, проходя земной путь, покорялся во всем воле Отца Своего Небесного, чему учил и людей: «Не моя воля, но Твоя да будет» [Лк. 22:42].

Не повинуюсь воле Господней душа человека, как пишет Тютчев, не выстрадает счастья, но может выстрадать себя, то есть причинить вред своему духовному состоянию.

Поэт глубоко убежден в том, что человеческой жизнью и судьбой управляет Господь, поэтому необходимо смириться и кротко принять все, что Он посылает.

Прославляя Милостивого Бога, автор обращается к Всевышнему с просьбой ниспослать мир и радость дочери, благословить несчастную, любящую душу. Несмотря на то, что обрести земное счастье бывает невозможно, молиться о спасении души, умиротворении страстей, о даровании внутреннего мира и покоя, необходимо. В последнем четверостишии поэт пишет о Величии Божьем: «Он Милосердный, Всемогущий».

Могущество Всесильного Господа проявляется в образе теплого луча света, с любовью греющего и опекающего всё созданное Им на земле: и прекрасный, пышный цветок на ее поверхности, и чистую жемчужину на дне морском. Умиротворяющее, мудрое, молитвенное слово звучит в четырехстрочном стихотворении поэта 1856 года:

*Все, что сберечь мне удалось,
Надежды, веры и любви,
В одну молитву все слилось:
Переживи, переживи! [7, с. 78]*

Это стихотворение явно соотносится с самой древней и краткой молитвой, обращенной к богу: «Господи, помилуй». Праведный Иоанн Кронштадтский писал, что эта молитва «бьет в нашу гордость и вызывает в размышляющих чувство смирения, которое есть основание христианских добродетелей. Эта краткая молитва есть самая нужная для всякого грешника, как пища и питье его, как врачевство его. Она дыхание души его... Кто часто и от сердца говорит: «Господи, помилуй!» – тот, значит, жив и здрав духом. А кто не говорит или стыдится говорить эту краткую молитву, тот мертв или смертельно болен» [4, с. 328].

Таким образом, можно сделать вывод, что, изучая творчество Ф. И. Тютчева в духовной семинарии, мы обращаем внимание на то, что он не просто поэт, воспитанный и живущий в контексте православной культуры, как и все его современники, он истинный христианин, в стихах которого рассуждения, глубокий анализ внутреннего мира лирического героя смешиваются с молитвенным умонастроением.

Список использованной литературы:

1. Афанасьева, Э. М. Молитвенная лирика русских поэтов поэтов : монография / Э. М. Афанасьева. – М. : Издательский Дом ЯСК, 2021. – 280 с.
2. Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М. : Российское Библейское общество, 2000. – 1337 с.
3. Дунаев, М. М. Православие и русская литература: учебное пособие для духовных семинарий; под общ. ред. В. Л. Шленова / М. М. Дунаев. – Сергиев Посад : Московская духовная академия, 2009. – 512 с.
4. Иоанн Кронштадтский Моя жизнь во Христе: в 2 ч.; Ч. 2 / Иоанн Кронштадтский – М. : Фонд «Благовест» Подворье Троице-Сергиевой Лавры, 1998. – 429 с.
5. Святитель Феофан Затворник, Вышенский Сборник Святые отцы о молитве и трезвении или внимании в сердце к Богу / Святитель Феофан Затворник. – М. : Правило веры, 2014. – 640 с.
6. Тарасов, Б. Н. Христианские основы творчества Ф. И. Тютчева / Б. Н. Тарасов // Электронный журнал Слово.ру: Балтийский акцент, 2015. – № 4 – С. 74–90. – Режим доступа : URL:<https://cyberleninka.ru/publisher/n-federalnoe-gosudarstvennoe-avtonomnoe-obrazovatelnoe-uchrezhdenie-vysshego-obrazovaniya-baltiyskiy-federalnyy-universitet-im-yusclid=lnorimkmru913270817>. – Дата доступа : 13.10.2023.
7. Тютчев, Ф. И. Полное собрание сочинений. Письма: в 6-ти томах; Т. 2 / Сост. В. Н. Касаткина. – М. : Издательский Центр Классика, 2003. – 640 с.
8. Филарет Московский, святитель Пространный Православный Катехизис Православной Кафолической Восточной Церкви / Святитель Филарет, митрополит Московский и Коломенский. – М. : Сибирская Благовзвонница, 2013. – 160 с.

Захарчук Алексей Михайлович (A. Zakharchuk), магистр, зам. директора по учебной работе УО «Брестский государственный музыкальный колледж» (*г. Брест, Республика Беларусь*) (*Brest, Republic of Belarus*); brestmusiccollege@gmail.com

УДК 377.8

СПЕЦИФИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ БУДУЩЕГО ПЕДАГОГА-МУЗЫКАНТА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ КОЛЛЕДЖА (НА ПРИМЕРЕ ПОЭЗИИ Ф. И. ТЮТЧЕВА В МУЗЫКЕ)

Аннотация. В статье рассмотрены специфические методы формирования профессиональной культуры будущего педагога-музыканта в процессе изучения творческого наследия Ф. И. Тютчева в музыкальном искусстве. Уточнена дефиниция профессиональной культуры педагога-музыканта, описаны методические приемы формирования элементов профессиональной культуры, указаны музыкальные сочинения на стихи Ф. И. Тютчева, интенсифицирующие процесс подготовки будущего специалиста в области музыкального образования.

Ключевые слова: профессиональная культура педагога-музыканта; уровни профессиональной культуры педагога-музыканта; поэзия Ф. И. Тютчева в музыке; специфические методы формирования профессиональной культуры педагога-музыканта.

SPECIFIC METHODS OF FORMING THE PROFESSIONAL CULTURE OF A FUTURE TEACHER-MUSICIAN IN THE EDUCATIONAL PROCESS OF COLLEGE (USING THE EXAMPLE OF F.I. TYUTCHEV'S POETRY IN MUSIC)

Annotation. The article discusses specific methods of forming the professional culture of a future teacher-musician in the process of studying the creative heritage of F. I. Tyutchev in the art of music. The definition of the professional culture of a teacher-musician is clarified, methodological techniques for the formation of elements of professional culture are described, musical compositions based on the poems of F. I. Tyutchev are indicated, which intensify the process of preparing a future specialist in the field of music education.

Keywords: professional culture of a teacher-musician; levels of professional culture of a teacher-musician; poetry of F.I. Tyutchev in music; specific methods of forming a professional culture of a teacher-musician.

В современных социокультурных условиях качество музыкально-образовательного процесса, обеспечивающее конкурентоспособность, академическую и профессиональную мобильность, установку на перманентное самообразование и саморазвитие личности будущих специалистов, детерминирует применение в музыкально-образовательной деятельности педагогических технологий, форм, методов и приемов.

Профессиональная культура педагога-музыканта представляет эмерджентную характеристику личности, состоящую из общей психолого-педагогической и специфической подсистем (детерминированных педагогической деятельностью специалиста в области музыкального искусства), включающую аксиологический (музыкально-эстетические ценностные ориентации, профессионально-значимые знания), деятельностный (профессиональные компетенции, системы музыкального воспитания, музыкально-педагогические задачи) и личностно-творческий (личностно-профессиональные качества, музыкальные способности компоненты и обеспечивающую эффективность музыкально образовательного процесса в условиях развивающей музыкально образовательной среды.

Формирование профессиональной культуры строится на актуализации как ценностно-смыслового компонента музыкально-развивающей среды учреждения образования, так и личностно-

смысловых пространств субъектов музыкально-образовательного процесса. В качестве интенсификации аксиологического и личностно-творческого компонентов профессиональной культуры учащихся, наряду с использованием специфических методов на занятиях специального цикла, нами предпринята попытка построения интегративных связей предметов общеобразовательного и профессионального компонентов учебного плана в музыкально-образовательном процессе колледжа на примере творческого наследия Ф. И. Тютчева в музыкальном искусстве.

Интегративный подход позволил выстроить музыкально-образовательные алгоритмы как системные, целесообразные, личностно-ориентированные взаимодействия субъектов образовательного процесса, способствующие гармоничному развитию будущего специалиста. Единой тематикой «Поэзия Ф. И. Тютчева в музыке» были объединены предметы общеобразовательного («Русская литература») и профессионального («Сольфеджио», «Гармония», «Анализ музыкальных произведений», «Мировая музыкальная литература», «Исполнительский анализ», «Специальный инструмент», «Концертмейстерский класс», «Хоровой класс») компонентов учебного плана колледжа. В результате взаимодействия различных учебных предметов формируется единая система межпредметных связей как фактор актуализации познавательной деятельности и активизации творческих способностей обучающихся.

Проблема соотношения музыки и поэзии известна с античности, а общность терминологии (мотив, фраза, предложение, период; тема, образ, интонация, синтаксис и артикуляция; метр и размер; консонанс и диссонанс) подчеркивает сходство музыкального и поэтического искусства.

Несмотря на близость двух видов искусства, музыка более свободна, предоставляя простор для фантазии и творчества, в то время как поэзия подчинена законам логики слова. Исследователь творчества Ф. И. Тютчева в музыкальном искусстве Д. Д. Благой обращает внимание «на исключительную музыкальность поэтического наследия Тютчева: а именно насыщенность его (до этого небывалую) образами, рожденными звуковыми впечатлениями, вызванными слуховыми представлениями; примечательна глубочайшая связь мира звуков, заключенного в самом содержании тютчевской лирики,

с особенностями художественного стиля, творческого метода, всего мирозерцания поэта» [2, с. 548].

Поэтическое творчество Ф. И. Тютчева обрело музыкальную жизнь в романсах, хоровых произведениях, программных инструментальных сочинениях Р. М. Глиэра, А. Б. Гольденвейзера, А. Т. Гречанинова, Ц. А. Кюи, Н. К. Метнера, Н. Я. Мясковского, С. В. Рахманинова, В. И. Ребикова, Г. В. Свиридова, С. И. Танеева, П. И. Чайковского, Н. Н. Черепнина, П. Г. Чеснокова. Наиболее часто композиторы обращались к таким стихотворениям, как: «Я встретил вас, и все былое», «Еще томлюсь тоской желаний», «Весенние воды», «Слезы людские», «Молчит сомнительно восток», «Весеннее успокоение», «Молчи, прошу, не смей меня будить», «Листья», «Есть в осени первоначальной», «Сижу задумчив я один» [5].

В связи с тем, что музыкальное сочинение в музыкально-педагогическом процессе, кроме функционирования в качестве средства и цели обучения, выступает еще в роли квазисубъекта, выбор произведения является одной из самых важных задач педагога: условием творческого взаимодействия субъектов музыкальной деятельности, следовательно, и эффективности образовательного процесса, способствующего формированию профессиональной культуры будущего специалиста. В качестве учебного материала были избраны: романсы С. В. Рахманинова «Весенние воды», П. И. Чайковского «Как над горячею золой», «Слезы людские» (дуэт), С. И. Донаурова, Б. Шереметева, Л. Малашкина «Я встретил вас, и все былое», Н. К. Метнера «Бессонница», сочинения для хора С. И. Танеева «Молчит сомнительно восток» («Восход солнца»), «Из края в край», П. Г. Чеснокова «Весеннее успокоение».

Исходя из четырехуровневой системы сформированности профессиональной культуры будущего педагога-музыканта, нами распределены методы, используемые в музыкально-образовательном процессе следующим образом:

– идентификационный уровень предполагает использование информационно-рецептивных (вербализация, демонстрация способов исполнительской деятельности); репродуктивных (система звуковысотных, метро-ритмических, тактильных упражнений); частично-поисковых (визуализации эмоционального содержания, логического завершения простейших музыкальных построений и т.д.) методов, как правило, осуществляемых в форме импровизации;

– на адаптивно-репродуктивном уровне к перечисленным выше добавляются суггестивные методы (игры, импровизация, исполнительский показ, эвритмия (гармония звука и движения); ладовая сольмизация; методы интонационного и эмоционального воздействия; мимическая выразительность в передаче художественного образа, работающие с подсознанием обучающегося;

– поисковый уровень предполагает опору на проблемно-ситуационные, частично-поисковые методы, метод художественно-образных ассоциаций, метафоризация и т.д.;

– креативный уровень включает группу творческих методов, методов исследовательских проектов, прогнозирования и проектирования, семантического анализа, художественно-стилевых аналогий, исполнительской гиперболизации.

Формирование интерпретационной выразительности музыканта начинается с анализа социокультурного контекста, стилистических особенностей, музыкально-семиотических систем. В музыкальном искусстве семантический анализ идей, выраженных в художественных образах, эмоционально-чувственном фоне, формообразованиях, осуществляется посредством творческой дешифровки характерных структур, которые могут быть представлены ладовыми, мелодическими, гармоническими, темпо-ритмическими, тембральными и др. символами и содержать определенную смысловую нагрузку.

С помощью методов герменевтического анализа музыкального текста, бесспорно воздействующих на ценностные ориентации, когнитивные процессы, личный опыт, возможно формирование интерпретационной выразительности, являющейся результатом реализации исполнительских задач, связанных с интерпретацией музыкально-знаковых субстанций.

Рассмотрение указанных методов требует выявления в качестве базисной составляющей монофункциональных методических приемов: художественных паттернов, музыкальных архетипов, звуковых фреймов.

Звуковые фреймы представляют организованные в памяти, логически взаимосвязанные последовательности музыкальных звуков, содержащие обобщенную художественно-образную информацию. Благодаря звуковым фреймам формируются слуховые

представления исполнителя как целевые ориентиры предстоящей аналитико-рефлексивной и технологической работы по подготовке взаимообусловленного процесса трансляции художественно-образного содержания музыкального сочинения от композитора и через «перспективу восприятия» исполнителя, к «перспективе восприятия» и ответной реакции слушателя. Воздействие с помощью акцентуализации (динамической, артикуляционной) и гиперболизации (интонационной, агогической, метро-ритмической) на определенные звуковые фреймы предполагает изменение психо-эмоционального состояния субъекта восприятия.

Если звуковые фреймы имеют субъективное смысловое поле, неразрывно связаны с личностным опытом и ситуативной реакцией музыканта, в процессе которой осуществляются их структурные изменения, то в качестве специфической особенности музыкальных архетипов следует указать не персонифицированную, а всеобщую природу, соответственно и объективное значение, присущее художественным метаобразам.

Содержательный аспект звуковой информации наполнен исторически сложившимися архетипами, которые выражены ладовыми, интонационными и метро-ритмическими структурами музыкального искусства. Трансформируясь в личностную структуру, такие архетипы формируют ценностно-смысловой компонент профессиональной культуры педагога-музыканта.

Выяснив, что музыкальные архетипы присутствуют во множестве проявлений музыкально-образовательной деятельности и отличаются от звуковых фреймов самостоятельным существованием вне личностных структур, рассмотрим в качестве следующего приема, способствующего осуществлению герменевтического анализа музыкального текста, актуализацию в сознании будущего педагога-музыканта художественных паттернов.

Художественные паттерны, представляющие собой образно-семантические представления или эмоционально-чувственные понятия, являются значимым средством формирования профессиональной позиции специалиста в области музыкального образования. Как и музыкальные архетипы, они объективны в своем самостоятельном существовании, однако в процессе интериоризации приобретают субъективность личностного восприятия и мышления. Отличительной же чертой художественных паттернов от музыкальных архетипов является формообразный фактор.

Высокохудожественные композиции как образцы музыкального искусства, высоконравственные формы поведения и коммуникации субъектов образовательного процесса, творческая инструментально-исполнительская деятельность отдельных музыкантов и исполнительских школ, наконец, личностные стереотипы поведения, основанные на общечеловеческих ценностях, являются своего рода идеализированными моделями.

Для развития художественно-образного мышления, интонационной выразительности, слуховых представлений будущего педагога-музыканта, ключевыми являются методы симультанного (одновременного) резонанса звуковых субстанций (соощущение) и метафоризации музыкально-эстетической информации, что требует более подробного рассмотрения отражающих содержание понятий синестезии, метафоризации, ассоциации.

В современной психологии феномен синестезии характеризуется произвольным возникновением ощущений, в отличие от творческого проявления (целенаправленного процесса), в котором преднамеренно на уровне сознания соединяются модальные (различные по субъективному отношению) художественные ощущения. Данный вариант сознательного сочетания художественных образов в музыкальном искусстве, относится, скорее, к метафоризации, тогда как под синестезией в музыке понимается параллельное возникновение (помимо воли субъекта) различной природы ощущений при воздействии раздражителя [4]. Так, можно говорить, что параллельные музыкально-эстетические ощущения возникают на подсознательном (в форме синестезии) и сознательном (приобретая значение метафор) уровнях.

И. А. Евин, отмечает, что метафора образует «ассоциативные связи между явлениями разной природы» [3, с. 18]. При этом, метафора в музыкальном образовании выполняет не только музыкально-эстетическую функцию, но и практическую, способствуя эффективному осуществлению межличностной коммуникации.

Н. Д. Арутюнова, дифференцируя метафоры на номинативную (замена значения), образную (переход в признак), признаковую (сопоставление признаков), отмечает, что «акт метафорического творчества лежит в основе многих семантических процессов – развития синонимических средств, появления новых значений и их нюансов, создания полисемии, развития систем терминологии

и эмоционально-экспрессивной лексики [1, с. 9]. В музыкальной педагогике, наряду с символической интерпретацией текстов, нередко употребляются метафорические характеристики звука (твердый, мягкий, яркий, тусклый, и т.д.).

С помощью ассоциаций, являющихся результатом взаимосвязи информации, отраженной в сознании и закрепленной в памяти, обучающийся может переносить ситуации из собственного жизненного или творческого опыта в образно-эмоциональный строй музыкального произведения. Богатство воображения, ассоциативные представления способны расширить творческий поиск будущего музыканта.

Творческий поиск и непрерывное постижение образно-смыслового содержания музыкальных сочинений представляет синтез логико-структурированного мыслительного процесса и интуитивных озарений.

Работая над идейным замыслом композитора и привнося в художественное содержание субъективный личностный смысл, реализуется цикл творческого поиска (выдвижение рациональных предположений, проверка, рефлексия), которые в сочетании с интуитивными актами способствуют максимальной эффективности результата. В связи с этим, в профессиональной подготовке педагога-музыканта актуализируется метод интуитивных художественно-смысловых антиципаций, осуществляемый на основе творчески-содержательных логических процедур.

Следует отметить, что интуитивные эвристические процессы не являются абсолютно произвольными, они опираются на музыкально-эстетический, эмоционально-чувственный опыт педагога-музыканта.

В общем виде, механизм творческой интуиции педагога-музыканта можно представить в виде идеализированной стохастической модели перехода (трансформации) от исходного (базового) эмоционально-чувственного художественного образа к его качественно новому состоянию, посредством ассоциативных связей, эмоционально-образных впечатлений, находящихся на подсознательном уровне. При этом, в ходе осуществления такого рода трансформаций, с помощью расширения абстрактно-смыслового поля, новые рациональные образы могут быть получены из исходных – чувственных, и наоборот.

В качестве способа подготовки будущего педагога-музыканта в процессе изучения поэзии Ф. И. Тютчева в музыке определим

метод художественно-образного абстрагирования как переход к более высоким уровням мышления.

Метод художественно-образного абстрагирования требует от участников музыкально-педагогической деятельности акцентуализации мыслительных операций на определенных свойствах рассматриваемого объекта музыкально-образовательной действительности, при этом игнорируются другие, менее актуальные в момент исследования. Мысленными объектами могут выступать ценностные ориентации, когнитивные процессы, художественные представления, исполнительские движения, модели эмоционального поведения.

Таким образом, в музыкально-образовательном процессе в результате полисубъектного взаимодействия субъект-квасисубъект осуществляется субъективизация аффективно-смысловых образований в виде последовательности процедур: декодирование музыкально-семиотических систем, герменевтический анализ музыкально-художественного содержания, интериоризация эмоционально-смыслового контента, приобретение личностного смысла. Другими словами, будущий педагог-музыкант, выступая транслятором художественно-идейного замысла от композитора к исполнителю, должен исходить от художественного образа и музыкальной формы сочинения через функциональный анализ всех его элементов и структуры к трансляции эмоционально-смыслового образования.

Список использованной литературы:

1. Арутюнова, Н. Д. Теория метафоры: Сборник: Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой; Общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. – М. : Прогресс, 1990. – 512 с.
2. Благой, Д. Д. Тютчев в музыке // Федор Иванович Тютчев / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – М. : Наука, 1989. – Кн. 2. – С. 548–594. – (Лит. наследство; Т. 97)
3. Евин, И. А. Искусство и синергетика / И. А. Евин. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 164 с.
4. Полякова, Е. С. Педагогические закономерности становления и развития личностно-профессиональных качеств учителя музыки : монография / Е. С. Полякова. – Минск : ИВЦ Минфина, 2009. – 542 с.
5. Тютчев, Ф. И. Полное собрание стихотворений / Сост., подгот. текста и примеч. А. А. Николаева. – Л. : Сов. писатель, 1987. – 448 с.

Корнейчик Лилия Владимировна (L. V. Korneychik), преподаватель высшей категории УО «Жировичский государственный аграрно-технический колледж (г. Слоним, Республика Беларусь) (Slonim, Republic of Belarus); kvasil@tut.by

УДК 337.031:821.161.1(072)

**ПОЭТ ГАРМОНИИ И КРАСОТЫ: ИЗУЧЕНИЕ ТВОРЧЕСТВА
Ф. И. ТЮТЧЕВА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СОВРЕМЕННЫХ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ (НА ПРИМЕРЕ
УО «ЖИРОВИЧСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
АГРАРНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ КОЛЛЕДЖ)**

Аннотация. В статье дается описание опыта работы по изучению жизни и творчества Ф. И. Тютчева с применением элементов современных образовательных технологий.

Ключевые слова: изучение, технология педагогических мастерских, биография, лирика, образовательные компетенции.

POET OF HARMONY AND BEAUTY: THE STUDY OF F.I.TYUTCHEV'S CREATIVITY USING MODERN EDUCATIONAL TECHNOLOGIES (ON THE EXAMPLE OF THE EDUCATIONAL INSTITUTION «ZHIROVICH I STATE AGRARIAN AND TECHNICAL COLLEGE»)

Annotation. The article shows a description of work experience in studying the life of F. I. Tyutchev using elements of modern educational technologies.

Keywords: study, technology of pedagogical workshops, biography, lyrics, educational concepts.

На изучение творчества Ф. И. Тютчева в примерном тематическом плане по предмету «Русская литература» (для реализации образовательных программ профессионально-технического и среднего образования) групп набора 2023/2024 учебного года [6] отведён всего один час, но преподаватель имеет право в установленном порядке перераспределять количество учебных часов на изучение разделов и тем.

На изучение творчества Ф. И. Тютчева мы отводим два часа. Так как количество часов ограничено, то для более эффективного проведения занятия предлагаем обратиться к опыту зарубежных авторов и использовать элементы современных образовательных технологий, таких, как *технология творческой мастерской* и *технология критического мышления*.

Более подробно остановимся на *технологии творческой мастерской*, так как из технологии критического мышления на занятии мы будем использовать лишь *синквейн*, широко популярный в методике преподавания литературы и, на наш взгляд, довольно эффективный обобщающий приём на заключительной части урока.

Некоторые методисты считают, что *мастерская* (технология педагогического мастерства разработана французскими педагогами, и поэтому её называют «французской педагогической мастерской») [4, с. 195] отличается от урока, как военные учения от реального боя, как аквариум от природного водоёма. Можно согласиться с их мнением по той причине, что на традиционном уроке основным транслятором знаний является учитель. В мастерской учащиеся приходят к «открытию» самостоятельно, а учитель выступает в роли консультанта.

Основными принципами работы в *мастерской* является атмосфера доброжелательности, отсутствие соперничества. Мастер включает в работу эмоциональную сферу учащихся. В процессе поиска знаний он выступает на равных со всеми участниками образовательного процесса. Учащийся имеет возможность выбрать материал для работы, исходя из своих способностей, интеллекта, мира своих интересов и склонностей.

В процессе подготовки и проведения нашего занятия по творчеству Тютчева мы используем следующие приёмы педагогической мастерской: *индукцию* (создание эмоционального настроения, атмосферы заинтересованности в изучении темы), *самоконструкцию* (выявление способностей каждого учащегося индивидуально реализовать свои творческие способности), *социоконструкцию* (работу в группах по вопросам, когда на основе индивидуальных решений вырабатывается единое мнение, которое должно привести к решению поставленной задачи), *социализацию* (представление готового материала – творческих исследований учащихся) и *синквейна* (как упоминали выше, методический приём, позволяющий логически сжато подвести итоги занятия).

Основная цель нашего занятия – пробудить у учащихся интерес к личности великого поэта, открыть им еще одного сына своей земли, которую он любил и которой преданно служил, хотя и провел существенную часть жизни вдали от Родины.

Задачи урока: создать условия для обобщения и углубления знаний учащихся о жизни и творчестве Ф. И. Тютчева; на примере выбранных произведений познакомить с особенностями философской, пейзажной и любовной лирики поэта, совершенствовать навыки анализа лирического произведения, развивать читательскую и речевую культуру и эмоциональную сферу учащихся; способствовать формированию у них нравственно-эстетических ориентиров.

Оборудованием урока может служить портрет Ф. И. Тютчева, карта европейской части России, конспекты учащихся, учебник, записи основных сведений по биографии Тютчева на доске или заранее изготовленный плакат «Основные вехи жизни и творчества Ф. И. Тютчева», раздаточный материал (стихи поэта «Silentium», «Не то, что мните вы, природа», «О, как убийственно мы любим...», «Умом Россию не понять...»).

Большому желанию превратить урок в настоящую творческую мастерскую, приблизить «военные учения к реальному бою» поспособствует предварительная *организационная работа* с учащимися. Для этого учителю необходимо на предыдущем уроке дать задание познакомиться со сборниками стихов Ф. И. Тютчева и выучить одно из стихотворений (на выбор) наизусть, а также разделить всех учащихся на три группы. Первая группа получает задание исследовать философскую лирику Тютчева, вторая – любовную лирику и третья группа исследует лирику Тютчева о природе.

Таким образом, занятию предшествуют такие этапы педагогической мастерской, как *самоконструкция и социоконструкция*.

Первый этап урока – индукция (создание эмоционального настроения, атмосферы заинтересованности в изучении темы).

Урок можно начать психологическим тренингом:

– Добрый день! Давайте посмотрим друг другу в глаза, улыбнемся и скажем эти слова так, чтобы было приятно слушать. Давайте мысленно пожелаем друг другу успехов.

Учитель просит записать в конспект тему урока, которая звучит так: «Поэт гармонии и красоты» (Жизнь и творчество Ф. И. Тютчева).

В ходе *вступительной беседы* учителю следует спросить, что вы знаете о Тютчеве, о чём этот поэт пишет, ваше первое впечатление от его стихов, какие из них привлекли ваше внимание, когда взяли в руки сборник.

На данном этапе уместно будет заслушать несколько учащихся, читающих стихи Тютчева наизусть (по их желанию).

Далее учитель продолжает:

– Дорогие ребята, сегодня мы с вами совершим экскурсию в XIX век и за основу возьмём жизнь и литературное творчество Ф. И. Тютчева. (Говоря о дорогих сердцу поэта местах, учитель-экскурсовод может обогатить свой рассказ цитатами из книги Вадима Кожинова «Тютчев» (серия «Жизнь замечательных людей») [3], всецело основанной на документальных свидетельствах современников. Поскольку литературное творчество особенно нераздельно связано с судьбой автора, биография Тютчева является необходимым условием для понимания его поэзии.

Далее учитель может сказать о том, что старший современник Тютчева и исключительно им ценимый Иоган Вольфганг Гёте оставил

нам знаменитый афоризм: «Тот, кто хочет понять поэта, должен идти в страну поэта». Слово страна означает в высказывании Гёте ту землю, «край», «почву», которая играет решающую роль в человеческом и творческом становлении поэта.

Федор Иванович Тютчев родился 23 ноября (5 декабря) 1803 года в селе Овстуг Брянского уезда Орловской губернии в стародворянской семье. Овстуг расположен в той части России, которая зовется среднерусской полосой. Посмотрим на карту европейской России (учитель подходит к карте) и изберём на ней какую-либо точку в трёхстах пятидесяти километрах к югу от Москвы. Если взять любое селение в качестве центра некоего округа с радиусом 150–200 километров, то окажется, что находящаяся в таком округе совсем малая часть России породила поистине великую плеяду художников слова, имена которых Тютчев, Кольцов, А. К. Толстой, Тургенев, Полонский, Фет, Никитин, Лев Толстой, Лесков, Бунин, Пришвин Есенин. Всех их часто называют «певцами русской природы».

Говоря о тютчевской стране, надо отметить, что это срединная часть русской земли и в чисто природном отношении, это лесостепь, которая даёт почуять степную ширь и в то же время ещё сохраняет могучие боры, дубравы и рощи. При этом в этом краю особенно рельефно выражена среднерусская возвышенность с высокими холмами. Само село Овстуг широко раскинулось на восьми холмах, местами покрытых берёзовыми рощами. Между холмами течёт небольшая, но поразительно быстрая речка Овстуженка. Дом Тютчевых стоял всего в нескольких километрах от речки. У её берегов и сейчас возвышается могучий тополь, знакомый поэту; ствол этого исполина могут обхватить только шесть человек. Рядом с тополем – старинный колодец, из которого брали воду Тютчевы.

Далее учитель продолжает свой рассказ: рядом с домом – скромная церковь и колокольня. Со всех сторон дом окружал сад с вековыми липами и густой сиренью, которую не раз радостно вспоминал Тютчев, не забывая и овстугских соловьёв. Перед домом – цветочные клумбы и ряд памятных, выросших при нём, тополей [3, с. 15].

Необходимо отметить, что Тютчев рано обнаружил необыкновенные дарования и способности к учению. Получил хорошее домашнее образование, которым с 10 лет руководил Раич – поэт, переводчик, знаток классической древности и итальянской литературы. Под влиянием учителя будущий поэт рано приобрелся

к литературному творчеству и уже в 12 лет поступил на словесное отделение Московского университета. После окончания университета он едет в Петербург, поступает в Коллегию иностранных дел, откуда – с дипломатической миссией в Мюнхен.

Мы знаем, что на семнадцатом году жизни, продолжает учитель, Тютчев на долгие годы – на четверть века – расстался со своими родными местами, но по мнению его первого биографа Ивана Аксакова, тютчевское осознание ценности родины и народа сложились уже в самой ранней юности.

Об этом свидетельствует, например, одно из его писем 1845 года к дочери Анне. Дочь родилась и выросла в Германии, где с 1822 года служил Тютчев. Теперь, в 1845 году, шестнадцатилетняя Анна должна была впервые ехать в Россию, куда незадолго до этого возвратился сам Тютчев. И вот отец, выражая своё переживание родины, пишет ей: «... ты найдёшь в России больше любви, нежели где бы то ни было в другом месте... И когда потом ты сама будешь в состоянии постичь всё величие этой страны и всё доброе в её народе, ты будешь горда и счастлива, что родилась русской» [3, с. 14].

Обо всём этом важно, даже необходимо, сказать учащимся в самом начале урока, чтобы они не представляли Тютчева в образе «иностранца», далёкого от исконно русской жизни.

Далее можно сказать о том, что за границей у Тютчева появилась семья: он женился на Элеоноре Петерсон, у них родились три дочери. Языком семьи, службы и переписки поэта был французский, и только стихи он писал на русском языке.

По возвращении в Россию в 1844 году, Тютчев служит старшим цензором при канцелярии Министерства иностранных дел, а позже – председателем Комитета иностранной цензуры. В 1854 году был издан первый его поэтический сборник, который принес автору общее признание. (Учитель даёт возможность, пользуясь учебником или плакатом «Основные вехи жизни и творчества Тютчева» сделать записи в конспект).

Следующий этап – социализация. Учащиеся по группам представляют подготовленный материал. Учащийся из первой группы выразительно читает стихотворение философской лирики под названием «Silentium», а другие это стихотворение анализируют.

Прослушав выступления учащиеся, учителю необходимо подчеркнуть, что лирика Ф. И. Тютчева драматична и философична.

Тютчев в стихотворении «Silentium» говорит о том, что человек может обрести чувство гармонии только в своем внутреннем мире.

Анализируя философскую лирику Тютчева, учитель может порекомендовать учащимся прочитать самостоятельно и другие стихотворения, такие, как, например, «Как океан объемлет шар земной», «Фонтан».

Обращая внимание на самые существенные особенности лирики поэта, учитель просит найти в книге (1, с. 75) и записать в конспект слова И. С. Тургенева о лирике Тютчева («...Каждое его стихотворение начиналось мыслью, но мыслью, которая, как огненная точка, вспыхивала под влиянием глубокого чувства или сильного впечатления; вследствие этого ... мысль г. Тютчева никогда не является читателю нагою и отвлеченной, но всегда сливается с образом, взятым из мира души и природы, проникается им и сама его проникает нераздельно и неразрывно»).

Также уместным будет здесь отметить, что Тютчев стоял у истоков философской лирики, и вспомнить слова А. А. Фета, который называл Тютчева «поэтом мысли», и Некрасова, который увидел талант поэта «в живом, грациозном, пластически верном изображении природы» [1, с. 75].

Следующая группа ребят подготовила сообщения на тему: «Стихи Тютчева о природе». Учащиеся представляют стихотворение «Не то, что мните вы, природа...», рекомендованное программой, и делают его анализ.

В ходе обобщения информации учителю необходимо отметить, что природу поэт воспевает как источник чувств и переживаний человека, сказать, что природа у Тютчева полна жизненных сил и играет яркими красками, она оживает. (Учитель здесь может прочесть наизусть этюд из стихотворений о временах года: осень («Есть в осени первоначальной...»), «Осенний вечер»), зима («Чародейкою-зимою околдован лес стоит...»), «Зима недаром злится...»), лето («Как весел грохот летних бурь...»), и, конечно, весна («Весенняя гроза», «Весенние воды» и др.).

Учащиеся приходят к выводу о том, что природа, благодаря приему олицетворения, предстает у Тютчева как «разумное существо».

Учитель отмечает, что многие стихотворения начинаются с вопроса или восклицания, которые дают возможность увидеть в произведении не только поэтический пейзажный эскиз, но и драму,

связанную с быстротечностью человеческой жизни, невозможностью остановить мгновение.

Третья группа учащихся выразительно читает стихотворение «О, как убийственно мы любим...» и анализирует любовную лирику поэта.

Учителю необходимо порекомендовать для самостоятельного прочтения и другие известные стихи Тютчева о любви, такие как, например, «О, не тревожь меня укорой справедливой!», «Чему молилась ты с любовью...», «Она сидела на полу...» и др.

На этом этапе целесообразно прослушать музыкальное произведение на слова Тютчева «Я встретил Вас». Учитель отмечает, что большая часть любовной лирики Тютчева носит ярко выраженный музыкальный характер и ориентирована на романс.

В ходе анализа любовной лирики учащиеся должны прийти к выводу и записать в конспект, что любовь у Тютчева лишена гармонии, просветленной пушкинской чистоты, многие его стихи исполнены трагизма, горечи лирического героя, иногда даже отчаяния. Тютчев дает романтическую концепцию любви. Любовь у него – стихийная страсть, дисгармония, поединок роковой» [2, с. 19].

Учитель говорит, что Тютчев, как утверждают исследователи, в момент творчества, отдает все лучшее, что есть в его мире, растворяется всецело в своем творении, уходя от внешнего мира, социальных проблем в глубинные переживания души, апеллируя к возвышенным чувствам и красоте. Для поэта красота разлита во всем – в окружающей действительности, в природе, в женщине как высшем воплощении красоты. Способность заметить красоту среди случайного и поверхностного характеризует Тютчева как безупречного и истинного «певца жизни».

В ходе анализа творческого наследия поэта учитель обращает особое внимание и на тему России в лирике Тютчева и читает миниатюру «Умом Россию не понять», записанную им в 1866 году и ставшую афоризмом, известным всему миру.

Ребята должны увидеть, что в этих строках подчеркивается внутренняя сила и непостижимая суть его Родины, которую он очень любил.

Далее необходимо обратиться к учебнику (1, с. 85) и прочитать высказывание И. С. Аксакова: «Россия была для него высшим интересом жизни; к ней устремились его мысли даже на смертном одре».

На заключительном этапе урока учащиеся составляют синквейн. Приводим пример синквейна, составленного после изучения темы:

Стихи Тютчева

Живые, емкие, глубокие,

Воодушевляют, трогают, побуждают к размышлению

Живые, емкие, глубокие стихи Тютчева воодушевляют, трогают, побуждают к размышлению.

Урок можно закончить *психологической рефлексией*. В качестве *домашнего задания* учитель предлагает выучить наизусть одно из наиболее понравившихся стихотворений Тютчева, а также (по желанию учащихся, которые занимаются на отметки «8», «9», «10») составить сборник произведений автора (отобрать тексты, сопроводить их необходимыми комментариями, написать предисловие к сборнику, продумать художественное оформление книги) – вопрос № 7 на странице 87 учебника. Научное исследование и литературно-художественное представление творчества Ф. И. Тютчева, организованное с использованием указанных выше элементов современных образовательных технологий в процессе подготовки и проведения урока, позволяет проявить индивидуальный подход в обучении и более полно реализовать учебно-познавательную, ценностно-смысловую и культуротворческую компетенции обучающихся.

Список использованной литературы:

1. Захарова С. Н. Русская литература. Учебное пособие для 10 класса учреждений общего среднего образования с белорусским и русским языками обучения (с электронным приложением для повышенного уровня) / С. Н. Захарова, В. А. Капцев, Г. М. Чепелева, Г. М. Юстинская. – Мн. : Национальный институт образования, 2019. – 302 с.

2. Золотарева, И. В. Поурочные разработки по русской литературе. Вторая половина 19 века / И. В. Золотарева. – Москва : ВАКО, 2002. Михайлова Т. И. – 334 с.

3. Кожинов, В. В. Тютчев / В. В. Кожинов. – Москва : Мол. Гвардия, 1988. – 495 с., ил. (Жизнь замечат. Людей; Сер. Биогр. Вып. 9 (687).

1. Левитес, Д. Г. Практика обучения: современные образовательные технологии / Д. Г. Левитес. – Москва-Воронеж, 1998. – 205 с.

2. Тютчев Ф. И. / Сост. и подгот. текста Л. Озерова. – М. : Худож. Лит., 1986. – 287 с.

3. Учебная программа по учебному предмету «Русская литература» для 10 класса учреждений общего образования, реализующих образовательные программы общего среднего образования с белорусским и русским языками обучения и воспитания (базовый уровень). – Мн., 2023.

Маранцман Елена Константиновна (E. K. Marantsman), доктор педагогических наук, профессор Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация) (Sankt-Petersburg, Russian Federation); elena.marancman@mail.ru

УДК 372.881.161.1

ИЗУЧЕНИЕ ТВОРЧЕСТВА Ф. И. ТЮТЧЕВА В РОССИЙСКОЙ ШКОЛЕ КАК ПУТЬ К ПОНИМАНИЮ НАЦИОНАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО КОДА

Аннотация. В статье рассматриваются технологии изучения творчества Ф. И. Тютчева в российской школе. Рассматриваются возможности анализа философских стихотворений как в средней, так и профильной школе, что дает материал для осмысливания национального российского кода школьниками.

Ключевые слова: национальный код России, вопросы из сферы читательского восприятия.

STUDYING THE CREATIVITY OF F.I.TYUTCHEV IN THE RUSSIAN SCHOOL AS A WAY TO UNDERSTAND THE NATIONAL CULTURAL CODE

Annotation. The article discusses the technologies for studying the work of F.I. Tyutchev in the Russian school. The possibilities of analyzing philosophical poems both in secondary and specialized schools are considered, which provides material for the comprehension of the national Russian code by schoolchildren.

Keywords: national code of Russia, questions on the spheres of reader's perception.

*Умом Россию не понять,
Аришином общим не измерить:
У ней особенная стать —
В Россию можно только верить.*
Ф. И. Тютчев (1866) [1, с. 261]

Слова Ф. И. Тютчева за более чем полтора века цитирования стали уже избитыми. Их повторяют тогда, когда нужно подчеркнуть особенный путь России в мире и ее богоизбранность. Это стихотворение знает каждый россиянин. Оно стало кодом русского сознания, русской души.

Жизнь самого Фёдора Ивановича может стать примером развития русского характера, путем интеграции при осмысливании отличий с другими народами, а не вписывания и подлаживания под чужой быт и ценности.

Тютчев долго жил и работал за границей (с 1821 по 1844), дружил с великими немецкими поэтами и философами – Шеллингом и Гейне. Обе его жены не знали русского языка. Но он не стал, по выражению И. С. Аксакова, «иностранцем вообще, без народности и отечества» [2, с. 14]. А напротив, еще более глубоко и проникновенно точно осмыслил и выразил русскую душу.

И. С. Аксаков писал: «Невольно недоумеваешь, каким чудом, при известных нам внешних условиях его судьбы, не только не угасло в нём русское чувство, а разгорелось в широкий, упорный пламень, – но ещё, кроме того, сложился и выработался целый твёрдый философский строй национальных воззрений» [2, с. 16].

Именно такая самобытная философичность была свойственна русскому характеру, и главное, неспешность, сосредоточенность на главных высоких сущностях бытия, чуждость механическому подражанию, стремление к уникальности, парадоксальности своей собственной жизни. Тютчев может олицетворять Россию и прошлую, и нынешнюю. А это маленькое стихотворение стать ключом к ее познанию, душевному слиянию с нею, стать метафорой русского сознания.

Творчество Ф. И. Тютчева всегда было одним из главных текстов школьной программы по литературе. Именно с Тютчева необходимо изучать философскую лирику в 7–8 классах. Это возраст нравственного становления личности ребенка, первые робкие шаги его по осмысливанию жизни на философском высоком уровне. Здесь как раз и необходимо начинать изучать Тютчева. Можно и в пропедевтическом плане и раньше – в 6 классе, но, это зависит от зрелости класса, с которым работает учитель.

Изучать необходимо начинать с азов анализа литературного произведения – вопросов из сферы читательского восприятия текста.

Проблема построения вопросов для первичного анализа текста сегодня, как никогда, актуальна, так как схема такого анализа, предложенная В. Г. Маранцманом и модифицированная с учетом потребностей современной школьной практики Е. К. Маранцман [3, с. 132] универсальна. Она может использоваться сегодня при анализе стихотворного произведения в общеобразовательной школе. Этот анализ органичен психологическим законам восприятия и анализа текста. Покажем на примере, как можно работать со стихотворением как на уровне наивного реализма и нравственного эгоцентризма, так и с учениками последующих возрастных эпох.

Работа с текстом возможна только, если читатель его прочитал, и этот текст его чем-то заинтересовал, увлек. Обычно, для этих целей задается вопрос: «Понравилось ли вам произведение?». В начальной школе, в 5–6 классах это совершенно бесполезно, так как сегодняшний ребенок и сам конформен, да и тот факт, что вопрос задается учителем, или опубликован в учебнике, не позволяет искренне ответить ребенку на него. Поэтому вопрос задается, ориентируясь на действие, которое должен ребенок произвести в себе, в своем сознании. «Что удивило вас в этом стихотворении?» И если ничего его не удивило, ребенок

будет искать точки удивления, а, следовательно, прочитает текст. Такой вопрос опасно задавать в 7–8 классах особенно сегодня, так можно нарваться на подростковый нигилизм, который у современного подростка ярко сосуществует с конформизмом.

Приведем пример анализа стихотворения Ф.И. Тютчева по сферам читательского восприятия, ставшего классическим. [3, с. 127–128].

*Есть в осени первоначальной
Короткая, но дивная пора –
Весь день стоит как бы хрустальный,
И лучезарны вечера...
Где бодрый серп гулял и падал колос,
Теперь уж пусто всё – простор везде,-*

*Лишь паутины тонкий волос
Блестит на праздной борозде.
Пустеет воздух, птиц не слышно боле,
Но далеко ещё до первых зимних бурь –
И льётся чистая и тёплая лазурь
На отдыхающее поле...*

(1857)

Вопросы в учебнике представлены в такой последовательности:

1. Что удивило вас в этом стихотворении?
2. Почему первоначальную осень Тютчев называет «короткой, но дивной порой»?
3. Какими строками поэт побуждает нас увидеть настроение, которое было летом, и настроение, которое принесет зима?
4. Как вы представляете себе осеннюю природу по этому стихотворению?
4. В каких образах стихотворения слышится приход пустоты и холода, а в каких проступает теплота живой жизни?
6. Почему поэт называет поле «отдыхающим», и как вы поняли слова «льётся чистая и теплая лазурь»?
7. Почему в этом стихотворении нет тревоги?

Второй вопрос ориентирует ученика на внимательное отношение к слову автора – «Почему не «короткая и дивная», а «короткая, но дивная»?

Этим противопоставлением автор подчеркивает скоротечность этого осеннего периода, его мимолетность. Оба этих вопроса ориентированы на возбуждение читательских эмоций и соотнесения их с авторскими. В психологии известно, что эмоции очень трудно удержать. И поэтому, следующая диада вопросов составлена с учётом воздействия на развитие воссоздающего и творческого воображения читателя.

Следующие вопросы ориентированы уже на непосредственную работу с художественными особенностями текста. Они рассматривают элементы его анализа на микро и макроуровнях: на уровне художественной детали, метафоры и на уровне композиции. Вопросы № 5 и 6 направлены именно на такую работу. Объяснение метафоры «отдыхающее поле», «чистая и теплая лазурь» позволит школьнику глубже понять образный строй стихотворения, а вопрос на композицию еще раз проверить свои чувства, которые возникли у него при прочтении стихотворения, углубить первое впечатление.

Все эти шесть вопросов, которые мы сейчас проанализировали, могут задать и сами ученики, если учитель их приучит к такой работе. И только последний вопрос на смысл ученикам сформулировать не всегда удается. Этот вопрос как бы «на вырост». В нем отражена тютчевская манера повествования – широта, спокойствие, и в тоже время неуловимость чувств. Такой вопрос есть в учебнике, им должен воспользоваться учитель, побеседовать с учениками.

Если мы будем возвращаться к этому произведению в 10 классе, то можно убрать первые шесть вопросов и обратить внимание на другую сторону текста. Такой вопрос: «Почему в стихотворение образ пустоты так отчетливо выражен? Слова «пусто», «пустеет воздух». Какова «пустота» у Тютчева? Подберите эпитеты к «тютчевской пустоте».

Такая работа расширяет поле читательского восприятия, позволяет ученику проникнуть вглубь текста, слиться с ним.

Такой подход к анализу художественного текста не исключает литературоведческой работы с ним. Но, при условиях современного литературного развития школьников, в средней школе можно ограничиться именно таким анализом. Он станет альтернативой формальной аналитической работе, которую диктуют все ВПР.

Два описанных инварианта работы с художественным текстом наметили особенности и пути работы с учениками в целом.

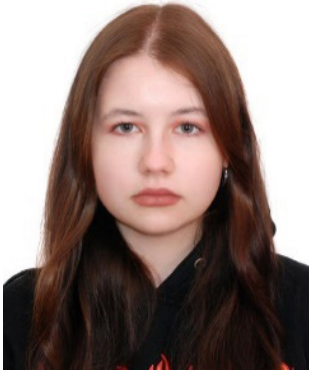
Два следующих обозначают и уточняют технологию, которой придерживается В. Г. Маранцман при работе с текстом. Это система проблемного обучения, которая позволяет сделать ученика субъектом обучения в полном смысле этого слова.

Именно в этой парадигме рассматривается сегодня компетентностный подход в образовании. Ученик, прежде всего, должен научиться учиться. Владеть компетенциями самопознания, саморефлексии, выстраивания собственного индивидуального образовательного маршрута. Это обеспечивается овладением учеником технологией проблемного обучения. Именно такая технология лежит в основе проектной деятельности, обозначенной во ФГОС. Отметим, что проблема должна возникать у ученика, а не у учителя или родителя. Материалы учебника или найденные самими учениками факты могут лишь помочь школьнику прийти к вопросу, который будет волновать его сегодня, а может быть и всю жизнь. Хорошо, если такой вопрос возникнет у самих учеников.

Мы рассмотрели работу двух технологий методики обучения литературе в школе. Именно они являются базовыми при изучении литературы и одновременно именно такой глубокий и детальный анализ творческого пути Ф. И. Тютчева и философского стихотворения «Есть в осени первоначальной...» может стать основой для понимания учащимися культурного кода России. А это приведет к проникновению в таинства русской души, русского сознания. В сегодняшних условиях это главная задача образования и воспитания.

Список использованной литературы:

1. Тютчев, Ф. И. Полное собрание сочинений / под ред. П. В. Быкова. В 6 томах. – М. : Изд.-во «Товарищество А. Ф. Маркс», Российская империя, 1912 г. – Т. 1. – 328 с.
2. Аксаков, И. С. «Федор Иванович Тютчев. Биографический очерк». 1886. Цитируется по «Иван Сергеевич Аксаков и его «Биография Федора Ивановича Тютчева»: Комментарий / Науч. ред., автор сопроводит. ст. В. Н. Касаткина; Автор сопроводит. ст. и коммент., сост. указателей и альбома иллюстраций Г. В. Чагин; Пер. с франц. яз. Л. В. Гладковой. – М. : АО «Книга и бизнес», 1997. – 175 с.
3. Методика обучения литературе. XXI век. Учебное пособие под ред. Е. К. Маранцман. – СПб : Изд. ВВМ, 2019. – 238 с.

Притомская Алина Романовна (A. R. Pritomskaya), ассистент кафедры второго иностранного языка и методики обучения иностранным языкам Владимирский государственный университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых (*г. Владимир, Российская Федерация*) (*Vladimir, Russian Federation*); gera.greenhill@gmail.com

УДК 821.161.1(092)Тютчев Ф. И.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ В ИЗУЧЕНИИ ТВОРЧЕСТВА Ф. И. ТЮТЧЕВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ШКОЛЕ

Аннотация. В статье проанализирована стратегия изучения лирики Ф. И. Тютчева в России по учебно-методическим комплексам по курсу «Литература», одобренным Министерством просвещения в 2023 г. Выделяются недостатки современной стратегии обучения, выдвигаются методические рекомендации. В статье делается вывод о перспективах изучения Ф. И. Тютчева в общеобразовательной школе в России.

Ключевые слова: Ф. И. Тютчев, изучение лирики в школе, сопоставительный анализ

THE MAIN AREAS OF FOCUS IN THE STUDY OF F.I. TYUTCHEV'S POETRY IN THE MODERN RUSSIAN SCHOOL

Annotation. The article analyzes the strategy of studying F. I. Tyutchev's poetry in Russia according to the methodological complexes for the course «Literature», approved by the Ministry of Education in 2023. The shortcomings

of the modern learning strategy are highlighted, methodological recommendations are put forward. The article concludes about the prospects of studying F. I. Tyutchev in a secondary school in Russia.

Keywords: F. I. Tyutchev, study of lyrics at school, comparative analysis

Изучение поэзии в школьной программе имеет особое значение для формирования общей культуры учащихся, их эстетического вкуса и мировоззрения. Одним из важнейших поэтов в контексте русского литературного процесса XIX века является Федор Иванович Тютчев, стихи которого входят во все современные УМК предметной области «Русский язык и литература». Пейзажная лирика поэта включена и в учебники по курсу «Литература», вошедшие в обновленный перечень, одобренный Министерством просвещения Российской Федерации в 2023 году. Стихи Ф. И. Тютчева отличаются необыкновенной мелодичностью, стройностью, глубиной затронутых тем и обилием средств художественной выразительности, стихотворные произведения легко запоминаются за счёт изящности ритма и рифмы, которые делают их легкими для заучивания, а значит, обязательным элементом школьной программы.

Однако, несмотря на значимость творчества поэта для русскоязычной литературы, лирика Ф. И. Тютчева представлена в новом УМК по курсу «Литература», одобренном до 2025 г., весьма поверхностно, а компаративистский аспект в изучении творчества поэта практически исключен (связь с Пушкиным, Гейне и Гете).

Целью данной статьи является анализ стратегии изучения лирики Ф. И. Тютчева в курсе «Литература» по УМК, одобренным в 2023 году Министерством просвещения Российской Федерации, на средней и старшей ступени обучения, выявление достоинств и недостатков выявленной траектории обучения, а также выработка некоторых методических рекомендаций.

Необходимо отметить, что пейзажная лирика Ф. И. Тютчева входит в программу изучения и в начальных классах. Однако, в силу возраста и жизненного опыта учащихся, элементы анализа стихотворных произведений УМК не предполагает. Изучение стихов направлено на развитие воображения, эмоциональной сферы учащихся, а также их творческих способностей. Лирика Ф. И. Тютчева служит одной из первых ступеней в мир русской литературы для младших школьников.

Более основательное изучение произведений русского поэта начинается со средней ступени обучения. С 5 по 9 класс лирика Тютчева преподается по УМК «Литература» под редакцией В. Я. Коровиной, В. П. Журавлева и В. И. Коровина [1]. Спецификой данного учебника является постоянное возвращение к фиксированной группе писателей и поэтов, которое предполагает постепенное наращивание и усложнение произведений одних и тех же авторов на каждой новой ступени обучения.

Так, в учебнике для пятого класса пейзажная лирика Тютчева представлена в разделе «Русские поэты о родине, родной природе и о себе», куда вошли стихи «Зима недаром злится», «Весенние воды» и «Как весел грохот летних бурь». Задания к данным стихотворным произведениям включают элементы литературного анализа: описать образ зимы и весны, сопоставить образы, обнаружить олицетворение и эпитеты и т. д.

На следующем году обучения, в шестом классе, изучение лирики Ф. И. Тютчева проходит по пути «автор и его произведение», что предполагает введение биографических знаний о поэте. Основной акцент авторы УМК делают на проблеме взаимоотношений человека и природы на примере стихотворений «Листья», «Неохотно и несмело...», «С поляны коршун поднялся». В учебник также включен такой раздел, как «Литературные места России», который направлен на знакомство учащихся как с географией родной страны, так и на воспитание в школьниках любви к малой родине. Данный раздел содержит, например, главу «Овстуг Ф. И. Тютчева», которая позволяет учащимся прочувствовать личную значимость пейзажей русской средней полосы для поэта, а иллюстративный материал учебника позволяет школьникам понять, что вдохновило Ф. И. Тютчева на написание его лучших стихов.

В учебнике для седьмого класса произведения поэта никак не представлены. На наш взгляд, это является существенным упущением. Стихи Ф. И. Тютчева могут быть включены в подраздел «Стихотворения о родной природе», например, «Что ты клонишь над водами...». Данное произведение не только представляет яркий образ родной для поэта и учащихся природы России, но и предоставляет богатый материал для литературного анализа, а именно, дает возможность учителю познакомить школьников с таким

средством художественной выразительности, как аллегория. Другим стихотворным произведением, которое могло бы занять достойное место в УМК для седьмого класса, является «Чародейкою зимою...», которое также не просто изобилует тропами, многие из которых стали хрестоматийными примерами, но и ярко отражает специфическую для России зиму, живописует образ «русской зимы», ставший со временем самостоятельной концепцией. Такое же стихотворение Ф. И. Тютчева как «Русской женщине» может быть предложено к рассмотрению самим учителем во время изучения раздела о творчестве Н. А. Некрасова и его поэмы «Русские женщины». Сопоставление фрагментов поэмы и стихотворения Ф. И. Тютчева позволит осветить такую значимую для подросткового развития тему, как образ русской женщины и ее роль в истории родной страны.

Также можно отметить, что гражданская и пейзажно-философская лирика в учебнике, предназначенном для младших подростков (5–7 класс), еще не получают широкого распространения, поскольку предполагают наличие у учащихся более богатого жизненного опыта, а анализ гражданской лирики должен опираться, безусловно, на курс «История России», что позволяет добиться детального понимания произведений и облегчить сам процесс анализа стихотворений.

На восьмом году обучения лирика Ф. И. Тютчева изучается в цикле «Поэзия родной природы» вместе с произведениями А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, А. А. Фета, А. Н. Майкова на примере стихотворения «Осенний вечер». Предваряющая раздел статья сообщает краткие сведения о роли природы в литературе и о способах литературного анализа пейзажной лирики, что потом закрепляется в заданиях к стихотворениям раздела: найти эпитеты и проанализировать их, сравнить стихотворения Тютчева и Майкова и т. д.

В девятом классе УМК обращается к творчеству Ф. И. Тютчева дважды. В рамках раздела «Из поэзии 19 века. Беседы о Н. А. Некрасове, Ф. И. Тютчеве, А. А. Фете и других поэтах», который призван познакомить учащихся с богатством русской поэзии. Согласно методическим рекомендациям, произведения для изучения предлагаются на выбор, чтобы на их примере учитель мог представить учащимся основы теории литературы, а именно – жанры лирики. Возвращение к творчеству Ф. И. Тютчева на девятом году обучения предполагается

в рамках раздела «Песни и романсы на стихи поэтов 19–20 веков», который предлагает сравнение литературного и музыкального варианта – романса – стихотворения «К. Б.» («Я встретил вас – и всё былое...»). Такой подход призван познакомить учащихся с мелодичностью и стройностью лирики Ф. И. Тютчева, а также представить синтетический характер творчества русского поэта, что также уже предлагалось учащимся младшей школы на примере пейзажной лирики в качестве «словесной картины».

Углубленное и вместе с тем наиболее полное (насколько это позволяет школьная программа) изучение лирики Ф. И. Тютчева приходится на старшую ступень обучения, 10–11 классы, для которых одобрен УМК «Литература: в 2-х частях» под редакцией В. Лебедева [2]. Тема «Ф. И. Тютчев» представлена в данном учебнике как одна из важнейших, способствующая не только литературному, но и духовному и даже гражданско-патриотическому обогащению учащихся. Лирика русского поэта на старшей ступени обучения предстает более разноплановой, во всем разнообразии поднятых Тютчевым тем и проблем. Учащимся предлагается теперь не только ознакомиться с краткой биографической справкой о поэте, но и рассмотреть многогранность его творчества. Авторы отмечают, что лирика Ф. И. Тютчева отличается глубиной постижения мира и человека в нем. Поэт не раз говорил о том, что для него привычно «состояние внутренней тревоги» и «чувство тоски и ужаса» [3]. Время и смерть предстают в лирике Ф. И. Тютчева враждебными силами. Мироощущение Ф. И. Тютчева отягчается и предчувствием катастрофы, обостренное революционной ситуацией 1859–1861 гг. Гражданская и пейзажно-философская лирика поэта подчинена идее защиты старого мира и является идеологически окрашенной, т. к. во многом лишена подлинного историзма. Это ощущение хрупкости человеческого бытия и неустойчивости привычного Тютчеву мира, которым проникнута лирика поэта, определяет специфику ее изучения в старшей школе.

Так, в разделе, посвященном творчеству русского поэта, представлена гражданская, любовная и пейзажно-философская лирика, разделенная на подразделы, каждый из которых соответствует одному из направлений творческой мысли Ф. И. Тютчева. Гражданская лирика представлена стихотворением «14 декабря 1825 г.»

и сопровождается исторической справкой, направленной на гражданско-идеологическое осмысление такого исторического явления, как Декабристское восстание 1825 г. В гражданский цикл включено и стихотворение «Неман», предложенное к изучению в рамках проблемы «Россия-Запад».

Поскольку русская высокая поэзия XVIII–XIX в. являлась во многом поэзией философской, авторы УМК выделяют такой аспект творчества Тютчева, как осмысление проблемы духовного хаоса, спровоцированного переходной эпохой XIX в. К данному циклу автор относит такие произведения, как «Цицерон», «Наш век» и «Эти бедные селенья».

Пейзажную лирику Тютчева автор подразделяет по проблематике на натурфилософскую (согласно теории Ф. Шеллинга, об идеях которого и их преемственности Тютчевым также дана краткая историческая справка), сюда относятся стихотворения «Не то, что мните вы, природа», «Волна и дума» и «Природа – сфинкс» и на гражданско-патриотическую, в этот цикл вошли: «Умом Россию не понять», «Есть в осени первоначальной» и «Осенний вечер».

Наконец, в учебник вошла и любовная лирика Тютчева, представленная стихами из Денисьевского цикла и исторической справкой о личной жизни поэта, вдохновившей его на создание шедевров русской литературы. Необходимо отметить, что данный учебник не предлагает заданий, направленных на осмысление и анализ предложенных стихотворных произведений. Идеи и темы лирики Ф. И. Тютчева даются в предваряющих статьях буквально в готовом виде, что, на наш взгляд, негативно влияет как на уровень знаний и духовного развития учащихся, так и на их мотивацию, поскольку школьники теперь лишены возможности открытой дискуссии и самовыражения через анализ литературных произведений. На наш взгляд, в изучение лирики Ф. И. Тютчева в десятом классе может быть введен компаративистский аспект, отсутствие которого мы упоминали ранее, в таком задании, как сравнение стихотворений А. С. Пушкина и Ф. И. Тютчева, написанных на день восстания декабристов («К Чаадаеву...», «Деревня» 1819 г. и др.). Такое задание компенсирует не только явный недостаток дискуссионных заданий по такой сложной и неоднозначной теме, как осмысление восстания 1825 г., но и даст учителю шанс познакомить учащихся с таким явлением, как

литературная компаративистика и рассказать школьникам о влиянии А. С. Пушкина на творчество Ф. И. Тютчева.

В учебнике для 11 класса творчество Тютчева уже не представлено, т. к. последний год обучения по УМК посвящен изучению XX века в литературе, что лишь доказывает, что изучение творческого наследия русского поэта в десятом классе должно охватывать все возможные аспекты.

Таким образом, изучение творчества Ф. И. Тютчева в рамках курса «Литература» в Российской Федерации проходит через всю школьную программу. От изучения пейзажной лирики на младшей ступени обучения до пейзажно-философской и гражданской – в старшей школе. В изучении стихотворных произведений русского поэта прослеживается устойчивый гражданско-патриотический аспект, от воспитания любви и уважительного отношения к родной природе и малым поселениям России до интереса к социально-политической жизни страны через призму исторического процесса. Акцент лирики Ф. И. Тютчева на достижения русской политической и философской мысли своего времени обуславливает повышенный интерес последних лет к изучению творческого наследия русского поэта в школах России. На наш взгляд, включение большего числа произведений Ф. И. Тютчева в школьную программу на средней (9 класс) и старшей ступени обучения (10–11 класс) является одной из перспектив преподавания творчества великого русского поэта в школах Российской Федерации.

Список использованной литературы:

1. Коровина, В. Я. Литература. 5–9 класс. Учеб. для общеобразовательных учреждений. 2-е издание / В. Я. Коровина, В. П. Журавлева, В. И. Коровин. – М. : Просвещение, 2013.
2. Лебедев, Ю. В. Литература. 10–11 класс. Учеб. для общеобразовательных учреждений. Базовый и профильный уровни. В 2 ч. Ч. 1–2 / Ю. В. Лебедев. – М. : Просвещение, 2012.
3. Пигарев, К. В. Жизнь и творчество Тютчева / К. В. Пигарев. – М. : Изд-во АН СССР, 1962. – 376 с.

Статкевич Елена Васильевна (E.V. Statkevich), преподаватель филиала БрГТУ «Пинский индустриально-педагогический колледж» (*Пинск, Республика Беларусь*) (*Pinsk, Republic of Belarus*); CNFNRTDBX@yandex.by

УДК 37.015.31:7.01-057.874

ЛИТЕРАТУРА КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ЭСТЕТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ СТАРШЕКЛАССНИКОВ (НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА Ф. И. ТЮТЧЕВА)

Аннотация. В статье раскрывается роль литературного наследия Ф. И. Тютчева в формировании гуманистического понимания эстетических ценностей красоты, гармонии, идеала. Описываются условия и механизм аксиологического развития личности, обеспечивающий полный цикл интериоризации эстетической ценности в личностно значимую.

Ключевые слова: эстетическая ценность, красота, гармония, идеал, старшеклассник, критерий оценки жизнедеятельности, литература, Ф. И. Тютчев.

LITERATURE AS A MEANS OF FORMING AESTHETIC VALUES OF HIGH SCHOOL STUDENTS (ON THE EXAMPLE OF F.I. TYUTCHEV'S CREATIVITY)

Annotation. The article reveals the role of F.I. Tyutchev's literary heritage in the formation of a humanistic understanding of the aesthetic values of beauty, harmony, and ideal. The conditions and mechanism of axiological development of personality are described, which provides a full cycle of interiorization of aesthetic value into personally significant.

Keywords: aesthetic value, beauty, harmony, ideal, high school student, criterion for assessing vital activity, literature, F.I. Tyutchev.

В образовательном процессе литература занимает особое место, так как обладает универсальными средствами воздействия на личность. Она целостно, системно влияет на интеллект, чувства, мировоззрение и миропонимание, общую культуру учащихся, развивает познавательные-мыслительные способности [5]. Глубина и сила воздействия литературы обуславливается тем, что усвоение художественных идей, обогащение опытом предшествующих поколений происходит в личностной форме, ибо литература влияет комплексно на «ум» (интеллектуальную составляющую) и «сердце» (сферу эмоций) читателя. «Формирование личности под воздействием литературы осуществляется посредством реализации творческих способностей, духовных возможностей человека в результате и в процессе включения в чужую жизнь, через ее открытие и освоение» [2, с. 16], и эффект чтения виден в направленности «на личность ребенка, которая развивает, творит свое «я», активизирует теоретическое мышление, обогащает сознание, воспитывает эмоции, создает готовность к деятельному соучастию» [2, с. 213].

Мир художественного произведения – «вторичная модель реальности», в которой воссоздана целостная картина мира, отображающая социальные противоречия, сложные причинно-следственные связи, процесс самосовершенствования личности, способы постижения автором действительности. В образной форме отображен огромный опыт духовного развития, ценностных исканий и самовоспитания человека, познания в художественном слове-образе окружающего мира, освоение и осмысление которого

необходимо для духовного становления личности. При чтении и анализе художественного произведения [1] осуществляются его непосредственное эмоциональное восприятие, понимание идейного содержания произведения, обдумывание прочитанного. Читательское восприятие включает внутренний процесс постижения старшекласниками искусства, то есть «для себя».

Смыслы человек порождает сам в своих переживаниях, оценках, выборах, творчестве и др. смысловых единицах жизни. Благодаря внутренней активности личности учащиеся заново открывают для себя окружающий мир, тем самым формируют, корректируют свою систему ценностных ориентаций [3, с. 7]. В данном контексте осмысление, преломление и оценивание внешнего опыта взаимодействия с миром осуществляется сквозь призму внутреннего «я», где основное место занимает позиция субъекта. Таким образом учащиеся учатся видеть, дифференцировать красоту, гармонию, идеал в различных сферах жизнедеятельности человека и в дальнейшем использовать как критерий жизненного и профессионального самоопределения.

В 10-м классе в рамках тем по русской литературе «Расцвет реализма в литературе XIX века», «Литература второй половины XIX в.» и др. изучается творчество и произведения Н. В. Гоголя, А. Н. Островского, И. С. Тургенева, Ф. И. Тютчева, А. А. Фета и др. Их художественные творения способствуют развитию эмоциональной сферы личности, обогащают эстетические знания старшекласников, соединяя логическое и образное. Особый интерес в этом плане представляет литературное наследие Ф. И. Тютчева, содействующее формированию гуманистического понимания эстетических ценностей красоты, гармонии, идеала. В его поэзии ярко выражены эстетические ценности и отношение поэта к ним.

Центральной темой философской лирики Ф. И. Тютчева является размышление о человеке и его месте в мире. Его концепция мира и человека направлена на то, чтобы понять место человеческого существа во Вселенной и найти те идеалы поведения, которые помогут достичь гармонии в жизни человека.

Романтический герой стихов Тютчева - сам поэт. Его лирическое «я» выражает различные стороны движения внутренней жизни человека. Человек существует в двух огромных мирах: мир, скрытый в душе человека, и мир, окружающий человека. Эти два мира - бездны. Человек и природа, едины: *«Все во мне, и я во всем!..»*.

Поэт пытается разобраться в жизни природы и постичь тайны человеческой души. Этим объясняется двухчастная композиция стихов Ф. И. Тютчева: в первой части возникает образ, во второй происходит его осмысление, проводится параллель этого явления с жизнью человека. Человек в поэзии Тютчева неразрывно связан со всем мирозданием, является не просто частью природы, а ее миниатюрной копией.

В душе человека происходит все то, что и во Вселенной:

– совершается борьба двух вечных начал – Света и Тьмы,

– ему свойственно переходить от состояния покоя к стихийным порывам,

– он может быть не только прекрасен, возвышен, могуществен, но и жесток, и уродлив, и слаб.

В то же время человеческий разум бессилен перед вечной загадкой природы, а человеческое бытие скоротечно, непрочно, мимолетно в сравнении с ее вечным обновлением:

*Природа знать не знает о былом,
Ей чужды наши призрачные годы,
И перед ней мы смутно сознаем
Себя самих – лишь грезю природы*

(«От жизни той, что бушевала здесь...»)

Стремление понять природу и Вселенную Тютчев преподносит как важную, трудную, хотя и до конца не осуществимую задачу каждой личности, если она хочет зваться человеком. Поэт, описывая природу, постоянно думает о жизни. Его пейзажи полны размышлений, символов, обобщений, отчего мысли и образные картины обретают особую выразительность, осязаемость. Природа у Тютчева изменчива, многолика, наполнена звуками, красками, запахами. Она живет своей «чуждой жизнью», чувствует, дышит, радуется и грустит. Природа и человек близки друг другу, у обоих *«есть душа»*, есть свой язык, есть свои тайны.

Лирический герой Тютчева осознает природу как источник своей жизни, он верит в то, что в глубине души всегда найдется частичка, связующая человеческое существо со всем сущим на земле. Нужно лишь очистить свою связь с природой, преодолеть разлад с ней, надеясь найти гармонию отношений с миром:

*Лишь жить в самом себе умей –
Есть целый мир в душе твоей...
(«Silentium!»)*

В чем же Тютчев видит истинное назначение человека? Это – яркое горение, жизнь, наполненная любовью к людям и служением им. Наиболее точный образ, который Тютчев находит для воплощения этого представления, – «горение». Огонь души, огонь сердца – одна из древнейших метафор, которая восходит к представлению о человеке как носителе божественного огня, как существе, созданном из огня. Это представление, отразившееся в древнегреческой мифологии и философии, оказывается близким Тютчеву.

Идеальная жизнь – не тление, а мгновенная и сильная вспышка, освещающая мир, излучающая сияние. Жизнь, которая тлится, – способна «погасить» человека «в однообразье нестерпимом». Но высшим мгновением признается не просто яркое «горение», а «сияние» – излучение света, дарование людям собственного света:

*«О Небо, если бы хоть раз
Сей пламень развился по воле –
И, не томясь, не мучась доле,
Я просиял бы – и погас!»*

Символом человека в лирике Тютчева нередко выступает «злак» или «листок». Образ листка позволяет поэту выразить мысль о родстве человека с человечеством, символом которого становится мировое древо, о приобщенности человеческой души единой и вечной душе и о родстве с природой. Часть природы – человек-листок внимает голосу природы, он может беседовать с грозой и играть с ветром. В стихотворении, навеянном смертью Гете, обращаясь к великому поэту, Тютчев пишет:

*На древе человечества высоком
Ты лучшим был его листом,
Воспитанный его чистейшим соком,
Развит чистейшим солнечным лучом!*

*С его великою душою
Созвучней всех, на нем ты трепетал!
Пророчески беседовал с грозой
Иль весело с зефирами играл!*

Подобно листку, человек проживает краткий миг. Но Тютчев не сетует на кратковременность жизни, он воспевает добровольное расставание с жизнью, когда она утрачивает свой высший смысл.

Размышляя о человеке, поэт требует от него чистоты и искренности и готовности к бескорыстному служению отчизне. Отчетливо этот идеал человека отразился в стихотворении «*Николаю Павловичу*», обращенном к русскому императору:

*«Не Богу ты служил и не России,
Служил лишь суете своей,
И все дела твои, и добрые и злые, –
Все было ложь в тебе, все призраки пустые:
Ты был не царь, а лицедей»*

Идеалом человека для Тютчева представляется В. А. Жуковский. В стихотворении, написанном в память о Жуковском, Тютчев говорит о его внутренней гармонии и искренности: «*В нем не было ни лжи, ни раздвоенья –/ Он все в себе мирил и совмещал*».

Важно, что идеальность человека определяется присутствием в нем «строю», который составляет, по Тютчеву, и красоту вселенной:

*Поистине, как голубь, чист и цел
Он духом был; хоть мудрости змеиной
Не презирал, понять ее умел,
Но веял в нем дух чисто голубиный.
И этою духовной чистотою
Он возмужал, окреп и просветлел.
Душа его возвысилась до строю:
Он стройно жил, он стройно пел...*

Поэзия Тютчева направляет нас к самому источнику знания человека о мире и о самом себе. И пускай в них нет готовых ответов,

строки поэзии насквозь пронизаны желанием дойти до истины своим путем. Два столетия назад Тютчев писал о гармонии мироздания. Теперь вопросы о месте человека в мире должен задать себе каждый и, помня о мыслях великого поэта, найти свой ответ.

Поэзия Ф. И. Тютчева обладает большими воспитательными возможностями в формировании эстетических ценностей учащихся старших классов. Но для того, чтобы эстетические ценности красоты, гармонии, идеала стали для старшеклассников лично значимыми и определяли их выборы в основных сферах жизнедеятельности, они должны быть ассимилированы в их опыте. Для этого создаются необходимые педагогические условия. Конкретизируем на примере создание таких условий при изучении творчества Ф. И. Тютчева.

Постановка проблемы «гармония человека и природы» была осуществлена на уроке русской литературы в 10-м классе при изучении творчества Ф. И. Тютчева по теме: «...Не то, что мните вы, природа». Это позволило замотивировать десятиклассников и панорамно ознакомить с житнетворчеством поэта в контексте и через призму основных эстетических ценностей.

Природа является не только объектом эстетических переживаний поэта, но и материалом для постоянных размышлений о мире, о месте человека в мире. Тютчев изображает природу не со стороны, не как наблюдатель и фотограф. Он пытается понять душу природы, услышать ее голос. Отсюда и природа у Тютчева – *«живое, одухотворенное существо»*:

*Не то, что мните вы, природа:
Не слепок, не бездушный лик,
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык.*

Пытаясь проникнуть в ее тайны, поэт за помощью обращается к жизни человека, находя в ней аналогию тем явлениям, которые он наблюдает вокруг себя. Это способствует осмыслению эстетических ценностей старшеклассниками, так как основным средством выражения является художественный образ. Мир литературного произведения – это мир реальности, и учащийся переживает этот мир как собственный. Переживания оставляют след, отпечаток, потому как

художественный образ – это единство объективного и субъективного, эмоционального и рационального.

Согласно комплементарному подходу, для более глубокого погружения десятиклассников в творчество Ф. И. Тютчева и обеспечения пролонгированности эмоционально-образных переживаний, связанных с красотой природы и мастерством поэта в ее отражении, реализовывались взаимодополняющие возможности факультативных занятий и воспитательной работы.

На факультативных занятиях для создания эмоциогенной эстетико-образовательной ситуации, призванной активизировать эмоционально-оценочное отношение учащихся к изучаемому материалу, был использован синтез искусств (литература, музыка, изобразительное искусство). Интерактивные лекции («Гармония как эстетическая ценность», «Эстетика природы») строились на диалоге и полилоге с учащимися о музыке А. Вивальди «Времена года», стихах Ф. И. Тютчева и пейзажах И. Левитана, И. Шишкина. Произведения искусства побуждали школьников видеть жизнь через призму образности. Возможность выразить свое отношение, раскрыть и обосновать свой смысл эстетических ценностей в их преломлении к природе, человеку, различным видам искусства и художественно-творческой деятельности предоставлялась каждому учащемуся в ориентации на требования, предъявляемые к ситуации успеха. В ходе интерактивного обсуждения старшеклассники сопоставляли свое мнение с мнением других и научной точкой зрения, корректировали свое понимание ценностей красоты, гармонии и идеала.

Воспитательная работа строилась с учетом механизма аксиологического развития личности, обеспечивая полный цикл интериоризации эстетической ценности в личностно значимую (эстетическое восприятие → эстетическое переживание → оценка-размышление → творческое самовыражение → аксиологическая рефлексия) в соответствии с ценностями красоты, гармонии, идеала. С учащимися проводилась экскурсия «Естественная красота природы», на которой родители выступали в роли экскурсоводов-обозревателей. Старшеклассники при этом любовались красотой природы, солнечными лучами, слушали пение птиц, вдыхали аромат цветов, запах травы и старались осмыслить особую роль природы в жизни человека. Наблюдая эту природную гармонию в ее целостности, упорядоченности и симметричности, школьники читали стихи о

природе. Затем предлагалась самостоятельная творческая работа, в которой учащиеся должны были уловить свои ощущения и выразить их с помощью словесного образа. Метод ассоциативного рисования применялся с целью эмоционального погружения учащихся в поэтический мир поэта. В заключительной рефлексии учащиеся отвечали на вопросы: «Что вас удивило, восхитило?», «Какими представлениями обогатилось ваше понимание красоты, гармонии, идеала после изучения творчества Ф. И. Тютчева?», «Чем обогатился ваш духовный мир?».

Обретению понимания старшеклассниками роли и значения эстетических ценностей в жизни каждого человека, осмыслению своего отношения к ним, пониманию их личной значимости и обогащению опыта действия в соответствии с эстетическими ценностями красоты, гармонии, идеала способствовала реализация проекта «Территория красоты» [4]. Проект был направлен на развитие эстетического восприятия окружающего мира и формирование ценностного отношения к нему; воспитание умения видеть красоту и гармонию природы и стимулирование стремления к созиданию по законам красоты.

Положительный эффект имело проведение также тематических бесед «Живет повсюду красота», «Красота спасет мир!», «Прекрасное есть жизнь», «В поисках идеала», «Идеал в тебе самом», «Гармония общения», «В гармонии с собой и миром» и др.

На заключительном этапе, в ходе рефлексии, старшеклассникам предлагалось ответить на вопросы: «Что ты нового узнал об эстетических ценностях: красоте, гармонии, идеале?», «Изменилось ли твое отношение к эстетическим ценностям? Если да, то почему?», «Какие чувства ты испытывал, соприкасаясь с красотой в природе, общении?», «Какую роль играет гармония в семейных отношениях?», «В чем проявляется красота, гармония, идеал в человеческих отношениях?», «Как вы это понимаете применительно к сегодняшнему дню?», «К какому идеалу вы стремитесь в своей общественной жизни?», «В чем красота и гармония, идеал социального служения?» и др.

Таким образом, процесс формирования эстетических ценностей старшеклассников осуществлялся посредством ценностного осмысления ими роли и значения красоты, гармонии, идеала в жизнедеятельности человека («Что это дает?»); через анализ своих чувств и отношений к эстетическим ценностям («Что я переживаю?»);

посредством самопознания мотивов и предпочтений в выборе средств и способов общения с эстетическими ценностями («Зачем, для чего мне это надо?»); через поиск и формирование системы знаний об эстетических ценностях («Что я знаю?»).

Проявляя интерес, старшеклассник пробует себя в различных видах деятельности, используя их как средство самореализации.

Объектом рефлексивной деятельности учащегося при этом выступают эстетические ценности и формы их проявления в основных сферах его жизнедеятельности, а средством – «желаемое будущее», описанное системой этих ценностей и воспринимаемое школьником как образец.

Следствием аксиологической рефлексии является «выход» учащегося на уровень критического осмысления эстетических ценностей красоты, гармонии, идеала в основных сферах жизнедеятельности.

В результате устанавливается тождество с самим собой и определяются формы и способы своего развития.

Таким образом учащиеся учатся видеть, дифференцировать красоту, гармонию, идеал в различных сферах жизнедеятельности человека и использовать как критерий жизненного и профессионального самоопределения.

Список использованной литературы:

1. Жигалова, М. П. Учебно-познавательная деятельность старшеклассников при филологическом анализе / М. П. Жигалова // Русская словесность. – 2004. – № 5. – С. 65–69.
2. Полозова, Т. Д. «Всем лучшим во мне я обязан книгам» : кн. для учителя / Т. Д. Полозова, Т. А. Полозова. – М. : Просвещение, 1990. – 256 с.
3. Статкевич, Е. В. Педагогическая поддержка формирования эстетических ценностей у учащихся: пособие для педагогических работников учреждений образования, реализующих образовательные программы общего среднего образования / Е. В. Статкевич. – Брест : БрГТУ, 2022–126 с.
4. Статкевич, Е. В. Организация эстетического воспитания учащихся X–XI классов в современных социокультурных условиях / Е. В. Статкевич // Приложение к научно-метод. Журналу «Вестник МГИРО». – 2021. – № 4. С. 73–78.
5. Торхова, А. В. Педагогическая поддержка саморазвития учащихся: пособие для педагогов учреждений общего среднего образования с белорусским и русским языками обучения / А. В. Торхова, И. А. Царик. – Минск : Национальный институт образования, 2016. – 215 с.

РАЗДЕЛ 7. ТВОРЧЕСТВО Ф. И. ТЮТЧЕВА И ВСЕМИРНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС: ВЗАИМОСВЯЗИ И КОНТАКТЫ

Демидович Татьяна Анатольевна (Т. А. Demidovich), член Союза писателей Беларуси, председатель Брестского отделения Союза писателей Беларуси (г. Брест, Беларусь) (Brest, Republic of Belarus); tatiana.demidovich@gmail.com

УДК 82.09(476)

ВЛИЯНИЕ НАТУРФИЛОСОФИИ Ф. ШЕЛЛИНГА НА ТВОРЧЕСТВО Ф. И. ТЮТЧЕВА И ЕЕ ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ ВО ВСЕМИРНОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОЦЕССЕ: ВОСПРИЯТИЕ СКВОЗЬ ПРИЗМУ СОВРЕМЕННОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ПОЭЗИИ З. ДУДЮК)

Аннотация. В статье сквозь призму современности рассматривается влияние вопросов натурфилософии Ф. Шеллинга на творчество Ф. Тютчева и белорусской поэтессы-брестчанки З. Дудюк, в творчестве которых природа представлена как некий живой организм, а человек как его часть.

Ключевые слова: натурфилософия, Ф. Шеллинг, литература, анализ, Ф. Тютчев, З. Дудюк.

THE INFLUENCE OF F.SCHELLING'S NATURAL PHILOSOPHY ON THE WORK OF F.I. TYUTCHEV AND ITS FURTHER DEVELOPMENT IN THE WORLD LITERARY PROCESS: PERCEPTION THROUGH THE PRISM OF MODERNITY (ON THE EXAMPLE OF Z. DUDYUK'S POETRY)

Annotation. In the article, through the prism of modernity, the influence of F. Schelling's questions of natural philosophy on F. Schelling's work is considered. Tyutchev and the Belarusian poet-Brest Z. Dudyuk, in whose works nature is represented as a living organism, and man as a part of it.

Keywords: natural philosophy, F. Schelling, literature, analysis, F. Tyutchev, Z. Dudyuk

Во все времена читателя влечет к творчеству Ф. Тютчева желание постичь тайны природы, а значит своего внутреннего мира, увидеть роль человека во всемирном эволюционном процессе и стремление к развитию своих духовных сил...

Исследователей литературы о Ф. Тютчеве всегда волновали вопросы влияния философии Ф. Шеллинга на творчество великого поэта. Но до сих пор идут споры, какого именно Шеллинга – раннего, стоящего на позициях гилозоизма, или позднего, стремящегося из своей философии сделать религию. По мнению канд. филол. наук, ст. науч. сотрудника Института мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук Л. Г. Шакирова, созданию легенды о шеллингианстве Ф. Тютчева поспособствовал И. В. Киреевский, посетивший Германию в 1829 г. В письме к брату он сообщает о знакомстве Тютчева с Шеллингом, высоко оценивает ум и образованность русского поэта. В своей статье ученый аргументированно доказывает, что философское развитие и Ф. Тютчева, и Ф. Шеллинга (к моменту их встречи) взаимоисключает какие-либо точки соприкосновения между ними и говорит о том, что отношение Тютчева к Шеллингу было критическим [6]. Как свидетельствуют интернет-источники [7], Фридрих Вильгельм Йозеф Шеллинг (27 января 1775 г., Леонберг, Германия – 20 августа 1854 г., Бад Рагац, Швейцария) – немецкий философ, один из главных представителей немецкого идеализма. Фридрих Шеллинг входил в круг первых (йенских) романтиков. В 1812 году получил право на дворянскую частицу «фон». Отталкива-

ясь от идей Иоганна Готлиба Фихте, развил принципы объективно-идеалистической диалектики природы как живого организма, бессознательно-духовного творческого начала, восходящей системы ступеней («потенций»), характеризующейся полярностью, динамическим единством противоположностей. Ф. В. Й. Шеллинг пользовался огромным авторитетом у русских мыслителей, литераторов второй четверти XIX века. Его посещали П. Чаадаев, Ф. И. Тютчев, А. И. Тургенев, братья Киреевские, М. Погодин, С. Шевырев, В. Одоевский, А. Хомяков и другие.

Но долгие внутренние искания Шеллинга еще раз доказывают, что все переменчиво и имеет свое начало, развитие и продолжение. Немецкий философ поначалу был приверженцем идеи ассимиляции всего сущего в единую дуалистичную систему. Он представлял природу как некий живой организм, который является совокупностью творческих и созидательных процессов и создает сам себя. А человек пытается определить свое место в этой системе. Эра политеистических верований, а в последствии глубинных раздумий философов о мироустройстве притягивала многих поэтов, и, несмотря на стремительный прогресс, эволюцию слова и мысли, идеи Шеллинга, темы, которые затрагивал Ф. Тютчев, получили свое распространение и в современной литературе.

Невозможность разгадать тайны бытия современного писателя и читателя возвращает в глубокую древность, когда мир в представлении людей виделся единым существом. Наши предки взаимодействовали с природой, обладая высокоразвитой интуицией, природной осторожностью, выживали благодаря опыту, который передавался из поколения в поколение, и не противопоставляли себя природе. Это и стало зерном мудрости на сложной и тернистой дороге к Знаниям.

*Не то, что мните вы, природа:
Не слепок, не бездушный лик –
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык...*

В этих строках Ф. Тютчев бросает вызов обществу и побуждает человечество вернуться к Величию природы. К сожалению, цензура

изъяла вторую и четвертую строфы эллегии, и они потеряны безвозвратно.

Во второй части произведения Ф. Тютчев говорит о народе в третьем лице, что еще больше расширяет образовавшуюся пропасть между Человеком и Природой. Его возмущают людское нежелание постигать язык природы, глухота и слепота душ:

*Они не видят и не слышат,
Живут в сем мире, как впотьмах,
Для них и солнцы, зная, не дышат,
И жизни нет в морских волнах.*

Об этом пишет и белорусская поэтесса Зинаида Дудюк, Лауреат Национальной литературной премии Республики Беларусь, победитель ряда литературных конкурсов. Она родилась в 1950 году в местечке Слободка Браславского района Витебской области, окончила Брестский инженерно-строительный институт и Высшие литературные курсы при Литературном институте имени А. М. Горького в Москве. Работала инженером, журналистом, заведующей литературной частью драмтеатра в Бресте. Издала восемь сборников поэзии, более двадцати книг документальной и художественной прозы, в том числе восемь романов, а также несколько сборников драматических произведений и книг сказок для детей.

В своем стихотворении «*Спасціжэнне*» [2, с. 71] лирическая героиня Зинаиды Дудюк говорит от первого лица, а значит от имени народа, которому за долгие годы пришлось «*Прайсці праз морак лжывага туману, Прабіць гару аблудаў навывёт*», чтобы вернуться к первоистокам, узнать цену свободы, постигая мудрость через беды и утраты.

Героиня, олицетворяющая народ, говорит «*Я сто разоў магла б ужо загінуць Ад цемры і сляпучага святла*». Антитезой показаны душевные метания, а зачастую невозможность балансировать, находясь в золотой середине. И все-таки секретом выживания становятся внутренняя свобода, смелость, сила, данная богами, а значит, силой природы. Ветра, морозы, засухи для древнего человека были этими самыми «*злыднямі*», но зацепиться, пробиться в тверди камня тонким ростком – это и есть цена борьбы, нерушимая вера в господство жизни и смысл существования:

*Я зльднямі была зачаравана
На ста гасцінцах пазбіраць свой лёс,
Прайсці праз морак лжывага туману,
Прабіць гару аблудаў навывёт.*

*Пачвары мне выходзілі насустрач.
Не разбярэш, ці чалавек, ці звер?
Бяда мяне выводзіла на мудрасць,
Надзею пакідала наперад.*

*Я сто разоў магла б ужо загінуць
Ад цемры і сляпучага святла,
Пасля сябе магілы не пакінуць,
Нібыта тут ніколі не жыла.*

*Ды спадчынна валодаю свабодай
Сягаць туды, дзе не ступіць нагой.
Належу я нязводнаму народу,
Які бярэ пачатак ад багоў.*

Тем не менее, Ф. Шеллинг рассматривал свободу как основной и самый ценный принцип критицизма, с которым и должна сообразоваться вся система. А впоследствии рассматривает поиск свободы как один из верных шагов отрыва человека от природы. «Разум, полагающий свободу как принцип действия в человеке, расторгает единство человека с природой. Этот разрыв с былым единством есть первое появление свободы, но в то же время и возникновение зла» [7]. Насколько этот разрыв болезненный мы видим в стихах Ф. Тютчева и З. Дудюк. Обратимся к некоторым из них.

Так, во многих стихотворениях Ф. Тютчева ключевая роль отдается образу солнца, который насыщает стихи яркими красками, создает особое настроение торжества и великолепия природы.

*Гремят раскаты молодые,
Вот дождик брызнул, пыль летит,
Повисли перлы дождевые,
И солнце нити золотит*

Солнце у поэта часто символизирует жизненный пик человека, источник энергии, любви, побуждения к движению мыслей и чувств.

*И новое, младое племя
Меж тем на солнце расцвело,
А нас, друзья, и наше время
Давно забвеньем занесло!*

В стихотворении Ф. Тютчева «*Смотри, как запад разгорелся*» Солнце становится символом мира и спокойствия для враждующих Запада и Востока.

*Смотри, как запад разгорелся
Вечерним заревом лучей,
Восток померкнувший оделся
Холодной, сизой чешуей!
В вражде ль они между собою?
Иль солнце не одно для них
И, неподвижную средою
Деля, не съединяет их?*

Культ солнца, как прародителя всего живого, отраженный и в народных обычаях славян, а в последствии – в художественной литературе, часто подчеркивает проявление философии природы по Ф. Шеллингу, главная задача которого состояла в том, чтобы показать, как из единого первоначала, которое есть ни субъект, ни объект, рождается все многообразие универсума.

В своем стихотворении «*Заблудзілася сонца ў соснах*» [1, с. 3] З. Дудюк философствует о Вечности. Для человека солнце блуждает в соснах, путешествует с запада на восток, оно есть центр создания, долгой жизни и увядания. Заботы, дела, удачи – все ничто без земного светила. Автор применяет в стихотворении олицетворение, чтобы показать монолитность природы, а человек выступает лишь маленькой деталью в Вечном двигателе жизни «*Заблудзілася сонца*», «*Забрыло ў непразны гушчар*», «*паспяшала на захад*», «*імкнулася свет ўвесь абняць*».

*Заблудзілася сонца ў соснах,
Забрыло ў непразны гушчар,
Ды святлом жыццядайным дзівосна
Асвятляла стамлёны абшар.
Хоць яно паспяшала на захад,
Але ўсё ж на зыходзе дня
Не наводзіла прымхліва страху,
А імкнулася свет ўвесь абняць.
Што ж, у сонца наперадзе вечнасць,
Столькі ж, пэўна, часу ў зямлі.
А на мерках маіх чалавечых
Мы як быццам яшчэ не жылі.
Аддаёмся турботам і справам,
Спадзяемся на ўдачу і плён,
Ды, на жаль, не ведаем нават,
Колькі нам адмерана дзён.*

[1, с. 3]

Основным принципом натурфилософии Ф.Шеллинга является единство. С точки зрения этого принципа вся природа представляет как один бесконечно разветвляющийся организм. И, как мы видим, в поэзии Ф. Тютчева и З. Дудюк солнце выступает центром единства.

Бытие Бога, по Ф. Шеллингу, состоит в его вечном самооткровении, как переходе из состояния абсолютной сокровенности (Deus implicitus) в состояние абсолютной открытости (Deus explicitus), причем вечность этого процесса надлежит понимать, конечно же, в том смысле, что он происходит не в продолжение бесконечного времени, а вне времени. Вода в поэзии часто ассоциируется с «вневремением», жизнь человека проходит, но «*Льются вечные струи*».

В своем стихотворении «*Там, где горы, убегая...*» Ф. Тютчев также использует прием олицетворения, превращая привычный мир читателя в сказку без начала и конца. Все события, вне времени и существования человека.

*Там, где горы, убегая,
В светлой тянутся дали,
Пресловутого Дуная
Льются вечные струи.*

*Там-то, баяют, в стары годы,
По лазуревым ночам,
Фей вилися хороводы
Под водой и по водам;
Месяц слушал, волны пели...
И, навесясь с гор крутых,
Замки рыцарей глядели
С сладким ужасом на них...*

В произведении З. Дудюк [2, с. 131] Дунай выступает в образе загадочного прошлого. Внимая тайнам бытия, лирическая героиня в причудливом, призрачном пытается постичь реальность, оборонить себя и свой род любовью. Лирическая героиня заставляет ум и сердце вернуться к сокровенным темам познания жизни и слова!

*Праз глыб вякоў і буднія турботы
Даносіць песня згадку пра Дунай.
Пра ўсходні лотас нагадае лотаць –
Патайна адгукнецца даўніна.*

*Маліўся праішчур: «Дай мне сілы, Агні!»
І я штодня распальваю агні,
Спасцігнуць рэчаіснасць прагну,
Каб і сябе, і род абараніць.*

*У кругаверці ўсесусветнай драмы,
У каранях найстарадаўніх слоў
Галініцца святое слова – «мама»
І вечнае натхнёнае – «любоў».*

Под природой в Боге следует понимать, по Ф. Шеллингу, темную бессознательную силу, стремящуюся к обнаружению и просветлению. Дух и природа, по Шеллингу, – это одно и то же. Впоследствии же философ видел цель христианства в постепенном слиянии религии, философии и искусства.

В этом смысле показательны стихотворения Ф. Тютчева и З. Дудюк. Мы видим, как в бездушно-природных обстоятельствах

рождается побуждение к жизни, как настойчиво и страстно разгорается огонь исканий и раскаяний.

Наши предки осторожно прокладывали дорогу к небесам, но человечество незаметно перешло за грань, и в итоге человек стал бесприютником в этом мире.

Ф. Тютчев в стихотворении «Problème» описал судьбу человека, подобную судьбе камня. Во Вселенском пространстве мы движимы волею обстоятельств.

*С горы скатившись, камень лег в долине.
Как он упал? Никто не знает ныне –
Сорвался ль он с вершины сам собой,
Иль был низринут волею чуждой?
Столетье за столетьем пронеслося:
Никто еще не разрешил вопроса.*

(15 января 1833; 2 апреля 1857)

В стихотворении З. Дудюк [2, с. 76] человек находится в едином объеме мира, в пережитом просматриваются явления природы и с беспощадной ясностью обнажаются причины всех бед.

*Над асушаным балотцам,
Перасохлаю ракой
Сыпле вецер супраць сонца
Пыл нябачнаю рукой.*

*Круціць «чортава вяселле»,
Абыходзь яго здаля...
Наша клятае насенне
Не прымае больш зямля.*

*Адвявае, як атруту,
Адмаўляецца радзіць.
...І душа ракі пакутна
З неба воблачкам глядзіць.*

В своей статье доктор филологических наук, профессор заведующая кафедрой международной деловой лингвистики ФГБОУ

ВПО «Санкт-Петербургский государственный аграрный университет» Т. А. Кошемчук в «Искушение тварным» в натурфилософских стихах Тютчева» доказывает, что во многом тютчевские стихи несут в себе истинно христианское начало, останавливаясь особо на «переломном» периоде в творчестве поэта [4]. Но шеллингианско-пантеистическая основа прослеживается во многих стихотворениях поэта. Достоверно это прослеживается в стихотворении «День и ночь»:

*На мир таинственный духОв,
Над этой бездной безымянной,
Покров наброшен златотканый
Высокой волею богов.
День – сей блистательный покров
День, земнородных оживленье,
Души болящей исцеленье,
Друг человеков и богов!
Но меркнет день – настала ночь;
Пришла – и, с мира рокового
Ткань благодатную покрыва
Сорвав, отбрасывает прочь...
И бездна нам обнажена
С своими страхами и мглами,
И нет преград меж ей и нами –
Вот отчего нам ночь страшна!*

Произведения Ф. Тютчева богаты на образы богини Авроры, Перуна, великого Пана в пещере, Атласа и неотразимого Рока, Зевса и ветренной Гебы.

О том, что старина – это особый мир, который живет по своим правилам, можно прочувствовать, окунувшись в лирику З. Дудюк [3, с. 12]. Наши предки были хранителями важнейшего и величайшего богатства и в посылках из прошлого кроются многие разгадки для настоящего. Человеку, проделавшему долгий путь к Христианству, раздираемому сомнениями, осталась генетическая Память. Мир Богов – параллелен миру, где нет сомнений в том, в чем суть правды и лжи, где черное (ночь), а где белое (день). Об этом стихотворение «3 маленства сілу слова знаю...»:

*З маленства сілу слова знаю –
Заклён, прысуха, варажба.
Старую вёску ўспамінаю,
Дзе ў бабы хата ды вярба.
Багі яе – Бялун у лесе,
Што з нетраў выведзе заўжды,
Яшчэ Пярун у паднябессі,
Ўладар маланак і вады.
Жыла з багамі ў добрай згодзе.
Іх спагадаючы жыццю,
Як Каляда закарагодзіць,
Прасіла шчыра на куццю.
Капусту высадзіць на градах,
На ўскрайку камень пакладзе.
«Круглей вось гэткая на радасць,
На добры подзіў для людзей.
Па кулаку ўрадзіся, бульба,
Нібыта лес, ячмень, расці.
А ты, хвароба, гніся кульбай,
Каб нас не згледзець, не знайсці».
Як зуб скрышаўся у малое –
«Закінь за печ, такой бяды!
А мышка дасць табе затое
Не касцяны, а залаты».
Той час вяртае казкі, песні
З маленства знаю сілу слоў.
Зіму прагналі мы ад весніц
І абудзіліся вясной.
Свае радкі ў вянкi звіваю –
Заклён, прысуха, варажба.
І ў снах натомлена лятаю,
Туды, дзе хата ды вярба.*

[3, с. 12]

Ф. Тютчев в лирике (особенно в 20-е годы) сознательно воскрешает гилозоизм, а Шеллинг «выживает» его полностью из своей философии, уже в «Системе...» гилозоизм – «система абсурдная в

той мере, в какой самое материю она принимает в качестве разумной» [5, с. 13] и, как видим, последовательно отрекается от своих прежних взглядов, – утверждает Л.Г. Шакирова, в своих исследованиях.

Неустанный поиск истины философов и поэтов еще не единожды будет нас возвращать в период вселенского детства, который не выветривается временами, в злой суете не разрушаются сформированные понятия, созданные образы. Всеобщая Память и опыт накапливаются, чтобы золотыми семенами дать ростки в новых эпохах.

Список использованной литературы:

1. Дудзюк, З. Прадвызначэнне: зб. вершаў / З. Дудзюк. – Брэст : «Альтэрнатыва», 2020. – 152 с.
2. Дудзюк, З. Паданья каханья: зб. вершаў / З. Дудзюк. – Мінск : выд-ва «Мастацкая літаратура», 2003.
3. Дудзюк, З. Абрысы лета: зб. вершаў / З. Дудзюк. – Мінск : выд-ва «Мастацкая літаратура», Мінск, 1988.
4. Кошемчук, Т. А. «Искушение тварным» в натурфилософских стихах Тютчева // Академическая гимназия Санкт-Петербургского государственного университета, 2005.
5. Шакирова, Л. Г. Тютчев и Шеллинг // Мир науки, культуры, образования. – 2018. – № 4 (71).
6. Шеллинг, Ф. В. И. Соч. в 2-х т. – М, 1989.
7. Якобс, В. Происхождение зла и человеческая свобода или трансцендентальная философия и метафизика (о Шеллинге) // Вопросы философии. – 1994. – № 1.

Лиокумович Тимофей Борисович (Т. В. Liokumovich), доктор филологических наук, профессор (г. Чикаго, США) (*Chicago, USA*); timliokumovich@hotmail.com

УДК 82.09

ПОД БЛАГОТВОРНЫМ ПУШКИНСКИМ НАПУТСТВИЕМ

Аннотация. В статье рассматривается роль А. С. Пушкина, который с «изумлением и восторгом» воспринял тютчевскую лирику, а под его благотворным и плодотворным влиянием и другие выдающиеся российские писатели обратили на неё внимание, придя к убедительному утверждению классического характера произведений Ф. Тютчева и законного права их автора считаться заслуженным классиком русской словесности.

Ключевые слова: Фёдор Тютчев, А. С. Пушкин, Н. А. Некрасов, И. С. Тургенев, поэт-мыслитель, философская лирика, стихотворения, поэзия, сборник, классик, мюнхенское интеллигентное окружение, журнал «Современник», цензурные мытарства, образец чуткого внимания к творчеству собратьев по перу.

UNDER THE BENEFICENT PUSHKIN 'S PARTING WORDS

Annotation. The article examines the role of A.S. Pushkin, who received Tyutchev's lyrics with «amazement and delight», and under his beneficial and fruitful influence, other prominent Russian writers drew attention to it, coming to

a convincing statement of the classical character of F.'s works. Tyutchev and the legitimate right of their author to be considered a well-deserved classic of Russian literature.

Keywords. F. Tyutchev, A. Pushkin, N. Nekrasov, I. Turgenev, literature, poetry, poems, magazine «Sovremennik», collection, creative work, taking into consideration, successful attention, the classic.

За Фёдором Тютчевым в истории литературы устойчиво закрепилось определение как поэта-мыслителя. На первый взгляд такое теоретическое определение может показаться искусственным, надуманным, так как не бывает поэзии без содержания, поэзии без мысли, т.е. бессмысленной, состоящей из случайного набора слов, напоминающего собой пустопорожный бред. Так что поэт-мыслитель подразумевает не поверхностное, а глубокое понимание человеческой души, продуманное проникновение в явления природы, что содействует их правдивому описанию, их философской насыщенности.

В 1821 году восемнадцатилетний Тютчев блестяще закончил словесный факультет Московского университета, но на службу поступил в министерство иностранных дел, получив назначение в российское посольство в Мюнхене. Этот немецкий город в то время был крупным центром европейской культуры. За границей поэту с краткими перерывами пришлось пробыть 22 года. Там своей исключительной одарённостью, необыкновенным умом, широкой европейской образованностью, философскими интересами и мятежным духом он обратил на себя внимание лучшей части мюнхенской интеллигенции, среди которой пользовался заслуженным уважением. Тютчев сближается с философом Ф. Шеллингом, подружился с Г. Гейне, став одним из первых переводчиков стихотворений немецкого поэта на русский язык, а также переводит произведения Ф. Шиллера, И. В. Гёте и других иностранных поэтов. Эта одухотворённая творческая работа содействует в приобретении им неповторимого стиля в поэзии. Тогда же, в 20–30-е годы, Тютчев складывается как оригинальный художник слова. В это время он создал такие шедевры философской лирики, как «Видение», «Бессонница», «Сны», «Есть в светлости осенних вечеров...», «Цицерон», «Как над горячей золой...», «Silentium», «Тени сизые смешались ...», «О чём ты воешь, ветр ночной?..» и др.

Однако с творческими достижениями Тютчева имело возможность знакомиться только мюнхенское русскоязычное окружение

поэта. Его друзья, товарищи, сослуживцы справедливо считали, что стихотворения, которые впечатляли их своим глубоким содержанием и незаурядной художественной оригинальностью, достойны печатного распространения для более широкой читательской аудитории. Решено было вынести самобытные произведения на обсуждение одного из признанных российских поэтов и в случае его одобрения обратиться к нему с просьбой содействовать публикации чародейных тютчевских текстов. Выбор пал на Александра Пушкина.

В начале лета 1836 года мюнхенский сослуживец и друг Ф. И. Тютчева князь И. С. Гагарин, служивший в течение нескольких лет в русской дипломатической миссии вместе с ним, и который, как и другие русские интеллигенты из заграничного окружения поэта, восхищался лирикой любимца муз, привёз в Россию тетрадь со стихотворениями незаурядного автора.

Но прежде чем вручить тетрадь Пушкину, посланец решил ознакомить с её содержанием Петра Андреевича Вяземского, который согласился передать её по назначению хозяина тетрадки – Александру Пушкину, но до этого он в свою очередь привлёк внимание к ней Василия Андреевича Жуковского. Сохранилось письмо И. С. Гагарина к Ф. Тютчеву с рассказом о том, как он приступил к пропаганде стихотворений в пушкинском кругу, представители которого одобрительно отнеслись к произведениям, помещённым в тетрадке: «Через несколько дней захожу к нему (Вяземскому. – *Т. Л.*) невзначай около полуночи и застаю его вдвоём с Жуковским за чтением Ваших стихов и вполне увлечённых поэтическим чувством, которым они проникнуты» [1, с. 238]. Оба поэта по достоинству оценили общественную и художественную значимость тютчевских произведений и посчитали за необходимость их появление в печати. По просьбе мюнхенского посланца, тетрадь и была передана Пушкину. Известно, что через день Гагарин встретился с Пушкиным, который, как и следовало ожидать, радушно воспринял тютчевские стихотворения, пронитые как напряжённым чувством трагической жизни, насыщенных описанием сложного мира человеческих переживаний («Счастлив, кто посетил сей мир В его минуты роковые», «Средь бурь гражданских и тревоги») // «Цицерон», 1830 [2, 501]), так и философским проникновением в одушевлённое и одухотворённое состояние природных явлений: «В ней есть душа, в ней есть свобода, В ней есть любовь, в ней есть язык...» («Не то, что мните вы природа...» (1830-е) [2, с. 502].

В беседе с Гагариным, Пушкин отзывался о помещённых в тетради произведениях с горячим сочувствием и дал им высокую оценку, о чём Гагарин с удовольствием сообщал их автору: «Он оценил их по достоинству и говорил о них с глубоким чувством» [1, с. 238].

В ответном письме И. С. Гагарину Ф. И. Тютчев из Мюнхена благодарил своего сослуживца и друга за его попечение о стихотворениях, отправленных в Россию, и одновременно выразил своё восхищение Пушкинским талантом: «Мне приятно воздать честь русскому уму: он по самой сущности своей чуждается риторики, которая составляет собою язву или вернее первородный грех произведений ума французского. Вот отчего Пушкин так высоко стоит над всеми современными французскими поэтами» [1, с. 282].

Прозаик, литературный и музыкальный критик, журналист из пушкинского окружения В. Ф. Одоевский свидетельствовал, что вдохновенные стихотворения Тютчева привели в умиление Александра Сергеевича. Поэт, критик, профессор словесности, также представитель ближайшего пушкинского круга, главный помощник редактора в издании «Современника» П. А. Плетнёв в свою очередь подтвердил, что великий поэт высказывался о них с «изумлением и восторгом». Но даже если бы и не было таких авторитетных удостоверений, сама заинтересованная и бережная публикация тютчевских произведений выразительно подтверждает, что они пришлись по душе гениальному художнику русского слова, убедившемуся в значимости их содержания и в оригинальной художественной форме выражения. Об этом можно также судить по заботливому отношению Пушкина к авторским текстам.

А. Пушкин решил опубликовать стихотворения Тютчева в своём журнале «Современник», но для этого они должны были пройти через цензурное сито. В середине июля 1836 года он отвозит в цензурный комитет произведения, планируемые им поместить в третьем номере «Современника». Из них пять произведений вызвали подозрение у цензора: пушкинская статья «Александр Радищев», стихотворение Дениса Давыдова «Челобитная» и его же статья «О партизанской войне» и в том числе два стихотворения Ф. Тютчева. Пушкинская статья для окончательного решения цензурным комитетом была направлена в главное управление цензуры, статья Д. Давыдова

препроведена в Военное министерство, «Челобитная» с пометками возвращена издателю, а из тютчевского стихотворения «Не то, что мните вы природа...» было предписано изъять две строфы. Но на этом не окончились мытарства тютчевских стихотворений в цензурном комитете, т.к. при их рассмотрении на заседанни один из членов из этого надменного учреждения, враждебно отосившегося к Пушкину, не присутствовал, когда они рассматривались. А это был сам шеф Петербургского цензурного комитета М. А. Дондуков-Корсаков, кото-рый требовательно выразил настойчивое желание ознакомиться с ними. В результате его вмешательства было запрещено печатать стихотворение «Два демона ему служили...».

Наконец в 3-м и 4-м номерах «Современника» появляются значительные подборки лирических произведений Тютчева под общим названием «Стихотворения, присланные из Германии». Как уже упоминалось, в публикации стихотворения «Не то, что мните вы природа...» по требованию цензуры были пропущены две строфы. Пушкин настоял, чтобы цензурный пропуск был отмечен многоточием, чтобы дать читателю возможность понять, что оно представлено в сокращении. Одним словом, никак нельзя согласиться с тем, что тютчевские сочинения появились на журнальных страницах только по равнодушному желанию Пушкина как издателя, которого заботило не качество печатаемых произведений, а руководила лишь потребность заполнить страницы издаваемого им журнала, как считал Ю. Тынянов. Даже если принять его утверждение за истину, всё же нельзя не учесть и сбрасывать со счетов мнение представителей русской литературы – писателей, критиков, литературоведов, которые рассматривали пушкинское доброжелательное внимание к тютчевским сочинениям как дружеский жест, сыгравший значительную роль в литературной судьбе коллеги по перу, и расценивали его как заботливое отношение к развитию русской поэзии, свидетельствовали об отзывчивом характере гения русского пера. Подтверждение тому, что эта публикация появилась сознательно и по заслугам представляла на суд читателей неповторимую творческую личность, являясь её энергетической поддержкой, можно убедиться по благодарному отношению к ней знаменитых русских писателей XIX–XX веков, считавших, что она щедро открыла дорогу их автору в классическую литературу, сыграв ключевую роль в возрастании интереса к его поэтическому

слову, явившись для будущих знаменитых поэтов образцом чуткого внимания к творчеству своих собратьев по литературному цеху, что остаётся неоспоримым историческим фактором, продолжающим требовать к себе сосредоточенное правомерное исследование значимости творческих взаимосвязей.

Хотя всё же в 30–40-е годы XIX столетия стихотворения Тютчева не привлекали ещё должного внимания ни критики, ни широкой читательской аудитории, однако пушкинское обстоятельное и объективное отношение к ним послужило образцом необходимости привлечения большего внимания к исключительному мастеру достойных поэтических строк. Чуткое и сосредоточенное увлечение последующих мастеров российской художественной словесности к незаурядному лирику, естественно постепенно расширяло общественное восприятие его сочинений.

Начало возрождения подъёма внимания к творчеству Тютчева связано с именем Н. Некрасова, который отнёс его своеобразный художественный дар к русским первостепенным поэтическим талантам и, следуя пушкинской традиции, в 1850 году в своём «Современнике» (№1) опубликовал статью, в которой решительно заявил о необыкновенной природной одарённости поэта, ещё незамеченного надлежащим образом критикой, и привёл в доказательство 24 его стихотворения, отнеся их «к немногим блестящим явлениям в области русской поэзии» [3; 9, с. 205], приобщив его «к русским первостепенным поэтическим талантам» [3; 9, с. 220], поставив мало кому известного в ту пору Ф. Тютчева в один ряд с Пушкиным и Лермонтовым.

Настоящее читательское увлечение поэзией Тютчева, его заслуженная слава выдающегося мастера поэтического слова начинается с 1854 года, когда по инициативе И. С. Тургенева, считавшего, что поэт создал речи, которым не суждено умереть, при содействии И. И. Панаева и Н. А. Некрасова осуществляется издание поэтического сборника, в котором читателям были представлены 92 стихотворения, позволявшие углубиться в понимание пафоса и творческой самобытности их автора.

Параллельно, начиная с 50-х годов XIX века, росло внимание к поэзии Тютчева со стороны писательской среды и критики. Закономерный интерес к ней привлекает Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добро-

любова, Л. Н. Толстого, К. С. Аксакова, А. Фета, В. Брюсова, А. Блока и других видных представителей русского литературного процесса. За ним заслужено укрепляется звание классика русской поэзии, принесшее ему громкую славу и благодарную память потомков.

Таким образом, реальный приход Тютчева к русскому читателю связан с благосклонным вниманием к нему Александра Пушкина. Тютчев хорошо понимал пушкинскую роль в своей литературной судьбе и всю жизнь с признательной благодарностью относился к нему. На гибель Пушкина он откликнулся стихотворением «28 января 1837», в котором предрекал всенародную любовь к поэту и бессмертную память в человеческих сердцах:

*Тебя ж, как первую любовь,
России сердце не забудет...*

[2, с. 505]

Да и задушевное тютчевское слово, являясь высоким образцом поэтической мудрости, в которой пульсирует живое дыхание истории, верное изображение жизненных обстоятельств и природных явлений в их философском осмыслении и в убедительной художественной форме, обрело бессмертие, обогащая благородными чувствами и рациональным восприятием окружающего мира и ценности человеческой жизни, признательных читателей новых поколений.

Список использованной литературы:

1. Абрамович, С. Пушкин. Последний год. Хроника / С. Абрамович. – М. : «Советский писатель», 1991. – 620 с.
2. Русские поэты XIX века. Хрестоматия. – М. : «Просвещение», 1964–1040 с. – С. 497–509.
3. Некрасов, Н. А. Полн. собр. соч. и писем. В 12 т. / Н. А. Некрасов. – М. : 1952. – Т. 9.

Мартьянова Светлана Алексеевна (S. A. Martyanova), заведующая кафедрой русской и зарубежной филологии, кандидат филологических наук, доцент ВлГУ имени А.Г. и Н. Г. Столетовых (*г. Владимир, Российская Федерация*) (*Vladimir, Russian Federation*); martyanova62@list.ru.

УДК 821.161.1

Ф. И. ТЮТЧЕВ В ЛИТЕРАТУРНОМ НАСЛЕДИИ С. И. ФУДЕЛЯ

Аннотация. В статье проанализированы контексты, отсылающие к имени и наследию Ф. И. Тютчева в текстах С. И. Фуделя. Сделаны наблюдения и выводы о роли творчества русского поэта в развитии богословских и религиозно-философских идей мыслителя XX века. Выявлена преемственность решений С. И. Фуделя с работами поэтов и критиков Серебряного века.

Ключевые слова: Ф. И. Тютчев, С. И. Фудель, религиозная философия, богословие, Серебряный век.

F. I. TYUTCHEV IN THE LITERARY HERITAGE OF S. I. FUDELYA

Annotation. The article analyzes contexts that refer to the name and heritage of F.I. Tyutchev in the texts of S.I. Fudelya. Observations and conclusions are made about the role of the Russian poet's creativity in the development of the theological and religious-philosophical ideas of the 20th century thinker. The continuity of S. I. Fudel's decisions was revealed with the works of poets and critics of the Silver Age.

Keywords: F.I. Tyutchev, S.I. Fudel, religious philosophy, theology, Silver Age.

Общеизвестно, что Фёдор Тютчев создавал стихи, в которых выражал свои размышления о природе, человеческой душе и вечных ценностях. Его поэзия часто содержала богословские мотивы и религиозные образы. Хорошо известно также, что настоящую славу Ф. И. Тютчеву принес Серебряный век с его повышенным интересом к метафизическим мотивам и богоискательским настроениям. В задачу настоящей работы входит реконструкция представлений о творчестве Ф. И. Тютчева в работах духовного писателя Сергея Иосифовича Фуделя, наследника идей начала XX века (1900–1977),

Имя этого яркого «потаенного» мыслителя становится все более известным: издано трехтомное собрание сочинений, создан сайт, в г. Покрове Владимирской области появился небольшой музей, ежегодно проводятся «Фуделевские чтения». В сентябре 2023 года увидела свет книга ранее не публиковавшихся писем и стихотворений – «Весенний воздух вечности».

У Сергея Фуделя нет отдельных статей или книг, посвященных русскому поэту. Вместе с тем исследование богословских и художественных поисков мыслителя невозможно без обращения к творчеству Тютчева, имя которого часто встречается и на страницах «Воспоминаний», и в переписке с сыном, и в книге «Наследство Достоевского», и в работах «Славянофильство и Церковь», «Начало познания Церкви». В последней работе Фудель вспоминает, как пришел к отцу Павлу Флоренскому с «глубокомысленным проектом», посвященным «Ночи» Тютчева, и выслушал совет «сузить тему», заняться изучением тютчевских эпитетов «черное и золотое» [6, с. 329]. Для нашей работы важно, что именно тютчевские темы и образы находились у истоков формирования мировоззрения сына священника, верующего молодого человека, и, по всей вероятности, многое в нем определили.

Почему именно Тютчев? Ответить на этот вопрос частично помогает обращение к контексту рассказа о разговоре с отцом Павлом. Это седьмая глава книги «Начало познания Церкви», посвященной Флоренскому. Тютчевское стихотворение «День и ночь» (1839) вспоминается здесь как произведение, раскрывающее «антиномии мира» и предвещающее теорию мировых культур Флоренского. И уже здесь, в своего рода комментарии к работам отца Павла, сформулировано важное положение, определяющее понимание

С. И. Фуделем творчества Тютчева: «Культура есть воплощение в земной среде божественного начала. Если нечего воплощать или если негде воплощать, то есть если нет Бога или среды для Него, то культура умирает» [6, с. 324]. Культура не есть Бог, но Бог является ее животворящим источником. Следовательно, культура может быть проводником Божественной реальности. Это утверждение является, на наш взгляд, ключевым для определения той оптики, с которой С. Фудель подходит к истолкованию произведений Тютчева.

Эта оптика поддерживается утверждением, звучащим в письме Н. Н. Третьякову 1963 года: «Больше того, надо честно признать, что, благодаря великому оскудению религиозной жизни, слова и художественные образы некоторых писателей – ну, скажем, Тютчева, Лермонтова, Лескова, Пастернака или Экзюпери, как бы возмещают это оскудение» [5, с. 10]. «Великим оскудением религиозной жизни» С. Фудель называл и рассудочное «школьное» богословие, часто делавшее человека неверующим «под видом верующего, и «затемнение понятия Церкви», и «духовное безлюдие» [6, с. 281]. Особенно важно понять, какие же слова и образы Тютчева становятся проводниками мира невидимого и сверхчувственного? В текстах Сергея Иосифовича упоминаются или цитируются такие стихотворения, как «Последний катаклизм» (1829), «Бессонница» (1829), «О чем ты воешь, ветр ночной?» (нач. 1830-х гг.), «Из края в край, из града в град» (1834), «День и ночь» (1839), «Эти бедные селенья...» (1855), «О вещая душа моя!..» (1855), «Певучесть есть в морских волнах...» (1865) и др. Сергей Фудель оценивал определенные строки поэта как выражение глубокой правды, сопоставимой с религиозным откровением. Попробуем понять, в каких строчках Тютчева мыслитель чувствовал веяние глубокой правды, сопоставимой с религиозным откровением.

Д. Д. Черепанов возвел образ ночи в творчестве Фуделя к произведениям западноевропейского романтизма [7, с. 260]. При этом исследователь подчеркнул параллели с тютчевскими темами: тема «реального общения», сон как проводник знания о мире. Образ ночи получил в статье исследователя многозначную семантику: 1) основа мира, подлинное бытие; 2) ночь как время рождения Церкви; 2) оскудение праведности, которые ведут к помрачению души отдельного человека и «ночи истории»; 3) тягостное состояние души, вызванное мыслью о неизбежной смерти [7, с. 263].

Вместе с тем материал произведений Фуделя содержит богатые ресурсы для продолжения темы. Несмотря на то, что Фудель и Тютчев принадлежали к разным эпохам, имели свой уникальный стиль, они обращались к теме гармонии и лада. Фудель видел искусство «школы Пикассо» как форму бунта и нарушения изначальной гармонии. Рассуждая таким образом, он, вероятно, находил аналогии в стихотворениях Фёдора Тютчева, чтобы подкрепить свои рассуждения о божественной гармонии и её нарушениях.

Строчки из стихотворения Тютчева, такие как «невозмутимый строй во всем», могли служить для Фуделя примерами той гармонии и порядка, которые следует сохранять в сфере искусства. Тема угрозы нарушения этой гармонии и её последствий, о которой Фудель говорил, также может быть связана с романтическими и метафизическими аспектами, характерными для Тютчева и его эпохи. Нарушение гармонии таит в себе смертельную опасность, которую Фудель пояснял, снова и снова обращаясь к стихотворениям Тютчева «О чем ты воешь, ветр ночной?», «Последний катаклизм». Эти размышления Фуделя добавляют интересный аспект к пониманию влияния искусства на человеческую гармонию и духовное состояние.

На страницах книги Фуделя «Наследство Достоевского» неоднократно встречаются отсылки к стихотворению «Эти бедные селенья...». В главе «Владычествующая идея» они используются для характеристики веры Достоевского как «русской веры во Христа – Царя Небесного, идущего в рабском виде по земле» [6, с. 11]. Кажется, что С. И. Фудель применял это стихотворение для иллюстрации веры и религиозных убеждений Фёдора Достоевского. Строки стихотворения, которые призывают к вере, молитве и собственной силе духа, могли использоваться Фуделем, чтобы подчеркнуть религиозные аспекты мышления Достоевского и его отношение к вере как важному элементу русской культуры и идентичности.

Обращение Ивана Карамазова к тютчевским строчкам о родной земле истолковывается как выражение пасхальной вести о полноте воплощения, «о прощении и благословении земли». Интерпретация Фуделем этого фрагмента романа может быть рассмотрена как выражение своего рода духовного поиска и философской рефлексии.

Отсылки к творчеству Тютчев содержит и книга «Начало познания Церкви», посвященная отцу Павлу Флоренскому. Задав-

шись вопросом о нужности Флоренского современному христианину, Фудель сначала отвечает строками из стихотворения «Из края в край, из града в град...» [6, с. 283]. Эти строки могут быть интерпретированы как выражение убеждения в негативных аспектах текущего времени или ситуации. В контексте мировоззрения Сергея Фуделя, эти строки могли бы указывать на его схожее отношение к времени и обстоятельствам, прежде всего в связи с неблагополучием церковного положения. С одной стороны, он мог видеть в этом выражении Тютчева предостережение о предельной осторожности. С другой, он подчеркнул, что торжество «душевного бесчувствия» не отменяет постоянной цели жизни христианина – стремления к Богообщению.

С помощью строчек Тютчева – «Нам не дано предугадать...» – Фудель комментирует различные реакции студентов на лекции отца Павла Флоренского в духовной академии. Эти строки могут отражать удивление, непонимание или даже некоторую неуверенность в том, какие новые идеи или знания преподносил Флоренский в своих лекциях. Фудель использует эти строки, чтобы подчеркнуть неслыханную новизну лекторской манеры священника [6, с. 283].

В книге «Начало познания Церкви» глава «Два мира» завершается первым четверостишием стихотворения «О вещая душа моя!...» Они служат символическим выражением идеи Церкви, подразумевающей и многих людей, и одного человека, предстоящего перед Богом и все еще охваченного тьмой [6, с. 298].

Уяснив отдельные контексты упоминания произведений Тютчева на страницах работ Фуделя, попытаемся определить истоки и ближайший контекст необычного понимания значения творчества поэта. Одним из таких источников нам представляется В. С. Соловьева «Поэзия Ф. И. Тютчева» (1895). В частности, В. Соловьев тоже полагал, что цель поэзии – «воплощать в *ощутительных* образах то самый высший *смысл* жизни, которому философ дает определение в разумных понятиях» [4, с. 472]. Фудель, возможно, разделял мнение Соловьева о специфической гармонии между поэзией и мыслью в стихотворениях Тютчева. Такие стихи могли служить примерами этой гармонии и доказательствами того, как поэзия может выражать сложные философские и религиозные идеи.

Другим важнейшим источником, на наш взгляд, можно считать статью В. Я. Брюсова «Ф. И. Тютчев. Смысл его творчества» (1910),

где Тютчев, названный «глубоким мыслителем», отнесен к «самым значительным, самым замечательным созданиям русского духа» [1, с. 217]. В статье Брюсова также выделяются «бессознательные» стихи Тютчева, которые обращаются к тайнам мира. Это указывает на то, что в его творчестве Тютчева часто звучат загадочные и метафизические моменты, где он исследует глубокие аспекты человеческой природы и мира вокруг нас. Эти стихи приглашают читателей задуматься над тайнами существования и природой реальности.

В статье Вяч. Иванова «Заветы символизма» Тютчев рассмотрен как поэт символического метода, сознававший потребность «нового поэтического языка» [3, с. 589]. Предтечей символистов считали Тютчева З. Гиппиус, К. Бальмонт, Г. Чулков [2].

Сходство идей Фуделя о Тютчеве с идеями русских символистов имеет свои границы. Далеко не все в статье Брюсова можно назвать соприродным идеям Фуделя. Так, мэтр русских символистов много пишет о тайнах природы у Тютчева, о бессилии человека, не затрагивая тем христианского богословствования о мире и человеке. В работах Фуделя нет того преувеличения жреческого начала в искусстве, какое мы наблюдаем у Вяч. Иванова.

Таким образом, работы религиозного писателя можно считать одной из интереснейших страниц русской тютчевианы. Уникальность представлений русского религиозного мыслителя определяется его поисками живого присутствия Христа в современности и новых, «живых» форм богословского и поэтического языка. Оставшись собеседником представителей русского Серебряного века, заново открывших значение поэзии Тютчева, Фудель сумел найти и выразить свое представление о поэте как вестнике божественных истин в пустыне современной жизни.

Список использованной литературы:

1. Брюсов, В. Я. Ф. И. Тютчев. Смысл его творчества // Брюсов В. Я. Сочинения в двух томах. Т. 2. Статьи. Рецензии 1893–1924. – М. : Художественная литература, 1987. – С. 217–232.
2. Гудзий, Н. К. Тютчев в поэтической культуре русских символистов [Электронный ресурс]. – Режим доступа : Интернет-ресурс. Режим доступа <http://tutchev.lit-info.ru/tutchev/kritika-about/gudzij-tyutchev/gudzij-tyutchev.htm>. – Дата доступа: 10.09.2023.

3. Иванов, Вяч, И. Собрание сочинений. Т. 2. / В. И. Иванов. – Брюссель, 1974. – С. 588–603.
4. Соловьев, В. С. Поэзия Ф. И. Тютчева / Соловьев В. С. // *Философия искусства и литературная критика*. – М. : Искусство, 1991. – С. 465–482.
5. Фудель, С. И. Собрание сочинений : В 3 т. Т. 1 / С. И. Фудель; [Сост., подгот. текста и коммент. Н. В. Балашова, Л. И. Сараскиной]. – М. : Рус. путь, 2001. – 648 с.
6. Фудель, С. И. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 3 / Сост., подгот. текста и коммент. прот. Н. В. Балашова, Л. И. Сараскиной. – М. : Русский путь, 2005. – 456 с.
7. Черепанов, Д. Д. Образ «ночи» и тема поэтического познания в творчестве С. И. Фуделя / Д. Д. Черепанов. – БВ, 2021. – С. 253–268.

Мельникова Зоя Петровна (Z. P. Melnikava), доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры белорусского литературоведения Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина (*г. Брест, Республика Беларусь*) (*Brest, Republic of Belarus*); pralih@mail.ru

УДК 821.161.1-14+821.161.3-1.09 “19”

ЦЮТЧАЎСКІЯ МАТЫВЫ Ў БЕЛАРУСКАЙ ПАЭЗІІ ПАЧАТКУ ХХ СТАГОДДЗЯ

Анотацыя. У артыкуле абгрунтоўваецца ўплыў творчасці рускага паэта Ф. Цютчава на жанравае станаўленне пейзажнай, філасофска-медытатыўнай, і нтымнай лірыкі ў маладой беларускай літаратуры пачатку ХХ стагоддзя. Выяўлены тыпалагічныя вобразна-сэнсавыя паралелі між творамі Ф. Цютчава і беларускіх аўтараў М. Багдановіча, Янкі Купалы, Змітрака Бядулі, В. Ластоўскага. Высновы аб эстэтычным уплыве цютчаўскай паэтыкі на станаўленне беларускай паэзіі аргументаваны тэкставым аналізам.

Ключавыя словы: ідэйна-творчыя накірункі літаратуры, багдановічаўскі шлях, пейзажная, філасофска-медытатыўная, інтымная лірыка, творчая эстэтыка, лірычны герой, беларуская паэзія, аўтарская асабовасць, эматыўна-лірычны модус, філасофскі падтэкст.

TYUTCHEV'S MOTIFS IN BELARUSIAN POETRY OF THE EARLY 20th CENTURY

Annotation. The article demonstrates the Russian poet F. Tyutchev's influence on genre development of landscape, philosophical-meditative, and love poetry of young Belarusian authors in the early 20th century. The author reveals typological imagery-meaning similarities between the poetry of F. Tyutchev and that of Belarusian authors (M. Bahdanovich, Yanka Kupala, Zmitrok Biadulia, and V. Lastouski). The conclusion about the aesthetic impact of Tyutchev's poetics on Belarusian poetry development is supported by text analysis.

Keywords: ideological and artistic trends in literature, Bahdanovich's style, landscape, philosophical-meditative, love poetry, artist's aesthetics, persona, Belarusian poetry, author's personality, emotive-lyrical mode, philosophical connotation.

Уплыў цютчаўскіх матываў на беларускую паэзію з самага пачатку XX ст. бачыцца ў фарміраванні ў ёй “Багдановічавага шляху” (Я. Чыквін). Пры ўсёй разнастайнасці беларускай паэзіі першых дзесяцігоддзяў XX ст., у ёй выразна вылучаюцца *два асноўныя ідэйна-творчыя накірункі*, якія сёння літаратуразнаўцы (вядома ж, з пэўнай доляй умоўнасці) называюць *купалаўскі і багдановічаўскі*. *Купалаўскі* характарызаваўся перавагай сацыяльна-палітычных, рамантычна-фальклорных, народна-вызваленчых матываў у літаратуры. Па прычыне гістарычных абставін на Беларусі, якая доўгі час была паўночна-заходняй ускраінай Расійскай імперыі, нацыянальная літаратура, і перадусім паэзія, была мастацкай формай выяўлення сацыяльнага пратэсту, выконвала місію абаронцы заняволеннага беларускага народа. Паэзія пачатку XX ст. часта прамаўляла ад імя народа. Менавіта голасам народа, які імкнецца да волі, стала творчасць Янкі Купалы і шэрагу іншых аўтараў (Якуб Колас, Цётка, Змітрок Бядуля, М. Гарэцкі, інш.). Нашаніўскі перыяд (1906–1915 гг.) вылучаўся нацыянальна-вызваленчым, купалаўскім пафасам, і гэта была дамінуючая плынь у тагачаснай літаратуры.

Аднак у адраджэнцкай беларускай літаратуры была і другая плынь, якую пазней даследчыкі назавуць «*верхнім*», *багдановічаўскім* шляхам (у адрозненне ад «*нізавога*» – народна-пратэстанцкага, бунтарскага, купалаўскага). Яго прадстаўляў М. Багдановіч, інтэлігент-эстэт, знаўца і прыхільнік рускай і еўрапейскай класічнай літаратуры [6, с. 10].

Верхні і нізавы шляхі ўзаемадапаўняліся ў працэсе станаўлення беларускай літаратуры пачатку ХХ ст. і, безумоўна, засвойвалі мастацкі вопыт суседніх, больш сталых літаратур.

Уплыў рускай літаратуры, у тым ліку творчасці класікаў ХІХ ст., з большай відавочнасцю выяўляўся ў творчых пошуках прадстаўнікоў «верхняга» шляху. Эстэтыка рускай класікі адчуваецца найперш у творчасці самога М. Багдановіча, а таксама Якуба Коласа, Змітрака Бядулі, чымі літаратурнымі настаўнікамі былі не толькі А. Пушкін, М. Лермантаў, але і паэты «пушкінскай эпохі», сярод якіх асабліваю папулярнасць набывалі Ф. Цютчаў і А. Фет. Аб гэтым сведчаць эпіграфы – радкі гэтых паэтаў, якія бралі да сваіх твораў беларускія пісьменнікі. «Перазовы» агульных матываў, несумненна, прысутнічаюць не толькі ў тагачаснай беларускай паэзіі, але і ў сённяшняй. Папулярнасць Ф. Цютчава ў беларускай паэзіі засведчана частымі зваротамі сучасных літаратараў да перакладаў, творчых перасатварэнняў геніяльных, непадуладных часу вершаў вялікага рускага паэта. Толькі ў апошні час да іх звярталіся В. Вітка, В. Зуёнак, Х. Жычка, А. Каўка, Ю. Свірка, А. Бембель, Л. Дранько-Майсюк, іншыя.

Багдановічавы «эстэцтва» (творча-філасофскае заглыбленне ў разуменне красы, гармоніі, паўнаты жыцця чалавека) пэўны час крытычна ўспрымаліся Купалам і іншымі выдаўцамі і супрацоўнікамі «Нашай нівы». Па гэтай прычыне далёка не ўсе «эстэцкія» вершы, якія ён дасылаў з Расіі, дзе ў той час жыў, друкаваліся ў беларускай газеце. І толькі праз час удалося спасцігнуць значэнне і актуальнасць «эстэцкіх» пошукаў М. Багдановіча для беларускай літаратуры.

Цютчаўскія матывы выразна выяўляюцца ў творчасці *М. Багдановіча*. Гэты паэт і некаторыя яго сучаснікі ў пачатку ХХ ст. паўнацэнна распрацоўвалі важныя жанрава-тэматычныя плыні – пейзажную, філасофска-медытатыўную і інтымную лірыку. У творах маладога М. Багдановіча ўпершыню па-цютчаўску ўзнёсла і адметна ўзнаўляюцца беларускія пейзажы, малюнкi прыроды, якія маюць, акрамя таго, і філасофскі падтэкст, перадаючы тонкі псіхалагізм унутранага свету, інтымныя перажыванні лірычных герояў. Творчы вопыт Ф. Цютчава, для якога велічная краса прыроды і прыгажосць жанчыны былі двума лікамі Боскай сутнасці жыцця, несумненна, цікавіў М. Багдановіча.

Відавочна, што пад уплывам рускай паэзіі і цягчэўскага ўслаўлення жанчыны як «іпостасі Благодаты Божыей» [5, с. 224] ствараўся багдановічэўскі паэтычны цыкл «Мадоны». Для беларускай паэзіі новай з’явай стала паэтызацыя жанчыны як ідэала прыгажосці і высокага, філасофска-вітальнага сэнсу быцця, як крыніцы натхнення. Гэта тыпалагічна паходзіць ад паэтаў пушкінскай пары, ад Ф. Цютчава, для якога каханне да жанчыны было выключна важным пачуццём, якое давала стымул жыццю і паэзіі. Ён быў «верноподданным женской прелести и красоты», як пра яго пісалі даследчыкі [5, с. 22].

Своеасаблівым паэтычным адпаведнікам да знакамітых вершаў Ф. Цютчава «Я встретил вас...», «Я помню время золотое...» ў беларускай паэзіі з’яўляецца лірыка кахання М. Багдановіча, і найперш вершы «пра Вераніку». Дзяўчына засталася светлым успамінам лірычнага героя аб былым, «залатым» часе маладосці, і пранізліва-самотны, але ўсё ж шчаслівы ўспамін асвятляе яго жыццё. Лірычная гераіня верша Ф. Цютчава «Я помню время золотое» бачыцца амаль такою ж, як багдановічэўская Вераніка.

У Ф. Цютчава чытаем:

*Я помню время золотое,
Я помню сердцу милый край:
День вечерел; мы были двое;
Внизу, в тени, шумел Дунай.*

... ..
*И на холму, там, где, белея,
Руина замка вдаль глядит...*

*Ты беззаботно вдаль глядела...
Край неба дымно гас в лучах;*

... ..
*И ты с веселостью беспечной
Счастливый провожала день;
И сладко жизни быстротечной
Над нами пролетала тень.*

[5, с. 116]

Сугучныя светлай элегічнасцю цютчаўскім радкі верша беларускага паэта:

*Ізноў пабачыў я сялібы,
Дзе леты першыя ўзышлі:
Там сцены мохам параслі...*

*... ..
Я ў сад пайшоў. Ёсць глуха, дзіка,
Усё травой зарасло.
І толькі надпіс «Вераніка»...
Казаў вачам аб той пары...*

*... ..
Чым болі сходзіць дзён, начэй,
Тым імя мілае вышэй*

[1, с. 79]

Вершы адрозніваюцца абставінамі разгортавання лірычнага сюжэту. У цютчаўскім творы фонам сюжэту з’яўляюцца руіны замка, квецень дзікіх яблынь, Дунай. У вершы беларускага паэта – гэта вёска, старая хата, дзікі заросшы сад, памятная ліпа, пад якой сустрэкаліся закаханыя ў маладосці...

Аднак галоўнае, што збліжае вершы абодвух паэтаў, – адчуванне незваротнасці часу і вечнага, шчымлівага, ды ўсё ж бласлаўленага пачуцця ўдзячнасці да дзяўчыны, якая нарадзіла ў душы лірычнага героя незабыўнае каханне. Багдановічаўская Вераніка, пры ўсім адрозненні, усё ж нагадвае цютчаўскую “младую фею” тым, што праз многа год ростані абуджае ў мужчынскай душы цёплыя, хвалюючыя ўспаміны: «когда повеет вдруг весною / И что-то вострепнется в нас...», калі, аказваецца, што даўно перажытае каханне не памірала:

*С давно забытым упоеньем
Смотрю на милые черты...
Как после вековой разлуки,
Гляжу на вас, как бы во сне –
И вот – слышнее стали звуки,
Не умолкавшие во мне...*

[5, с. 345]

Цютчаўская герайня адрозніваецца ад Веранікі сваёй бесклапотнасцю: «Ты беззаботно вдаль глядела... И ты с веселостью беспечной / Счастливый провожала день...» [5, с. 116].

У эстэтычнай канцэпцыі М. Багдановіча вобраз каханай ускладнены паэтавым бачаннем у дзяўчыне не толькі жаночай прыгажосці, прадмета мужчынскага захаплення, але і будучай ахвярнай маці. Гэта, несумненна, было абумоўлена глыбока асабістымі перажываннямі (пасля чарговых родаў, маладой, памерла маці паэта). Пра Вераніку, герайню іншага твора (вершаванага апавядання «Вераніка»), паэт зазначае, што «жылося цяжка... / Яе памерла рана маць, / І не было саўсім сястрыцы...» [1, с. 60–61]. Нягледзячы на розныя жыццёвыя гісторыі, вобразы герайнь рускага і беларускага паэтаў збліжае паэтычнае ўзвышэнне, перададзенае праз «мужчынскае» бачанне.

Цютчаўскае пакланенне жанчыне заўважаецца нават у паэзіі *Янкі Купалы*, у цыкле вершаў «Да Яе». Культам жанчыны, жаночай годнасці і красы пазначаны паэмы Купалы «Бандароўна», «Яна і Я». І нездарма ў назве апошняга твора на першае месца пастаўлена «Яна». Купала часта звяртаўся да перакладаў. З рускай літаратуры ён перакладаў М. Някрасава, М. Кальцова, М. Красільнікава, Р. Кудрашову. У ліку гэтых перакладаў ёсць і верш Ф. Цютчава – «Лісце», зроблены беларускім паэтам у 1925 г. Гэты твор прывабіў Купалу амаль праз сто год пасля напісання яго рускім паэтам, уразіў, відавочна, пейзажным майстэрствам і глыбокім філасофскім падтэкстам. Па нашых назіраннях, Купалава перастварэнне гэтага верша больш мінорнае і экспрэсіўнае. У ім менее цютчаўскай светлай элегічнасці. Варта параўнаць хаця б адну страфу арыгінала і перакладу.

У Ф. Цютчава чытаем:

*Но птички отпели,
Цветы отцвели,
Лучи побледнели,
Зефиры ушли [5, с. 68]*

У перастварэнні Купалы:

*Ды знікнуў час ласкі.
Птушыны сціх спеў,
Пасохнулі краскі,
Луг зелен счарнеў [3, с. 241]*

У беларускім перакладзе паяўляецца больш змрочнай экспрэсіі, якую ўвасабляюць метафарычныя дзеясловы: у Ф. Цютчава – «Цветы *отцвели*», у Купалы – «*Пасохнулі* краскі»; замест цютчаўскага эмацыйна-паэтычнага «Птички отпели» ў беларускім перакладзе – «Птушыны сціх спеў». Купала ўводзіць змрочную колеравую канстатацыю – «Луг *зелен счарнеў*», адмовіўшыся шукаць адпаведнікі радкам рускага паэта: «Лучи побледнели, / Зефиры ушли».

У цэлым элегічны восеньскі матыў лісцяў, адарваных ад родных галін, якія не хочуць падаць на зямлю і паміраць, а імкнуцца паляцець у невядомую далеч за «буйнымі ветрамі», у беларускім перакладзе перададзены трапна, выразна. Купала захаваў цютчаўскую медытацыйнасць, алегарычны філасафізм твора: лёсы і жыцці людскія, як лісце...

Ідэяна-эстэтычныя погляды М. Багдановіча аб гармоніі і красе ў творчасці падзяляў і *Змітрок Бядуля*, яшчэ адзін класік, які прыйшоў у літаратуру ў пачатку ХХ ст. У паэзіі маладога Бядулі бачыцца выразны ўплыў Ф. Цютчава і найперш у жанрах пейзажнай і медытацыйнай лірыкі. Выхадзец з традыцыйнай сям’і беларускіх яўрэяў, не стаў рэбэ-талмудыстам, як таго жадалі родныя. Адораны юнак цягнуўся да свецкай асветы, да літаратурнай творчасці і настойліва займаўся самаадукацыяй. Ён выпісваў і ўважліва чытаў расійскую перыёдыку, захапляўся творчасцю вядомых рускіх пісьменнікаў. Менавіта пад уплывам прачытанага і ўпадабанага, відавочна, у тым ліку і твораў Ф. Цютчава, малады Бядуля пачаў пісаць вершы на рускай мове, пасылаў іх у пецяярбургскія часопісы «На берегах Невы», «Молодые порывы», дзе яны і друкаваліся. Некаторыя творы беларускага аўтара сведчаць аб вялікім уплыве рускай паэзіі і якраз цютчаўскага эстэтычнага бачання і пераасэнсавання жыцця. Гэта выразна выяўляецца ў паэтычнай медытацыі, у рамантызаваным пейзажы вершаў Бядулі.

Філасофска-медытацыйнае пейзажаванне было нетыповай і адметнай з’явай у беларускай паэзіі пачатку ХХ ст. Прырода ў ранніх вершах З. Бядулі, як і ў паэзіі Ф. Цютчава, – не толькі сфера існавання лірычнага героя, а хутчэй непасрэднае адлюстраванне духоўна-пачуццёвага жыцця асобы. Гэта – пейзаж, перанесены ў сферу асабістага, суб’ектыўнага перажывання і асэнсавання місіі чалавека, яго прысутнасці ў свеце. Такое, цютчаўскае, светаадчуванне беларускі паэт дапаўняў настальгічнымі матывамі: лірычны герой Бядулі сумуе

па гармоніі, красе, духоўнай дасканаласці людзей; ён марыць пра вартае, інтэлектуальна насычанае, стваральнае жыццё.

Уласцівыя лірычнаму герою Ф. Цютчава тонкасць псіхалагічнага ўспрымання прыроды, глыбіня ўнутранага водгуку на яе таямнічы і велічны свет выразна ўплывалі на фарміраванне творчай эстэтыкі маладога З. Бядулі. Варта параўнаць цютчаўскія і бядулеўскія «начныя» пейзажы, каб пераканацца ў гэтым.

*Как сладко дремлет сад темно-зеленый,
Объятый негой ночи голубой,
Сквозь яблони, цветами убеленной,
Как сладко светит месяц золотой!..*

... ..
*Святая ночь на небосклон вошла,
И день отрадный, день любезный
Как золотой покров она свила,
Покров, накинутый над бездной...
... И знаем мы: под этой дымкой
Все то, о чем душа болит,
Какой-то странной невидимкой
От нас таится и молчит [5, с. 97]*

А вось тыпалагічна падобны бядулеўскі пейзаж:

*Облита лунным светом круглая поляна...
Застыл в тревожной позе чуткий заросняк...
Как глыба мрамора пушистый слой тумана
Между колонн деревьев наполнил влажный мрак.*

*Под тайным колдовством река не шевелится.
И нем весь божий мир... и нем сеанс ночной...
Вот время самое и плакать, и молиться!..
Вот время самое проникнуть все душой!..*

[2, с. 30–31]

Параўнанне прыведзеных і некаторых іншых вершаў пейзажнай лірыкі Ф. Цютчава і З. Бядулі дазваляе ўбачыць, што вобразы пейзажу, малюнкi прыроды ў абодвух паэтаў вызначаюцца глыбокай

пачуццёвасцю, адлюстраваннем медытатыўна-філасофскага свету асобы, усведамленнем неспазнанасці і часовасці чалавечага жыцця. Цалкам магчыма, што менавіта ў вялікага рускага лірыка малады беларускі паэт вучыўся праз апісанні прыроды спасцігаць і перадаваць тонкія псіхалагічныя нюансы светаадчування асобы.

Бядулеўскае рамантызаванае ўспрыняцце прыроды, ужытыя эпітэты, параўнанні («тревожная поза», «чуткий заросняк», туман, как глыба мрамора», «влажный мрак») нагадваюць класічную стрыманасць, стылявую ўзвышанасць радкоў рускага паэта, перадаюць менавіта цютчаўскае адчуванне загадкавасці і непаўторнасці імгненняў жыцця. Медытатыўным роздумам, уласцівым творчай манеры рускага лірыка, заканчваецца таксама і верш беларускага паэта. Вобразы ночы, рамантычна-таямнічай прыроды ў прыведзеных творах маюць і філасофскую канатацыю, экспрэсіўную выразнасць, чаму, магчыма, менавіта ў Ф. Цютчава вучыўся беларускі паэт.

Тыпалагічнае падабенства ў светаўспрыманні лірычных герояў абодвух творцаў назіраецца і ў тым, як герой успрымае і перажывае сітуацыю. Часта іх яднаюць усведамленне неразгаданасці быцця, сэнсу і місіі жыцця чалавека, матывы вышэйшай прадвызначанасці.

Яшчэ адным красамоўным сведчаннем эстэтычна-філасофскай прыцягальнасці творчасці Ф. Цютчава для беларускай літаратуры перыяду яе станаўлення з'яўляюцца асобныя творы выдатнага вучонага-гісторыка і літаратара *В. Ластоўскага*. Сярод вершаў, якіх няма многа ў яго спадчыне, можна заўважыць выразныя наследаванні цютчаўскім матывам і пераклад верша рускага паэта «Из Микеланджело», зроблены *В. Ластоўскім* у 1923 г.

Беларускага аўтара прывабіла кароткае, але алегарычна-ёмістае чатырохрадкоўе Ф. Цютчава пра бесчалавечны час («век преступный и бесстыдный»), калі маральна і духоўна немагчыма жыць і адчуваць сябе годна: «Отраднo спать, отрадней камнем быть...» [5, с. 257]. Гэта маральна-філасофская выснова Ф. Цютчава ў перастварэнні *В. Ластоўскага* гучыць гэтак жа драматычна: «Прыемна спаць, а камнем ўсё ж лепей быць...» [4, с. 221].

В. Ластоўскаму давялося бываць у мясцінах Еўропы, якія ў свой час натхнялі рускага паэта. У іх спадчыне сустракаюцца вершы, якія і тэматычна, і эстэтычна судакранаюцца: напрыклад, у Ф. Цютчава ёсць верш «Альпы» і ў *В. Ластоўскага* «У Альпах». У рускага паэта снежныя горы, грозныя і туманныя, параўноўваюцца

з «падшымі царямі», якія ажываюць-увакрасаюць кожны раз з
узыходам залатога сонца.

*Сквозь лазурный сумрак ночи
Альпы снежные глядят;
Помертвелые их очи
Льдистым ужасом разят.
... ..
Дремлют, грозны и туманны,
Словно падишие цари!..
Но Восток лишь заалеет,
Чарам гибельным конец –
... ..
И блестит в венцах из золота
Вся воскресшая семья!.. [5, с. 61]*

Падобны, велічны зімовы альпійскі пейзаж паўстае і ў вершы
беларускага паэта:

*Кругом правечна бель снягоў,
не топтаных людской ступой...
У вышыні сінеюць льды
дамаскай сталлю,
і небазвод ўраджае даллю
панадлівых нябёс паўдзённых... [4, с. 211]*

Пры ўсёй вобразнай, рытміка-сіntaxічнай адрознасці ў абодвух
творах заўважаецца падабенства эмагьўна-лірычнага модусу: пачуццё
захаплення, зачараванасці лірычнага суб'екта незвычайным горным
пейзажам. Аднак у заключных радках верша В. Ластоўскага выразна
выяўлена аўтарская асабовасць, чаго няма ў вершы Ф. Цютчава.
Лірычны герой В. Ластоўскага – беларус, які ніколі не памяняе
незвычайную, халодную прыгажосць італьянскіх гор на родную
зямлю, дзе сціпла жыве народ:

*... я не завідую табе,
Італьяская зямля!
Летш наша бедная калыска,
Жыццём напоўнена ушчэрць... [4, с. 212]*

З прыведзеных і шматлікіх іншых прыкладаў бачна, што творчасць вялікага рускага паэта была папулярнай і запатрабаванай у беларускім літаратурным працэсе перыяду яго станаўлення – у першыя дзесяцігоддзі XX ст. Вершы Ф. Цютчава былі літаратурнымі ўзорамі мастацкасці, эстэтычнай дасканаласці, спалучаючы глыбіню думкі і пачуцця з вытанчанай вобразнасцю. Цютчаўская паэтыка, несумненна, спрыяла станаўленню беларускай пейзажнай, філасофскай і інтымнай лірыкі, што бачна праз тыпалагічныя параўнанні з паэзіяй М. Багдановіча, Янкі Купалы, Змітрака Бядулі, В. Ластоўскага. Беларускіх паэтаў прывабліваў тонкі псіхалагізм, філасафізм, глыбіня і далікатнасць выказвання інтымных перажыванняў папулярнай у гэты час паэзіі Ф. Цютчава. Творчая эстэтыка рускага паэта адпавядала менавіта «верхняму» шляху развіцця нацыянальнай літаратуры, які адстойвалі прыхільнікі «гармоніі і красы» і найперш М. Багдановіч. Ён глыбока ведаў і цаніў дасягненні рускай паэтычнай класікі, перакладаў эстэтыку вытанчанасці, дасканаласці на беларускае пісьменства, якое знаходзілася на этапе станаўлення. Актualізацыя цютчаўскай творчасці на беларускай мастацка-культурнай глебе ўзбагачала эстэтычны модус не толькі тагачаснай беларускай паэзіі, але і наступных дзесяцігоддзяў, уключаючы і сучасны перыяд літаратуры.

Спіс выкарыстанай літаратуры:

1. Багдановіч, М. Вершы / Склад. М. А. Казбярук / Максім Багдановіч. – Мінск : Юнацтва, 1981. – 127 с.
2. Бядуля, З. «Облита лунным светом...» // Цыт. па: Мельнікава, З. П. «На горне душы...» Творчасць Змітрака Бядулі і беларуская літаратура першай трэці XX стагоддзя : Манаграфія. – Брэст : БРДУ імя А. С. Пушкіна, 2001. – 222 с.
3. Купала, Я. Поўны збор твораў. У 9 т. Т. 4 Вершы, пераклады 1915–1929. – Мінск : Маст. літ., 1997. – 446 с.
4. Ластоўскі, В. Выбраныя творы : Уклад., прадмова і каментарыі Я. Янушкевіча. – Мінск : «Беларускі кнігазбор», 1997. – 512 с.
5. Тютчев, Ф. И. Я встретил вас... Стихотворения / Федор Тютчев. – Москва : Издательство «Э», 2018. – 384 с.
6. Чыквін, Ян. Ідэя. Вобраз. Інтэрпрэтацыя / Ян Чыквін. – Беласток : БЛА «Белавежа», 2014. – 166 с.

Рачевский Станислав Григорьевич (St. G. Rachewski), кандидат филологических наук, доцент кафедры профессионального развития работников образования ГУО «Брестский областной институт развития образования» (*Брест, Республика Беларусь*) (*Brest, Republic of Belarus*); kafedra.boiro@yandex.ru

Годуйко Людмила Алексеевна (L. A. Goduiko), кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры общего и русского языкознания Брестского государственного университета (*Брест, Беларусь*) (*Brest, Belarus*); god_lusi@mail.ru

ДИАЛОГ ФИЛОЛОГОВ: Ф. ТЮТЧЕВ И М. БОГДАНОВИЧ – ПОЭТЫ «КОСМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ»

Аннотация. В статье – в форме диалога соавторов и с применением компаративистского подхода – рассматривается тема неисчерпаемости мироздания, выражения космического и земного в поэзии Ф. Тютчева и М. Богдановича.

Ключевые слова: Тютчев, Богданович, поэт, лирика, человек, космос, Вселенная, земля, природа, ночь.

DIALOGUE OF PHILOLOGISTS: F. TYUTCHEV AND M. BOGDANOVICH – THE POETS OF «COSMIC THOUGHT»

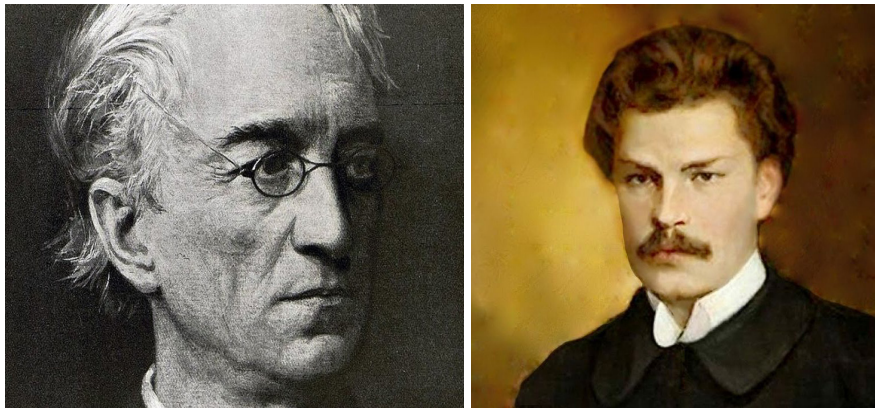
Annotation. In the article – in the form of a dialogue between the co-authors and with the use of a comparative approach – the theme of the inexhaustibility of the universe, the expression of the cosmic and the earthly in the poetry of F. Tyutchev and M. Bogdanovich is considered.

Keywords: Tyutchev, Bogdanovich, poet, lyrics, man, space, Universe, earth, nature, night.

Л. А. Годуйко (далее – Л. Г.). Федор Тютчев и Максим Богданович... Корректно ли, что, избрав такую тему, мы соединили две несопоставимые творческие личности и две эпохи? Тютчев родился в самом начале XIX в., прожил более 70 лет, стал достойным представителем философской поэзии в русской литературе. Этого автора, например, Н. Добролюбов ценил как выразителя «знойной страстности» и «суровой энергии», глубокой думы об общественной жизни. М. Богданович же родился через 18 лет после того, как не стало Тютчева, прожил всего 26 лет, мелькнув метеоритом на поэтическом небосклоне. Правда, за короткую жизнь оставил ярчайший след в белорусской литературе, внёс вклад в становление белорусского литературного языка, успел проявить себя в прозе, публицистике, литературной критике, переводах...

С. Г. Рачевский (далее – С. Р.). На первый взгляд, вроде и несопоставимы два этих имени; несхожесть возраста, жизненного и

творческого опыта видна даже из визуального соседства: на снимке последних лет жизни Ф. И. Тютчев – много переживший стареющий человек с редкими поседевшими волосами, рассеянным взглядом и с лёгким намеком иронии на устах; на одной из последних фотографий М. А. Богданович – молодой мужчина с густой тёмно-каштановой шевелюрой и спокойным, сосредоточенным взглядом.

Но возможность сопоставления даёт нам сегодня компаративистика – сравнительное изучение жанров, стилей, направлений и произведений разных эпох и в разных национальных литературах. Важно, чтобы для этого находились аргументы.

Л. Г. Тогда почему бы не начать с синхронного рассмотрения двух периодов: раннего творчества Ф. Тютчева и поэтического десятилетия М. Богдановича, которое он успел завершить единственным сборником стихов «Венок». Предлагаю сопоставить тематику произведений двух авторов, которая часто – естественное созвучие в художественном творчестве.

С самого начала поэтического пути Тютчев проявил склонность к лирике философской, к осмыслению сути человеческого бытия, к собственному художественному рассмотрению проблем жизни и её течения во времени и пространстве:

*Увы, что нашего незнанья
И беспомощней, и грустней?
Кто смеет молвить: до свиданья,
Чрез бездну двух или трёх дней?*
(1854)

*И я один, с моей тупой тоскою,
Хочу сознать себя и не могу...*
(1865)

*Откуда, как разлад возник?
И отчего же в общем хоре
Душа не то поёт, что море,
И роищет мыслящий тростник?*
(1865)

Эти и многие другие философские творения раннего Тютчева – отзвук прочитанного у Паскаля и Руссо, которые, как полагают исследователи его жизни и творчества [5, с. 7], с юности оставили неизгладимый след в сознании поэта. Его художественным достижением считаются любовная лирика и воспетые поэтическим слогом картины природы. У Тютчева – неиссякаемое внимание к жизни *воды*, которая у него – любимая природная стихия, мирозидательная сила. А ещё его называли поэтом ночи, влекомым тёмным, таинственным, ночным.

С. Р. Вторю Вам. Как натура размышляющая, в своей поэзии состоялся и Богданович: он успел заглянуть, подчёркивает О. Лойко, в любые проявления жизни – в высокое и низкое, героическое и трагическое, в самые острые повседневные и вечные темы, стал поэтом «кусеабдымнага ахопу жыцця» [6, с. 9]. Иное дело, что до уровня поэтического философствования Тютчева или Купалы и Колоса он не успел вырасти из-за неизлечимой болезни... И все же. Богданович точно так же блестяще проявил себя в пластическом, тонком описании природы; ему, как и Тютчеву, был близок и понятен язык звуков; его пейзажи в стихах столь же проникнуты мыслью, чувством, раздумьем. Не случайно его поэтические шедевры на эту тему до сих пор хрестоматийны и любимы народом. Что же касается сквозных мотивов, то у Богдановича (и в этом он особенно сближается с Тютчевым) неотъемлемыми образами являются, если внимательно

перечитывать «Венок», *вечер, наступление ночи, тишина, звёздное небо.*

Л. Г. Вот мы и подошли к непосредственному объекту обмена мнениями. Действительно, глубина, неисчерпаемость мироздания, необъяснимость Вселенной – этот космогонический пафос лирики был настолько свойственен Тютчеву, что в конце его жизни критики всё чаще стали писать о преобладании у русского мастера слова не дневного, а ночного, не отрадного, а зловещего, игнорируя подлинные творческие открытия в «поэзии ночи», её философскую глубину [5, с. 26]. Всего в поэтическом наследии Тютчева – около пяти десятков произведений, полно или фрагментарно раскрывающих устремлённость его мысли к тайнам космической жизни и человеческого «Я» в ней, но большинство подобных поэтических строк приходится на ранний период творчества:

*Уж звёзды светлые взошли
И тяготеющий над нами
Небесный свод приподняли
Своими влажными главами.*

*Река воздушная полней
Течёт меж небом и землёю...*
(1828)

*Таинственно, как в первый день созданья,
В бездонном небе звёздный сонм горит...*

<...>

*Откуда он, сей гул непостижимый?..
Иль смертных дум, освобождённых сном,
Мир бестелесный, слышимый, но незримый
Теперь роится в хаосе ночном?...*
(1835)

*И бездна нам обнажена
С своими страхами и мглами,
И нет преград меж ней и нами –
Вот отчего нам ночь страшна!*
(1839)

*Как дымный столп светлеет в вышине! –
Как тень внизу скользит неуловима!..
«Вот наша жизнь, – промолвила ты мне, –
Не светлый дым, блестящий при луне,
А эта тень, бегущая от дыма...»*

(1848–1849)

С. Р. Замечено ли Вами, в каком из стихотворений ранней поры мысль Ф. Тютчева особенно устремлена в космические дали, и он полон искушения многое там изведать?

Л. Г. Пожалуй, в двух – «Последний катаклизм» и «Как океан объемлет шар земной...». Попробую обосновать это.

Название первого художественного текста (1829) звучит достаточно пессимистично, даже апокалиптически: *катаклизм* ('от греч. *kataklysmós* 'наводнение, потоп'), т. е. 'внезапный перелом, разрушительный переворот (в природе, в обществе)', да еще и *последний*... В произведении явно ощущается отсылка к всемирному потопу, память о котором сохранилась в Библии (наводнение планетарного масштаба стало, по воле Бога, наказанием людям за богоотступничество и крайнюю развращённость), интерпретировалась в преданиях, сказаниях разных народов:

*Когда пробьёт последний час природы,
Состав частей разрушится земных:
Всё зримое опять покроют воды...*

С позиции отдельного человека, всего созданного людьми – это финал, неминуемая смерть... Но взгляд Тютчева на ситуацию отличается масштабностью, философичностью, космичностью, пониманием бесконечности жизни Вселенной. «Успокоение после всеобщей гибели – это не покой смерти, а передышка творящих сил перед новым актом творения» [7, с. 7]: *И божий лик изобразится в них!*

В основе стихотворения – антитеза, противопоставление *вод* (безликие, они пугают глубиной, темнотой, неустойчивостью; разрушают, поглощают «*всё зримое*»; существительное *вода* употреблено во множественном числе, что подчёркивает бесконеч-

ность водной массы) и *лика* (он вызывает ассоциации со светом; с устремлённостью в горный мир; символизирует созидательность, порядок мироустройства). Контекстуальные антонимы *воды* и *лик*, резко отличаясь своей коннотацией, «переключают» пафос стихотворения – с трагического на романтический.

В работах литературоведов находим мысли о том, что означает выражение «*божий лик*». Его понимают и как христианский образ Бога [4, с. 262], и как «лик звёздного неба» (оно для Тютчева «есть вид света») [7, с. 9], и как «лик солнца, отражённый в воде, залившей всю землю» [2, с. 9]... Не вдаваясь в споры о религиозном мировоззрении Тютчева (христианин?, пантеист?, верующий язычник?), отметим, что автор создаёт образ мировой гармонии, настоящего *космоса* – в исходном значении называющего его слова: *космос* (от греч. *kosmos* ‘Вселенная’) ‘мир, мыслимый как упорядоченное единство, целое (в противоположность хаосу)’; первоначальный смысл слова – ‘порядок, гармония, построение, устройство’ (номинация *космос* употреблялась по отношению к воинскому строю и государственному устройству; применительно к миру ее первым использовал Пифагор) [3].

В стихотворении «Как океан объемлет шар земной...» идея нераздельности мировых начал представлена не имплицитно, а очевидно, явственно. Неотделимы у Ф. Тютчева друг от друга *вода* (океан объемлет шар земной, звучными волнами стихия бьёт о берег свой, уж в пристани волшебный ожил чёлн, прилив растёт и быстро нас уносит в неизмеримость тёмных волн, мы плывём) и *небесный свод* (горящий славой звёздной, таинственно глядит из глубины). А это уже – двойная *бездна*, дуализм которой акцентируют метафоры, уподобляющие океан и ночь, океан и небо.

И эта бесконечная *бездна* манит, «*нудит нас и просит*» (устар. *нудит* ‘заставляет, принуждает’). Особенно сильно притяжение ночью, когда «*земная жизнь кругом объята снами*», по которым человек плывёт в бессознательное: «*волшебный ожил челн*» и «*быстро нас уносит в неизмеримость тёмных волн*». Образ чёлна отсылает к лодке Харона (сон – своеобразная смерть, переход в иную реальность), к снам-путешествиям, к скорее иррациональному восприятию жизни:

*И мы плывём, пылающею бездной
Со всех сторон окружены.*

Ночные видения (к слову, стихотворение было впервые опубликовано под названием «Сны») помогают человеку оторваться от земного, обыденного – и это подчеркивает высокая, традиционно-поэтическая лексика (*глас, чёлн*), эпитет *вошебный*. Во сне можно прислушаться к себе, понять происходящее, получить ответы на волнующие вопросы, открыть некоторые тайны непознаваемого до конца внутреннего и внешнего космоса...

А что у любимого Вами М. Богдановича?

С. Р. В сборнике «Венок» из 172 стихотворений – два десятка текстов, в которых поэт в основном внимает красоте ночных небес. Здесь душа его распахнута навстречу вечерней тишине (*Ціха ўсё была на небе, зямлі і на сэрцы*) и спокойствию, когда можно в стихотворных столбцах воплотить размытые в дневной суете картины, образы, детали. Богданович только подступает к осмыслению места человеческого начала в необъятной Вселенной, к таинству небесной природы:

*Упалі з грудзей пана бога,
Парваўшыся, пацеркі зор.
Яны раскаціліся ў небе,
Усыпалі сіні прастор.
І гэтак маркотна і пільна
На край наш нядольны глядзяць...
Што ж чуюць яны там, што бачаць,
Чаго ўсё дрыжаць і дрыжаць?..*

(1914)

*Зялёны, быццам лёд, халодны небасхіл,
І праз імглу яго патроху праступае
Маленькіх, мілых зор дрыжачы, срэбны пыл.
Здароў, радзімыя! Мацней, ясней гарыце
І сэрцу аб красе прыроды гаварыце!*

(1911)

В «Романсе» (а это сегодня – достояние нашей национальной музыкальной культуры) первая вечерняя звезда становится символом чистой, пусть и не разделённой любви:

*Зорка Венера ўзышла над зямлёю,
Светлыя згадкі з сабой прывяла...
Помніш, калі я спаткаўся з табою,
Зорка Венера ўзышла...*

<...>

*Буду ў далёкім краі я нудзіца,
У сэрцы любоў затаіўшы сваю;
Кожную ночку на зорку дзівіцца
Буду ў далёкім краю...*

(1912)

Можно с уверенностью утверждать, что, подобно Тютчеву, Богданович наконец проявил себя поэтом «космической мысли» – в стихотворении «Я хацеў бы спаткацца з Вамі на вуліцы...». Именно в этом тексте обнаруживается потенциал (ему не суждено было раскрыться) поэтического философствования о месте человеческого сознания среди неизведанных миров, о том, что человек – квант разума:

*Я хацеў бы спаткацца з Вамі
на вуліцы
У ціхую сіннюю ноч
сказаць:
«Бачыце гэтыя буйныя зоркі,
Ясныя зоркі Геркулеса?
Да іх ляціць наша сонца,
І нясецца за сонцам зямля.
Хто мы такія?
Толькі падарожныя – папутнікі сярод нябёс.
Нашто ж на зямлі
Сваркі і звадкі, боль і горыч,
Калі ўсе мы разам ляцім
Да зор?»*

(1915)

В этом поэтическом тексте у Богдановича впервые обнаруживается его не боязнь заглянуть в тему бытия на Земле, желание отыскать ответ на извечный вопрос «Что такое человек во Вселенной?». В дни написания стихотворения шла Первая мировая война – результат обострения борьбы за сферы влияния, источники сырья, господство одних держав над другими. Название произведения по первой строке выявляет желание автора вовлечь читателя – а он может встретиться и на улице – в обсуждение проблем, которыми живёт человечество.

То, что несёт с собой мировая война, обозначено у поэта однородными в контексте существительными *сваркі* ‘ссора’, *звадкі* ‘стычки’, *боль*, *горыч*. Чтобы отмежеваться от зловещего столкновения интересов в войне, где гибнут миллионы, Богданович, создавая художественный текст без ритма и рифмы, предлагает переключиться на осмысление исключительности, чрезвычайной редкости нашей жизни во Вселенной, о чём люди забывают. Отсюда – вопросительная интонация предложений, построенных просто (*Бачыце зоркі Геркулеса?*; *Хто мы такія?*), и рассудительный ответ: *Толькі падарожныя, – папутнікі сярод нябёс*. Как человек образованный, Богданович использует здесь выверенные астрономические сведения: Земля, как и вся Солнечная система, движется со скоростью 20 километров в час в направлении созвездий Геркулеса и Лиры. Руководствуясь этим знанием, поэт и делает смысловым центром текста перифразу *папутнікі сярод нябёс* (мы, люди). Данный описательный оборот и спустя 100 лет можно расценивать как актуальный тезис, как важный и сегодня подтекст или даже как клич автора: людям мира надо сосредоточиться на единении, а не на разрушении всего лучшего, предназначенного для жизни. Обратим внимание: лирическое начало стихотворения, лишённого традиционной поэтической формы, выражено скупой (ночь *ціхая*, *сіняя*; *зоркі буйныя*, *ясныя*), что необычно для романтически настроенного Богдановича, но это и понятно, ведь его занимала не поэтическая эстетика, а глубокое гражданское рассуждение о бездумности тех, кто затеял войну мирового масштаба. Отсылка к космическому началу (*Нашто ж на зямлі сваркі і звадкі, боль і горыч, / Калі ўсе мы разам лямцім / Да зор?*) позволяет отнести эту основную мысль произведения к наднациональной, общечеловеческой, до сих пор современной.

Л. Г. У Тютчева находим стихотворение «Есть много мелких, безымянных...», и, на первый взгляд, оно продолжает устремлённость поэтической мысли в космос. Но в тексте угадывается ещё один, переносный, смысл-призыв: давайте искать себя не только «среди миров, в мерцании светил» (И. Анненский), но и среди людей, которые дарят нам *свет путеводный, свет благой*. Вчитаемся в эти строки:

*Есть много мелких, безымянных
Созвездий в горней вышине.
Для наших слабых глаз, туманных,
Недосягаемы оне...*

*И как они бы не светили,
Не нам о блеске их судить,
Лишь телескопа дивной силе
Они доступны, может быть.*

*Но есть созвездия иные,
От них иные и лучи:
Их бодрый, радующий души,
Свет путеводный, свет благой
Везде, и в море и на суше,
Везде мы видим пред собой.*

*Для мира дальнего отрада,
Они – краса небес родных,
Для этих звёзд очков не надо,
И близорукий видит их.*

(1859)

*Но есть созвездия иные,
От них иные и лучи:
Как солнца пламенно живые,
Они сияют нам в ночи.*

Это произведение – одно из последних, в котором тема космоса раскрывается Тютчевым развёрнуто. Одна из причин её постепенного «угасания» кроется, на наш взгляд, в окончательном постижении

поэтом истины: природа земного и вселенского в проявлениях бесконечна, а люди – преходящи; человек и Вселенная несоизмеримы. Поэт переводит сознание в человеческую галактику, призывает спуститься с небес туда, где живём...

Но далёкий космос в его достижении, доступности по-прежнему остаётся целью человечества.

С. Р. Завершая поднятую нами тему, давайте обратимся к факту: как много у Тютчева последователей в стремлении «сканировать» мыслью космос.

Л.Г. Замечу, что у Тютчева как поэта «космической мысли» был предшественник – М. В. Ломоносов. Тема, о которой говорим, фрагментарно проявлялась потом в поэзии Ф. Сологуба, К. Бальмонта, А. Блока, М. Волошина, С. Есенина, В. Маяковского, позже – у Н. Асеева, В. Луговского, Н. Старшинова, С. Щипачёва, В. Солоухина, И. Бродского, В. Высоцкого. Но, на наш взгляд, она не достигла той глубины постижения всеединства и бесконечности мироздания, которую видим у Тютчева – она «приземлилась», как об этом написал, например, В. Солоухин:

*Мерцают созвездья в космической мгле,
Заманчиво светят и ясно,
Но люди привыкли жить на земле.
И эта привычка прекрасна.*

(1973)

Нельзя обойти эмоциональный отклик на первый полёт Гагарина в космическое пространство, которым стала песенная поэтика, а некоторые стихи поэтов-песенников – духовным атрибутом космонавтики. Эйфорическая волна от проникновения за пределы Земли, к счастью, со временем отступившая, надо признать, уводила от суждений о реальных возможностях человечества:

*Хорошо, когда с тобой товарищи,
Всю Вселенную проехать и пройти.
Звёзды встретятся з Землёю расцветающей,
И на Марсе будут яблони цвести.*

Е. Долматовский (1962)

*Я верю, друзья, караваны ракет
Помчат нас вперёд, от звезды до звезды.
На пыльных тропинках далёких планет
Останутся наши следы.*

В. Войнович (1960)

Тем не менее, начавшееся в XX в. освоение внеземного пространства изменило космос как магию, предчувствие, вызов – на космос как на дело, процесс, профессию:

*А мы летим орбитами,
Путями неизбежными,
Прошит метеоритами простор.
Оправдан риск и мужество,
Космическая музыка
Вплывает в деловой наш разговор.*

А. Поперечный (1985)

С. Р. Неразгаданность всего, что над нами, в далёких мирах, после Богдановича, конечно же, занимала и белорусских мастеров поэтического слова, пускай и не достигала в отражении подлинно философских высот. Сошлюсь, например, на творчество А. Кулешова, П. Панченко, В. Короткевича, Р. Бородулина, Г. Буравкина, В. Зуёнка. В отдельных творениях, что не менее ценно, часто утверждается неотделимость человеческого бытия и рассудка от мира земного и небесного, миссия человека соединять землю и вселенский простор:

*Я – трэці свет, я кропелька малая,
Тых светаў двух – звычайны чалавек,
Што неба і зямлю ў сабе змяшчае
І ў свет адзін злучае іх навек.*

А. Кулешов (1962)

*Гляджу я ў зорны сусвет,
Як у буквар дашкольнік,
І разумею: сакрэт
Тых літар не ўзнаю ніколі...*

*Касмічнае немаўля,
Скаванае ланцугамі, –
Я твой да скону, Зямля,
І цёмны грунт пад нагамі.*

В. Зуёнок (1985)

Л. Г. Согласно, что космогонический материал в поэзии наших современников не менее важен, чем эмпирическое стихотворное всматривание в космос Тютчева или Богдановича, поскольку востребована мысль о непреходящем притяжении нас к тому, что невозможно оставить на родной земле. Удивительно проникновенно высказался об этом Р. Рождественский:

*Как безмерно оно – притяженье
Земли,
Притяженье полей и печальных ракет,
Тех дорог, по которым мы в детстве прошли,
И дорог, по которым пройти предстоит.*

*Там горы высокие,
Там степи бескрайние,
Там ветры летят, по просёлкам пыли.
Мы – дети Галактики,
Но самое главное –
Мы дети твои, дорогая Земля!..*

(1978)

Список использованной литературы:

1. Багдановіч, М. Маладзік. Лірыка / М. Багдановіч ; склад. А. Лойка. – Мінск : Беларусь, 1968. – 292 с.

2. Козырев, Б. М. Из второго письма [Электронный ресурс] / Б. М. Козырев // Письма о Тютчеве. – Режим доступа : <http://tutchev.lit-info.ru/tutchev/kritika-about/kozyrev-pisma-o-tyutcheve/iz-vtorogo-pisma.htm>. – Дата доступа : 26.08.2023.

3. Космос [Электронный ресурс] // Савченко, В. Н. Начала современного естествознания. Тезаурус / В. Н. Савченко, В. П. Смагин. – Ростов-на-Дону, 2006. – Режим доступа : <https://estestvoznanie.academic.ru/682/%D0%9A%D0%BE%D1%81%D0%BC%D0%BE%D1%81>. – Дата доступа : 26.08.2023.

4. Кошемчук, Т. А. «Искушение тварным» в натурфилософских стихах Тютчева / Т. А. Кошемчук // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр : сб. научных трудов. – Вып. 4. – Петрозаводск, 2005. – С. 258–275.

5. Кузина, Л. Н. О жизни и творчестве Ф. И. Тютчева / Л. Н. Кузина, К. В. Пигарев // Стихотворения. Письма / Ф. И. Тютчев. – М. : Правда, 1986. – С. 5–26.

6. Лойка, А. Лірыка Максіма Багдановіча / А. Лойка // Маладзік. Лірыка / М. Багдановіч. – Мінск : Беларусь, 1968. – С. 7–13.

7. Тархов, А. Творческий путь Тютчева / А. Тархов // Лирика / Ф. И. Тютчев. – М. : Наука, 1966. – Т. 1. – С. 3–24.

8. Тютчев, Ф. И. Лирика : в 2 т. / Ф. И. Тютчев. – М. : Наука, 1966. – Т. 1. – 303 с.

Синельникова Лара Николаевна (L. N. Sinelnikova), доктор филологических наук, профессор Луганского государственного педагогического университета (*г. Луганск, Луганская Народная Республика, Российская Федерация*) (*Lugansk, Luhansk People's Republic, Russian Federation*); prof.sinelnikova@gmail.com

УДК 821.161.1.09

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЕ ПОЛЕ ПОЭЗИИ ТЮТЧЕВА: ОТ БАЗОВЫХ ПРИНЦИПОВ К НОВЫМ РАКУРСАМ РАССМОТРЕНИЯ

Аннотация. В статье обращается внимание на два фактора формирования исследовательского поля: традиционный литературоведческий подход и филологический, объединяющий лингвистов и литературоведов. Опыт совместности представлен в анализе композиционной структуры стихотворений Тютчева, в описании эволюционных процессов в применении некоторых образных средств. Новые подходы, расширившие исследовательское поле, связаны с подключением когнитивного параметра и с применением возможностей цифровых технологий.

Ключевые слова: Тютчев, тютчеведение, поэтика, композиционная структура, эволюция, когнитивная поэтика, цифровые методы.

THE RESEARCH FIELD OF TYUTCHEV'S POETRY: FROM BASIC PRINCIPLES TO NEW PERSPECTIVES OF CONSIDERATION

Annotation. The article draws attention to two factors of the formation of the research field: the traditional literary approach and the philological approach, which unites linguists and literary critics. The experience of compatibility is presented in the analysis of the compositional structure of Tyutchev's poems, in the description of evolutionary processes in the use of some figurative means. New approaches that have expanded the research field are connected with the connection of the cognitive parameter and with the use of digital technologies.

Keywords: Tyutchev, Tyutchev, poetics, compositional structure, evolution, cognitive poetics, digital methods.

*Каждый, век, приобретая новые идеи,
приобретает и новые глаза.*
(Г. Гейне)

*Поэтику пора бы отменить,
Она – пустейшее из всех занятий.
Но где тогда связующая нить,
Преемственность стремлений и понятий.*
(Д. Самойлов)

В формулировке темы заявлен двойной аспект: базовые (традиционные) принципы рассмотрения поэзии Тютчева и новые ракурсы интерпретации творческого наследия поэта. Содержание предпосланных тексту статьи эпиграфов, как представляется, создает концептуальный контекст для ценностной интеграции как этих аспектов, так и опыта исследователей, принадлежавших к разным научным школам и действовавших в пространстве разных научных парадигм. Личность и творчество Ф. И. Тютчева давно вышли за пределы физического времени и стали достоянием многих поколений не только читателей, но и исследователей. Переключка научных концепций в их традиционном и новаторском наполнениях сближает поколение ученых и стимулирует рождение новых научных идей.

Границы исследовательского поля определяет поэтика, точнее, критерии её описания. Традиционно словари квалифицируют

тютчеведение как раздел литературоведения и истории литературы, занимающийся изучением биографии и творчества русского поэта Ф. И. Тютчева. Но толкование художественных текстов, в том числе стихотворных, у большинства исследователей основывалось на филологическом подходе, который объединяет литературоведение и лингвистику, не исключая при этом акцентного фактора. Синтез двух ветвей филологии расширил интерпретационные возможности исследователей творчества Тютчева, способствовал развитию новых концепций и новых оценочных характеристик. Достаточно назвать направления, предусмотренные для обсуждения на метапредметной научной конференции «Этносы и судьбы в жизни и творчестве Ф. И. Тютчева: к 220-летию со дня рождения» (Брестский государственный технический университет, 23–24 ноября 2023 года):

Ф. И. Тютчев – поэт, дипломат, «живой отпечаток русского ума, русской души»; Служебная и дипломатическая деятельность Ф. И. Тютчева; Интерпретация творчества Ф. И. Тютчева в «малом» и «большом времени»; Отражение социокультурных процессов и истории народов в жизни и творчестве поэта; Место и роль человека в мире «в минуты роковые» его истории в лирике Ф. И. Тютчева; Пленительная русская природа в творчестве поэта; Философия жизни и её отражение в творчестве Ф. И. Тютчева; Люди и судьбы в любовной лирике поэта; Практика исследования психологических и лингвистических аспектов в творчестве Ф. И. Тютчева; Проблемы осмысления и изучения жизни и творчества Ф. И. Тютчева в современном поликультурном пространстве школ и вузов Западной и Восточной Европы; Творчество Ф. И. Тютчева в контексте музыки и живописи: история и современность; Творчество Ф. И. Тютчева и всемирный литературный процесс: взаимосвязи и контакты.

Неисчерпаемы возможности компаративистского рассмотрения связей между Тютчевым и поэтами разных времен и разных индивидуальностей. В исследовательском поле тютчеведения обозначились ряды сопоставлений: Тютчев и Державин, Тютчев и Пушкин, Тютчев и Баратынский, Толстой и Тютчев, Тютчев и Фет, Некрасов и Тютчев, Тютчев и Блок, Тютчев и Пастернак, Тютчев и Бродский, Тютчев и Гейне. Ряд ориентирующих на поэтику Тютчева сопоставлений остается открытым, и к диахроническим объединениям присоединяются синхронические сопоставления, например, Тютчев

и Высоцкий [4]. Открытость ряда сопоставлений подтверждает оценку Л.Н. Толстого, индексированную в его заметках буквами Т. и Г. (Тютчев, глубина), и свидетельствует о том, что поэзия Тютчева содержит некий код как универсальной поэтической культуры и поэтического смысла, так и особенностей русской поэтической культуры.

Литературовед О. В. Зырянов в статье, посвященной 200-летию юбилею Тютчева, писал: «Юбилейные размышления актуализируют в первую очередь настоящую попытку ревизии уже имеющихся интерпретаций тютчевского творчества и постановку новых задач его познания, исходящих из потребностей современной культуры и контекста «большого времени» (термин М. Бахтина)» [3, с. 129]. К числу новых задач исследователь относил внимание к политической поэзии Тютчева, к переписке поэта, некоторые темы которой резонируют с современностью, к проблемам генеалогии индивидуальной творческой манеры Тютчева, к особенностям его метасюжета, основанного на двух мирах с их взаимным переходом. Такого рода задачи нельзя назвать новыми, поскольку они уже так или иначе рассматривались (достаточно посмотреть Библиографию работ о Тютчеве после 1973 года: <https://tjutchev.livejournal.com/4851.html>), но в промежутке между юбилеями реализовались новые возможности получить дополнительные характеристики в условиях применения методов, согласованных с новыми концепциями анализа художественных текстов.

Тютчев – поэт малой формы, и один из основных кодов поэзии Тютчева большинство исследователей связывает с двухчастной композиционной структурой стихотворного текста. В монографии А. Д. Григорьевой «Слово в поэзии Тютчева» содержатся ответы на вопросы о том, какими языковыми средствами поэт заполняет эту малую форму, как эти средства группируются в тексте, какие отношения устанавливаются с поэтической традицией. Гармоническую завершенность стихотворений Тютчева исследовательница связывает с особым подходом к лексическому и синтаксическому материалу, идущему «не столько от логики смыслового развития текста, сколько от логики развития его эмоционального образа, которому подчинен отбор всех смысловых единиц текста» [2, с. 247].

Поэтический код принципиально ориентирует на обогащение знака через вхождение в поле трансцендирования, в котором знак

приобретает свойства нового означающего. Трансцендентное мышление – это творческое, конструктивное мышление, и трансцендентальная установка сознания мотивирует отход от практического понимания мира и языка, позволяет использовать семиотический резерв объединения внешнего мира и глубоких чувственных переживаний. В поэзии Тютчева созданы образцы чувственного представления мысли, что не могло не оказать влияния на поэтов 20 века, в творчестве которых композиционная двусегментность получила соответствующее времени и новым научным парадигмам типологическое развитие [12].

Проблемы эволюции поэтической речи лингвисты связывают с особенностями художественных тропов. Так, метод описания функциональной нагрузки сравнения, примененный Е.А. Некрасовой к описанию идиостиля Тютчева, подтвердил важность образной устойчивости в организации художественного материала. Постоянство образных связей в наибольшей степени проявлено в соположении природных явлений и чувств. Так, сравнительный оборот с союзом *как бы* «объединяет общая тональность – передача неполноты, неокончателности утверждаемого сопоставления; автор приводит не эквивалент, а только аналог возникающего у него ощущения, которое не может быть полностью описано словами». Делается вывод: «Ощущение некатегоричности авторского восприятия было существенным для творческого почерка Тютчева» [7, с. 173]. Поддержку такого вывода исследовательница находит у литературоведа Е. А. Маймина: «Тютчевское «как бы» – это словесный знак глубокого значения. Это знак неоконченного, безусловного, недогматичного...» [5, с. 182]. Внимание привлекла авторская правка в стихотворении *Саше-Саше* – волшебную близость, *как благодать*, в последующих изданиях Тютчев заменил на *как бы благодать*:

*Вот арфа ее в обычайном углу,
Гвоздики и розы стоят у окна,
Полуденный луч задремал на полу:
Условное время! Но где же она?
О, кто мне поможет шалунью сыскать,
Где, где приютилась сальфида моя?
Волшебную близость, как бы благодать,
Разлитую в воздухе, чувствую я.*

Этот факт дает основание задуматься над неоправданной категоричностью мнения некоторых исследователей о том, что стихи Тютчева не были результатом труда, а просто выливались из-под его пера. Даже небольшое количество правок может свидетельствовать об эпистемологической значимости внесенного изменения.

В русский культурный код входит литературоцентричность как память о значимых для культуры текстах. Культурная память о тютчевском слове сохраняется и транслируется от века к веку, от поколения к поколению. Показательный пример – продленная во времени жизнь первых двух строчек стихотворения Тютчева «Нам не дано предугадать...»:

*Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется, –
И нам сочувствие дается,
Как нам дается благодать...*

В сборник материалов IV научно-практической конференции «Ф. И. Тютчев и тютчеведение в начале третьего тысячелетия» включены две статьи, посвященные анализу этого стихотворения. Обе статьи подтверждают значимость в жизни общества культурной памяти, которая приобщает «к некоему братству, установкам, запечатленным в словах» [1, с. 59].

Доктор филологических наук С. Я. Гехтляр обратил внимание на многослойность стихотворения и на то, что смысл его не столько в предугадывании (а это наиболее распространенная трактовка), сколько в ответственности за будущее, в ответственности, как пишет автор статьи, «перед Ним». Т. А. Полоскина, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Брянского государственного краеведческого музея, в статье «Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется...» (о цитировании Ф. И. Тютчева в литературе и других сферах культурной жизни) [10] привела множество примеров цитирования строк из стихотворения Тютчева в художественной литературе, в документальной прозе и журналистике, в научно-популярной литературе, в учебных материалах, в киноискусстве.

Богатство и презентативность представленного эмпирического материала может служить примером для филологов, склонным к не подтвержденному примерами теоретизированию.

Все исследователи обращают внимание на большое количество архаизмов в стихотворениях Тютчева. Время меняет отношение к этому пласту слов, наделяет их стилистической функцией высоты. Приведем две первые строчки стихотворения «Последняя любовь»: *О, как на склоне наших лет / Нежней мы любим и суеверней...* Герменевтический круг устанавливает логику процесса понимания: надо знать часть, чтобы понять целое, и надо знать целое, чтобы вычлнить часть. Слово *суеверней* нередко соотносится со значением, фиксируемым в современных толковых словарях: *мистический, таинственный, сверхъестественный*. Но в Словаре живого великорусского языка В. И. Даля, отразившего нормы XIX века, есть описание значения наречия *суе* (*всуе*), которое вошло в словообразовательную структуру слова *суеверный*: *напрасно, даром, тщетно, попусту, без пользы*. Именно этот блок способствует пониманию целого через понимание части. Такая работа с отдельным тютчевским словом позволяет особым образом отнестись к спорам о признаках и свойствах архаизмов у Тютчева.

Когнитивная парадигма способствовала переходу от описания лексико-семантической специфики языка стихотворений Тютчева к описанию системы концептов на междисциплинарной основе.

Концептология Тютчева включает слова-концепты *сон, небо, день, ночь, сад, бездна, тень, дым*. Концептуализируются тютчевские эмоции: *тоска, ужас, радость, страдание*, каждая из которых может получить проекцию на драматические сюжеты биографии Тютчева [6]. Концептуализация связана с дискурсом сознания в поэтическом мире Тютчева [11]. Концепты формируют тексты сознания, в которых всегда найдутся перифразы, метафоры, встретится книжно-славянская лексика (*благоволение, благовонье, благодарность, благодать, благодаянье, благосердие, благотворенье, благоухание*), сложные двойные прилагательные (*громокипящий, порфирородный, всеславянский*), проявятся структуры семантического параллелизма, закрепившие связь законов природы и человеческого бытия, («Поток сгустился и тускнеет...», «Тени сизые сместились...», «Ещё земли печальный вид...» и многие другие).

Проблема «Слова и смыслы» имеет вневременную актуальность. Эта проблема особым образом воплощается в опытах комплексного анализа одного стихотворения Тютчева. Показательна

дискуссия на семинаре «Сильные тексты», посвященному стихотворению Тютчева «Silentium!» (<https://gorky.media/context/molchat-kogo-tyutchev-prizyval-soblyudat-tishinu-v-stihotvorenii-silentium/>). Семинар назван по нормам публицистического кликбейта – броского, привлекающего внимание названия: «Молчать! Кого Тютчев призывал соблюдать тишину в стихотворении «Silentium!» с подзаголовком: «Почему нам всем нужно держать язык за зубами, скрываться и таить свои мечты и чувства». К слову, Л. Н. Толстой отметил стихотворение «Silentium!» буквой Г (глубина). В дискуссии приняли участие филологи, музыканты и «представители пытливого молодежи». Было обращено внимание на наличие восклицательного знака в названии стихотворения (в ряде научных публикаций этот знак отсутствует). Илья Винницкий в восклицательном знаке увидел поднятый перст, символизирующий добродетель молчания. Новый взгляд на соотношение молчания Жуковского (стихотворение «Невыразимое») и молчания Тютчева обозначил Андрей Немзер: Жуковский скорбит о невозможности сказать то, что он ощущает, у Тютчева молчание связано с решительным отторжением внешнего мира, всё значимое находится внутри. Была представлена попытка вывести стихотворение «Silentium!» из привычного генеалогического (архаичного, барочного или одического) контекста и поместить его в актуальный для времени и месте написания социальный контекст. Илья Винницкий назвал три контекста, значимых для реконструкции зарождения стихотворения: риторический, связанный с древнеримской литературой и ораторским искусством; католический, знакомый Тютчеву по службе в католической Баварии, и университетский, студенческий. В этом тройном измерении «мысль изреченная есть ложь» означает «мысль исполненная», погруженная в эмоции. Не случайно текст стихотворения имеет музыкальную историю в виде кантаты, бардовской песни и даже рэповского речитатива.

Новый инструментарий обеспечивает новые подходы к анализу поэтических текстов. Цифровые технологии способствуют развитию корпусных методов исследования поэтического языка. Корпуса – это большие и хорошо структурированные наборы текстов, обеспечивающие получение достоверной информации об употреблении слова. Поэзия Тютчева получила новый импульс описания в корпусных исследованиях Б. В. Орехова, кандидата

филологических наук, сотрудника Центра цифровых гуманитарных исследований Научно-исследовательского университета Высшей школы экономики. Кандидатская диссертация «Принципы организации мотивной структуры в лирике Ф. И. Тютчева», защищенная Ореховым в 2008 году под руководством П. Н. Толстогузова, одного из видных современных исследователей лирики Тютчева, стимулировала дальнейший интерес к творчеству великого поэта.

Приведем рассуждения Б. В. Орехова о корпусном анализе русского стиха. «В русской поэзии есть необычный автор, немного загадочный, хотя мы его проходим в школе, и он не сразу производит такое впечатление. Это Федор Иванович Тютчев. Если мы заглянем в специальную литературу, там будет написано, что Тютчев сначала писал стихи, подражая Державину, как и другие его современники или предшественники, а с какого-то момента начал писать непохожие на другие стихи, своим своеобразным стилем. Граница между подражательностью и своеобразием приходится на стихотворение «Проблеск», написанное в 1825 году. Благодаря поэтическому корпусу мы можем попробовать понять, а где в этом стихотворении кроется то самое своеобразие, где это зерно, может быть, в нем всё как у всех. И мы можем ограничить запрос тем же 1825 годом и представить себе, что корпус – это место, где хранится читательское восприятие современника Тютчева» (<https://postnauka.org/video/85900>).

Интертекстуальным взаимодействиям между различными авторами и текстами посвящена статья Б. В. Орехова «Проблеск» Ф. И. Тютчева в ретроспективе Корпуса [8]. В другой статье, оттолкнувшись от стихотворения Ф. И. Тютчева «Последний катаклизм», исследователь проследил, какая часть этого небольшого текста является формульной, а какие сочетания слов в контексте русской поэзии представляются оригинальными [9]. Такие аспекты описания крайне трудно обеспечить традиционными методами.

Перспективу тютчевоведения, по сути, определил Л. Н. Толстой, сказав однажды: «Без Тютчева жить нельзя». Нельзя жить без поэзии смыслов, нельзя жить без понимания роли слова в поэзии, нельзя жить без национального самосознания и осознания единства славянских народов. В стихотворении «Бессонница» Тютчев говорит о неотвратимости забвения:

*И наша жизнь стоит пред нами,
Как призрак на краю земли,
И с нашим веком и друзьями
Бледнеет в сумрачной дали;
И новое, младое племя
Меж тем на солнце расцвело,
А нас, друзья, и наше время
Давно забвеньем занесло!*

Как хорошо и как важно для культуры, что Тютчев в этом прогнозе ошибся.

Список использованной литературы:

1. Гехтляр, С. Я. «...Как наше слово отзовется...» (современность и всевременность в поэзии Ф. И. Тютчева / С. Я. Гехтляр // Ф. И. Тютчев и тютчеведение в начале третьего тысячелетия: материалы IV науч.-практ. конф. – Брянск, 2018. – С. 58–64.
2. Григорьева, А. Д. Слово в поэзии Тютчева / А. Д. Григорьева. – М. : Наука, 1980. – 247 с.
3. Зырянов, О. В. О задачах познания Тютчева / О. В. Зырянов // Известия Уральского государственного университета. – 2004. – № 33. – С. 129–140.
4. Изотов, В. Высоцкий и Тютчев: к сходству несходного / В. Изотов // В поисках Высоцкого. – Пятигорск – Новосибирск, 2017. – № 30. – С. 3–9.
5. Маймин, Е. А. Русская философская поэзия / Е. А. Маймин. – М. : Наука, 1976. – 94 с.
6. Нагибин, Ю. «О Господи, дай жгучего страдания...». Судьба Федора Тютчева / Ю. Нагибин // Литературная газета. – 1993. – № 42.
7. Некрасова, Е. А. Функциональная роль сравнений в стихотворных идиостилиях различных типов // М. А. Бакина, Е. А. Некрасова. Эволюция поэтической речи XIX–XX веков. Перифраза. Сравнение. – М. : Наука, 1986. – С. 81–190.
8. Орехов, Б. В. «Проблеск» Ф. И. Тютчева в ретроспективе Корпуса. Очерк корпусной поэтики // Корпусный анализ русского стиха: Сборник научных статей. – Вып. 2. – М. : Издательский центр «Азбуковник», 2014. – С. 304–318.
9. Орехов, Б. В. Еще раз об исследовательском потенциале поэтического корпуса: метр, лексика, формула // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. – 2015. – № 6. – С. 449–464.
10. Полоскина, Т. А. «Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется...» (о цитировании Ф. И. Тютчева в литературе и других сферах культурной жизни) // Ф.И. Тютчев и тютчеведение в начале третьего тысячелетия: материалы IV науч.-практ. конф. – Брянск, 2018. – С. 36–57.
11. Созина, Е. К. Дискурс сознания в поэтическом мире Тютчева // Эволюция форм художественного сознания в русской литературе (опыты феноменологического анализа). – Вып. 1. – Екатеринбург, 2001. – С. 54–148.
12. Синельникова, Л. Н. Стихотворный текст: междисциплинарная интерпретация: монография / Л. Н. Синельникова. – М. : ИНФРА-М, 2019. – 267 с.

Яхьяпур Марзие (M. Yahyapur), кандидат филологических наук, профессор Тегеранского университета (*Тегеран, Иран*) (*Tehran, Iran*); myahya@ut.ac.ir

ORCID: 0000-0001-8195-6909

Карими-Мотаххар Джанолах (Karimi-Motakhhar Janolah), кандидат филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы Тегеранского университета, председатель «Иранской Ассоциации русского языка и литературы» (*Тегеран, Иран*) (*Tehran, Iran*); jkarimi@ut.ac.ir

ORCID: 0000-0002-6072-5797

Токарев Григорий Валериевич (G. V. Tokarev), доктор филологических наук, профессор Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого (*г. Тула, Российская Федерация*) (*Tula, Russian Federation*); grig72@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2362-0902

ХАФЕЗ И ФЁДОР ТЮТЧЕВ

Аннотация. Статья посвящена проблеме трансфера культурного знания в поэтическом дискурсе. Среди русских поэтов Ф.Тютчев был поэтом-дипломатом, который, благодаря своему пребыванию в Германии, смог познакомиться с персидской поэзией и «Диваном Гафизом» (Хафезом) через Гейне, Шеллинга и Гёте. Это знакомство побудило его написать незабываемые и замечательные стихи, такие как «Запад, Норд и Юг в крушенье», «Олегов шит». Идейное содержание этих философских стихов отражает влияние поэтов Ирана, от них веет «миртом и лавром».

Ключевые слова: Хафез, Фёдор Тютчев, дипломат, Иран, персидская поэзия.

HAFEZ AND FYODOR TYUTCHEV

Annotation. The article is devoted to the problem of cultural knowledge transfer in poetic discourse. Among Russian poets, F. Tyutchev was a poet-diplomat who, thanks to his stay in Germany, was able to get acquainted with Persian poetry and The Divan of Hafez through Heine, Shelling and Goethe. This acquaintance prompted him to write unforgettable and wonderful poems, such as

«The West, the North and the South in the wreck», «Oleg Shit». The ideological content of these philosophical verses reflects the influence of the poets of Iran, and they smell of «myrtle and laurel».

Keywords: Hafez, F. Tyutchev, diplomat, Iran, Persian poetry

*Близ вас поют певцы Ирана,
Гафиз и Сади – соловьи.
(А. А. Дельви́г; Начало 1827)*

Дипломаты могут сыграть эффективную роль в установлении, расширении и укреплении культурных и литературных связей между нациями. Они генерируют знания о новой культуре, в которую они оказываются включёнными. В этом случае дипломат становится своего рода мостом между другими культурами. Как это происходит?

Одним из таких трансляторов культуры был Фёдор Тютчев (1873–1803) – лирик, поэт, мыслитель, философ, дипломат, автор политических и общественных произведений, главный советник и член Российской академии наук. Хотя он и не был в Иране в качестве дипломата, его пребывание в Германии, стране Гейне, Шеллинга и Гёте, подвигло его к знакомству с иранской культурой, в частности с стихами Хафеза Ширази.

Осенью 1819 года Тютчев поступил на литературный факультет Московского университета. По окончании университета в 1821 г. он уехал в Петербург, где получил должность высокопоставленного русского дипломата. В июле 1822 года Тютчев был отправлен в Мюнхен и пробыл там двадцать два года.

Тютчев переводил произведения Гейне и Шиллера и других европейских поэтов, и эта работа помогла ему найти свое место в литературе и создать неповторимый и особенный стиль в поэзии. Выдающимся событием в литературной судьбе поэта считается публикация его сборника стихов, состоявшего из 24 стихотворений, в пушкинском журнале «Современник» под названием «Стихи, присланные из Германии» (1836).

Пейзажная живопись – одна из ярких черт тютчевской лирики, в которых есть подтекст. Вечны темы его лирики: смысл человеческого бытия, любовь к жизни, к природе. «Преобладание пейзажей – одна из примет его лирики. При этом изображение природы и

мысль о природе соединены у Тютчева воедино: его пейзажи получают символический философский смысл, а мысль обретает выразительность. Природа у Тютчева изменчива, динамична. Она не знает покоя, все в борьбе противоборствующих сил, она многолика, насыщена звуками, красками, запахами. Природа в стихах Тютчева очеловечена, одухотворена» [Быкова, 1995; с. 505–506]. Это не простое отображение, а мироощущение и миропонимание. «Одной из центральных тем в лирике Тютчева была тема любви. Любовь для него «и блаженство», «и безнадежность», напряженное, трагическое чувство, несущее человеку страдание и счастье» [Там же, с. 506].

Тютчев более двадцати лет жил в Европе в таких городах, как Мюнхен (Германия) и Турин (Италия), и за границей знакомился с историей и литературой Востока, в том числе Ирана. Когда он находился в Германии в качестве дипломата, он познакомился с известными поэтами и философами, такими как Гейне (немецкий поэт и критик; 1797–1856), Шеллинг (немецкий философ; 1775–1854) и Гёте (немецкий поэт, философ и мыслитель, 1749–1832 гг.), что побудило его познакомиться с Востоком под влиянием немецких мыслителей и написать стихи о поэтах и восточно-иранской культуре.

В его стихах звучит тема Востока, ирано-исламской культуры. Например, в поэме «Олегов щит» (1829), в которой говорится об имени Бога мусульман, Аллахе, о Пророке Ислама и Божьей помощи ему в пустыне, используются слова, распространенные в исламской культуре, такие как арабское слово Аллах, Великий Бог, Пророк Магомет. Он использовал слово Аллах вместо Бог, а также «Великий Бог!», которое является одним из титулов Бога у мусульман.

Олегов щит

1

*«Аллах! Пролей на нас твой свет!
Краса и сила правоверных!
Гроза гяуров лицемерных!
Пророк твой – Магомет!..»*

2

*«О наша крепость и оплот!
Великий Бог! веди нас ныне,
Как некогда ты вёл в пустыне
Свой избранный народ!..»*

—
*Глухая полночь! Всё молчит!
Вдруг... из-за туч луна блеснула –
И над воротами Стамбула
Олегов озарила щит.*

(1829, начало 1850-х годов)

[Тютчев, 1987; с. 79–80]

Дмитриев пишет, что Тютчев «вобрал в себя все лучшее» из поэзии Ирана: «по мнению некоторых филологов, выстраданный им жанр небольших философских стихотворений, в которых как будто сжимается до «краткого фрагмента» целая ода, вобрал в себя все лучшее, что завещали Саади, Гафиз или Хайям» [Дмитриев, 2014; с. 391].

Иран – страна поэзии, для русских поэтов – земля Саади и Хафеза, розы и соловья, мирта и лавра, шафрана и персидского ковра.

В 1851 году Тютчев написал поэму «Ты знаешь край, где мирт и лавр растёт» по мотивам стихотворения Гёте, описывая старый очаровательный Иран. Это стихотворение тоже является обработкой стихотворения Гёте, которую В. Жуковский и М. Михайлов перевели на русский язык [цит. по книге: Яхьяпур, Карими-Мотаххар, 2022; с. 119].

*Ты знаешь край, где мирт и лавр растёт
Глубок и чист лазурный неба свод,
Цветёт лимон и апельсин золотой
Как жар горит под зеленью густой?..
Ты был ли там? Туда, туда с тобой
Хотела б я укрыться, милый мой. ...*

[Тютчев, 1987; с. 180]

Тютчев в конце двадцатых годов, как и многие русские поэты, был очарован «Западно-восточным диваном» Гёте, описавшим в своих стихах историю и культуру Древнего Ирана. Русский поэт сочинил стихотворение «Запад, Норд и Юг в крушенье» (из Гётева «Западно-восточного дивана») в своем собственном стиле о «восточном настроении», которое является судьбой истинных стихов и песен Хафеза.

Подобно Гёте, в первой строфе стихотворения «Запад, Норд и Юг в крушенье» Тютчев советует своим слушателям искать убежища

на Востоке, чтобы возродить свою жизнь, поскольку Запад, Север и Юг – все «в разрушенье» и «в крушенье»:

*Запад, Норд и Юг в крушенье,
Троны, царства в разрушенье,
На Восток укройся дальний,
Воздух пить патриархальный!..
В играх, песнях, тированье
Обнови существованье!..*

Вторая и третья строфы относятся к самому поэту, и ему хочется быть среди людей, которые прямо и непосредственно слышат голос Божий и не нуждаются в толковании слов Божиих и имеют прямое понимание Его. Третья строфа является продолжением второй. Русский поэт говорит об особенностях восточного поколения. Люди, уважающие традиции своих предков и не принимающие чужие традиции:

*Там проникну, в сокровенных,
До истоков потаенных
Первородных поколений,
Гласу Божских велений
Непосредственно внимавших
И ума не надрывавших!..*

В четвертой строфе герой произведения находится на Востоке и рассказывает о событиях в пути. Его сопровождает караван, который торгует парфюмерией и путешествует по разным местам:

*То у настырей под куцей,
То в оазиси цветущей
С караваном отдохну я,
Ароматами торгуя:
Из пустыни в поселенья
Ислежу все направленья.*

В пятой строфе он говорит, что стихи Хафеза радостны, и вожатый каравана призывает/ поощряет верблюдов продолжить путешествие, читая их. Вожатый каравана пробуждает звезды, читая их:

*Песни Гафица святыя
Усладят стези крутые:
Их Вожатый голосистый,
Распевая в тверди чистой,
В позднем небе звёзды будит
И шаги верблюдов нудит.*

*То упыюся в банях ленью,
Верен Гафица ученью:
Дева-друг фату бросает,
Амвру с кудрей отрясает, –
И поэта сладкопевность
В девах райских будит ревность!..*

В седьмой строфе он также рассказывает о влиянии стихов на девушку, которая была в восторге от стихов Хафеза, сняла с лица пелену и затанцевала, чем возбудила ревность небесных гурий. В последней строфе он также говорит: не думайте, что это гордость или заблуждение поэта (Хафеза). Далее, произнося слово «знайте», он подчеркивает, что слова поэта (Хафеза) подобны сотам меда/пчелиным сотам. Эти слова стучатся в небесную дверь и просят Бога даровать бессмертие поэту:

*И сие высокомерье
Не вменяйте в суеверье;
Знайте: все слова Поэта
Лёгким роем, жадным света,
У дверей стучатся Рая,
Дар бессмертья вымоляя!*

(Между 1827 и 1830)

Идейное содержание поэмы Тютчева те же, что и у немецкого поэта Гете, но русский поэт перевел поэму Гёте на русский язык с изменениями. [Яхьяпур, Карими-Мотаххар, 2022; с. 269–270].

Таким образом, пребывание великого русского поэта и дипломата Тютчева в Германии познакомило его с мировой культурой, в том числе с иранской и персидской поэзией, и он смог оставить нам

ценные стихи о Диване Хафеза, подобные Гёте. Для русского поэта «Песни Гафица святы». Стихи, которые написал Тютчев, имеют восточно-философский смысл.

Список использованной литературы:

1. Быкова, Н. Г. Литература / Н. Г. Быкова // Справочник школьника. – Москва : «СЛОВО», 1995. – 576 с.
2. Дмитриев, С. Н. Персидские напевы. От Грибоедова и Пушкина до Есенина и XXI века / С. Н. Дмитриев. – Москва : «Вече», 2014.
3. Тютчев, Ф. И. Полное собрание стихотворений / Сост., подгот. текста и примеч. А. А. Николаева. – Л. : Сов. писатель, 1987. – 448 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : URL: <https://ruthenia.ru/tiutcheviana/stihi/biblpoet.html>
4. Яхьяпур, М., Карими-Мотаххар Дж. Хафиз и русские поэты. – Тегеран : «Тегеранский университет», 2-е. – 2022. – 320 с. (двуязычная книга – на рус. и перс. языках).

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	3
------------------	---

РАЗДЕЛ 1. Ф. И. ТЮТЧЕВ – ПОЭТ, ДИПЛОМАТ, «ЖИВОЙ ОТПЕЧАТОК РУССКОГО УМА, РУССКОЙ ДУШИ»

1.1. Андреев А. Н. «Русская звезда», или коды русской цивилизации в поэзии Ф. И. Тютчева (г. Москва, Российская Федерация).....	6
1.2. Асташова Н. А. Аксиологический потенциал наследия Ф. И. Тютчева как ориентир нравственного воспитания будущего учителя (г. Брянск, Российская Федерация).....	19
1.3. Жигалова С. В. Польские мотивы в поэзии Ф. И. Тютчева и переводах его стихов на польский язык (Варшава, Польша).....	33
1.4. Койнова-Цёльнер Ю. В. Полифония Ф. И. Тютчева (Дрезден, Германия)	42
1.5. Левчук З. С., Созинова И.В. «Русская душа» как проекция духовности народа (на примере творчества Ф. И. Тютчева) (г. Брест, Республика Беларусь, г. Жабинка, Республика Беларусь)	52

РАЗДЕЛ 2. СЛУЖЕБНАЯ И ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Ф. И. ТЮТЧЕВА

2.1. Беженару Л. Е. Тютчево-прилепские нарративы осмысления России (г. Яссы, Румыния)	62
2.2. Жигалова В. В. Пророческие предсказания дипломата и мыслителя Ф. И. Тютчева (г. Москва, Российская Федерация).....	73
2.3. Наумчик В. Н. Федор Иванович Тютчев и геополитические реалии России (г. Минск, Республика Беларусь)	88
2.4. Свирид А. Н. Ф. И.Тютчев как открыватель политики «двойных стандартов» в западноевропейском обществе (г. Брест, Республика Беларусь)	94

РАЗДЕЛ 3. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТВОРЧЕСТВА Ф. И. ТЮТЧЕВА В «МАЛОМ» И «БОЛЬШОМ ВРЕМЕНИ»

3.1. Гарипова Г. Т. Художественная «тайна пророчества» Ф. Тютчева (г. Москва, Российская Федерация)	99
3.2. Жигалова М. П. Тютчевское восприятие жизни в стихотворениях «Silentium», «Нам не дано предугадать...», «Славянам» (г. Брест, Республика Беларусь).....	110

3.3. Королёва В. В., Попова А. С. Эволюция мифоконцепта «Восток» в поэзии Ф. И. Тютчева (<i>г. Владимир, Российская Федерация</i>)	124
3.4. Юхнова И. С. Тютчев в интерпретации Ю. М. Нагибина (рассказ «Сон о Тютчеве») (<i>г. Нижний Новгород, Российская Федерация</i>)	133

РАЗДЕЛ 4. ПЛЕНИТЕЛЬНАЯ РУССКАЯ ПРИРОДА В ТВОРЧЕСТВЕ ПОЭТА

4.1. Ковынева И. А., Веревкина Ю. В. Поэтизация природы в творчестве Ф. И. Тютчева (<i>г. Курск, Российская Федерация</i>)	142
4.2. Левонюк А. Е. Отражение философии жизни в афористическом творчестве Ф. И. Тютчева (<i>г. Брест, Республика Беларусь</i>)	148
4.3. Маслова В. А. Природа с нами говорит языком Ф. И. Тютчева (<i>г. Витебск, Республика Беларусь</i>)	159
4.4. Рачевский С. Г. Цютчаўскае «прырода – не злепак, Не бяздушны лік...» у паэзіі Максіма Багдановіча (<i>г. Брест, Республика Беларусь</i>).....	168
4.5. Чагайда Ю. Н. Художественное своеобразие пейзажной лирики Ф. И. Тютчева (<i>г. Брест, Республика Беларусь</i>).....	180

РАЗДЕЛ 5. ПРАКТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ В ТВОРЧЕСТВЕ Ф. И. ТЮТЧЕВА

5.1. Борсук Н. М. Творчасць Фёдара Цютчава ва ўзнаўленні па-беларуску Міколам Гілем (<i>г. Брэст, Рэспубліка Беларусь</i>).....	186
5.2. Габдулхаков В. Ф. Структурные особенности эпистолярной прозы Ф. И. Тютчева (<i>г. Казань, Российская Федерация</i>)	195
5.3. Данич О. В. Поэтические тексты как материал для формирования лингвокультурной грамотности младших школьников (на примере поэзии Ф. И. Тютчева) (<i>г. Витебск, Республика Беларусь</i>) ...	203
5.4. Косых Е. А. Инскрипт в речевой деятельности Ф. И. Тютчева (<i>г. Барнаул, Российская Федерация</i>)	212
5.5. Матусевич Е. Н. Ф. Тютчев в белорусской культуре (<i>г. Мозырь, Республика Беларусь</i>)	223
5.6. Морозикова И. В. Личность и творчество Ф. И. Тютчева глазами студентов вуза (психологический анализ) (<i>Смоленск, Российская Федерация</i>)	232
5.7 Сичинава Н. Г. Проблемы и особенности перевода лирики Ф. И. Тютчева на грузинский язык (<i>г. Кутаиси, Грузия</i>)	239

5.8. Юдкин-Рипун И. Н. Проблема активности субъекта в контексте смысловой поляризации деталей в лирике Ф. И. Тютчева (г. Киев, Украина)	245
---	-----

РАЗДЕЛ 6. ПРОБЛЕМЫ ОСМЫСЛЕНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА Ф. И. ТЮТЧЕВА В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ШКОЛ И ВУЗОВ ЗАПАДНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

6.1. Бузина С. В. Опыт преподавания творчества Ф. И. Тютчева в высшей духовной школе (г. Владимир, Российская Федерация)	257
6.2. Захарчук А. М. Специфические методы формирования профессиональной культуры будущего педагога-музыканта в образовательном процессе колледжа (на примере поэзии Ф. И. Тютчева в музыке) (г. Брест, Республика Беларусь)	264
6.3. Корнейчик Л. В. Поэт гармонии и красоты: изучение творчества Ф. И. Тютчева с использованием современных образовательных технологий (на примере УО «Жировичский государственный аграрно-технический колледж») (г. Слоним, Республика Беларусь)	274
6.4. Маранцман Е. К. Изучение творчества Ф. И. Тютчева в российской школе как путь к пониманию национального культурного кода (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)	282
6.5. Притомская А. Р. Основные направления в изучении творчества Ф. И. Тютчева в современной российской школе (г. Владимир, Российская Федерация)	288
6.6. Статкевич Е. В. Литература как средство формирования эстетических ценностей старшеклассников (на примере творчества Ф. И. Тютчева) (г. Пинск, Республика Беларусь)	295

РАЗДЕЛ 7. ТВОРЧЕСТВО Ф. И. ТЮТЧЕВА И ВСЕМИРНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС: ВЗАИМОСВЯЗИ И КОНТАКТЫ

7.1. Демидович Т. А. Влияние натурфилософии Ф. Шеллинга на творчество Ф. И. Тютчева и ее дальнейшее развитие во всемирном литературном процессе: восприятие сквозь призму современности (на примере поэзии З. Дудюк) (г. Брест, Беларусь)	305
7.2. Лиюкумович Т. Б. Под благотворным пушкинским напутствием (г. Чикаго, США)	317
7.3. Мартыанова С. А. Ф. И. Тютчев в литературном наследии С. И. Фуделя (г. Владимир, Российская Федерация)	324

7.4. Мельникова З. П. Цютчаўскія матывы ў беларускай паэзіі пачатку ХХ стагоддзя (<i>г. Брест, Рэспубліка Беларусь</i>)	331
7.5. Рачевский С. Г., Годуйко Л. А. Диалог филологов: Ф. Тютчев и М. Богданович – поэты «космической мысли» (<i>Брест, Рэспубліка Беларусь</i>)	342
7.6. Синельникова Л. Н. Исследовательское поле поэзии Тютчева: от базовых принципов к новым ракурсам рассмотрения (<i>г. Луганск, Российская Федерация</i>)	357
7.7. Яхьяпур Марзие, Карими-Мотаххар Джанолах, Токарев Г. В. Хафез и Фёдор Тютчев (<i>Тегеран, Иран</i>)	367

Научное издание

**ЭТНОСЫ И СУДЬБЫ В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ
Ф. И. ТЮТЧЕВА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
(К 220-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)**

Коллективная монография

Редактор	<i>М.П. Жигалова</i>
Компьютерная верстка	<i>Л.А. Терехова</i>
Корректор	<i>М.П. Жигалова</i>

Печать с готового оригинал-макета.

Подписано в печать 31.10.2023.

Формат 60×84 ¹/₁₆. Бумага офсетная.

Ризография. Усл. печ. л. 21,85. Уч.-изд. л. 20,53.

Тираж 50. Заказ 6319.

Издатель и полиграфическое исполнение:
частное производственно-торговое унитарное предприятие
«Издательство Альтернатива».

Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/193 от 19.02.2014, № 2/47 от 20.02.2014.

Пр. Машерова, 75/1, к. 312, 224013, Брест.